

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ**

№ 3 / 2025

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

**HISTORICAL
FORMAT**

№ 3 / 2025

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, проф. (Россия)

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)

Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov

Editor-in-Chief

Maksim Zhikh

Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin

Managing Editor

Irina Lobacheva

Editor-Translator

PhD in History, Professor German Artamonov (Russia)

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)

Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)

PhD in History Lidia Groth (Sweden)

Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: mail@histformat.com

Website: <http://histformat.com/>

© Historical Format, 2025-2026

ISSN 2411-9415

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2025:

Анзимиров Лев Владиславович (независимый исследователь)

Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)

Грот Лидия Павловна (кандидат исторических наук)

Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)

Ковпак Алиса Игоревна (кандидат психологических наук)

Кондорский Борис Михайлович (независимый исследователь)

Матвейчев Олег Анатольевич (кандидат философских наук)

Пауль Андрей (независимый исследователь)

Таймасова Людмила Юлиановна (независимый исследователь)

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Вассина Игоря Борисовича

Гагина Игоря Анатольевича

Голубева Александра Николаевича

Зуба Сергея Алексеевича

Лебедеву Маргариту Валерьевну

Лосева Сергея Петровича

Макарова Дмитрия Владимировича

Мовилова Дмитрия Вячеславовича

Назина Сергея Владимировича

Попова Олега Юрьевича

Смирнова Владимира Александровича

Суржика Дмитрия Викторовича

Шиловского Максима Александровича

Шохина Александра Вячеславовича

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

<u>ЖУРНАЛ НУЖДАЕТСЯ В ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКЕ</u> OUR JOURNAL NEEDS IN YOUR SUPPORT	10
В.И. Меркулов, И.Л. Рожанский <u>РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА Е.Б. ПРОХОРЧУКА НА КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕНЕТИКА 2025»</u> Vsevolod Merkulov, Igor Rozhanskii RESPONSE TO E.B. PROKHORCHUK'S REPORT AT THE «GENETICS 2025» CONFERENCE	12
В.И. Кулаков <u>ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКАНДИНАВСКИХ ФИБУЛ ПРУССКОГО МОГИЛЬНИКА НОВИНКА</u> Vladimir Kulakov ORIGIN OF THE SCANDINAVIAN FIBULAE OF THE PRUSSIAN BURIAL NEUENDORF / NOWINKA	19
С.В. Назин <u>ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ «АНТЫ» И САМОНАЗВАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ</u> Sergey Nazin ORIGIN OF THE NAME <i>ANTES</i> AND THE SELF-NOMINATION OF THE IMENKOVSKY ARCHAEOLOGICAL CULTURE'S PEOPLE	24
И.А. Гагин <u>РОЛЬ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ</u> Igor Gagin THE ROLE OF MARRIAGE ALLIANCE IN THE DIPLOMATIC PRACTICE OF ANCIENT RUS'.	31
П.И. Гайденко <u>О МЕСТЕ КНЯЗЯ В ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI-XIII ВВ.</u> Pavel Gaidenko ON THE PLACE OF THE PRINCE IN THE CHURCH HIERARCHY OF ANCIENT RUS' IN THE 11th-13th CENTURIES.	36
С.В. Томсинский <u>ЛЕНИНГРАДСКИЙ НЕОНОРМАНИЗМ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ. С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ. НОРМАНИЗМ БЕЗ НОРМАНИЗМА?</u> Sergey Tomsinsky LENINGRAD NEO-NORMANISM. PART TWO. WITH A FAIR WIND: NORMANISM WITHOUT NORMANISM?	45
Д.С. Логинов <u>ВНЕАУЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА)</u> Dmitry Loginov THE NON-SCIENTIFIC COMPONENT IN HISTORICAL DISCUSSIONS (ON THE EXAMPLE OF THE VARANGIAN QUESTION)	97
Н.Ю. Алексеев <u>ЭКСПАНСИОННАЯ «САМООБОРОНА» – ДЕЙСТВИЯ «ОМАКАЙТСЕ» НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ</u> Nikita Alekseev EXPANSIONIST «SELF GUARD» - OPERATIONS BY THE OMAKAITSE IN THE NORTHERN PART OF THE PSKOV REGION.	110

Б.М. Кондорский
РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ КИТАЯ

Boris Kondorsky
REVOLUTIONS IN CHINESE HISTORY120

С.Н. Азбелев
ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Б.А. РЫБАКОВА

Sergey Azbelev
THE EPIC HERITAGE OF KIEVAN RUS' IN THE WORKS OF ACADEMICIAN B.A. RYBAKOV135

М.И. Жих
ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

Maksim Zhikh
ETHICAL ISSUES IN THE STUDY OF ANCIENT RUSSIAN HISTORY140

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL156

Журнал нуждается в Вашей поддержке

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ

международный научный журнал
основан в 2015 году

*4 номера в год
около 40 статей
более 40 авторов*

2022
№ 1 2 3 4

Международный научный журнал «Исторический формат» успешно состоялся и ныне вступает в десятый год своей жизни. Как и планировалось, ежегодно выходят 4 выпуска, которые можно свободно скачать на официальном сайте <http://histformat.com/> в формате pdf. Редакция получила немало позитивных отзывов, среди которых были и такие: «Ваш журнал – это глоток свежего воздуха», «Исторический формат – начало новой русской исторической мысли...», «гениальный проект»... Это означает, что работа редакции не была напрасной.

Мы – независимые историки, кандидаты и доктора наук, которые решили выпускать и развивать новый международный научный журнал «Исторический формат», посвященный истории славян, Руси, России, соседних стран и народов, изучению исторических источников, археологии, ДНК-генеалогии.

Наш проект – принципиально некоммерческий! Как для авторов (вопреки распространенной практике взимать плату за публикации в научном журнале, особенно, индексируемом), так и для читателей. Редакция «Исторического формата» категорически против этого. Поэтому журнал будет совершенно бесплатным для читателей и для авторов. Свободно скачивайте, читайте и используйте в научной работе.

«Исторический формат» – первый в России независимый научный журнал, который выходит в формате Open Science. Это свободная трибуна для ученых, которые рассказывают о результатах своих исторических исследований. Это некоммерческий проект, идея которого состоит в том, чтобы стать всенародным научным журналом. Зачем это нужно? Чтобы люди гордились своей историей, знали и понимали её, получая информацию напрямую от профессиональных историков.

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил и успешно ведёт масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и

фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси.

С.Н. Азбелев аргументированно обосновал точное место Куликовской битвы, будучи одновременно историком и филологом он плодотворно изучал исторические основы русского героического эпоса. Некоторые статьи С.Н. Азбелева опубликованы на сайте Переформат.ру <http://pereformat.ru/azbelev/>

Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» издаётся одна из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя. Вы можете поддержать это важное для российской науки предприятие.

Почему так важна ваша поддержка? Журнал «Исторический формат» существует без финансирования со стороны государства и научно-образовательных структур. Это совместный проект известных ученых, которые опираются только на общественную поддержку, на поддержку людей, которые равнодушны к истории. Журнал является электронным периодическим изданием, выпускается ежеквартально, рецензируется, индексируется в базе РИНЦ и является принципиально бесплатным для всех читателей и авторов.

На что требуются средства? На подготовку и выпуск номеров «Исторического формата» за 2026 год, редактуру и корректуру, оформление статей в соответствии с требованиями РИНЦ, верстку и прочие технические нюансы. Без финансирования немного отстаём, не можем запустить те материалы, что уже написаны и ждут своего читателя.

Вы можете принять непосредственное участие в выпуске «Исторического формата». Если вам интересен наш журнал, нравится наша позиция и для вас необременительно поддержать работу редакции, войти в число попечителей журнала, то это станет хорошим подспорьем.

Спасибо вам за то, что читаете «Исторический формат» и поддерживаете его!

ЧТОБЫ ПОДДЕРЖАТЬ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА,

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ:

<https://planeta.ru/campaigns/242835>

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА Е.Б. ПРОХОРЧУКА НА КОНФЕРЕНЦИИ «ГЕНЕТИКА 2025»

В.И. Меркулов¹, И.Л. Рожанский²

¹Академия ДНК-генеалогии (Москва, Россия)

e-mail: info@dna-academy.ru

Scopus Author ID: 55848349600

ResearcherID: E-5671-2014

<http://orcid.org/0000-0003-0555-0813>

SPIN-код: 1519-7585

²Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)

e-mail: info@dna-academy.ru

Scopus Author ID: 6602811767

Researcher ID: M-8875-2018

<http://orcid.org/0000-0002-7571-7626>

SPIN-код: 9823-3659

АННОТАЦИЯ

Авторы рассматривают предварительные результаты полногеномного секвенирования древнерусских образцов, представленные в докладе Е.Б. Прохорчука на конференции «Генетика 2025» в Москве. В частности, анализируются генетические связи между представителями династии Рюриковичей, происхождение предполагаемой княгини Марии Шварновны, высказываются критические замечания, касающиеся правильной идентификации останков и особенностей применения метода IBD. Предлагаются возможные варианты отнесения образцов древней ДНК в соответствии с экспериментальными данными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: палеогенетика, древняя ДНК, IBD, Рюриковичи, Мария Шварновна.

RESPONSE TO E.B. PROKHORCHUK'S REPORT AT THE «GENETICS 2025» CONFERENCE

Vsevolod Merkulov¹, Igor Rozhanskii²

¹The Academy of DNA Genealogy (Moscow, Russia)

e-mail: info@dna-academy.ru

²Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan)

e-mail: info@dna-academy.ru

ABSTRACT

The authors consider the preliminary results of whole-genome sequencing of ancient Russian samples, presented in the report by E.B. Prokhorchuk at the conference «Genetics 2025» in Moscow. Genetic connections between members of the Rurikid dynasty and the origin of the supposed princess Maria Shvarnovna are analyzed. Critical comments are made regarding the correct identification of remains and the peculiarities of the application of the IBD method. Possible options for attribution ancient DNA samples in accordance with experimental data are proposed.

KEYWORDS: paleogenetics, ancient DNA, IBD, Rurikids, Maria Shvarnovna.

5-7 ноября 2025 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция «Генетика 2025». На пленарном заседании был представлен доклад Е.Б. Прохорчука «Рюриковичи: палеогенетическая реконструкция генома Марии Всеволожи (Марии Шварновны), жены Всеволода Большое Гнездо»¹.

В докладе были анонсированы результаты полногеномного секвенирования предполагаемых останков

княгини Марии Шварновны (образец MV)² и новгородского князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого (образец VYa), а также предпринята попытка

- По всей видимости, имеется в виду повторный анализ на новом качественном уровне останков женщины № 1 из захоронений Княгинина монастыря во Владимире. Однако гаплогруппа митохондриальной ДНК образца MV в докладе Е.Б. Прохорчука не называлась, что позволило бы снять возможные сомнения. Также не сообщалось, анализировались ли повторно останки женщины № 2 и девочки № 3, митохондриальная ДНК которой имеет ту же последовательность, что и у женщины № 1. Подробнее см.: Боруцкая и др. 2019: 181-215.

¹ Видеозапись доступна по ссылке: <https://facecast.net/w/izit54> (Дата обращения - 12.12.2025).

- Бэлла Ростиславич- Владимир Ярославич: 9 степень родства (sum80, max20)
- Бэлла Ростиславич- Дмитрий Александрович: 15 степень родства (sum107, max42)
- Дмитрий Александрович- Владимир Ярославич: 7 степень родства (sum340, max57)
- Мария Шварновна- Дмитрий Александрович: 3 степень родства (sum945, max70)

Рис. 1. Общие сегменты образцов со слайда к докладу Е.Б. Прохорчука

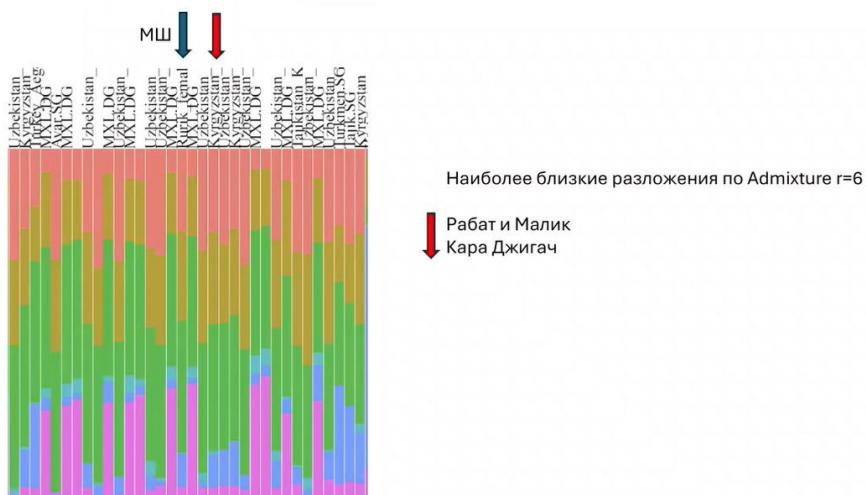

Рис. 2. Предковские компоненты для образца «Марии Шварновны» со слайда к докладу Е.Б. Прохорчука

сопоставить их с полученными ранее результатами ДНК-анализа предполагаемых останков князя Дмитрия Александровича, сына Александра Невского (образец DA). Это вызывает большой интерес в связи с предыдущими публикациями (Прохорчук и др. 2023: 50-65; Меркулов 2024: 14-20; 2025: 110-128; Рожанский 2018: 10-24; 2023: 10-18; 2025: 19-20).

Основной задачей исследования, со слов Е.Б. Прохорчука, было уточнение этнического происхождения Марии Шварновны, которой приписывают чешское или аланское (осетинское) происхождение. Помимо этого, ставилась задача проследить генетическую связь между образцами MV, DA и VYa с учётом генома представителя черниговской линии династии Рюриковичей – Белы Ростиславича, с образцом которого работали венгерские палеогенетики (Hajdu 2026).

Для решения основной задачи («насколько силён вклад аланских или осетинских корней») использовался метод главных компонент (PCA, Principal Component Analysis), который на сегодняшний день является одним из основных в инструментарии популяционных генети-

ков. Это метод уменьшения размерности данных, в которых выделяются наиболее значимые направления вариации. При этом PCA отражает не реальное родство, а обобщённое генетическое сходство, «похожести» в общем контексте человеческой популяции.

Сравнительный анализ с современными геномами показал, что образец MV оказался «между современными турками и таджиками». Е.Б. Прохорчук проиллюстрировал это PCA-графиком в презентации к докладу.

Наиболее близкими предковыми популяциями («практически идентичными», как сказано в докладе, по Admixture $r=6$) оказались образцы из центральноазиатских памятников Рабат-и Малик (Узбекистан) и Кара-Джыгач (Кыргызстан). Е.Б. Прохорчук объяснил это тем, что «Мария Шварновна может моделироваться с древними аварами (NB! – прим.)», причём «аланы сами по себе не могли моделировать геном Марии Шварновны». Не вполне понятно, как это соотносится с последующим выводом докладчика о том, что «аланская гипотеза [происхождения Марии Шварновны – прим.] безусловно доминирует», однако, указание на выявлен-

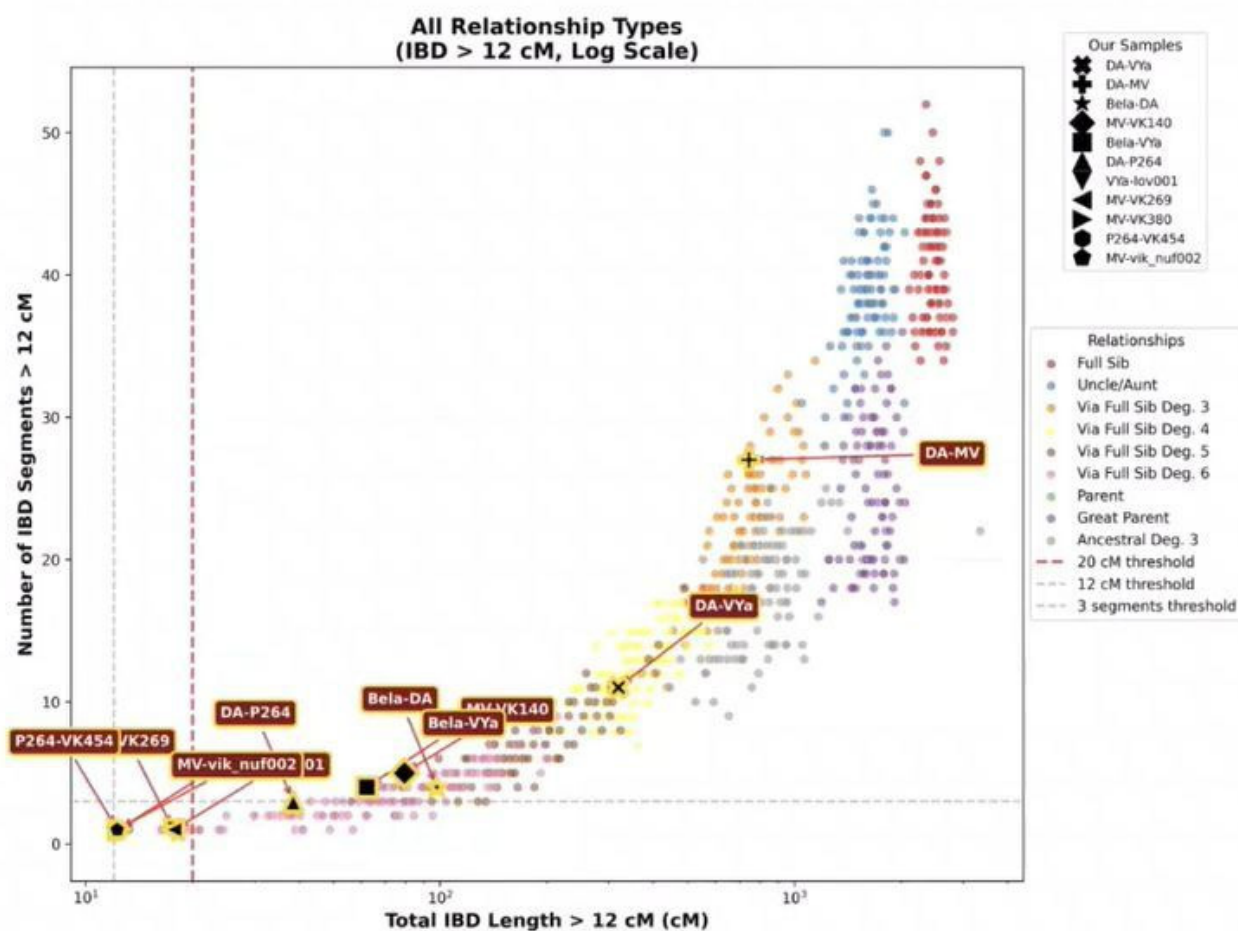

Рис. 3. Соотношение IBD-сегментов образцов со слайда к докладу Е.Б. Прохорчука

ный степной компонент в геноме MV представляется незаинтересным.

Рабат-и Малик располагался на центральноазиатском участке Великого шёлкового пути и был резиденцией тюркской династии Караханидов, которые имели карлукское или уйгурское происхождение. Его важное значение для караванной торговли не было утрачено даже после монгольского завоевания.

Могильник Кара-Джыгач – средневековое христианское (несторианское) кладбище в пригороде Бишкека, которое раскопали ещё в конце XIX в. Археологи насчитали более 3000 надгробий на сирийском и чагатайском языках, с именами, датами и нередко причинами смерти. Надгробия датируются временем с 1248 по 1343 гг. Для ДНК-анализа были взяты образцы из могил позднего периода, в которых были похоронены умершие от чумы. Три из четырёх образцов по PCA оказались в плотном кластере с современными таджиками и в близком соседстве с частью туркмен, узбеков и ногайцев. Были определены гаплогруппы митохондриальной ДНК B4c1a2, HV2a2 и T1a1b1 (Spyrou et al. 2022).

Для определения генетической связи между рассматриваемыми образцами использовался разработанный совсем недавно метод расчёта степени родства по длинным сегментам в ископаемой ДНК. Этот метод, известный по аббревиатуре IBD (Identity By Descent – идентичность по происхождению), основан на фун-

даментальном понятии генетики – рекомбинации хромосомных наборов отца и матери при оплодотворении яйцеклетки. Хромосомы родителей из половых клеток входят в двойной хромосомный набор ребёнка не в неизменном виде, а обмениваются друг с другом сегментами, давая уникальный, присущий только ребёнку набор.

По законам комбинаторики, при таком обмене в геноме ребёнка сохраняются очень длинные, до 1/3 от хромосомы, сегменты, полностью совпадающие с аналогичными участками у отца или матери. Если секвенировать полные геномы всех троих, то можно выяснить, какие сегменты унаследованы от отца, какие от матери, и тем самым установить их родственные отношения. При сравнении геномов ребёнка и одного из родителей размер и количество общих сегментов позволяют однозначно установить первую степень родства, но кто есть кто, различить нельзя, если нет дополнительной информации. Сегменты в геномах родных братьев и сестёр дают сходную картину, поскольку они наследуются от обоих родителей. При второй степени родства сегменты становятся короче, что позволяет без труда отличить пары «дед-внук» или «дядя-племянник» от родственников первой степени. Вместе с тем число вариантов родственных связей возрастает в геометрической прогрессии.

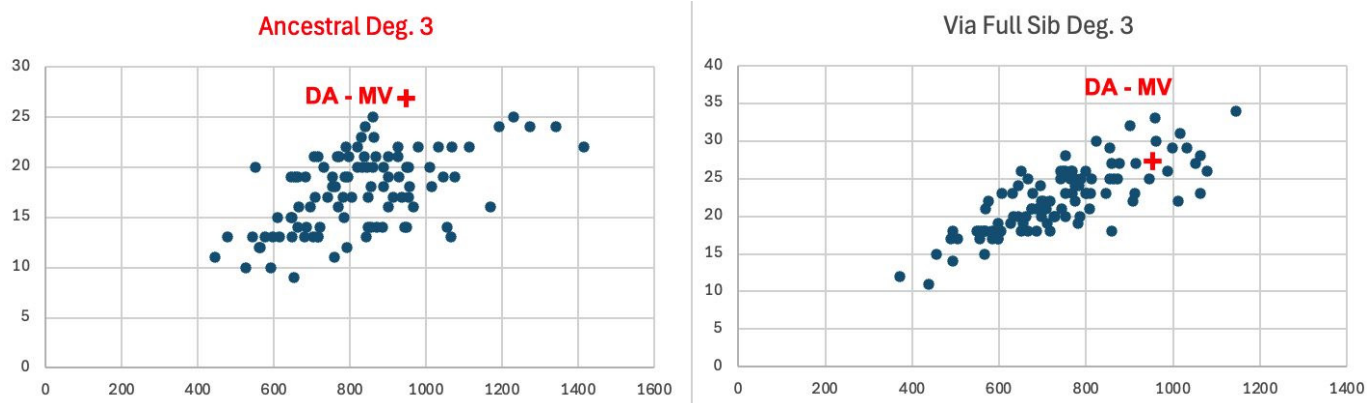

Рис. 4. Пара DA – MV на графиках модельных расчётов IBD

На сегодняшний день метод IBD позволяет надёжно определять пары до 5-6 степени родства для древней ДНК, что ещё несколько лет назад было невозможно. Сегменты при наследовании дробятся случайным образом, а потому их число и суммарная длина варьируют в пределах одной и той же степени родства, давая то или иное распределение вероятности. Такие распределения можно получить при модельных расчётах, если с помощью генератора случайных чисел имитировать процесс рекомбинации реальных геномов. В качестве порогового значения принимается размер сегмента в 12 сантиморганид (сМ) (Ringbauer et al. 2024).

В презентации к докладу Е.Б. Прохорчука был представлен слайд с IBD-графиком, на котором были размещены рассматриваемые образцы. При этом автор сообщил, что «образцы DA («Дмитрий Александрович») и MV («Мария Шварновна») показывают достаточно уверенно третью степень родства». Также была отмечена связь между другими образцами, с указанием, что в парах Бела Ростиславич – DA и Бела Ростиславич – VYa имеется «некое противоречие в степени родства», которое докладчик не прокомментировал.

Необходимо отметить, что данное «противоречие», по всей видимости, напрямую связано с корректностью идентификации останков. Геном образца, заявленно-го как «Владимир Ярославич», при 7 степени родства с Дмитрием Александровичем не может иметь с ним общие сегменты 340-57 сМ. Такая дистанция по IBD характерна для 4 степени родства, как, например, в паре Бела III – Бела Ростиславич (праправнук-прапрадед, 355-106 сМ).

Противоречие снимается, если предположить, что образец VYa в действительности принадлежит новгородскому князю Мстиславу Ростиславичу Храброму. Новгородская IV летопись сообщает: «Преставился Мстислав Ростиславич, внук Юрьев, и положиша его у святой Софии в притворе, в Новгороде, в гробнице Владимира Ярославича» (ПСРЛ 1848: 15). То есть Мстислав Ростиславич был похоронен в гробнице Владимира Ярославича в новгородском Софийском соборе. Он приходится Дмитрию Александровичу прапрадедом по линии его бабушки, Феодосии Мстиславны, матери Александра Невского. В данном случае дистанция IBD соотносится с реальной степенью родства.

Ранее в литературе неоднократно обращали внимание на эпизод с Феодосией Мстиславной, которую отец в определённый момент забрал у мужа, князя Ярослава Всеволодовича. В летописях не содержится прямого указания на то, было ли это событие окончательным и бесповоротным, или же спустя некоторое время произошло их воссоединение (Литвина, Успенский 2012: 155-156). Но сейчас уже понятно, что 4 степень родства между образцами DA и VYa не оставляет сомнений в том, что Феодосия вернулась к мужу и стала матерью его сыновей – Александра Невского и Андрея Ярославича.

В приведённом сообщении Новгородской IV летописи делается оговорка, что Мстислав Ростиславич – «внук Юрьев». Вероятная путаница связана с тем, что примерно в одно время умерли два разных Мстислава Ростиславича, и оба были похоронены в Софийском соборе Великого Новгорода. Один – Мстислав Ростиславич Храбрый, внук Мстислава Владимировича Великого, который скончался в 1180 г. Другой – Мстислав Ростиславич Безокий, внук Юрия Долгорукого, который скончался в 1178 г. Главным критерием при идентификации останков может служить родство с Белой Ростиславичем, у которого слишком большая дистанция с линией Юрия Долгорукого, чтобы вылавливаться по IBD.

Белу Ростиславича и Мстислава Храброго удаётся достаточно надёжно связать через дочь Романа Мстиславича Галицкого, имя которой нигде не сообщается. По летописным источникам, она приходилась бабушкой Беле Ростиславичу. Поэтому, по всей видимости, в гробнице Владимира Ярославича был захоронен именно Мстислав Храбрый. Дополнительной проверкой мог бы стать анализ общих сегментов образца VYa и Бела III, матерью которого была дочь Мстислава Великого.

Неожиданно близкой оказалась дистанция между геномами Бела Ростиславича и DA. Поскольку их общий патрилинейный предок, Ярослав Мудрый, жил за 200 лет до них, то общие сегменты были бы длиной не более 5 сМ, и их невозможно было бы идентифицировать. Но данные, полученные для этой пары венгерскими и российскими специалистами, практически совпали. Следовательно, их генеалогические линии пересекались намного позже Ярослава Мудрого через женщин.

В случае с парой DA – MV в докладе Е.Б. Прохорчука делается вывод, что «геном принадлежит Марии

Генетические параметры	Вариант			
	1	2	3	4
Происхождение MV	±	±	-	+
Возраст DA	+	+	+	±
Восточноазиатская примесь у DA	-	+	+	+
Степень родства DA-MV	±	±	-	+
Степень родства DA-VYa	+	+	+	+
Степень родства DA-Бела Ростиславич	+	-	-	+

Рис. 5. Четыре варианта возможного отнесения образцов

Шварновне, прабабушке Дмитрия Александровича». Однако в модельных расчётах Рингбауэра распределение общих сегментов для родственников по прямой линии «родитель-ребёнок» (вне зависимости от пола) и «с изломом», как в случае двоюродных братьев-сестёр, немного различается. Е.Б. Прохорчук использовал те же самые модельные расчёты и должен был обратить на это внимание.

Если заявленные в докладе 27 сегментов длиной >12 сМ с общей суммой 945 сМ наложить на график с прямым родством прабабушка-правнук, то точка заметно выпадает из модельного распределения. А на графике для уровня двоюродных братьев/сестёр и внучатых племянников находится прямо на его оси. Положение пары на графиках на рис. 4 помечено красным крестом.

По всей видимости, из этого следует, что MV – не прабабушка DA, а его двоюродная сестра, родная сестра деда со стороны матери или единокровная сестра матери. Вариант с двоюродной сестрой по линии отца должен проверяться через общие сегменты с VYa (Мстиславом Храбрым), которые должны показать 4 степень родства через Феодосию Мстиславну, которая была матерью всех детей Ярослава Всеволодовича. В докладе Е.Б. Прохорчука о таком родстве не сообщается и неизвестно, проверялось ли оно.

Также неоднозначной пока остаётся принадлежность образца DA Дмитрию Александровичу. Вместе с ним был похоронен сын Иван Дмитриевич, а потому для точной идентификации останков необходимы сравнительные антропологические данные, которые, строго говоря, отсутствуют. По графику IBD 5 степень родства между Иваном Дмитриевичем и Мстиславом Ростиславичем Храбрым также проходит, хотя и недалеко от предела.

Таким образом, исходя из имеющихся данных, на текущий момент можно сформулировать 4 варианта возможного отнесения образцов.

Вариант 1 («мейнстрим»):

DA – Дмитрий Александрович, сын Александры Брючиславны Полоцкой;
MV – Мария Шварновна;
VYa – Мстислав Ростиславич Храбрый.

Вариант 2:

DA – Дмитрий Александрович, сын «ордынской» жены Александра Невского;
MV – Мария Шварновна;
VYa – Мстислав Ростиславич Храбрый.

Вариант 3:

DA – Дмитрий Александрович, сын «ордынской» жены Александра Невского;
MV – Александра Брючиславна Полоцкая;
VYa – Мстислав Ростиславич Храбрый.

Вариант 4:

DA – Иван Дмитриевич, сын «ордынской» жены Дмитрия Александровича;
MV – «ордынская» жена Александра Невского;
VYa – Мстислав Ростиславич Храбрый.

Если свести эти варианты в общую таблицу и проверить, как они соотносятся с экспериментальными данными, то получается следующая картина (рис. 5).

Одним из принципиальных моментов является сравнительно близкое родство DA и Белы Ростиславича. Можно считать, что на сегодняшний день оно надёжно доказано методом IBD. Однако общие геномные сегменты не могли быть унаследованы по линии Александра Невского, которая предполагает слишком большую дистанцию в 11 поколений через Ростислава Мстиславича Смоленского. IBD даёт от 5 до 7 поколений (107-42 сМ), следовательно, было и более близкое родство по линии матери. Многие подобные случаи известны и для более позднего времени (Абуков 2021: 154-158).

Родство Александры Брячиславны с черниговскими Ольговичами требует отдельного осмысления, поскольку его необходимо увязать с восточно-евразийской митохондриальной гаплогруппой и заметной восточной примесью в геноме DA. Прабабушки-половчанки Марии Котьяновны для этого явно недостаточно. Но если допустить, что образец DA – это Иван Дмитриевич, то противоречие снимается. Существенный восточный вклад могла дать его мать – неизвестная жена Дмитрия Александровича предположительно ордынского происхождения (митохондриальная гаплогруппа F1b1).

Если вернуться к паре MV – DA, за которого принять в данном случае Ивана Дмитриевича, то вариант с еди-

нокровной сестрой или родной тёткой матери-ордынки наиболее согласуется с экспериментальными данными. Варианты с двоюродной сестрой требуют дополнительной проработки, что будет возможно после выхода полноценной статьи коллектива Е.Б. Прохорчука и с появлением новых ДНК-данных.

В целом, доклад Е.Б. Прохорчука на конференции «Генетика 2025», несмотря на определённые шероховатости, дал ценные предварительные данные для изучения династических связей внутри Рюриковичей и осмысления их исторической роли в контексте взаимоотношений Руси и Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Абуков 2021 - Абуков С.Н. Близкородственные браки князей Северо-Восточной Руси в XIV-XV веках // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 2. С. 154-158.

Боруцкая и др. 2019 - Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Лореил О., Никитин С.А., Панова Т.Д., Фризен С.Ю. Комплексное исследование (судебно-медицинское, антропологическое, генетическое) останков из Свято-Успенского Княгинина женского монастыря г. Владимира // Великая княгиня владимирская Мария Ясыня в русской истории: коллективная монография (ответственные редакторы З.К. Кусаева, Э.И. Каражаева). М.: ИРИ РАН; Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. С. 181-215.

Жур и др. 2023 - Жур К.В., Шарко Ф.С., Седов Вл.В., Добровольская М.В., Волков В.Г., Максимов Н.Г., Сеславин А.Н., Макаров Н.А., Прохорчук Е.Б. Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики // Acta Naturae. 2023. Т. 15. № 3. С. 50-65.

Литвина, Успенский 2012 - Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. М.: Индрик, 2012. С. 135-169.

Меркулов 2024 - Меркулов В.И. Александра Брячиславна Полоцкая: проблема принадлежности захоронения с точки зрения ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2024. № 3-4. С. 14-20.

Меркулов 2025 - Меркулов В.И. Василиса из Княгинина монастыря во Владимире: проблемы и перспективы ДНК-исследований // К юбилею академика А.В. Лубкова. Сборник статей. М.: Концептуал, 2025. С. 110-128.

ПСРЛ 1848 - Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. 370 с.

Рожанский 2018 - Рожанский И.Л. Рюриковичи: данные Y-ДНК и возможные корни правящего рода Древней Руси // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 10-24.

Рожанский 2023 - Рожанский И.Л. Новости палеогенетики: Александр Невский и его род // Исторический формат. 2023. № 1-2. С. 10-18.

Рожанский 2025 - Рожанский И.Л. ДНК исторических личностей: задачи и результаты // Исторический формат. 2025. № 2. С. 10-26.

Hajdu 2026 - Hajdu T. et al. Murder in cold blood? Forensic and bioarchaeological identification of the skeletal remains of Béla, Duke of Macsó (c. 1245-1272). Forensic Sci Int Genet. 2026 Feb;81:103381. doi: 10.1016/j.fsigen.2025.103381. Epub 2025 Oct 26. PMID: 41197516.

Ringbauer et al. 2024 - Ringbauer H., Huang Y., Akbari A. et al. Accurate detection of identity-by-descent segments in human ancient DNA // Nat Genet. 2024. № 56. S. 143-151. <https://doi.org/10.1038/s41588-023-01582-w>

Spyrou et al. 2022 - Spyrou M.A., Musralina L., Gneccchi Ruscone G.A. et al. The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia // Nature. 2022. № 606. S. 718-724. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-04800-3>

REFERENCES

Abukov 2021 - Abukov S.N. Blizkorodstvennye braki knyazej Severo-Vostochnoj Rusi v XIV-XV vekah [Closely related marriages of the princes of Northeastern Russia in the 14th-15th centuries], in: Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin], 2021, Vol. 10, № 2, pp. 154-158 [in Russian].

Boruckaya i dr. 2019 - Boruckaya S.B., Vasil'ev S.V., Loreil O., Nikitin S.A., Panova T.D., Frizen S.YU. Kompleksnoe issledovanie (sudebno-medicinskoe, antropologicheskoe, geneticheskoe) ostankov iz Svyato-Uspenskogo Knyaginina zhenskogo monastyrya g. Vladimira [Comprehensive study (forensic, anthropological, genetic) of the remains of the Holy Dormition Princess Convent in Vladimir], in: Velikaya knyaginya vladimirskaya Mariya YAsynya v russkoj istorii: kolektivnaya monografiya (otvetstvennye redaktory Z.K. Kusaeva, E.I. Karazhaeva) [Grand Duchess of Vladimir Maria Yasynya in Russian History: a collective monograph (responsible editors Z.K. Kusaeva, E.I. Karazhaeva)], Moscow, IRI RAN Publ.; Vladikavkaz, SOIGSI VNC RAN Publ., 2019, pp. 181-215 [in Russian].

Hajdu 2026 - Hajdu T. et al. Murder in cold blood? Forensic and bioarchaeological identification of the skeletal remains of Béla, Duke of Macsó (c. 1245-1272), in: Forensic Sci Int Genet, 2026, Feb;81:103381, doi: 10.1016/j.fsigen.2025.103381, Epub 2025 Oct 26, PMID: 41197516 [in English].

Litvina, Uspenskij 2012 - Litvina A.F., Uspenskij F.B. Nasil'stvennyj postrig knyazheskoj sem'i v Kieve: ot interpretacii obstoyatel'stv k rekonstrukcii prichin [Forced tonsuring of the princely family in Kiev: from interpretation of circumstances

to reconstruction of causes], in: Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia], Vol. 10, Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 135-169 [in Russian].

Merkulov 2024 - Merkulov V.I. Aleksandra Bryachislavna Polockaya: problema prinalozhnosti zahoroneniya s točki zreniya DNK-genealogii [Alexandra Bryachislavna Polotskaya: affiliation of the burial from the point of view of dna genealogy], in: Istoricheskij format [Historical format], 2024, № 3-4, pp. 14-20 [in Russian].

Merkulov 2025 - Merkulov V.I. Vasilisa iz Knyaginina monastyrya vo Vladimire: problemy i perspektivy DNK-issledovanij [Vasilisa from the Knyaginina Monastery in Vladimir: problems and prospects of DNA research], in: K yubileyu akademika A.V. Lubkova. Sbornik statej [On the anniversary of Academician A.V. Lubkov. Collection of articles], Moscow, Konceptual Publ., 2025, pp. 110-128 [in Russian].

PSRL 1848 - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. IV. Novgorodskie i pskovskie letopisi [The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. IV. Novgorod and Pskov Chronicles], Saint-Petersburg, 1848, 370 p. [in Russian].

Ringbauer et al. 2024 - Ringbauer H., Huang Y., Akbari A. et al. Accurate detection of identity-by-descent segments in human ancient DNA, in: Nat Genet, 2024, № 56, pp. 143-151. <https://doi.org/10.1038/s41588-023-01582-w> [in English].

Rozhanskij 2018 - Rozhanskij I.L. Ryurikovichi: dannye Y-DNK i vozmozhnye korni pravyyashchego roda Drevnej Rusi [Rurikids: Y-DNA data and plausible roots of the ruling clan of Ancient Russia], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 10-24 [in Russian].

Rozhanskij 2023 - Rozhanskij I.L. Novosti paleogenetiki: Aleksandr Nevskij i ego rod [News in paleogenetics: Alexander Nevsky and his ancestry], in: Istoricheskij format [Historical format], 2023, № 1-2, pp. 10-18 [in Russian].

Rozhanskij 2025 - Rozhanskij I.L. DNK istoricheskikh lichnostej: zadachi i rezul'taty [DNA of historical persons: problems and results], in: Istoricheskij format [Historical format], 2025, № 2, pp. 10-26 [in Russian].

Spyrou et al. 2022 - Spyrou M.A., Musralina L., Gneccchi Ruscone G.A. et al. The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia, in: Nature, 2022, № 606, pp. 718-724. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-04800-3> [in English].

ZHur i dr. 2023 - ZHur K.V., SHarko F.S., Sedov V.I.V., Dobrovol'skaya M.V., Volkov V.G., Maksimov N.G., Seslavin A.N., Makarov N.A., Prohorchuk E.B. Ryurikovichi: pervyj opyt rekonstrukcii geneticheskogo oblika pravyyashchego roda srednevekovoj Rusi po dannym paleogenomiki [The Rurikovichs: the first experience of reconstructing the genetic appearance of the ruling family of medieval Russia based on paleogenomics data], in: Acta Naturae, 2023, Vol. 15, № 3, pp. 50-65 [in Russian].

Меркулов Всеволод Игоревич

– Кандидат исторических наук, Академия ДНК-генеалогии (Москва, Россия).

Vsevolod Merkulov

– Candidate of historical sciences, The Academy of DNA Genealogy (Moscow, Russia).

info@dna-academy.ru

Рожанский Игорь Львович

– Кандидат химических наук, Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).

Igor Rozhanskii

– Candidate of chemical sciences, The Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan).

info@dna-academy.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКАНДИНАВСКИХ ФИБУЛ ПРУССКОГО МОГИЛЬНИКА НОВИНКА

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АННОТАЦИЯ

Проведённый в статье обзор скандинавских фибул могильника Neuendorf / Nowinka позволил сделать следующие выводы относительно их происхождения: 1) Пластинчатые фибулы типа Rückenknopffibel по меньшей мере частично восходят к прусским дериватам фибул типа Kokowski B. В Скандинавии фибулы типа Rückenknopffibel являются прерогативой мужчин-воинов – знатных представителей вендельского общества; 2) Застёжки типа Tierkopffibel восходят к прусским арбалетовидным фибулам типа post-Duratón. На протяжении вендельской эпохи такие фибулы являются деталью женского убора; 3) Фибулы в виде S-свёрнутой змеи имеют, скорее всего, западногерманское происхождение. Одна из них была, очевидно, скопирована прусским мастером для пополнения набора украшений местной женщины. Таким образом, фибулы могильника Neuendorf / Nowinka позволяют сделать вывод о динамичном контакте между ювелирами Скандинавии и Балтии. При этом в данном случае приоритет остаётся за идеями западнобалтских ювелиров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юго-восточная Балтия, археология, могильник Neuendorf / Nowinka.

ORIGIN OF THE SCANDINAVIAN FIBULAE OF THE PRUSSIAN BURIAL NEUENDORF / NOWINKA

Vladimir Kulakov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT

The review of Scandinavian brooches from the Neuendorf / Nowinka burial ground presented in this article has led to the following conclusions regarding their origin: 1) Rückenknopffibel-type plate fibulae trace their origins, at least in part, to Prussian derivatives of the Kokowski B type brooches. In Scandinavia, Rückenknopffibel-type brooches were the prerogative of male warriors - noble members of Vendel society; 2) Tierkopffibel-type clasps go back to Prussian crossbow-shaped fibulae of the post-Duratón type. Throughout the Vendel period, such brooches were elements of women's attire; 3) Fibulae in the shape of an S-curved snake are most likely of West Germanic origin. One of them was apparently copied by a Prussian craftsman to supplement the jewelry set of a local woman; 4) Thus, the brooches from the Neuendorf / Nowinka burial ground suggest a dynamic contact between Scandinavian and Baltic jewelers. Furthermore, in this specific case, the priority of ideas remained with the West Baltic jewelers.

KEYWORDS: southeastern Baltic, archaeology, Neuendorf / Nowinka burial.

ВВЕДЕНИЕ

Грунтовой могильник у пос. Neuendorf/Nowinka (gmina Elbląg, wojew. Gdańskie Polskie), относящийся к эльблонгской группе прусской археологической культуры, был в значительной своей части раскопан в 1971-1982 гг. гданьским археологом Мирославом Петшаком. Могильник расположен на мощной моренной возвышенности юго-восточного побережья Вислинского/Калининградского залива (бывш. Frisches Haff), к юго-востоку от г. Tolkemita/Tolkmicko, в пределах которого расположено одноимённое раннесредневековое городище, заселён-

ное западными балтами с IV в. н.э. с перерывами по XIV в. (Кулаков 1990: 47). М. Петшаком на могильнике были раскопаны 163 погребения, представляющие собой двухъярусные трупосожжения (далее – КРМ) с захоронением коня со снаряжением для верховой езды в придонной части могилы. Такая форма обряда характерна для погребальных древностей прусской культуры эпохи раннего средневековья. Вскрытые М. Петшаком комплексы, датирующиеся кон. VI-VII вв. н.э., были исчерпывающе опубликованы (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 1-179). В своём капитальном труде его ав-

торы обратили внимание на все детали погребального инвентаря погребений могильника Neuendorf/Nowinka. Они интересны как своим многообразием, так и тем, что характеризуют прусскую материальную культуру перед началом периода малоинвентарных погребений (VIII в.), который предшествовал в юго-восточной Балтии эпохе викингов.

КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди обильного инвентаря могильника Neuendorf/Nowinka видное место занимают фибулы, являвшиеся неизменной деталью убора прусских мужчин и женщин (как и их предшественников – эстиев римского времени) на протяжении всей второй пол. I тысячелетия н.э. Ещё осенью 1978 г., во время научной командировки в гданьский Археологический музей автор этих строк обратил внимание на несколько фибул из коллекции, полученной в результате раскопок М. Петшака, имевших скандинавское происхождение. Один из соавторов упоминавшейся монографии считает их для пруссов, погребённых на могильнике Neuendorf/Nowinka, северо-европейским импортом второй трети VI – нач. VII вв. (Kontny 2011: 65, 66). Новейшие исследования древностей раннесредневековых пруссов позволяют получить дополнительную информацию относительно происхождения и датировки скандинавских фибул из погребений прусского могильника Neuendorf/Nowinka.

ИССЛЕДОВАНИЕ

На завершающей фазе эпохи Великого переселения народов, соответствующей концу развитой фазы эпохи Меровингов, мужчины-носители прусской археологической культуры, занимавшие в это время п-ов Самбию и части будущих раннесредневековых прусских земель Натангии и Вармии (по побережью Вислинского/Калининградского залива), используют в составе повседневного убора фибулы с овальными пластинами. Они являются продуктом третьего этапа деградации (по Ф. Хильбергу) пластинчатых фибул типа Kokowski B, характерны преимущественно для прусского племенного ареала (на Мазурах их находки редки) и датируются в целом второй пол. VI в. (Кулаков 2018: 191, 192). В материале могильника Neuendorf/Nowinka такая фибула (рис. 2,1) представлена в составе комплекса находок в погр. No-83 (двухъярусная КРМ). В верхнем ярусе могилы среди остатков погребального костра вместе с биконическим сосудом-приставкой найдены упомянутая выше бронзовая фибула, пряжка с овальной рамкой, серебряные пластины – оковка верхней части питьевого рога, костяной односторонний гребень. Авторы публикации могильника датируют погр. No-83 фазой 3 (VII в.) (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 36). Найденный в погр. No-23 дериват этой фибулы (рис.2,2), отличающийся от неё пирамидальным выступом на ножке¹, близок фибуле типа Rückenknopffibel из погр. б/№ могильника Elbing-Neustädterfeld/Elbląg, ul. Moniuszki (VIII в.) (Кулаков 1990: Табл. II,9). Судя по инвентарю (бусины и брон-

зовые кольца – Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, Pl. XIX), комплекс погр. No-23 принадлежал женщине.

Фибула из Эльбонга является весьма упрощённым, соответственно – поздним дериватом роскошных фибул указанного типа, известных, в частности, на о. Готланд уже в VI в. (Nerman 1969: Taf. 5). С большой долей осторожности можно предположить, что распространившиеся в прусском племенном ареале как деталь мужского, точнее – воинского убора фибулы-дериваты застёжек типа Kokowski B (VI в.) стали источником для появления сначала фибул типа погр. No-23 (VII в.), а затем и роскошных готландских застёжек типа Rückenknopffibel (VII-VIII вв.).

Непосредственно скандинавским (быть может, точнее – готландским) является происхождение псевдо-арбалетовидной бронзовой фибулы типа Høilund Nielsen G1 (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 24) из погр. No-38 (рис. 2,3), трупосожжения, принадлежавшего, судя по набору инвентаря (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: Pl. XXVI), женщине. Как и в погр. No-23, конское захоронение (т.е. – в принципе двухъярусность) отсутствует. Такие фибулы, производившиеся в основном на о. Готланд, генетически восходят к западнобалтским арбалетовидным фибулам типа post-Duratón. В качестве прусского «импорта» они появляются на указанном острове в первой пол. VI в. (Nerman 1969: Taf. 1) и сразу начинают копироваться местными мастерами. Первоначально эти копии конструктивно соответствуют своему прототипу, а затем, видимо, начинают отливаться по одностороннему оттиску некоей матрицы в литейной земле. Таким образом фибула из погр. No-38, относящаяся к VII в., является односторонней, украшена оттисками штампа типа Wolfzahn и обладает перекладчатой застёжкой. Обращает на себя внимание одиночная находка фибулы в данном несомненно женском комплексе. Согласно прусским обычаям, местные женщины вплоть до начала эпохи викингов скрепляли края своего одеяния парой одинаковых фибул.

В отличие от этого комплекса в погр. No-41 были обнаружены две бронзовые фибулы типа Høilund Nielsen L1a (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: 25) в виде S-видно свернувшейся змеи (рис. 2,5). При этом если одна из застёжек орнаментирована оттисками штампа типа Wolfzahn и обладает явно скандинавским происхождением, то вторая имеет меньшие размеры при отсутствии орнамента. Не исключено, что она изготовлена по образцу аутентичного скандинавского изделия, но – местным мастером. Парность фибул, а также состав инвентаря данного комплекса (биконический сосуд-приставка, нож, стеклянная бусина) указывают на женскую принадлежность данного набора инвентаря. В отличие от находки фибулы в погр. No-38, где одинарность фибулы не соответствует местным обычаям, парность застёжек в погр. No-41 отвечает автохтонным традициям. Почему за образец для фибул в этом комплексе была выбрана форма западно- и северо-германских застёжек VII в., остаётся не ясным.

Наконец, последней из фибул скандинавского происхождения, обнаруженных на могильнике Neuendorf/Nowinka, является бронзовая равноплечная застёжка

1 Согласно немецкой археологической терминологии – Кнопф=«кнопка».

(рис. 2,6). Она была обнаружена на территории памятника случайно относится к типу Nøilund Nielsen F1c. Типологически такие фибулы восходят к прусским арбалетовидным застёжкам эпохи Меровингов, лишённых арбалетовидной структуры (Кулаков 2019: Рис. 8,1). Такие простейшие по своему устройству застёжки уже не обладают, в отличие от более ранних видов фибул Скандинавии и Балтии, каким-либо декором магического характера. Их устройство и орнамент сугубо утилитарны. В женских погребениях такие фибулы встречаются, как правило, по одиночке, крепя ворот нижней рубахи. Дата таких фибул в Скандинавии – VII в. (Кулаков 2019: 64).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведённый в предложенной статье обзор скандинавских фибул могильника Neuendorf/Nowinka позволил сделать следующие выводы относительно их происхождения:

1) Пластинчатые фибулы типа Rückenknopffibel, по меньшей мере частично восходят к прусским derivaтам фибул типа Kokowski B. В Скандинавии фибулы типа Rückenknopffibel являются прерогативой мужчин-воинов – знатных представителей вендельского общества;

2) Застёжки типа Tierkopffibel восходят к прусским арбалетовидным фибулам типа post-Duraton. На протяжении вендельской эпохи такие фибулы являются деталью женского убора;

3) Фибулы в виде S-свёрнутой змеи имеют, скорее всего, западногерманское происхождение. Одна из них была, очевидно, была скопирована прусским мастером для пополнения набора украшений местной женщины.

Таким образом, фибулы могильника Neuendorf/Nowinka позволяют сделать вывод о динамичном контакте между ювелирами Скандинавии и Балтии. При этом в данном случае приоритет остаётся за идеями западнобалтских ювелиров.

Рис. 1. Расположение могильника Neuendorf/Nowinka на карте юго-восточной Балтии. Врезка: могильник Neuendorf/Nowinka в окрестностях г. Tolkmicko/Tolkmicko, Polska (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: fig. 1)

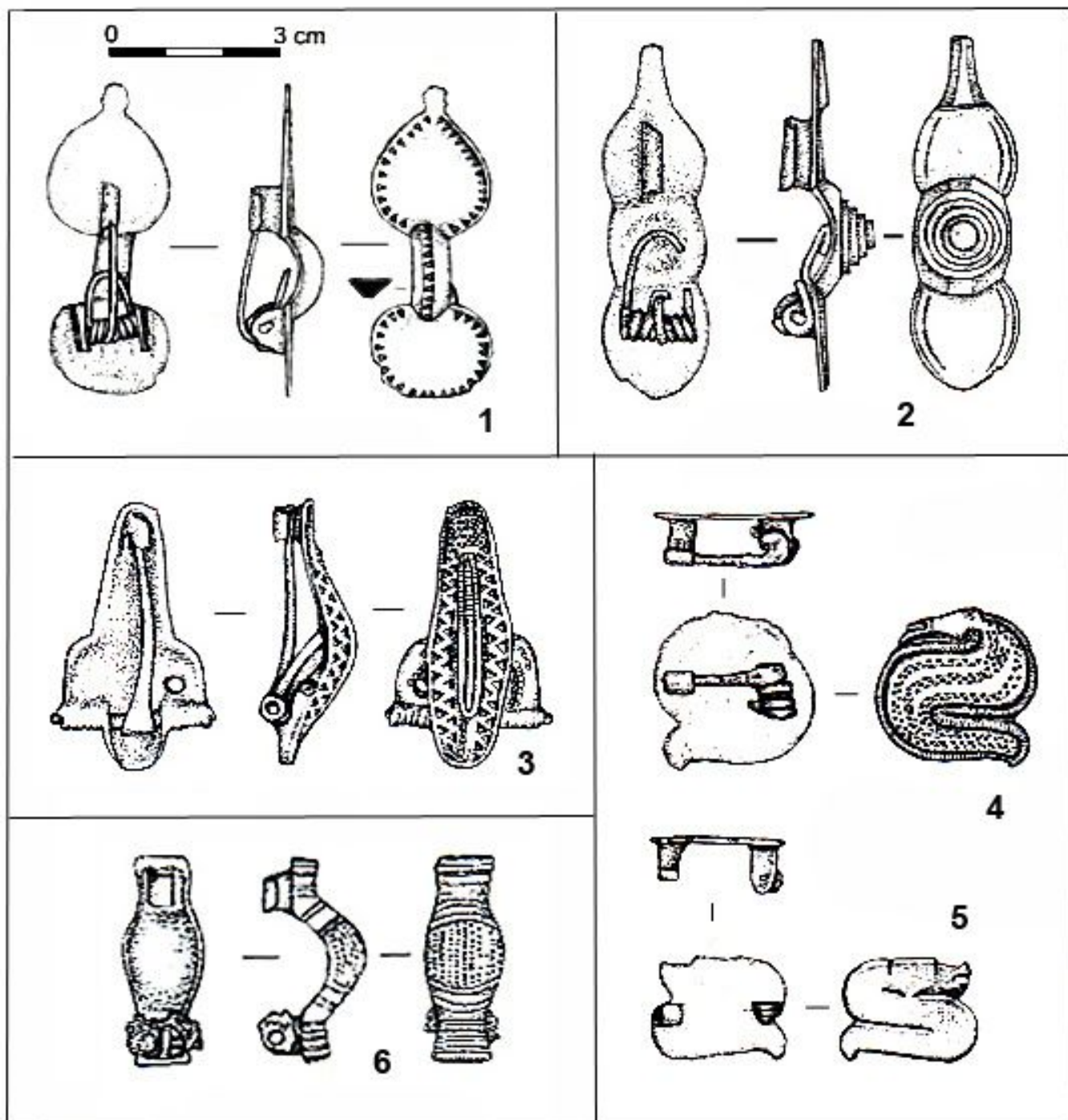

Рис. 2. Скандинавские фибулы из погребений могильника Neudorf/Nowinka: 1 – погр. No-83; 2 – погр. No-23; 3 – погр. No-38; 4, 5 – погр. No-41; 6 – случайная находка (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: fig. XIX, XXVI, XXVII, LIV, CIV)

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков 1990 - Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. (Свод археологических источников Г1-9). М.: Наука, 1990. 168 с.

Кулаков 2018 - Кулаков В.И. Прусские и Мазурские дериваты двупластинчатых фибул // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 187-195.

Кулаков 2019 - Кулаков В.И. Равноплечные фибулы пруссов на балтском пограничье // Журнал фронтальных исследований. 2019. № 1. С. 57-70.

Kontny 2011 - Kontny B.J. Costume and personal ornaments // Kontny B.J., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, Site 1: The Cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Archeobooks, 2011. 196 s.

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - Kontny B.J. Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, Site 1: The Cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland. Gdańsk; Warszawa: Archeobooks, 2011. 196 s.

Nerman 1969 - Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. II. Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksells, 1969. 308 s.

REFERENCES

Kontny 2011 - Kontny B.J. Costume and personal ornaments, in: Kontny B.J., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, Site 1: The Cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland, Gdańsk; Warszawa, Archeobooks Publ., 2011, 196 p. [in English].

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - Kontny B.J. Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, Site 1: The Cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland, Gdańsk; Warszawa, Archeobooks Publ., 2011, 196 p. [in English].

Kulakov 1990 - Kulakov V.I. Drevnosti prussov VI-XIII vv. (Svod arheologicheskikh istochnikov G1-9) [The antiquities of the Prussians of the VI-XIII centuries. (Collection of archaeological sources G1-9)], Moscow, Nauka Publ., 1990, 168 p. [in Russian].

Kulakov 2018 - Kulakov V.I. Prusskie i Mazurskie derivaty dvuplastinchatykh fibul [Prussian and Masurian derivatives of double-plate fibulae], in: Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg State University. History], 2018, Vol. 63, № 1, pp. 187-195 [in Russian].

Kulakov 2019 - Kulakov V.I. Ravnoplechnye fibuly prussov na baltskom pogranich'e [Equal-shouldered fibulae of the Prussians on the Baltic border], in: Zhurnal frontirnykh issledovaniy [Journal of Frontier Studies], 2019, № 1, pp. 57-70 [in Russian].

Nerman 1969 - Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. II. Tafeln [The Vendel Period of Gotland. II. Plates], Stockholm, Almqvist & Wiksells Publ., 1969, 308 p. [in Swedish].

Кулаков Владимир Иванович

– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov

– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ «АНТЫ» И САМОНАЗВАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.В. Назин

Кандидат исторических наук (Москва, Россия)

e-mail: sergnasin@yandex.ru

SPIN-код: 9960-7570

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена реконструкции самоназвания славянского народа антов, известного в источниках VI-VII вв. Отвергается версия об иранском происхождении этого этнонима от корня **ant* «конец» и предполагается возводить его к родственному племенному имени вятичей слову **вятове*, **vętove*, (> **(F)ávta(F)ε* > *Ἄνται*), прилаг. **вятъскъ*, **vęťskъ(jь)*, (> **(F)avtikός* > *Ἀντικός*). Это имя было также самоназванием славянского населения именьковской археологической культуры (V-VII вв.), от которого оно в свою очередь было заимствовано местными жителями в виде первой части этнонима «удмурт» (< **odo-mort* < **onto-mort*) и отразилось в названии Вятки (изначально «вятской», то есть удмуртской, реки).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анты, венеды, вятичи, Вятка, именьковская археологическая культура, удмурты.

ORIGIN OF THE NAME ANTES AND THE SELF-NOMINATION OF THE IMENKOVSKY ARCHAEOLOGICAL CULTURE'S PEOPLE

Sergey Nazin

Candidate of Historical Sciences (Moscow, Russia)

e-mail: sergnasin@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the reconstruction of the self-name of the Slavic people Antes, known in sources of the 6th-7th centuries. The version of the Iranian origin of this ethnonym from the root **ant* «end» is rejected and it is assumed to be raised to the related of the tribal name *Vyatichi* word **вятове*, **vętove*, (> **(F)ávta(F)ε* > *Ἄνται*), adj. **вятъскъ*, **vęťskъ(jь)*, **вятъ* (> **(F)avtikός* > *Ἀντικός*). This name was also the self-name of the Slavic population of the Imenkovo archaeological culture (6th-7th centuries), from which it in turn was borrowed by local residents in the form of the first part of the ethnonym «Udmurt» (< **odo-mort* < **onto-mort*) and was reflected in the name *Vyatka* (initially meaning «Udmurt river»).

KEYWORDS: Antes, Venetharum natio, Vyatichi, Vyatka river, Imenkovo archaeological culture, Udmurts.

В 2014 г. на страницах «Византийского временника» разгорелся научный спор по поводу статьи М.В. Грацианского. А.Е. Аникин и С.А. Иванов выступили против предположения о связи имен антов и летописных вятичей, на что последовало возражение их оппонента (Грацианский 2012; Аникин, Иванов 2014; Грацианский 2014). Суть дискуссии сводилась к следующему. Признавая возможность происхождения имени вятичей от этнонима венеды, соавторы категорически отвергли предлагаемую М.В. Грацианским славянскую праформу этнонима антов, которую он, вслед за Д.В. Бубрихом, усматривал в виде некоего слова, связанного с именем вятичей (**vęťiči*) апофоническим чередованием наподобие: **qъль* «узел» и **vęzati* «вязать» и восходящего в конце концов к названию древнего народа венетов. В свою очередь, М.В. Грацианский решительно не согласился с ходячей иранской этимологией имени антов от корня

**ant*- «конец, край» (осетинское (дигорское) *ændæ* «вне, снаружи», др.-инд *anta* «конец»), которой придерживаются его критики.

По нашему мнению, неправы обе стороны, но если неправота М.В. Грацианского заключается в частном, – как мы постараемся показать ниже, нет необходимости предполагать наличие какого-то неизвестного источника славянского этнонима наподобие **ot(iči)* «ут(и-чи)» в качестве источника византийского *ávta* / *antes*, – то А.Е. Аникин и С.А. Иванов неправы по существу: имя антов никоим образом не может быть выведено из корня иранского корня **ant*.

Мнение, что имя антов не может быть славянского происхождения зиждется в общем на том, что источники отличают антов от склавинов. Этот этноним, *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni*, является отражением самоназвания *словѣне*, **slověne* «славяне». На основании того, что анты не яв-

ляются склавинами делается достаточно прямолинейный вывод, что анты не являются славянами. Крупнейший отечественный славяновед О.Н. Трубачев писал по этому поводу: «Ни венеты, ни анты никогда не были самоназваниями славян и первоначально обозначали другие народы на славянских перифериях (венеды / венеты – на северо-западе, анты – на юго-востоке) и лишь вторично были перенесены на славян в языках третьих народов» (Трубачев 2003: 98). Это высказывание трудно признать логически безупречным. Слова *Venedi* / Οὐενέδαί, *Antes* / Ἄνται действительно не могли быть самоназваниями антов, но только по той причине, что последние говорили по-славянски, а не на греческом и латыни: с таким же успехом можно утверждать, что русские никогда не называли себя *Rutheni* или Ῥῶς. Иными словами, греческое и латинское названия *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni*, и *Antes* / Ἄνται отражали самоназвания обоих народов на славянском языке и не более того.

То, что источники упоминают антов отдельно от «славян», никоим образом не может служить поводом усомниться в их славянстве. К примеру, древние различали «британцев» и «кельтов», хотя были прекрасно осведомлены, что жители обеих стран (Βρεττανική и Κελτική Страбона, *Britannia* и *Gallia* Тацита) одного происхождения: «Можно считать вероятным, что именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров» (Tacit. *Agricola*. I. 11) и, хотя люди в Британии «более рослые, чем кельты, и менее светловолосые, но более хрупкого сложения» (Strabo. IV. 5. 1-2), «из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидеть такие же священнодействия, как у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются» (Tacit. *Agricola*. I. 11) (Корнелий Тацит 1967: 332; Страбон 1994: 190-1).

Источники III в. н.э. упоминают отдельно германцев и готов. Согласно победной надписи персидского царя Шапура I (241-272), войско побеждённого императора Гордиана (238-244) было набрано ἀπό πάσης τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς Γούθηων τε καὶ Γερμανῶν ἔθνῶν δ[ύναμιν συνέλεξε]εν / *až hamag Frōm, Gōt ud Garmāniyā šahr zāwar hangāwišn kerd* (из всех римских, готских и германских народов / из всех римских, готских и германских «государств» (*шахр*)) (Петкова, Иванова 2022: 83), на могиле же самого императора было написано: «Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, отвратившему римские междоусобия, победителю германцев, но не победителю Филиппов» (*Scriptores historiae augustae*. XX. 34. 3) (Властелины Рима 1992: 260).

Разными народами считались арабы и сарацины. В триумфе Аврелиана (270-275) шли «арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы» (*Scriptores historiae augustae*. XX. 33. 4), а при жизни императора Валериана он получил под свое начало «триста итирейских стрелков, шестьсот армян, сто пятьдесят арабов, двести сарацин, четыреста человек вспомогательного войска из Месопотамии» (*Scriptores historiae augustae*. XX. 11. 1) (Властелины Рима 1992: 282, 271).

Во времена не столь отдаленные, венгерские законы XVI в. описывали этнический состав населения королевства следующим образом: «Состояние йобагов [кре-

стьян] различно, ибо одни из них являются венграми, другие саксонцами и германцами (*Saxones et Germani*), иные чехами и славянами (*Bohemi et Slavi*), исповедующими христианство. По языку одни из них являются румынами и русинами (*Valachi et Rutheni*), другие рашанами или сербами и болгарами (*Rasciani sive Serviani et Bulgari*), которые следуют греческой ереси. Кроме того, есть еще филистеи, куманы, проживающие и расселенные на королевских землях, исповедующие иногда христианство. Среди русинов и болгар некоторые являются последователями нашего исповедания, другие – греческой ереси» (*Tripartitum opus iuris consuetudinarii regni Hungariae*. III. 25. 1) (Трехкнижие Вербоци 1961: 724).

Очевидно, приведенные выше свидетельства не дают оснований заключить, что британцы не были кельтами, готы и саксы – германцами, сарацины – арабами, а чехи («богемцы») – славянами. Речь идет либо о действительном делении языковой общности на две самостоятельные ветви: островных и континентальных кельтов, восточных (готы) и западных германцев, северных и южных арабов (жителей Суровой и Счастливой Аравии, низаритов и хахтанидов), носителей нижнегерманского (саксы) и верхнегерманского языков (германцы), либо о различии между славянскими народами пользующимися этнонимом славяне или его производными в качестве самоназвания, – венгерским соответствием латинскому *Sclavi*, был этноним *Tótok*, которым называли словаков, словенцев и говорящих на кайкавском наречии сербо-хорватского языка жителей области Славонии (*Tótország*) и теми, кто не назвал себя славянами (чехи, русские, сербы и пр.) (Шушарин 1997: 229-230).

Таким образом, анты и склавины VI-VII вв. представляли собой два совершенно самостоятельных, но в равной мере славянских народа (Васильев 1993: 7-14). При этом ни анты не были частью склавинов («славян»), ни склавины не являлись славянами в современном значении этого слова. Имя «славяне» не было в VI-VII вв. самоназванием всех славян, поскольку этим именем называла себя только одна их ветвь. Об этом прямо свидетельствуют Иордан и Прокопий, которые называют оба народа вместе *венетами* и *спорами* (*Venetharum natio*, *lord. Get.* 34; Σπόροι, *Proc.* VII. 14. 29) (Свод 1994: 106-107, 184-185), а не «славянами» (*Σκλαβηνοί* / *Sclaveni*). Византийский этноним *Antes* / Ἄνται отражал их собственное племенное самоназвание, которое не могло совпадать с этнонимом «славяне», поскольку и сами анты должны были отличать себя по имени от склавинов и последние должны были называть антов именем отличным от своего собственного. Действительно, посредством общего для «славян» (склавинов) и антов языка (славянского), не имея особого отличного от самоназвания «славяне» имени, невозможно выразить простейшую мысль: «мы анты, а они склавины» и наоборот. То, что самоназвание склавинов (*словѣне*, **slověne*) превратилось из видового названия одного из двух славянских народов VI-VII вв. в родовое обозначение всех славян является в некотором случае исторической случайностью. А ведь могло быть и наоборот и, вполне возможно, «не антская» принадлежность склавинов могла бы считаться основанием для поисков неславянского (в данном слу-

чае «не антского») происхождения этнонима (*словѣне*, **slověne*). И для этого имелись бы все основания, поскольку слово «слово», от которого произведено имя славян скорее всего заимствовано из иранского языка, поскольку только в иранском древнее индоевропейское слово **kléwos* «слава» (др.-инд. *śrávas*, греч. *κλέος*, др.-ирл. *clú*; слав. *слава*, лит. *šlovė*) изменило свое значение с *fama* на *verbum* (Зализняк 1962: 30, 35) и только в славянском имеется избыточная двойственность производных и.-е.**kléwos*: *слава* и *слово*, напоминающая подобную же пару исконного (*пре*)*стол* и заимствованного *стул* (из нем. *Stuhl* «то, на котором сидят»).

Что означало славянское самоназвание, отразившееся в византийских источниках в виде *Antes* / Ἄνται? Сторонники иранского происхождения утверждают, что нечто вроде «живущие с краю, пограничные жители» и пр., напоминающее по смыслу понятие «Украина» и «украинцы» (Аникин, Иванов 2014: 256). Однако смысл корня **ant-* как раз и не предполагает такого значения. В русском языке, и не только в нем, четко различаются понятия «край» и «конец». Германцы используют для обозначения последнего слова образованные от того же корня, что и пресловутое **ant-*: гот. *andeis*, англ. *end*, нем. *Ende*. Можно подобрать даже точные смысловые соответствия, например лондонские *East-End* и *West-End* с одной стороны и «концы» русских городов: Копырьев конец в древнем Киеве, Пятницкий и Крылошевский концы в Смоленске, не говоря уже о новгородских.

Понятие «край, граница» обозначается в германских языках другим словом: гот. *marka*, нем. *Mark*, англ. *mark*, что соответствует славянскому «край», «краина», «граница». Средневековая *Windische Mark* в исторической Нижней Крайне переводится по-словенски как *Slovenska krajina*, да и само немецкое *Krain* скорее всего происходит от славянского названия границы. Производными слова «марка» являются такие известные исторические понятия, как «марка», «маркграф», «маркиз», а также название германского племени маркоманов. В этом отношении корень «енд» совершенно бесплоден: никаких «ендграфов» или «ендоманов» в источниках не встречается.

В отличие от германских языков, иранские не сохранили первого корня, но другой им хорошо известен. Речь идет о таких словах как персидское *марз* «граница», *марзпан* «марзабан» (страж границы, маркграф, титул в сасанидском Иране), заимствованных в грузинский и армянский языки (Армения делится на *марзы* «края»). Надо полагать, что если бы некий ираноязычный народ решил назвать соседних славян «живущими у края (земли), украинными, пограничными жителями», то он бы избрал для этого продуктивный в смысле образования и соответствующий по содержанию корень *марз*, но никак не **ант*, который, будучи от него образовано некое название людей, придал бы ему значение близкое русскому «кончане» (так назывались жители новгородских концов), весьма далекое от приписываемому имени антов «украинные, пограничные жители, *tagcomanni*». Сказанного, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы раз и навсегда отказаться от сопостав-

ления этнонима *Antes* / Ἄνται с «похожими» словами из неславянских языков, наподобие др.-инд. *ant-* «конец», или монг. *анда* «побратим», или – чем черт не шутит! – названия кавказского народа *андийцев* (народ в Дагестане) или южноамериканского горного хребта *Анд*. Единственно правильным будет поиск самоназвания антов в их родном языке (а Прокопий совершенно недвусмысленно высказывается по поводу того, что у антов и «славян» (склавинов) был один и тот же язык) среди действительно существовавших славянских этнонимов и сопоставить его с единственно подходящим для этого именем вятичей, о связи которого с этнонимом *Antes* / Ἄνται говорит М.В. Грацианский.

Соглашаясь с ним по существу, что этнонимы *вене-ды* – *анты* – *вятичи* представляют собой, в сущности, разные формы одного и того же слова, мы полагаем, что реконструкция апофонической формы имени вятичей, начинающейся с гласного **ǫ-*, будет излишним «умножением сущностей», поскольку такой этноним (что-то вроде «утичей») останется чисто умозрительным построением, поскольку ничего похожего на него нет в источниках. Впрочем, следы самоназвания антов имеются в нашем распоряжении – речь идет об этнониме «удмурт», первую часть которого, подобно имени антов предлагается выводить из того же пресловутого иранского корня **ant* «конец» (Белых 1994: 284–285). Однако эту гипотезу можно рассматривать и под иным углом зрения, а именно признать, что оба этнонима восходят к славянскому самоназванию антов.

Русское название удмуртов, *вотяки*, явным образом созвучно названию Вятки¹, а последнее – имени славянского племени вятичей. Имя Вятки имеет славянское происхождение, поскольку удмуртское *Ватка* может быть выведено из русского *Вятка*, а не наоборот и, скорее всего, наподобие Печоры, Тунгусок, Вогулок и т.п., река получила названия по имени проживавшего на ней народа. Иными словами, «вятскими» людьми, пришедшие в конце XII в. новгородцы называли живших по берегам этой реки предков удмуртов. Впоследствии, по ходу вытеснения и ассимиляции местного населения, его имя было перенесено на новых жителей края, как это произошло с русскими пермяками или немецкими пруссаками (*Preußen*). Другие теории, в том числе новейшая – выводящая имя реки от слова «ветка», кажутся неправдоподобными (Васильев 2016: 23–39). Позднейшее русское название удмуртов, – «вотяки», – было заимствовано из марийского *одо-(мари)* «удмурт» по мере русского продвижения вниз по Волге.

«Вятская» по виду этнонимия означает не только удмуртов. Мордва-эрзя называет чувашей *ветькеть*, а чувашский язык – *вэтькень кель*. Это название упоминается в источниках XIII в.: «Слове о погибели русской земли», где сообщается, что «буртасы, черемиси, вьяда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера», а также в записках венгерского монаха Юлиана, который сначала побывал *in terram Saracinorum que vocatur*

1 В 16 главе второй части «Былого и дум» написано: «Но возвратимся в наш скромный Хлынов-городок, переименованный, не знаю зачем, разве из финского патриотизма, Екатериной II в Вятку». Под «финнами» Герцен подразумевает вотяков.

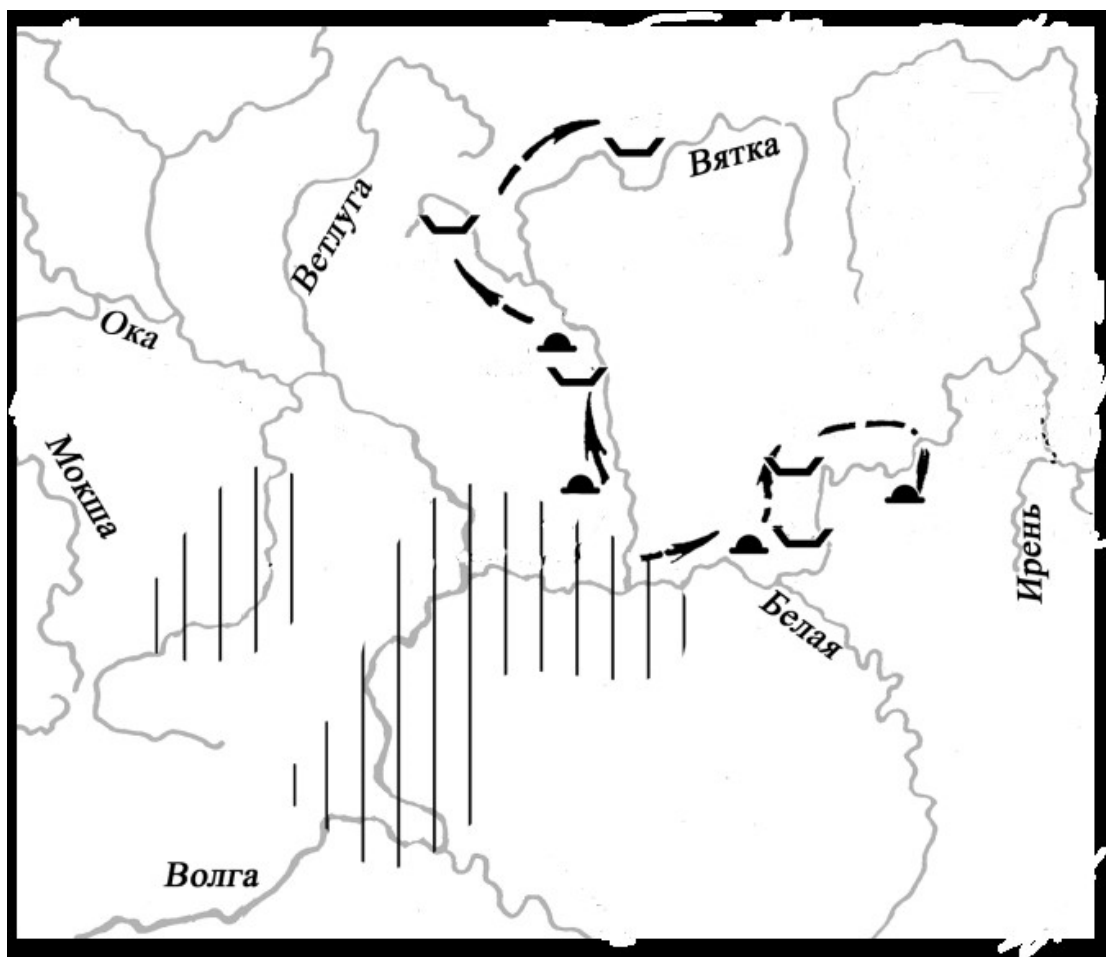

Рис. 1. Карта распространения памятников именьковской археологической культуры и направление предполагаемого расселения славян по находкам в курганных и плоских могильниках (Голдина 2004: Рис. 127)

Veda, а позднее, находясь на Руси, узнал, что татары разорили *regna paganorum Sasciam, Bulgariam, Wedin et Meroviam Poydoviam, Mordanorum regnum* (Аннинский 1940: 80, 85, 98; Соловьёв 1958: 102-104). Сюда же можно отнести запись XVI в.: «А преж сего ту реку Пьяну бобры били ватцкая мордва Сюдесъ Алекин да кемарьские мордвы Кирдюш Сыресев с товарищи на веру на государя, а рыбу и лебеди ловили на себя безоброчно» (Тихомиров 1951: 238; Шумаков 1902: 74).

По нашему мнению, все эти названия: *Вятка, Вятская земля, вятчане, вотяки, удмурты* (<**odo-mort*, где *-d- < *-nt-* (Белых, Напольских 1994: 285)), *ватцкая мордва, ветькеть, вяда, Veda, Wedin* на Вятке и Волге восходят к самоназванию племен, носителей именьковской археологической культуры (V-VII вв.)² (Матвеева 1986: 158-171). Их славянская принадлежность признается как археологами («именьковцы» принесли неизвестные ранее обряд трупосожжения, пашенное земледелие и высокоразвитую обработку железа) (Седов 1994: 309-315), так и языковедами (с «именьковцами» связывают слой древнейших славянских заимствований в пермских языках) (Napol'skich 1996: 97-106).

2 Проблема самоназвания носителей именьковской культуры ранее уже рассматривалась на страницах «Исторического формата» М.И. Жихом (Жих 2015: 129-150; 2019: 41-59), который шёл от другого материала и пришёл к иным выводам.

Именьковская культура занимала земли при слиянии Волги и Камы от Суры на западе и устья Вятки на востоке (рис. 1), то есть включала в себя на западе этническую территорию чувашей («ветькеть»). Что касается Вятки, то проживавшие здесь предки удмуртов-вотяков, племена азелинско-худяковской археологической культуры, находились под сильным влиянием «именьковцев». Продвижение пришлого славянского населения вверх по течению Вятки, в область расселения предков удмуртов, отмечается находками (в том числе оружия) на местных могильниках (рис. 1): «Мы располагаем весомыми доказательствами того, что в конце III – начале IV в. в Южном Прикамье – на р. Вятке, Средней Каме появилось пришлое население юго-западного происхождения. Возможно, эти группы имели смешанный готто-славянский облик» (Голдина 2004: 258-259).

Поскольку именьковские племена находились на более высоком уровне хозяйственного развития (земледельцы) и были лучше вооружены, можно предположить, что местное финно-угорское охотничье население вошло в состав обширного объединения, наподобие позднейшей волжской Болгарии или Казанского царства, ядром которого были пришлые славяне. Племенная принадлежность этого славянского населения V-VII вв. очевидна: речь идет об антах, «бесчисленные племена» которых (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα), по свиде-

тельству Прокопия (VIII. 4. 7) «сидели» «выше к северу» от утигуров, живших от Кавказа до Азовского моря и Дона (Меотиды и Танаиса) (Свод 1994: 200-201). Вероятно, предки удмуртов, находившиеся в сфере влияния антов, могли усвоить это имя в качестве самоназвания, что не редкость в этнической истории, например – «болгары», «русь», «франки» и пр. В таком случае этноним «удмурты» можно толковать как «антские мужи, мужи-анты», что полностью совпадает по строению и смыслу с названием «ватская мордва» (ср. **odo-mort* «удмурт») на реке Пьяне русских сотенных книг XVI в.

Нам остается только восстановить славянское самоназвание антов. Поскольку все его производные в русских источниках – *Вятка*, *вьяда*, *вотяки*, *ватская мордва* и пр. – имеет начальное «в», мы полагаем, что этот гипотетический этноним не был «апофоническим вариантом» этнонима вятичи, а имел ту же самую фонетическую форму, то есть начинался с **vęť*. Судя по заимствованиям из «именьковского» языка в праудмуртский, славянские носовые звуки **ę* и **ǫ* (передаваемые на письме малыми и большими юсами) отражались в нем одинаково: удм. *lud* (< **lvntʲ*) «поле; луг; священная роща и пр.» – слав. **lęda* «ляда, лядина»; удм. *gubi* (< **gompz*) «гриб» – слав. **gǫba* «губа, губчатый гриб» (Напольских 2006: 5, 8). Поэтому превращение слав. **vęť* в первую часть самоназвания удмуртов *уд-* (< **Vnt-*) не противоречит правилам удмуртской фонетики.

Учитывая, что в VI в. славянские носовые гласные еще не образовались из соответствующих дифтонгов, а звук **v* представлял собой лабиовелярный звук наподобие английского *w*, этноним антов, записанный при помощи греческих букв, мог бы выглядеть как **FávtaFε*, откуда греч. *Ἄνται*. и лат. *Antes*. Передача именно в таком виде, а не скажем **Entai* / *Entes*, что ожидалось из словарного написания звука, обозначавшегося «малым юсом», в виде *ę*, объясняется диалектными различиями славянского языка. В «северных» славянских: русском, польском, чешском имел место переход *ę* > *a*: **Vęčeslavъ* > *Вячеслав*, *Waclaw*, *Václav*. Поскольку анты расселились севернее склавинов, все упоминания о которых в источниках относятся к Подунавью, написание имени антов с начальным «а» следует приписать этой фонетической тенденции.

Славянское самоназвание антов скорее всего выглядело как слово, склоняющееся во множественном числе по типу основ мужского рода на *-u-* (подобно **synove*, *сынове*): **vęťove*, *вятовe*, (ед. ч. м. р. **vęťinъ*, *вятинъ*), прилаг. **vęťьskъ* (*жь*), *вятъскъ* (*-ии*), что в современном русском произношении звучало бы как *вятовe*, *вятин*, *вятский*. Поскольку от корня **vęť*- образованы не только имя вятичей, но и слово *вятьшии* «большой» (Грацианский 2014: 37), замечание Иордана *Antes vero, qui sunt eorum [Sclavinorum] fortissimi* (Get. 35) (Свод 1994: 108), которое можно перевести на славянский как «вятовe иже суть имъ [словѣномъ] вятьшии» («анты, которые сильнее склавинов») может считаться подтверждением нашей реконструкции, поскольку отражает бытовавшее среди антов «народное» толкование своего самоназва-

ния **vęťove*, вятовe как «вятские, сильнейшие, могущественные».

Поскольку, согласно утверждению одного из участников дискуссии посвященной антской проблеме, основа *vęť-* компоративов вятичи (*вячьшии*, *вятшии*) «большой», *вяче* «больше» – славянская, а не балто-славянская, инославянские связи и достоверная этимология этих слов не установлены (Аникин 2015: 268), мы должны отвергнуть на этом основании любые попытки приписать носителям именьковской культуры и их языку какое-либо иное кроме славянского происхождение⁴.

3 V(okalis). Здесь и далее – неопределенный гласный звук.

4 Например, одному исследователю пришлось в прямом смысле слова каяться за использование слова «праславянский» / «Urslavisch» по отношению к языку носителей именьковской культуры (Напольских 2006: 3, Сноска 1).

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин 2015 - Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Выпуск 9. (врандовать – гало́п). М., 2015. 383 с.
- Аникин, Иванов 2014 - Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М.В. Грацианскому) // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 251-263.
- Аннинский 1940 - Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 71-112.
- Белых, Напольских 1994 - Белых С.К., Напольских В.В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // Linguistica Uralica. Т. 30. № 4. Tallinn, 1994. С. 284-285.
- Васильев 1993 - Васильев М.А. Славяне и анты: к проблемам этногенетических и раннеисторических процессов в славянском мире // Славяноведение. 1993. № 2. С. 7-14.
- Васильев 2016 - Васильев В.Л. Еще раз о происхождении названий реки Вятка и города Вятка (совр. Киров) // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 23-39.
- Властелины Рима 1992 - Властелины Рима. Биографии римских императоров от Августа до Диоклетиана. М., 1992. 260 с.
- Голдина 2004 - Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. 422 с.
- Грацианский 2012 - Грацианский М.В. О происхождении этнонима анты // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 27-39.
- Грацианский 2014 - Грацианский М.В. Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (Ответ С.А. Иванову и А.Е. Аникину) // Византийский временник. 2014. Т. 73. С. 264-276.
- Жих 2015 - Жих М.И. Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 129-150.
- Жих 2019 - Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье по письменным и археологическим данным // Исторический формат. 2019. № 1. С. 41-59.
- Зализняк 1962 - Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 164-177.
- Корнелий Тацит 1967 - Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1967.
- Матвеева 1986 - Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158-171.
- Напольских 2006 - Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3-19.
- Петкова, Иванова 2022 - Петкова Г., Иванова В. Латински лични имена в езика и културата на Древен Рим. Записки з ономастики. 2022. XXV. С. 64-86.
- Свод 1994 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М., 1994. 474 с.
- Седов 1994 - Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. 344 с.
- Соловьёв 1958 - Соловьёв А.В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 102-104.
- Страбон 1994 - Страбон. География в 17 книгах. М., 1994. 945 с.
- Тихомиров 1951 - Тихомиров М.Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 235-244.
- Трехкнижие Вербоци 1961 - Трехкнижие Вербоци // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 716-734.
- Трубачев 2003 - Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М., 2003. 489 с.
- Шумаков 1902 - Шумаков С.А. Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.). Вып. 1. / Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1902. 272 с.
- Шушарин 1997 - Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. 512 с.
- Napol'skich 1996 - Napol'skich W.W. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Hamburg, 1996. Bd. 18/19. S. 97-106.

REFERENCES

- Anikin 2015 - Anikin A.E. Russkiy etimologicheskii slovar [Russian Etymological Dictionary], Vol 9, Moscow, 2015 [in Russian].
- Anikin, Ivanov 2014 - Anikin A.E., Ivanov S.A. Antskaya problema kak predmet etimologii i etnoistorii (vozrazheniye M.V. Gratsianskomu) [Problem of the Antes as a subject of etymology and ethnohistory (an objection to M.V. Gratsiansky)], in: Vizantiyskii vremennik [The Byzantine Yearbook], 2014, Vol. 73, pp. 251-263 [in Russian].
- Anninskiy 1940 - Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII-XIV vv. o tatarakh i vostochnoy Yevrope [News of Hungarian missionaries of the XIII-XIV centuries about the Tatars and Eastern Europe], in: Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive], 1940, Vol. 3, pp. 71-112 [in Russian].
- Belykh, Napol'skikh 1994 - Belykh S.K., Napol'skikh V.V. Etonim udmurt: ischerpany li al'ternativy? [The ethnonym Udmurt: have alternatives been exhausted?], in: Linguistica Uralica, 1994, Vol. 30/4, pp. 278-288 [in Russian].
- Gol'dina 2004 - Gol'dina R.D. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo Naroda [Ancient and medieval history of the Udmurt people], Izhevsk, 2004 [in Russian].

- Gratsianskiy 2012** - Gratsianskiy M.V. O proiskhozhdenii etnonima anty [On the origin of the ethnonym Antes], in: Vizantiyskiy vremennik [The Byzantine Yearbook], 2012, Vol. 71, pp. 27-39 [in Russian].
- Gratsianskiy 2014** - Gratsianskiy M.V. Anty, venety, vyatichi, slavyane: rodstvo imen i rodstvo plemen (Otvét S.A. Ivanovu i A.E. Anikinu) [Antes, Veneti, Vjatiči, Slavs: Kinship of Names and Kinship of Tribes (Answer to S.A. Ivanov and A.E. Anikin)], in: Vizantiyskiy vremennik [The Byzantine Yearbook], 2014, Vol. 73, pp. 264-276 [in Russian].
- Ivanov 1991** - Ivanov S.A. Otkuda nachinat' etnicheskuyu istoriyu slavyan (po povodu novogo truda pol'skikh issledovateley) [Where to start the ethnic history of the Slavs (regarding the new work of Polish researchers)], in: Sovetskoye Slavyanovedeniye [Soviet Slavic Studies], 1991, № 5, pp. 3-13 [in Russian].
- Korneliy Tatsit 1997** - Korneliy Tatsit. Sochineniya v dvukh tomakh [Essays in two volumes], Vol. 1, Leningrad, 1967, pp. 327-352 [in Russian].
- Napol'skich 1996** - Napol'skich W.W. Die Vor-slaven im unteren Kama-gebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial [The pre-Slavs in the lower Kama Region in the middle of the 1st millennium of our era: Permian language material], in: Finnisch-ugrische Mitteilungen [Finnish-Ugric messages], 1996, Vol. 18/19, pp. 97-106 [in German].
- Napol'skikh 2006** - Napol'skikh V.V. Balto-slavyanskiy yazykovoy komponent v Nizhnem Prikam'ye v seredine I tys. n.e. [Balto-Slavic linguistic component in the Lower Kama region in the middle of the 1st millennium AD], in: Slavyanovedeniye [Slavic Studies], 2006, Vol. 2, pp. 3-19 [in Russian].
- Petkova, Ivanova 2022** - Petkova G., Ivanova V. Latinski lichni imena v ezika i kul'turata na Drevnen Rim [Latin personal names in the language and culture of Ancient Rome], in: Zapiski z onomastiki [Onomastic notes], 2022, Vol. 15, pp. 65-86 (in Bulgarian).
- Shumakov 1902** - Shumakov S.A. Sotnitsy (1537-1597 gg.), gramoty i vypisi (1561-1696 gg.) [Description of the Hundreds (1537-1597), charters and extracts (1561-1696)], Moscow, 1902 [in Russian].
- Shusharin 1997** - Shusharin V.P. Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya [The early stage of the ethnic history of the Hungarians. Problems of ethnic identity], Moscow, 1997 [in Russian].
- Solov'yov 1958** - Solov'yov A.V. Zametki k «Slovu o gibeli Russkoy zemli» [Notes on "The Tale of the Death of the Russian Land"], in: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature], 1958, Vol. 15, pp. 235-244 [in Russian].
- Strabo 1994** - Strabon. Geografiya v 17 knigakh [Geography in 17 books], Moscow, 1994 [in Russian].
- Svod 1994** - Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh. T. I (I – VI vv.) [Collection of the most ancient written information about the Slavs. Vol. I (I-VI AD)], Moscow, 1994 [in Russian].
- Tikhomirov 1951** - Tikhomirov M.N. Gde i kogda bylo napisano «Slovo o pogibeli Russkoy zemli» [Where and when was "The Tale of the Destruction of the Russian Land" written], in: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature], 1951, Vol. 8, pp. 235-244 [in Russian].
- Trekhknizhiye Verbotsi 1961** - Trekhknizhiye Verbotsi [Verbotsi's Tribook], in: Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Yevropy [Reader on monuments of the feudal state and the law of European countries], Moscow, 1961, pp. 716-734 [in Russian].
- Trubachev 2003** - Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: lingvisticheskiye issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs: linguistic studies], Moscow, Nauka, 2003 [in Russian].
- Vasiliev 1993** - Vasiliev M.A. Slavyane i anty: k problemam etnogeneticheskikh i ranneistoricheskikh protsessov v slavyanskom mire [Slavs and Antes: to the problems of ethnogenetic and early historical processes in the Slavic world], in: Slavyanovedeniye [Slavic Studies], 1993, Vol. 2, pp. 7-14 [in Russian].
- Vasiliev 2016** - Vasil'yev V.L. Yeshche raz o proiskhozhdenii nazvaniy reki Vyatka i goroda Vyatka (rayon Kirov) [Once again about the origin of the names of the Vyatka river and the city of Vyatka (Kirov region)], in: Voprosy onomastiki [Onomastics issues], 2016, Vol. 13/2, pp. 23-39 [in Russian].
- Zaloznyak 1962** - Zaloznyak A.A. Problemy slavyano-iranskikh yazykovykh otnosheniy drevneyshego perioda [Problems of Slavic-Iranian linguistic relations of the ancient period], in: Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya [Questions of Slavic linguistics], 1962, Vol. 6, pp. 28-45 [in Russian].
- Zhih 2015** - Zhih M.I. Zametki o ranneslavjanskoj jetnonimii (slavjane v Srednem Povolzh'e v pervoj polovine I tys. n.je.) [Notes about an early Slavic ethnonymia (Slavs on average the Volga region in the first half of I thousand AD)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 129-150 [in Russian].
- Zhih 2019** - Zhih M.I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e po pis'mennym i arheologicheskim dannym [Early Slavs in the middle Volga region by manuscripts and archaeological data], in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 1, pp. 41-59 [in Russian].

Назин Сергей Владимирович

– кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ Школа № 1547 (Москва, Россия).

Sergey Nazin

– Candidate of Historical Sciences, School № 1547, teacher of history (Moscow, Russia).

sergnasin@yandex.ru

РОЛЬ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

И.А. Гагин

Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru
SPIN-код: 6046-8148

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается об очень важном элементе дипломатической практики, повсеместно применявшемся при заключении союзных договоров древнерусскими князьями. Речь идет о женитьбе князей или их сыновей на девушках из знатных родов половецких, болгарских или европейских народов. Выдача князьями своих дочерей замуж в иноземщину также приравнивается к данному акту дипломатии. Данная практика была повсеместной и касалась не только русских князей, что свидетельствует о высокой значимости заключения межплеменных и межгосударственных брачных союзов в дипломатической практике раннего и позднего средневековья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: брак, дипломатия, князь, многоженство, обычное право, кыпчаки-половцы, союз.

THE ROLE OF MARRIAGE ALLIANCE IN THE DIPLOMATIC PRACTICE OF ANCIENT RUS'

Igor Gagin

Ryazan State Medical University
Russia, 390026, Ryazan, The Vysokovoltnaya Street, 9
e-mail: igagin@mail.ru

ABSTRACT

The article describes a very important element of diplomatic practice that was widely used by the ancient Russian princes when concluding alliance treaties. This involved the marriage of princes or their sons to women from noble families of the Polovtsian, Bulgarian, or European peoples. The princes' marrying off their daughters into foreign lands is likewise equated with this diplomatic act. This practice was widespread and was not limited to Russian princes alone, indicating the high significance of intertribal and interstate marriage alliances in the diplomatic traditions of the Early and Late Middle Ages.

KEYWORDS: marriage, diplomacy, prince, polygamy, customary law, Kipchaks-Cumans, alliance.

Практика юридического оформления политических договоров в раннем средневековье повсеместно имела одно и то же содержание. Во многом это связано с психологией, этносознанием и нравами, господствовавшими в ту далёкую эпоху. «Не следует забывать, что система ценностей и моральные принципы, господствовавшие в средневековье, имели свои особенности и нередко противоречили современным представлениям о мире, обществе и взаимоотношениях людей», – пишет болгарский историк П. Ангелов, – «Без понимания этого специфического мировоззрения трудно, а иногда и невозможно проникнуть в сущность того или иного события в истории средневековой дипломатии» (Ангелов 1987: 175).

В дипломатической практике народов раннего средневековья одним из существенных элементов при заключении межплеменных и межгосударственных соглашений считался брачный союз, заключаемый между

представителями элиты договаривающихся сторон. Этот период истории изобилует примерами закрепления дипломатического договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его прочность и незыблемость. Историк Д.И. Прозоровский в одном из своих исследований доказывал, что нормой обычного права закреплялась обязанность князя при заключении договора вступать в родственные отношения с новоиспеченными союзниками, поэтому многоженство князя – нормальное явление в языческой среде (Прозоровский 1864: 22). Так, многочисленность жен киевского князя Владимира Святославовича Красное Солнышко, больше известного в летописях под именем Владимира Святого, отнюдь не факт его развращенности.

Летопись, написанная монахом Киево-Печерского монастыря более чем через сто лет после смерти Владимира, не входит в суть проблемы, а исподволь доказывает и показывает, каким прелюбодеем князь был

до принятия христианства и каким святым стал после. Дипломатическая сторона проблемы, самой собой, не затрагивалась. Летописи говорят о шести законных женах будущего крестителя Руси. Дети этих женщин (у Владимира Святославовича было 12 сыновей и несколько дочерей) имели полные права при разделе отцовского наследства и были юридически равны. Прозоровский также упоминает о многочисленных наложницах князя и массе незаконнорожденных детей, за которыми обычное право не признавало прав наследства (Прозоровский 1864: 24-25). Кто эти женщины, и какова их судьба? Мы этого никогда не узнаем, да в этом и нет необходимости. Если бросить ретроспективный взгляд на историю других европейских народов, можно обнаружить подобное явление почти повсеместно.

Многочисленные исследования говорят о том, что правитель мог иметь несколько официальных жен и множество так называемых наложниц. Например, хазарский каган обязывал вождей племен, находившихся у него в вассальной зависимости, присылать ему своих дочерей и сестер (Константин Багрянородный 1991: 55). Здесь открывается одна из тонкостей обычного права раннего средневековья: вожди вассальных племен выдавали своих дочерей за сюзерена как факт признания вассальной от него зависимости. А.П. Ковалевский отметил в своем исследовании, что «отказ отдать свою дочь был в то время отказом от признания вассальной зависимости» (Ковалевский 1948: 141). За этим моментально следовало жестокое наказание.

В то же время, количество официальных жен правителя могло говорить только о том, что они являлись жертвами союзного договора. А так как подобного типа договоры могли заключаться и, как правило, заключались не с одним, а с несколькими представителями элиты государств и сильных соседних народов, то князь, по нормам обычного права, был обречен стать многоженцем.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что брачное соглашение как юридический акт, подтверждающий политический союз между договаривающимися сторонами, нес на себе две функции: первая – союзное соглашение, когда договаривающиеся юридические лица выступали на равных; вторая – когда брачное соглашение воспринималось актом признания одного юридического лица вассалом по отношению к другому.

Как уже было сказано выше, будущий креститель Руси Владимир Святославович имел шесть официальных жен. Первой из них была чешская княжна. По всей видимости, приближенные Владимира уделяли большое внимание союзу с Чехией, так как две из шести жен князя были чехини. Имена их неизвестны. От первой он имел сына Вышеслава, от второй, которая была четвертой его официальной женой – Святослава и Мстислава.

Вторая по очереди – знаменитая Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, взятая Владимиром силой в присутствии родственников (ПВЛ 2014: 108). Полоцкий князь хотел выдать свою дочь за сводного брата Владимира, Ярополка, который в это время уже имел жену-гречанку. В условиях начавшейся междуособной

борьбы, Владимиру это было крайне не выгодно, так как Рогволод становился не просто тестем Ярополка, а его союзником. В Полоцк отправляется дядя Владимира, Добрыня, предложивший от лица своего князя союз. Последовавший отказ в Повести Временных Лет исходит из уст Рогнеды: «Не хочу за рабынича, хочу за Ярополка» (ПВЛ 2014: 108). Почему Рогнеда называет Владимира рабыничем, то есть сыном рабыни? Дело в том, что его мать, древлянская княжна Малфредь, более известная под именем Малуши, после сожжения киевлянами столицы древлян, становится ключницей княгини Ольги, то есть ее рабыней. Но она была княжной крупного и сильного славянского племени, её дети могли возглавить древлянский союз, поэтому мудрая княгиня Ольга выдает её замуж за своего сына Святослава, который уже имел жену. Если не две.

Заметим, Малуша не стала наложницей, она стала законной женой киевского князя. Как доказывал историк Д.И. Прозоровский, нормы обычного права на Руси не давали возможности детям наложниц занимать престол. И если бы Малуша была просто наложницей Святослава, а не его женой, Владимир никогда бы не стал князем (Прозоровский 1864: 87). Но прозвище «рабынича» некоторое время преследовало Владимира Святославовича, по крайней мере, до тех пор, пока он не сел княжить в Киеве.

Варяжские наемники Владимира берут Полоцк штурмом. Рогволод так и не дождался помощи от Ярополка, а Владимир, на глазах у дружины и родственников Рогнеды, овладевает ею силой. Данный поступок есть проявление одной из норм обычного права раннего средневековья, закрепляющий права Владимира не просто над княжной, а над всей Полоцкой землей. Но данный брак не рассматривался признанием вассалитета Полоцка, хотя и был применен силовым вариантом. Это доказывает то обстоятельство, что дети Рогнеды юридически были равны с детьми других жен Владимира. Мало того, один из ее сыновей, Ярослав, станет великим киевским князем и останется в истории под прозвищем «Мудрый». Именно его потомки будут править на Руси до конца XVII в. Детями Рогнеды были Ярослав, Изяслав, Мстислав, Всеволод, Предслава и Премислава (ПВЛ 2014: 111).

Третья жена князя – бывшая супруга его сводного брата – Ярополка, гречанка по происхождению. После гибели Ярополка и вокняжении в Киеве, Владимир берет её в жены. По нормам права это подтверждает его преемственность на престоле, а также показывает, что смена власти не отменяет соглашений с греками, заключенными при Ярополке. У гречанки родится Святотоплк, которого в летописях называют «сыном двух отцов» (ПВЛ 2014: 111). Летописец сообщает, что жена Ярополка была монахиней, а от «греховного корня зол плод бывает» и то, что Владимир «жил с ней не в браке, а как прелюбодей» (ПВЛ 2014: 110). Причина кроется в том, что после смерти мужа Ярополка она была в положении, а ребенка родила, будучи с Владимиром. Возможно, именно поэтому, захватив киевский престол после смерти Владимира Святославовича, Святотоплк

с такой легкостью расправился с его сыновьями, ибо были они ему чужими и по отцу, и по матери.

Пятой женой была болгарка. Долгое время историки спорили, приводя свои аргументы, какой она была болгаркой – дунайской или волжской. Немецкий историк Людольф Мюллер видит в ней именно волжскую болгарку. По его мнению, её дети, Борис и Глеб, по смерти отца в 1015 г. княжат в удельных Ростовском и Муромском княжествах, граничивших с державой волжских болгар. «Брак Владимира с болгаркой мог скреплять мирный договор, заключенный в 985 году после похода Руси на Волжскую Болгарию» (Членов 1981: 69). Волжская Болгария впервые упоминается в русских летописях под 985 годом. В то лето киевский князь явился в Болгарию с прагматической целью во главе огромной дружины и союзного торкского воинства. В генеральной битве русы одержали победу, но, глядя на болгарских пленников, дядя князя, Добрыня, изрёк фразу, зафиксированную в летописях: «Говорит Добрыня Владимиру: «Посмотри на колодников, все они в сапогах. Эти дань нам давать не будут, поедем искать лапотников» (ПВЛ 2014: 114).

Сапоги на ногах пленников, причём надо понимать, не только знатных – это яркая картина, показывающая экономическое положение Волжской Болгарии. Владимир одержал победу в сражении, но он, как мудрый политик, понимал, что вассалами Киевской Руси болгары никогда не станут. Из щекотливого положения князя вывели сами болгары, предложив заключить между Волжской Болгарией и Русью выгодный для обеих сторон мирный договор. И сказали болгары: «Только тогда не будет между нами мира, когда камень начнёт плавать, а хмель тонуть» (ПВЛ 2014: 115; ПСРЛ 1997: 84).

Исследователи приходят к мнению, что договор, как того требовало обычное право, был подтвержден женитьбой Владимира на болгарской княжне. Историк конца XVIII столетия, князь Михаил Щербатов пишет, что сыновья Владимира Борис и Глеб родились от болгарки. Правда Щербатов считал, что в 985 году Владимир воевал дунайских болгар и, следовательно, его женой, пятой по счету, стала болгарка не с Волги, т.е. мусульманка, а с Дуная – православная (Щербатов 1770: 251). Однако советский историк Б.Д. Греков очень убедительно доказывает, что это были именно волжские болгары (Греков 1953: 471, прим. 1).

Уже на следующий год, что подтверждено летописями, в Киев прибывают болгарские послы и купцы. А.Х. Халиков предполагает, что болгары доставили в Киев княжескую невесту, которая впоследствии станет матерью знаменитых Бориса и Глеба (Халиков 1986: 75). Подписывается обширный договор о торговле, и вскоре устанавливается сухопутный торговый путь Булгар – Киев.

Кроме этого, болгары осмелились предложить Владимиру принять ислам, что опять же отмечено летописями. Это косвенно доказывает тот факт, что, предоставив князю-язычнику мусульманскую жену, болгарский эмир был весьма заинтересован в исламизации Руси. Следует отметить, что Владимир не отринул предложения, а направил в Булгар посольство специально

с целью изучения вопроса. Дело в том, что проблема принятия одной из мировых религий, более четко обслуживающей складывающиеся социально-политические отношения и консолидирующей племена в единую народность прямо встала перед киевским князем. Языческая реформа не принесла своих результатов. На повестке дня стоял выбор веры, не единожды в истории имевший место. Например, в похожей ситуации на столетие ранее находились хазары, из трех религий – ислама, христианства и иудаизма – выбравшие иудаизм. Однако, на Руси, где уже пустило корни православное христианство (бабка Владимира, княгиня Ольга, была христианкой; дружина Владимира почти на половину состояла из приверженцев христианства) места для ислама не было.

Последней – шестой женой Владимира, стала византийская царевна Анна, принеся в Киев не просто очередную договор с Византией, а православное христианство. Одним из условий женитьбы на ней киевского князя было принятие Русью христианства, исповедовавшегося в Византийской империи. Женясь на царевне, Владимир Святославович, на правах зятя константинопольского императора, делает Русь политически равной с христианскими европейскими государствами. Владимир-христианин даёт вольную всем своим женам и наложницам, разрешив им, если они того захотят, выходить замуж.

Принятие Русью христианства кардинально изменяет ситуацию. Теперь православный князь имеет право только на одну жену, но суть юридического оформления договоров остается прежней, то есть неизбежность соглашений подтверждается брачными союзами между правителями. Так, например, с именем Ярослава Мудрого, сына Владимира Святого, связано укрепление могущества и авторитета Руси, о чем свидетельствуют династические связи его дочерей и сыновей с правителями европейских государств. Сам Ярослав был женат на Индигерде, дочери шведского короля Олофа. Сын Ярослава – Изяслав – был женат на Гертруде, дочери польского короля Мешко II; другой сын – Святослав – на Оде, дочери немецкого графа, третий – на Марии, дочери византийского императора Константина Мономаха. Дочери Ярослава стали королевами: Анастасия – венгерской, Елизавета – норвежской, а затем датской, Анна – французской (Творогов 2001: 12). Список династических браков, подтверждающих юридическое оформление межгосударственных союзных договоров с правителями западноевропейских стран, можно продолжать до бесконечности (Пашуто 1968: 419-427).

Восточная политика русских княжеств требовала поиска союзников среди беспокойных кочевых соседей (торков, половцев, берендеев), постоянно совершавших набеги на Русь. Практика показала, что мирные договоры с кочевниками – средство краткосрочное и не дающее перспективы стабильных отношений. Единственные отношения, святость которых для кочевников была неоспоримой – родственные. Ханы, породнившиеся с русскими князьями, не только прекращали набеги на их территории, но и обороняли их от своих сородичей. Кроме этого, князья очень часто использо-

вали новых родственников в спорах друг с другом, нанося половцев на территории соседей. Примерами (не единственными), подтверждающими заключение политических договоров с кочевниками посредством оформления брачных союзов, могут служить киевский князь Всеволод Ярославич (сын Ярослава Мудрого), второй женой которого, после смерти греческой принцессы Анны, стала половецкая княжна; Святополк Изяславич (внук Ярослава Мудрого), женившийся на дочери хана Тугоркана; Юрий Всеволодович Долгорукий (внук Ярослава Мудрого), тестем которого был половецкий хан Аепа, а так же его брат Андрей, князь Волынский, а затем Переяславский, женившийся в 1117 г. на внучке знаменитого Тугоркана (Пашуто 1968: 421-427).

Половецкие ханы так же часто брали в жены русских княжеских и боярских дочерей. В летописях неоднократно упоминается хан Кончак, женатый на дочери киевского князя. Юрий Кончакович, сын двух народов, был православным и сыграл не маленькую роль в налаживании добрососедских отношений между половцами и русскими.

Проблема брачных союзов русских князей с кочевой аристократией, и та роль, которую эти союзы имели для мирного сосуществования и становления мало-мальски взаимовыгодных отношений Руси со Степью, имеет весьма важное значение для понимания процессов, проходивших в международной политике Восточной Европы в XI-XII веков. Серьезное внима-

ние данной проблеме во второй половине XX столетия уделил казахский поэт и историк Олжас Сулейменов. Он попытался доказать, что само слово «брак», в значении «супружество», имеет половецкое происхождение. Так, по его мнению, понятие происходит от кипчакского «birak» – союз (буквально, «единение», «сочетание» от числительного «bir» – один). Раз термин не стал народным, то это как раз и свидетельствует в пользу версии о его применении среди элиты (Сулейменов 1975: 144). На Руси только княжеские супружества считались браком, ибо лишь они выражали идею объединения, политического союза, причем с представительницами кыпчаков-половцев. Постепенно, когда политические контакты со степью начали утрачивать первоначальное значение союза, смысл его изменяется. Все меньше князей ездит в степь за невестами, и таким образом забывается первое значение термина брак – «женитьба князя на дочери хана с целью установления тесных политических отношений» (Сулейменов 1975: 149). Уже любая свадьба (правда, пока еще в высшем боярском сословии) называется браком. И остается, в конце концов, упрощенный смысл – вступление в супружество, который очень сложно и неоднозначно приживался в народной среде.

Процесс этот был прерван татаро-монгольским нашествием, прекратившим существование половцев как этноса после упорной и кровопролитной борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов 1987 - Ангелов П. Роль дипломатии в создании и укреплении Болгарского государства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
- Греков 1953 - Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Политическая литература, 1953. 568 с.
- Ковалевский 1948 - Ковалевский А.П. Ибн-Фадлан. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1948. 850 с.
- Ковалевский 1956 - Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.
- Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Пашуто 1968 - Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
- ПВЛ 2014 - Повесть временных лет / Составление, примечания и указатели А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина; Вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 544 с.
- Прозоровский 1864 - Прозоровский Д.И. О родстве Святого Владимира по матери // Записки Императорской Академии Наук. Т. V. Кн. 1. СПб., 1864.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- Сулейманов 2025 - Сулейманов О.О. «Аз и Я». Книга благонамеренного чтения. Алматы: Service Press, 2025. 390 с.
- Творогов 2001 - Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. СПб.: Наука, 2001. 221 с.
- Халиков 1986 - Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора). Сборник статей / Ответственный редактор А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. 151 с.
- Членов 1981 - Членов Д.М. Из истории ранних русско-булгарских политических связей // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 69-82.
- Щербатов 1770 - Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770. 398 с.

REFERENCES

- Angelov 1987 - Angelov P. Rol' diplomatii v sozdanii i ukreplenii Bolgarskogo gosudarstva [The role of diplomacy in the creation and strengthening of the Bulgarian State], in: Etnosocial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostej [Ethnosocial and political structure of early feudal Slavic states and nationalities], Moscow, 1987 [in Russian].
- CHlenov 1981 - CHlenov D.M. Iz istorii rannih rusko-bulgarskih politicheskikh svyazej [From the history of early Russian-Bulgarian political relations], in: Iz istorii rannih bulgar [From the history of the early Bulgars], Kazan, 1981, pp. 69-82 [in Russian].

- Grekov 1953** - Grekov B.D. Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Moscow, Politicheskaya literature Publ., 1953, 568 p. [in Russian].
- Halikov 1986** - Volzhskaya Bulgariya i Rus' (K 1000-letiyu russko-bulgarskogo dogovora). Sbornik statej / Otvetstvennyj redaktor A.H. Halikov [Volga Bulgaria and Russia (On the 1000th anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty). Collection of articles / Executive editor A.H. Khalikov], Kazan, IYALI Publ., 1986, 151 p. [in Russian].
- Konstantin Bagryanorodnyj 1991** - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej [About Empire management], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].
- Kovalevskij 1948** - Kovalevskij A.P. Ibn-Fadlan. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Ibn Fadlan. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Moscow, 1948, 850 p. [in Russian].
- Kovalevskij 1956** - Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda ibn-Fadlana o puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. [The book by Ahmed ibn Fadlan about the journey to the Volga in 921-922], Har'kov, 1956 [in Russian].
- Pashuto 1968** - Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [The foreign policy of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1968, 474 p. [in Russian].
- Prozorovskij 1864** - Prozorovskij D.I. O rodstve Svyatogo Vladimira po materi [On the kinship of St. Vladimir on his mother's side], in: Zapiski Imperatorskoj Akademii Nauk [Notes of the Imperial Academy of Sciences], Vol. 5, Part 1, Saint-Petersburg, 1864 [in Russian].
- PSRL. I** - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The Complete collection of Russian Chronicles. T. I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1997, 733 p. [in Russian].
- PVL 2014** - Povest' vremennyh let / Sostavlenie, primechaniya i ukazateli A.G. Kuz'mina, V.V. Fomina; Vstupitel'naya stat'ya i perevod A.G. Kuz'mina [The Tale of bygone Years / Compilation, notes and indexes by A.G. Kuzmin, V.V. Fomin; Introductory article and translation by A.G. Kuzmin], Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014, 544 p. [in Russian].
- SHCHerbatov 1770** - SHCHerbatov M.M. Istoriya rossijskaya ot drevnejshih vremen. Ot nachala do konchiny velikogo knyazyaz YAroslava Vladimirovicha [Russian history from ancient times. From the beginning to the death of Grand Duke Yaroslav Vladimirovich], Saint-Petersburg, 1770, 398 p. [in Russian].
- Sulejmanov 2025** - Sulejmanov O.O. «Az i YA». Kniga blagonamerennogo chteniya ["Az and I". A book of well-intentioned reading], Almaty, Service Press Publ., 2025, 390 p. [in Russian].
- Tvorogov 2001** - Tvorogov O.V. Drevnyaya Rus'. Sobytiya i lyudi [Ancient Russia. Events and people], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2001, 221 p. [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич

– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).

Igor Gagin

– Candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).

igagin@mail.ru

О МЕСТЕ КНЯЗЯ В ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI-XIII ВВ.

П.И. Гайденко

Московский государственный лингвистический университет

Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Россия, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

e-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Scopus Author ID: 57196032488

<https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

SPIN-код: 5519-0564

АННОТАЦИЯ

Одной из интересных и вместе с тем сложных проблем в отношении средневековья остаётся проблема понимания статуса правителей в системе церковной иерархии. История Древней Руси не является в этом исключением. Положение князя, как лица, обладавшего огромными полномочиями в церковной организации древнерусского государства ещё не вполне осмысленно. Был ли княжеский статус сопоставим с архиерейским? Был ли он правящий князь фигурой не только сакральной, но и священной? Применима ли к князю категория «мирянин»? В рамках представленной статьи предпринята предварительная попытка оценить права и статус князя в системе иерархических отношений древнерусской церковной организации. Однако уже первое прикосновение к заявленной проблеме позволяет говорить о том, что видеть в русском правящем князе мирянина опрометчиво. Скорее всего, применительно к средневековью вернее говорить о множественности форм служения, в котором княжеское служение было сопоставимо с епископским.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: История Русской Церкви, Древнерусское государство, домонгольская Русь, церковное право, княжеская власть, древнерусская церковная иерархия.

ON THE PLACE OF THE PRINCE IN THE CHURCH HIERARCHY OF ANCIENT RUS' IN THE 11th-13th CENTURIES

Pavel Gaidenko

Moscow State Linguistic University

Russia, 119034, Moscow, Ostozhenka St., 38, building 1

Bauman Moscow State Technical University

Russia, 105005, Moscow, 2nd Baumanskaya St., 5, building 1

e-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ABSTRACT

One of the most intriguing yet complex problems in relation to the Middle Ages remains understanding of the status of rulers within the system of church hierarchy. The history of Ancient Rus' is no exception. The position of a prince as an individual who wielded enormous power over the ecclesiastical polity of the Ancient Russian state has not yet been fully comprehended. Was the princely status comparable to that of a bishop? Was the ruling prince not only a sacral but also a holy figure? Does the category of "layman" apply to the prince? Within the framework of the presented article a preliminary attempt is made to assess the rights and status of the prince in the hierarchical relations of the ancient Russian ecclesiastical organization. However, even an initial examination of the stated problem suggests that viewing the Russian ruling prince as a layman is unadvised. Most likely that, in relation to the Middle Ages, it would be more accurate to speak of a plurality of forms of service, in which the princely service was comparable to that of a bishop.

KEYWORDS: History of the Russian Church, The Old Russian state, pre-Mongol Rus', ecclesiastical law, princely power, the Old Russian church hierarchy.

Автор выражает искреннюю благодарность Филиппу Дмитриевичу Подберезкину и Али Мамедову за помощь при подготовке статьи к публикации

Положения князя в церкви (в её сложной системе иерархических отношений церкви), как самостоятельная и основательная научная проблема, не так часто становится предметом специальных исследований. Чаще историков, философов и политологов привлекают темы, так или иначе связанные с отношением церкви и княжеской власти. Число этих работ, отличающихся разной степенью проработки материала, значительно, причём настолько велико, что сегодня что-либо привнести новое в существующую историографию непросто. Всё это обрекает исследователей на вынужденные повторения и воспроизведение уже некогда сказанного. Что же касается того, какая ступенька на иерархической лестнице христианского мира Руси отводилась князю, то эта проблема изучена лишь отчасти. Однако, несомненно, накопленный материал по истории княжеской власти на Руси настолько разросся, что уже давно нуждается в некоторой систематизации написанного и осмысленного. Это же в свою очередь открывает возможность более внимательно посмотреть на некоторые аспекты прошлого Руси. В полной мере это касается и князей.

Действительно, какое место князь занимал в церковной иерархии и занимал ли его вообще? Сообщения источников о торжественных встречах Рюриковичей при их вхождении в стольный город¹, сложная, символическая и пышная церемония посажения на престол², место, занимавшееся князем и его семьёй на полатах за богослужением, как, собственно, и отдельный вход для княжеской семьи, особые права в системе церковного управления, участие в церковных судебных процессах, строительство церквей и учреждение иноческих обителей (ктиторство, донаторство и патронат) (Щапов 1989: 149-156; Гайденко 2016), участие в учреждении кафедр указывают на предельно высокое положение князя в Церкви. На высокий сакральный статус княжеской власти также указывает то, как ею определялись пределы прав церковных институтов и широта церковной юрисдикции. Не менее показательны княжеские ктиторские портреты³ и места княжеских погребений⁴.

1 Порядок посажения и провозглашения князей оказался одним из наиболее интересных аспектов древнерусской истории. См. подробнее: Ричка 2007; Гвозденко 2009; Артамонов 2021; Виноградов 2021; Котышев 2022.

2 Применительно к домонгольскому периоду древнерусское летописание сохранило несколько известий о торжественном вступлении князей в город. Например, подобный торжественный вход в Киев отмечен под 1151 г. при вступлении в город князя Изяслава Мстиславича: «И тако Вячъславъ и Изяславъ и Ростиславъ, похваляче Бога и его Пречистую Матерь, и силу животворящаго креста, съ честью и похвалою великою, пойдоша къ Киеву; и тако поидоша противу имъ святители съ хресты, митрополитъ Климиъ и игумени честнии и попове, и многое множество святитель, и съ великою честию въѣхаша въ Киевъ, и ту поклонившеса святой Софьи и святой Богородици Десятиньѣи, и пребыша у велицѣи весельи и у велицѣи любви, и тако начаша жити» (Ипатьевская летопись: стб. 441).

3 Светским ктиторским храмовым портретам Древней Руси, преимущественно Киева, посвящён ряд ярких исследований (Лазарев 1870: 27-54; Высоцкий 1989: 52-112; Преображенский 2012: 61-180; Козак 2014: 198-209; Нікітенко Н 2017: 40-241; Ганшин 2018: 169-180; 2021: 64-78).

4 О княжеских погребениях см.: Толочко 1991: 34-42; Самойлова 2006: 579-602; Гайденко 2020а: 81-94; 2020б: 28-45; Жежа 2022: 16-35.

Будучи рассмотренной в рамках отдельных научных областей – прежде всего это касается области феномена власти, и многочисленных исторических сюжетов – проблема определения социально-антропологического и каноническо-правового положения князя в церкви всё же едва ли может считаться вполне решённой. Однако отмеченное объясняется не столько состоянием источников, сколько господствующими в современной, главным образом, церковной историографии представлениями о строе земной Церкви, транслируемыми и накладываются в том числе и на прошлое⁵. Они предполагают разделение христианского общества на две части – на лиц, наделённых священным саном – клир и монашество, и тех, кто не имеет таковых – на мирян. И в этой лапидарной картине церковного мироустройства князья, как и цари не более чем миряне⁶. Однако насколько такой взгляд верен в отношении князя (а в широком смысле – любого иного правителя средневековья)?

Почти всё, что известно историкам о прошлом в том числе о князьях и их положении в церковной иерархии – почерпнуто у книжников и, естественно, оценки древнерусских источников – это оценки их авторов. Поэтому важнейшее значение приобретает архитектура прошлого. В отличие от текстов, доступ к которым был ограничен, а их понимание требовало существенной подготовки, культовые сооружения и совершавшиеся в них публичные действия (богослужения, собрания, выходы и т.д.) обладали, несомненно, большей доступностью, убедительностью и эмоциональной наглядностью, способной в некоторых случаях производить на современников

5 В отмеченном контексте примечательна статья К.А. Костромина «Власть гражданская и власть церковная: симфония или конкуренция? XI-XIII вв.», поднимающая проблему соотношения государственной и церковной властей в домонгольской Руси. Стремясь ответить на прозвучавшие в исследовании вопросы и полемизируя с другими авторами, историк и сам неожиданно для себя стал заложником современных церковных концепций, предложив рассматривать санкционирование князем права митрополиту на совершение судов, не иначе как «делегирование» такового права. По сути, на систему властных отношений русского первосвященника и великого князя, отражавшую практики, характерные для феодальных и феодализирующихся элит, была наложена идейная калька, напоминающая о статусе правителей: «В Византии и Российской империи исключительно широкие полномочия в церковном управлении принадлежали императору (в России до 1721 – царю). Хотя его статус и обладал известной сакральностью вслед за церковным благословением на царствование, в особенности через обряд миропомазания, император не становился священнослужителем, т.е. оставался мирянином. Занимая ключевое положение в системе церковной власти, император представлял собою совокупный голос М. (мирян – авт.), не усваивая себе полномочий епископов и зависящих от них пресвитеров и диаконов» (Цыпин 2017: 394-396).

6 Наиболее последовательно и настойчиво данная точка зрения представлена во взглядах прот. Владислава Цыпина. В специальной статье, посвящённой мирянам, церковных идейных права так высказывается о статусе правителей: «В Византии и Российской империи исключительно широкие полномочия в церковном управлении принадлежали императору (в России до 1721 – царю). Хотя его статус и обладал известной сакральностью вслед за церковным благословением на царствование, в особенности через обряд миропомазания, император не становился священнослужителем, т.е. оставался мирянином. Занимая ключевое положение в системе церковной власти, император представлял собою совокупный голос М. (мирян – авт.), не усваивая себе полномочий епископов и зависящих от них пресвитеров и диаконов» (Цыпин 2017: 394-396).

менников ошеломляющее впечатление⁷. Организация храмового пространства, его росписи, святости, погребения и место в этом пространстве князей и членов их семей были порой даже содержательнее и многословнее письменных источников, обладая более наглядной концептуальностью при определении положения и роли князя в иерархии земной церкви. Несомненно, положение князей в церкви в различные периоды российской истории было разным. Исследования природы власти А.Е. Преснякова, Б.А. Рыбакова, М.Б. Свердлова и Б.А. Успенского вполне убедительно показали, что положение князя в древнерусском обществе, для которого было характерна неразделённость областей права и веры было специфичным, что едва ли позволяет говорить о князьях как «мирянах».

Определение места и положения князя в церковной иерархии затруднительно уже по тому, что оно могло определяться как самим князем и его окружением, так и иными сторонами: например, церковь в лице её иерархов и книжного монашества, или же населением. К тому же на протяжении всего рассматриваемого периода положение князя в обществе и, вероятно, в Церкви эволюционировало, обогащаясь новыми представлениями о поведении и внешнем виде князя. Наиболее подробно многочисленные аспекты образа князя, способствовавшие его сакрализации были описаны М.Б. Свердловым (Свердлов 2003: 568-582). Высшая власть выступала особым христианским служением, отличавшим её обладателя как от народа, так и от клира. И в этом своём высоком служении князь уподоблялся не епископу, а самому Богу. Весьма примечательно обращение митрополита Никифора к князю Владимиру Всеволодовичу: «Потому что подобает князьям, как избранным от Бога и призванным в Его правоверную веру, точно понимать слова Христовы и твердое основание церковное. Дано тебе будет основание, которым является Святая Церковь, для просвещения и наставления порученных тебе от Бога людей. Один только Бог царствует над небесными, вам же (князьям дано) с Его помощью царствовать над земными в юдоли сей. В роды и роды. И поскольку (вы) избраны были от Бога, и возлюблены были Им, и возлюбили Его, уразумейте слова Его и исследуйте, чтобы после отшествия отсюда и распадения сего мира соцарствовать с Ним на небесах <...>» (Послание от Никифора: 326). В своей богоизбранности князь подобен и царю, ибо «Константин Великий от Христа принял царство» (Послание от Никифора: 323). Власть дана князю от Бога в настоящем – «для

7 В данном отношении показательна реакция послов князя Владимира от увиденного в Константинопольской Софии богослужения: «И придохом же въ Гръкы, и ведоша ны, идеже служить Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на земль: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такая, недоумѣемъ бо сказати. Токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ съ челоуѣкы пребываетъ, и есть служба ихъ паче всехъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя – всякъ бо челоуѣкъ, аще преже вкуситъ сладка, послѣди же не можетъ горести прияти – тако и мы не имамъ сде быти» (Лаврентьевская летопись: стб. 108). Не менее примечателен восторг книжников о строительных усилиях Ярослава Мудрого (Лаврентьевская летопись: стб. 151-153) и о возведѣнном в Переяславле епископском замке («городе») и «банном строении» (Лаврентьевская летопись: стб. 208).

просвещения и наставления порученных тебе от Бога людей» (Послание от Никифора: 326). Именно таким виделось служение идеального князя и таким представлялось его место в Церкви в словах греческого иерарха. Видеть в сказанном одно лишь риторическое витийство – сомнительно. Это то, кем является князь в политическом, и в христианском измерении. И всё же данный изысканный по языку отрывок речи киевского архипастыря не даёт ясного ответа на вопрос о том, каковым же было место князя в сложной церковной иерархии? Русский первосвятырь говорит лишь о роли и значении княжеской власти для обеспечения благоденствия Церкви и мира, в которой христиане и их пастыри совершают своё служение. В данном контексте княжеское служение предстаёт одной из высших форм служения, находя отражение и в соответствующих фактических и символических формах.

Очевидно, что положение князя определялось его особым правовым статусом не только в деле поддержания мира и порядка, на что обратил внимание ещё А.Е. Пресняков⁸, но и в отношении религиозной жизни подвластных ему территорий, что особенно хорошо прослеживается в истории Церкви. Именно князь принимал решение о выборе веры и приглашении иерархии на Русь, князь легитимизировал деятельность клира и определял границы церковной юрисдикции, он же устанавливал объём и комплекс канонических норм, к которым могла прибегать Церковь в своей деятельности⁹. И в этой области ситуация на Руси вполне соотносилась с практиками того времени.

Так, в своём законе, обращённом к Церкви, правитель Венгрии Стефан аналогичным образом санкционировал права епископата. Уже в первых положениях своего закона он определил целый комплекс таковых прав и обязанностей: «Мы хотим, чтобы епископы имели власть печься о церковном, управлять и распоряжаться им в соответствии с канонической властью. Мы желаем, чтобы и миряне в своём служении подчинялись епископам <...>. Да будут комиты и судьи согласны со своими представителями для вершения справедливости в соответствии с установлениями Божественного закона <...>» (Законы Стефана Святого: 114-115). Безусловно, с современных позиций такая полнота полномочий правителей представляется по меньшей мере дискуссионной, как на это обратил прот. Владислав Цыпин (Цыпин 2017: 394-395). Однако для современников той эпохи, в том числе из числа иерархов описанное положение дел представлялось естественным и закономерным особенно, если правитель являлся христианином. Более того деятельность правителей в области церковного устройства рассматривалась современниками

8 Именно эти функции князя А.Е. Пресняков рассматривал в качестве ключевых при определении положения князя в обществе: «На князе лежит охрана внутреннего мира и наряда в земле» (Пресняков 1993: 184).

9 Об активной и определяющей роли князя Владимира в определении круга прав и полномочий церкви говорят не только преамбулы княжеских Уставов (Устав князя Владимира: 14-15 [ст. 2]), но и гомилетическое свидетельство Илариона, обращённое к Владимиру: «Ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаея часто, съ многымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ челоуѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ уставити» (Слово Илариона: 48).

как апостольская или по меньшей мере просветительская, а поэтому не только одобрительной, но и соответствующей положению правителя. Креститель своего народа наделялся не только эпитетами, уподоблявшими его царям древности, но и статусом «равного апостолам». Именно так представлялись усилиями древнерусских книжников князя Владимир Святославич и Ярослав Мудрый¹⁰. Именно так оценивал обязанности князя в Церкви и в отношении Церкви митрополит Никифор, выделяя княжеское служение как особое призвание. Подобным же образом писал о князе Владимире и Ярославе несколькими десятилетиями ранее митрополит Иларион, возводя образ Владимира к образу равноапостольного императора Константина¹¹, чей статус был почти епископским и подобен апостольскому (Дагрон 2010: 166-186).

Несомненно, князя не только определяли пределы церковной юрисдикции, но и могли созывать соборы, как это было в случае Ярослава Мудрого¹² и Изяслава Мстиславича (Ипатьевская летопись: стб. 340-341).

Столь высокое положение князя находило своё отражение не только в книжной риторике, доступной узкому кругу лиц, но и во внешнем статусе и образе князя. Внешность, одежды, поведение князя и занимаемое им место в общественных пространствах церкви и города считывались большинством наблюдателей и интерпретировались в самых высоких смыслах. О том, насколько разительно положение князя и приближенных к нему лиц, включая слуг, отличалось от положения иных знатных лиц можно судить по тому, как остро это различие осознавал и ощущал Даниил Заточник¹³. Лучше и ярче всего прижизненное и посмертное место князя и членов его семьи виделось в храмовом пространстве и в литургическом действии. Фактически это воспроизводило практики и церемониал императорского двора. Однако для современников, жителей Киева это было больше, чем ритуал. Князь и его родные стояли на одном уровне со святыми, чьи изображения покрывали стены. Образ князя как ктитора фактически уподоблял его тем, кто уже достиг Небесного Иерусалима. Князь и его семья занимали место на балконе-хорах в западной части собора, поднимаясь туда по отдельной лестнице. Здесь же,

10 Эти образы хорошо прописаны в похвальных словах летописцев о Владимире и Ярославе. Первый из них прямо назван «Се есть новы Костянтинъ», а его начиная уподоблены начинаниям царя Давида. Ярослав же с его любовью к книгам соотносится с царём Соломоном: «Володимирь (землю) разора и умягчи, рекше крещениемъ просвѣтивъ. Сий же Ярославъ, сынъ Володимерь, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей» (Лаврентьевская летопись: стб. 130, 152; Данилевский 2019: 63-276).

11 «О подобный великому Константину, равный <ему> умом, равный любовью ко Христу, равный почтительностью к служителям его!» (Слово Илариона: 48).

12 О том, что Ярослав созывал епископов, сообщает летописное известие о возведении Илариона на кафедру: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси въ святѣй Софѣи, собравъ епископы» (Ипатьевская летопись: стб. 143).

13 Взывая к князю, Даниил уподобляет милости князя – божественным милостям, а образ князя – божественному образу. Несомненно, это игра слов, но игра, не лишённая не только таланта, но и искренности: «Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ, и образ твои красенъ; мед истачають устне твои, и послание твое, аки рай (с) плодом» (Слово Даниила Заточника: 14; Данилевский 2002: 94-107; Данилевский 2024).

наверху располагалась наиболее приближенная к князя знать, здесь, вероятно хранилась библиотека, здесь, как полагал М.К. Каргер, могли устраиваться приёмы иностранных гостей (Каргер 1946: 18-19). Причем это высокое во всех смыслах положение позволяло князю и его ближайшему окружению возвышаться не только над «народом», но и над епископатом и духовенством, имея возможность созерцать не только молитвенное стояние пришедших на богослужение, но и совершаемое в алтаре.

Столь же высоким оказывалось положение князя в храмовой росписи, в которой ктиторский портрет, вписанный в общую иконописную программу, воспринимался в качестве естественной и неотъемлемой её части (Преображенский 2012: 10-19). В результате князь уподоблялся святым независимо от того, имел место факт его официального прославления (посмертного) или нет.

Аналогичное почтение оказывалось княжеским погребениям этого периода¹⁴. Несомненно, эти погребения, богато украшенные, представляли собой надгробные комплексы¹⁵. Более того оно получило развитие и в широком нарративе. Это почтение к святым князьям, независимо от того, признавались ли они таковыми церковью или внутри княжеского рода наиболее полно воплощалось в архитектуре (Седов 2003: 447-472). Например, такое почитание присутствует не только в отношении Бориса и Глеба, что вполне естественно в уже по причине признания их святости греческими иерархами, но и в отношении иных представителей правящей династии: княгини Ольги, князя Андрея Юрьевича Боголюбского, князя-инока Игоря¹⁶ и иных князей. При этом храмы-некрополи, богатые княжеские надгробия и иконописные портреты становились зримыми свидетельствами не просто сакральности князей, их земной власти и служения, но и их святости или же по меньшей мере «особой связи ктитора с небесным миром» (Преображенский 2012: 10-17). Анализируя отношение летописцев к храмостроительной деятельности князей и тяги тех к украшению возводимых соборов и церквей, А.С. Преображенский обратил внимание «на фиксируемую летописанием твердую веру князей в спа-

14 Это, например, видно по тому, как описывается в летописании разграбление собора и княжеских захоронений во Владимире: «Татарове же силою отвориша двери церковныя и видеша овы огнем скончавшася овы же оружием до конца смерти предаша святую Богородицу разграбиша, чудную икону одраша оукрашену златом и серебром и каменьемъ драгим. И манастыре все и иконы одраша, а ины исекоша, а ины поимаша. И кресты честныя, и сосуды священныя, и книги одраша. И порты блаженныхъ первыхъ князи еже бяху повешали в церквахъ святыхъ на память себе то же все положиша себе в полонъ» (Лаврентьевская летопись: стб. 463; Толочко 1991: 34-42).

15 Под «надгробным комплексом» А.Г. Мельник понимает «совокупные предметы, оформляющих места упокоения подвижников благочестия», «концентрированно визуально выражающими культ святых» (Мельник 2023: 134).

16 В данном отношении весьма показательным то, как относятся к телу жестоко убитого киевлянами князя-инока Игоря. С одной стороны, тело князя подвергается поруганию, с другой – летописец приводит примечательное свидетельство о целительной силе пролитой князем крови: «Человеци же благовѣрнии, приходяще взимаху от крове его и от прикрова сущаго на немъ, на тѣлѣ его, на спасение себе и на исцѣление» (Ипатьевская летопись: стб. 353).

сительность их ктиторских деяний» (Преображенский 2012: 65). Прав исследователь и тогда, когда оценивает символику ктиторских портретов через призму власти. И при данном ракурсе рассмотрения ктиторских портретов и княжеских погребений можно говорить о том, что и по смерти князь занимал в земной и небесной иерархии Церкви то положение, которое обязывало духовенство и епископат совершать о нём высокое служение, оказывать знаки почтения его изображениям и захоронению, занимая в отношении не только живых, но и почивших князей подчинённое и зависимое положение.

Г.П. Федотов был не совсем прав, когда, повествуя о культуре святых князей в домонгольской Руси, ограничивался образами князей Владимира, Бориса, Глеба, Николы-Святоши и княгини Ольги и писал о том, что усиление почитания русских князей приходится на эпоху монгольского господства, «чтобы прекратиться одновременно с ним к концу XV в.» (Федотов 1989: 72-77). Летописные известия и данные археологии указывают на обратное. Культ святых князей начали формировать и устойчиво действовали на протяжении всех XI, XII и первой трети, не только отражая процессы христианизации знати и воцерковления правящих элит Руси, но и неся на себе в том числе печать представлений о старейшинах и отцах родов¹⁷.

Несомненно, не имея равенства с императорами, русские князья чутко воспринимали то, что было способно уподобить их василевсам. И это в равной мере относилось к княжеской власти в отношении Церкви. И здесь, не соглашаясь с мнением, присутствующим в Православной Энциклопедии, низводящей императоров до уровня мирян, можно обратиться и к иным мнениям, основанным на оценке источников права. Прежде всего, это касается работ Ж. Дагрона и А.Ю. Митрофанова.

При том, что соотношение власти царствующего василевсов и епископов в империи ромеев действительно на разных этапах истории государства ромеев решалось по-разному, общим оставалось то, что император, хоть и отвечал перед Богом за свой народ, но не был мирянином. У него был иной статус, который, например, в трактовках патриарха Вальсамона приобретал выдающееся значение. При том, что применённая знаменитым правоведом трактовка, вероятно являлась «провокацией», призванной ответить на утвердившееся на западе представление о подчинённости императорской власти римскому престолу, положение «царствующего» (что очень важно) василевса в силу возложенных на него обязанностей было предельно высоким и не уступающим архиерейству (Дагрон 2010: 319-334; Митрофанов 2025). Ситуация на Руси была несколько иной. Однако и здесь епископат хоть и имел право голоса, но находился в отношении князя в зависимом положении (см. подробнее: Казанцев 2014: 94-99).

17 Характеризуя практику княжеских погребений в храмах и монастырях, А.С. Преображений обоснованно обратил внимание на то, что «храмоздательство Юриковичей, как правило, имеет сильный родовой оттенок» (Преображенский 2012: 75).

Наконец, был ли князь подсуден Церкви? Наиболее красноречиво о «праве» епископов в условиях домонгольской Руси совершать суд над князьями говорят слова князя Олега Святославича, отказавшегося явиться на суд, который пробовал организовать над черниговским князем в 1096 г. Владимир Мономах: «Нѣсть лѣпо судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ» (Ипатьевская летопись: стб. 220). Никак не оговаривала подсудность князя и Правда Русская.

Аналогичной видится ситуация и в отношениях князя и Церкви. Применявшиеся на Руси канонические нормы хоть и распространялись на все территории, где «где кр(е)стяне соут(ь)» (Устав князя Владимира: 14-16 [ст. 7]), однако, как это видно из самих же текстов Уставов Владимира и Ярослава, ответственность за совершаемое зависела от социального статуса согрешивших и пострадавших. Преимущественно внимание статей сосредоточено на боярах, мужах и членах их семей. В результате, прещения Уставов в виде штрафов или же удаления в церковный дом налагались не только в зависимости от совершаемого проступка, но и от социального статуса согрешившего. Над мужами власть епископа была ограничена, расправу над ними мог совершить только князь («князь казнит») (см. подробнее: Устав князя Ярослава: 86-89 [ст. 2, 3, 4, 8, 14, 30, 31, 35]). Сосредоточенность внимания Устава Ярослава о церковных судах на представителях свободного населения и знати, вероятно, объяснялось как волей князя, так и платежеспособностью этих социальных групп (см. подробнее: Устав князя Ярослава: 85-91). Над мирянами же, членами городского мира, митрополит власти не имел даже в том случае, если таковые могли выполнять какие-либо функции, связанные с жизнью церкви¹⁸. Полнота же святительской власти распространялась исключительно на клир, «церковных людей». Что же касается князей, то ни о какой их ответственности перед церковными судом речи и нет. Уставы лишь запрещают им торговаться в епископский суд над церковными людьми, однако не предусматривает за это наказаний: «А ты не стоупають ни дети мои, ни оуници мли, ни род мои в люди церковныя и въ все соуды»¹⁹.

Конечно, для получения более полного представления о положении князя в системе церковно-иерархических отношений Руси XI-XIII вв. необходим более широкий комплекс источников. Однако даже предварительный подступ к данной проблеме позволяет заключить, что простое разделение общества на клир и мирян применительно к средневековью едва ли верно, тем более в условиях реалий домонгольской Руси. Особенно ошибочно оно в отношении главы государства. Княжеское служение подобно императорскому никак не было сводимо к выполнению управленческих функций. Правящий князь был не только сакральной, но и священной фигурой, что находило своё отражение и в комплексе властных полномочий в области устройства и жизни Церкви, и в его месте в Церкви, и в его посмертном статусе. Аналогична ситуация была и в Западной Европе.

18 «Аще их кто внидет въ вину соудити тех, митрополитоу и еп(и)с(ко)помъ опрочи мирянь» (Устав князя Владимира: 16 [ст. 11]).

19 Аналогичную меру содержит и Устав Ярослава (Устав князя Владимира: 15 [ст. 6]; Устав князя Ярослава: 90-91 [ст. 54-56]).

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов 2021 - Артамонов Ю.А. Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXIII: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 13-18.
- Виноградов 2021 - Виноградов А.Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXIII: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 57-61.
- Высоцкий 1989 - Высоцкий С.А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев: Наукова думка, 1989. 213 с.
- Гайденко 2016 - Гайденко П.И. Несколько замечаний об институте ктиторов в домонгольской Руси (на примере Печерского монастыря) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 4. С. 13-34.
- Гайденко 2020а - Гайденко П.И. Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI-XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 81-94.
- Гайденко 2020б - Гайденко П.И. Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости (продолжение) // Novogardia. 2020. № 4. С. 28-45.
- Ганшин 2018 - Ганшин О. Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // Славистична збірка. Вип. IV. Київ, 2018. С. 169-180.
- Ганшин 2021 - Ганшин О. Історіографічний парадокс двох ктиторських композицій у Кирилівській церкві Києва // Novogardia. 2021. № 1. С. 64-78.
- Гвозденко 2009 - Гвозденко К.А. Церемонии княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17-35.
- Дагрон 2010 - Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Перевод и научная редакция А.Е. Мусина; под общей редакцией И.П. Медведева. СПб.: Нестор-История, 2010. 480 с.
- Данилевский 2002 - Данилевский И.Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. Вып. 4. С. 94-107.
- Данилевский 2019 - Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 448 с.
- Данилевский 2024 - Данилевский И.Н. Как услышать «глас вопиющего»? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 6 (140).
- Законы Стефана Святого 2024 - Законы Стефана Святого: перевод // Наумов Н.Н. Законы и наставления Стефана Святого по их древнейшим рукописям. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. С. 109-143.
- Ипатьевская летопись 2001 - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 938 с.
- Каргер 1946 - Каргер М.К. Новгород Великий. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1946. 183 с.
- Кежа 2022 - Кежа Ю.Н. Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 16-35.
- Козак 2014 - Козак Н.Б. Фрагмент ктиторской композиции на западной стене наоса Кирилловской церкви в Киеве // В созвездии Льва: сборник статей по древнерусскому искусству в честь Л.И. Лифшица / ответственный редактор М.А. Орлова. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 198-209.
- Котышев 2022 - Котышев Д.М. Инвеститура киевских князей XI-XII веков // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 1. С. 93-100.
- Лаврентьевская летопись 2001 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 733 с.
- Лазарев 1970 - Лазарев В.Н. Групповой портрет семейства Ярослава // Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М.: Наука, 1970. С. 27-54.
- Мельник 2023 - Мельник А.Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVII века // Одиссей. Человек в истории. 2023. № 2 (31). С. 134-162.
- Митрофанов 2025 - Митрофанов А.Ю. Вальсамон об архиерейском характере императорской власти. 2025 / Электронный ресурс: https://www.academia.edu/14953909/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BD_%D0%BE%D0%B1_%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8 (Дата обращения - 07.05.2025).
- Нікітенко 2017 - Нікітенко Н. Світські фрески Софії Київської. Таємничий код історії. Київ; Харків: Національний заповідник «Софія Київська», 2017. 247 с.
- Послание от Никифора 2007 - Послание от Никифора, митрополита Киевского, к Владимиру, князю всей Руси, сыну Всеволода, сына Ярослава // Митрополит Никифор / Исслед. В.В. Милькова, С.В. Мильковой, С.М. Полянского; подготовка текстов В.В. Милькова, С.В. Мильковой; перевод С.М. Полянского. СПб.: Миръ, 2007. С. 323-326.
- Преображенский 2012 - Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М.: Северный паломник, 2012. 541 с.
- Пресняков 1993 - Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий; Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примечания М.Б. Свердлова. М.: Наука, 1993. 632 с.
- Ричка 2007 - Ричка В.М. «Владимирь на столъ» (Обряд інтронізації в Київській Русі) // Ruthenica. Т. VI. Київ, 2007. С. 118-127.

- Ричка 2009 - Ричка В.М. «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 179 с.
- Самойлова 2006 - Самойлова Т.Е. Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 579-602.
- Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. 734 с.
- Седов 2003 - Седов Вл.В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Составитель А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 447-472.
- Слово Даниила Заточника 1932 - Слово Даниила Заточника. Основная редакция XII века (Академический список) // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / подготовил к печати Н.Н. Зарубин. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 166 с.
- Слово Илариона 1997 - Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI-XII вв. / под редакцией Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. С. 26-61.
- Степаненко 2013 - Степаненко В.П. К реконструкции ктиторской композиции Софии Киевской // Античная древность и средние века. 2013. Т. 41. С. 169-177.
- Татищев 1774 - Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М.: Напечатано при Императорском Московском университете, 1774. 530 с.
- Толочко 1991 - Толочко А.П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). Киев, 1991. С. 34-42.
- Устав князя Владимира 1976 - Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (Оленинская редакция. Архангельский извод) // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Издание подготовил Я.Н. Щапов; Ответственный редактор Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 14-16.
- Устав князя Ярослава 1976 - Устав князя Ярослава о церковных судах (Основной извод) // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Издание подготовил Я.Н. Щапов; Ответственный редактор Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85-91.
- Федотов 1989 - Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X-XVII ст.). Paris: YNCA-PRESS, 1989. 245 с.
- Цыпин 2017 - Цыпин В., прот. Миряне // Православная Энциклопедия / под редакцией патриарха Кирилла. Т. 45. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2017. С. 394-396.
- Щапов 1989 - Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. X-XIII вв. М.: Наука, 1989. 228 с.

REFERENCES

- Artamonov 2021 - Artamonov YU.A. Ob uchestii cerkvi v intronizacii knyazej Drevnej Rusi [On the Church's participation in the enthronement of the princes of Ancient Russia], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Vyp. XXVIII: Rol' religii v formirovanii sociokul'turnyh praktik i predstavlenij [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Issue XXXIII: The role of religion in the formation of sociocultural practices and ideas], Moscow, IVI RAN Publ., 2021, pp. 13-18 [in Russian].
- Cypin 2017 - Cypin V., prot. Miryane [Laity], in: Pravoslavnaya Enciklopediya / pod redakciej patriarha Kirilla [The Laity Orthodox Encyclopedia / ed. by patr. Kiril], Vol. 45, Moscow, CNC «PE» Publ., 2017, pp. 394-396 [in Russian].
- Dagron 2010 - Dagron ZH. Imperator i svyashchennik. Etyud o vizantijskom «cezarepapizme» / Perevod i nauchnaya redakciya A.E. Musina; pod obshchej redakciej I.P. Medvedeva [The emperor and the priest. A study on Byzantine "Caesarepapism" / Translated and scientifically edited by A.E. Musin; under the general editorship of I.P. Medvedev], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 480 p. [in Russian].
- Danilevskij 2002 - Danilevskij I.N. Holopskoe schast'e Daniila Zatochnika [The servile happiness of Daniel the Sharpener], in: Kazus, 2002, Vol. 4, pp. 94-107 [in Russian].
- Danilevskij 2019 - Danilevskij I.N. Germenevicheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov. Povest' vremennyh let [Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts. A tale of bygone years], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2019, 448 p. [in Russian].
- Danilevskij 2024 - Danilevskij I.N. Kak uslyshat' «glas vopiyushchego»? [How to hear the "voice of the crying one"?], in: Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational magazine "History"], 2024, Vol. 15, № 6 (140) [in Russian].
- Fedotov 1989 - Fedotov G.P. Svyatyje Drevnej Rusi (X-XVII st.) [Saints of Ancient Russia (X-XVII centuries)], Paris, YNCA-PRESS Publ., 1989, 245 p. [in Russian].
- Gajdenko 2016 - Gajdenko P.I. Neskol'ko zamechanij ob institute ktitorov v domongol'skoj Rusi (na primere Pecherskogo monastyrya) [A few remarks about the institute of curators in pre-Mongol Russia (on the example of the Pechersk Monastery)], in: Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2016, № 4, pp. 13-34 [in Russian].
- Gajdenko 2020a - Gajdenko P.I. Kogda knyaz' stanovilsya svyatym? Neskol'ko nablyudenij o fenomene svyatosti drevnerusskih knyazej XI-XIII vv. [When did the prince become a saint? A few observations on the phenomenon of the sanctity of ancient Russian princes of the XI-XIII centuries], in: Paleorosija. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Nauchnyj zhurnal [Paleorosija. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas. Scientific journal], 2020, № 1 (12), pp. 81-94 [in Russian].
- Gajdenko 2020b - Gajdenko P.I. Kogda knyaz' stanovilsya svyatym? Neskol'ko nablyudenij o fenomene svyatosti (prodolzhenie) [When did the prince become a saint? A few observations on the phenomenon of holiness (continued)], in: Novogardija, 2020, № 4, pp. 28-45 [in Russian].
- Ganshin 2018 - Ganshin O. Sakral'na organizaciya knyazivs'koj uspal'ni Kirilivs'koj cerkvi Kieva ta datuvannya її freskovih rozpisiv [The sacred organization of the Prince of Kiev, the Patriarch of Cyril, the Church of Kiev, the dates of the frescoes, the paintings], in: Slavistichna zbirka, Vol. IV, Kiev, 2018, pp. 169-180 [in Ukrainian].

- Ganshin 2021** - Ganshin O. Istoriofichnij paradoks dvoh ktitors'kih kompozicij u Kirilivs'kij cerkvi Kieva [The historiographical paradox of the two Imperial compositions in the Cyril Church of Kiev], in: Novogardia, 2021, № 1, pp. 64-78 [in Ukrainian].
- Gvozdenco 2009** - Gvozdenco K.A. Ceremonii knyazheskoj intronizacii na Rusi v domongol'skij period [Ceremonies of princely enthronement in Russia in the pre-Mongol period], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Rus. Issues of medieval studies], 2009, № 1 (35), pp. 17-35 [in Russian].
- Ipat'evskaya letopis' 2001** - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 938 p. [in Russian].
- Karger 1946** - Karger M.K. Novgorod Velikij [Novgorod the Great], Moscow, Izdatel'stvo Akademii arhitektury SSSR Publ., 1946, 183 p. [in Russian].
- Kezha 2022** - Kezha YU.N. Mesta knyazheskikh pogrebenij v domongol'skoj Rusi [Places of princely burials in pre-Mongol Russia], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2022, № 1 (87), pp. 16-35 [in Russian].
- Kotyshev 2022** - Kotyshev D.M. Investitura kievskih knyazej XI-XII vekov [Investiture of the Kiev princes of the XI-XII centuries], in: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Vestnik Udmurt University. Series: History and Philology], 2022, Vol. 32, № 1, pp. 93-100 [in Russian].
- Kozak 2014** - Kozak N.B. Fragment ktitorskoj kompozicii na zapadnoj stene naosa Kirillovskoj cerkvi v Kieve [Fragment of a ktitor composition on the western wall of the churchyard of St. Cyril's Church in Kiev], in: V sozvezdii L'va: sbornik statej po drevnerusskomu iskusstvu v chest' L.I. Lifshica / otvetstvennyj redaktor M.A. Orlova [In the constellation of Leo: a collection of articles on ancient Russian art in honor of Lev Isaakovich Lifshits; ed. by M.A. Orlov], Moscow, Gosudarstvennyj institut iskusstvovznaniya Publ., 2014, pp. 198-209 [in Russian].
- Lavrent'evskaya letopis' 2001** - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The Complete collection of Russian Chronicles. T. I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 733 p. [in Russian].
- Lazarev 1970** - Lazarev V.N. Gruppovoj portret semejstva Yarovslava [Group portrait of Yaroslav's family], in: Lazarev V.N. Russkaya srednevekovaya zhivopis': Stat'i i issledovaniya [Russian medieval painting: Articles and research], Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 27-54 [in Russian].
- Mel'nik 2023** - Mel'nik A.G. Grobnica svyatogo v prostranstve russkogo hrama XVII veka [The tomb of the saint in the space of a 17th-century Russian temple], in: Odissej. Chelovek v istorii [Odysseus. A man in history], 2023, № 2 (31), pp. 134-162 [in Russian].
- Mitrofanov 2025** - Mitrofanov A.YU. Val'samon ob arhierieskom haraktere imperatorskoj vlasti [Valsamon on the episcopal character of imperial], 2025, Electronic resource: https://www.academia.edu/14953909/%D0%92%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BD_%D0%BE%D0%B1_%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8 (Date of access - 07.05.2025) [in Russian].
- Nikitenko 2017** - Nikitenko N. Cvits'ki freski Sofii Kiivs'koj. Taemnichij kod istorii [Svitski frescoes of Sofia Kiev. Thai Historical code; edited by N. Kukovalska], Kiev; Harkiv, Nacional'nij zapovidnik «Sofiya Kiivs'ka» Publ., 2017, 247 p. [in Ukrainian].
- Poslanie ot Nikifora 2007** - Poslanie ot Nikifora, mitropolita Kievskogo, k Vladimiru, knyazyu vsej Rusi, synu Vsevoloda, syna Yarovslava [Epistle from Nikephoros, Metropolitan of Kiev, to Vladimir, Prince of All Russia, son of Vsevolod, son of Yaroslav], in: Mitropolit Nikifor / Issled. V.V. Mil'kova, S.V. Mil'kovej, S.M. Polyanskogo; podgotovka tekstov V.V. Mil'kova, S.V. Mil'kovej; perevod S.M. Polyanskogo [Metropolitan Nikifor / Studies by V.V. Milkov, S.V. Milkova, S.M. Polyansky; preparation of texts by V.V. Milkov, S.V. Milkova; translation by S.M. Polyansky], Saint-Petersburg, Mir Publ., 2007, pp. 323-326 [in Russian].
- Preobrazhenskij 2012** - Preobrazhenskij A.S. Ktitorskie portrety srednevekovoj Rusi. XI – nachalo XVI veka [Imperial portraits of medieval Russia. XI – the beginning of the XVI century], Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2012, 541 p. [in Russian].
- Presnyakov 1993** - Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo v Drevnej Rusi: Oчерki po istorii X-XII stoletij; Lekcii po russkoj istorii: Kievskaya Rus' / Podgotovka teksta, stat'i i primechaniya M.B. Sverdlova [Princely law in Ancient Russia: Essays on the history of the X-XII centuries; Lectures on Russian history: Kiev. Rus' / ed. by M.B. Sverdlov], Moscow, Nauka Publ., 1993, 632 p. [in Russian].
- Richka 2007** - Richka V.M. «Vladimir na stole» (Obryad intronizacii v Kiivs'kij Pyci) ["Vladimir on the table" (The rite of initiation in Kievsky Rus)], in: Ruthenica, Vol. VI, Kiev, 2007, pp. 118-127 [in Ukrainian].
- Richka 2009** - Richka V.M. «Vsya korolivs'ka rat'» (Vlada Kiivs'koi Rusi) ["The Whole Royal army" (Vlada Kievsky Rus)], Kiev, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni Publ., 2009, 179 p. [in Ukrainian].
- Samojlova 2006** - Samojlova T.E. Svyashchennoe prostranstvo knyazheskogo groba [The sacred space of the princely coffin], in: Ierotopiya. Sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi / Redaktor-sostavitel' A.M. Lidov [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia / Editor-compiler A.M. Lidov], Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 579-602 [in Russian].
- Sedov 2003** - Sedov V.V. Pogrebeniya «svyatyh knyazej» i arhitektura knyazheskikh usypal'nic Drevnej Rusi [The burials of the "holy princes" and the architecture of princely tombs of Ancient Russia], in: Vostochnohristianskie relikvii / Sostavitel' A.M. Lidov [Eastern Christian relics / comp. A.M. Lidov], Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003, pp. 447-472 [in Russian].
- SHCHapov 1989** - SHCHapov YA.N. Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi. X-XIII vv. [The state and the Church of Ancient Russia. X-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1989, 228 p. [in Russian].
- Slovo Daniila Zatochnika 1932** - Slovo Daniila Zatochnika. Osnovnaya redakciya XII veka (Akademicheskij spisok) [The word of Daniel Zatochnik. The main edition of the XII century (Academic list)], in: Slovo Daniila Zatochnika po redakciyam XII i XIII vv. i ih peredelkam / podgotovil k pečati N.N. Zarubin [Daniel Zatochnik's word on the editions of the 12th and 13th centuries and their alterations / prepared for publication by N.N. Zarubin], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 166 p. [in Russian].
- Slovo Ilariona 1997** - Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona [A word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1: XI-XII vv. / pod redakcij D.S. Lihacheva, L.A. Dmitrieva, N.V. Ponyrko

[Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 1: XI-XII centuries / edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, N.V. Ponyrko], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 26-61 [in Russian].

Stepanenko 2013 - **Stepanenko V.P.** K rekonstrukcii ktitorskoj kompozicii Sofii Kievskoj [On the reconstruction of the architectural composition of Sofia of Kiev], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient antiquity and the Middle Ages], 2013, Vol. 41, pp. 169-177 [in Russian].

Sverdlov 2003 - **Sverdlov M.B.** Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII vv. [Pre-Mongol Rus: Prince and princely power in Russia of the VI-first third of the XIII centuries], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 734 p. [in Russian].

Tatishchev 1774 - **Tatishchev V.N.** Istoriya rossijskaya s samyh drevnejshih vremen. Kn. 3 [Russian history from the most ancient times. Vol. 3], Moscow, Napechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete Publ., 1774, 530 p. [in Russian].

Tolochko 1991 - **Tolochko A.P.** «Porty blazhennyh pervyh knyazej»: k voprosu o vizantijskih politicheskijh teoriyah na Rusi [“Ports of the blessed First Princes”: on the issue of Byzantine political theories in Russia], in: YUzhnaya Rus' i Vizantiya: sbornik nauchnyj trudov (k XVIII kongressu vizantinistov) [Southern Russia and Byzantium: collection of scientific tr. (to the XVIII Congress of Byzantinists)], Kiev, 1991, pp. 34-42 [in Russian].

Ustav knyazya Vladimira 1976 - **Ustav knyazya Vladimira o desyatimah**, sudah i lyudyah cerkovnyh (Oleninskaya redakciya. Arhangel'skij izvod) [The Charter of Prince Vladimir on tithes, courts and people of the church (Oleninsky edition. Arkhangelsk izvod)], in: Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. / Izdanie podgotovil YA.N. SHCHapov; Otvetstvennyj redaktor L.V. CHerepnin [Ancient Russian princely charters of the XI-XV centuries / Edition prepared by Ya.N. Shchapov; Executive editor L.V. Cherepnin], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 14-16 [in Russian].

Ustav knyazya YAroslava 1976 - **Ustav knyazya YAroslava o cerkovnyh sudah (Osnovnoj izvod)** [Prince Yaroslav's Charter on Ecclesiastical courts (Main edition)], in: Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. / Izdanie podgotovil YA.N. SHCHapov; Otvetstvennyj redaktor L.V. CHerepnin [Ancient Russian princely charters of the XI-XV centuries / Edition prepared by Ya.N. Shchapov; Executive editor L.V. Cherepnin], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 85-91 [in Russian].

Vinogradov 2021 - **Vinogradov A.YU.** Religioznyj aspekt ceremonii voknyazheniya v domongol'skoj Rusi [The religious aspect of the reigning ceremony in pre-Mongol Russia], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto. Vyp. XXVIII: Rol' religii v formirovanii sociokul'turnyh praktik i predstavlenij [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Issue XXXIII: The role of religion in the formation of sociocultural practices and ideas], Moscow, IVI RAN Publ., 2021, pp. 57-61 [in Russian].

Vysockij 1989 - **Vysockij S.A.** Svetskie freski Sofijskogo sobora v Kieve [Secular frescoes of St. Sophia Cathedral in Kiev], Kiev, Naukova dumka Publ., 1989, 213 p. [in Russian].

Zakony Stefana Svyatogo 2024 - **Zakony Stefana Svyatogo: perevod** [The Laws of Stephen the Holy: translation], in: Naumov N.N. Zakony i nastavljeniya Stefana Svyatogo po ih drevnejshim rukopisyam [The laws and instructions of Stephen the Holy according to their most ancient manuscripts], Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2024, pp. 109-143 [in Russian].

Гайденок Павел Иванович

– Доктор исторических наук, профессор кафедры теологии Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия).

Pavel Gaidenko

– Doctor of Historical Sciences; Professor of the Theology Department at the Moscow State Linguistic University; Professor of the History Department at the Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia).

prof.gaydenko@rambler.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЙ НЕОНОРМАНИЗМ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ. С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ. НОРМАНИЗМ БЕЗ НОРМАНИЗМА?

С.В. Томсинский

Государственный Эрмитаж
Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В работе проводится изучение ленинградского/петербургского неонорманизма как особого идеологического и историографического феномена в археологии позднесоветской и постсоветской эпохи на широком фоне процессов, происходивших в обществе. Ленинградский неонорманизм как направление советской археологии (середина 1960-х – 2000-е гг.) начинал развиваться в общем контексте эволюции общественного сознания в последние десятилетия существования СССР. В 1970-80-е гг. это направление претендовало на обобщения результатов исследований памятников эпохи раннего средневековья огромных территорий Восточной Европы. В современной России ленинградский неонорманизм быстро теряет актуальность. Во второй части работы исследуется развитие ленинградского неонорманизма в 1970-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Русь, варяги, историография, археология, неонорманизм, антинорманизм, славяне, Восточная Европа, норманны.

LENINGRAD NEO-NORMANISM. PART TWO. WITH A FAIR WIND: NORMANISM WITHOUT NORMANISM?

Sergey Tomsinsky

State Hermitage
Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya embankment, 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

ABSTRACT

The study looks into Leningrad / St. Petersburg neo-Normanism as a distinct ideological and historiographical phenomenon in late Soviet and post-Soviet archaeology, set against the broader backdrop of societal processes. Leningrad neo-Normanism, as one of the schools of thought in Soviet archaeology (mid-1960s - 2000s), began to develop within the general context of the evolution of social consciousness during the final decades of the USSR's existence. In the 1970s and 1980s, this movement claimed to synthesize the research findings on early medieval monuments across the vast territories of Eastern Europe. In contemporary Russia, Leningrad neo-Normanism is rapidly losing its relevance. The second part of the paper explores the development of Leningrad neo-Normanism during the 1970s.

KEYWORDS: Ancient Rus', Varangians, historiography, archaeology, neo-Normanism, anti-Normanism, Slavs, Eastern Europe, Normans.

Данная публикация продолжает издание книги С.В. Томсинского «Ленинградский неонорманизм», которое было начато в предыдущем номере «Исторического формата» (Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм. Часть первая. Паруса поставлены // Исторический формат. 2025. № 2. С. 78-113). В следующем номере издание книги будет продолжено. Список литературы, общий для всей книги, будет опубликован вместе с последней частью.

Легковерные? Какая опасная секта!
Станислав Ежи Лец

В КОНЦЕ «ОТТЕПЕЛИ»

Каспьянская разведка 1966 г. и участие учеников Л.С. Клейна в раскопках Гнездовского поселения в 1967-68 гг., организованных И.И. Ляпушкиным, о которых с такой теплотой через много лет вспоминал Е.Н. Носов, стали своеобразным завершением дискуссии 1965 г. А вскоре происходят события еще более знаменатель-

ные для питомцев Л.С. Клейна. В 1968 г., после двух сезонов раскопок гнездовских селищ, на очередной Всесоюзной студенческой археологической конференции Д.А. Авдусин познакомил участников московского «Варяжского семинара» с ленинградскими коллегами.

Вспоминая юность 36 лет спустя, Г.С. Лебедев признал: «И надо сказать, что этот поступок Авдусина, санкционировавшего работы своего резкого оппонента (И.И. Ляпушкина в Гнездове – С.Т.) был для того и для любого времени поступком рыцарским. Также к научному

состоянию он призвал и новое поколение: скандинавскими обрядами в Москве занялся В.Я. Петрухин, гнездовскими курганами – Т.А. Пушкина, ярославскими могильниками – А.Е. Леонтьев. А кроме того, в составе авдусинского семинара была “настоящая скандинавка”, норвежская аспирантка Анне Стальсберг, собиравшая свой каталог “норманнских древностей Руси”. Тридцать лет спустя стало понятно, что таким образом создавалась тогда своего рода “ленинградско-московская школа”, по крайней мере, “незримый колледж”, в итоге объединенный общими взглядами на суть “норманнской проблемы”. Былые противоречия и распри тогдашних Ленинграда и Москвы, раз в три года сходящихся “стенка на стенку” на регулярных “Скандинавских конференциях” (1971, 1973, 1976, 1979 гг.) сейчас в первопрестольной столице проявляются гораздо острее в спорах и конфликтах тамошних “норманистов” и “антинорманистов”» (Лебедев 2004: 26).

Процитированный выше пространный фрагмент воспоминаний Г.С. Лебедева свидетельствует, прежде всего, о том, что Глеб Сергеевич до конца своих дней сохранил завидную свежесть восприятия событий тридцатилетней давности и умел воздавать должное тем, с кем резко расходился во мнениях. Действительно, Д.А. Авдусин проявил широту натуры и здравый смысл, увы, редко демонстрируемые ученым сообществом. Казалось бы, представить молодых коллег, обратившихся к одним и тем же археологическим источникам вполне естественно. Ан нет – Глеб Сергеевич знал, за что благодарить Даниила Антоновича! Однако с рассуждениями о возникновении «ленинградско-московской школы», увы, согласиться трудно (кстати, обратим внимание, что в цитированном фрагменте Г.С. Лебедев везде ставит Ленинград на первое место). Никаких реальных предпосылок для «объединения» молодых исследователей Москвы и Ленинграда, при всем том, что и те, и другие обнаружили «общие взгляды на суть норманнской проблемы», не было и быть не могло – сам же Г.С. Лебедев говорит о «стенке на стенку» и «приглашении к состязанию». А состязание, напомним, всегда стимулируется вполне естественным стремлением к самоутверждению, особенно обостренным у молодых исследователей, которым с неизбежностью должно было стать тесно в достаточно узком круге археологических и письменных источников. Отсюда скоро обнаружившиеся резкие расхождения в интерпретации этих источников, потерявшие актуальность, как совершенно справедливо отметил Г.С. Лебедев, только тогда, когда началось новое наступление антинорманистов – вполне реальных, без кавычек. Так что в 1968 г. молодые ленинградские неонорманисты обрели в лице питомцев Д.А. Авдусина не только и даже не столько соучеников по «невидимому колледжу», не соавторов – сколько весьма резких порой оппонентов и далеко не всегда доброжелательных рецензентов. Отношения с Д.А. Авдусиным очень скоро осложнятся настолько, что о «рыцарстве» рассуждать будет уже неуместно.

А если бы не «состязание», в сущности-то, бессмысленное, а «дружные ребята»? Из-за чего сходились «стенка на стенку»? Места не пространства Русской равнины

хватило бы всем! И может быть, если бы не «состязание» молодых амбиций, а реальное объединение усилий, то и процесс исследований тех памятников, которые их так привлекали, был бы катализирован, и выводы можно было бы обдумывать спокойнее? Ведь смогут же А.Е. Леонтьев и Е.А. Рябинин спустя двадцать лет объединиться для изучения древностей Костромского Поволжья, притом что каждый из исследователей сохранил и свою индивидуальность, и свои взгляды на процессы отдаленного прошлого (Леонтьев 1989; Рябинин 1989)? Увы, все пошло именно так, как было predetermined давними традициями «состязания». Придет и время осознания печальных последствий оного – но не скоро.

А пока молодые ленинградские исследователи с оптимизмом смотрят в будущее, и основания на то были вполне весомые. Поучаствовав в раскопках в Гнездово, они определенно получили некое моральное право рассуждать о гнездовских древностях, исследуемых московскими коллегами. Право это давалось нелегко: москвичи ревниво оберегали свою сферу влияния. Собственно научный результат этих раскопок, конечно, заслуга И.И. Ляпушкина, подтвердившего давние предположения А.Н. Лявданского о существовании обширных селищ рядом с гнездовским могильником. Но уже в 1969 г., сразу после завершения гнездовских раскопок, кафедра археологии ЛГУ организовала Северо-Западную экспедицию во главе с Г.С. Лебедевым, а в 1972 г. ЛОИА АН СССР возобновляет стационарные исследования в Старой Ладогe под руководством В.П. Петренко и Е.А. Рябинина. Так что ленинградцам было от чего пребывать в состоянии эйфории. Формирование «песенного пласта» ленинградского неонорманизма вокруг канонизированного сразу после написания по результатам Каспьянской разведки «Гимна оголтелого норманизма» было быстрым и вполне отражало восприятие молодыми исследователями, уже обзаводящимися своими учениками, и отдаленного прошлого, и настоящего.

А это настоящее, наступающее 1970-е, обещало быть весьма сложным. Определение «эпоха застоя» применительно к этому времени, прочно утвердившееся в интеллигентской традиции, как известно, принадлежит М.С. Горбачеву и выразительно отражает отрешившуюся уже от всякой рациональности относительную социальную депривацию *post factum*. О каком «застое» и застое чего, казалось бы, можно говорить, если именно это время отмечено несомненными достижениями в развитии страны, напоминать о которых здесь излишне? Однако начавшиеся в годы «оттепели» механизмы эволюции общественного сознания стали уже необратимыми, что и отразилось в огромной по объему мемуарной и научной литературе, посвященной этому десятилетию. Характеристики времени по определению разноречивы.

Вот, к примеру, М.Ю. Герман, к тому времени вполне благополучный по советским понятиям интеллигент-индивидуал, умудрявшийся даже свои успехи описывать как некую разновидность «страданий», выразительно характеризовал себя самого как «унылого либерала», не мученика и даже не фрондера (Герман 2000: 300). Сколько их таких, «унылых либералов» подвиги

залось в сферах советской науки и культуры, не то чтобы ожидая своего часа, но уповая на что-то впереди и радостно фиксируя про себя любые промахи «официоза», любые признаки все более становившегося очевидным одряхления власти? Не все они активно общались со «стариками – хранителями традиций Серебряного века» (мемуары М.Ю. Германа, принадлежавшего именно к среде «общающихся», буквально пропитаны впечатлениями этих встреч), но все так или иначе были причастны интеллигентскому мифотворчеству. Мы еще будем цитировать М.Ю. Германа, ибо его воспоминания отличаются редкой откровенностью, точностью психологических характеристик и широтой панорамы определенных социальных явлений второй половины XX в.

А где-то там, «наверху», уже назревали иные настроения, куда более тяжелые, чем «унылый либерализм». Вот, извольте, Виктор Ерофеев, тогда еще не «лидер постмодерна», но – сын крупного советского дипломата, рожденный не где-нибудь, а в Париже – вспоминает о тех временах рубленой прозой: «Редкие случаи благородного служения отчизне, никогда не признаваемые подозрительными современниками. Неверие в собственность, нажитую нечестно. Зуд передела. Горечь во рту – основной привкус родины. Неспособность заставить страну работать на себя. Неспособность преодолеть извечную отчужденность государства от человека. Бесконечное нытье. Словоблудие диссиды. Мартиролог. Бесконечный сволочизм советской жизни» (Ерофеев 2005: 57). Более всего здесь умиляет «неспособность заставить страну работать на себя». Номенклатурному выкормышу, по-видимому, ни тогда, ни потом так и не пришло в голову, что страна на него работала! Этот – тоже ждет своего часа.

Однако большинство «образованного класса», по крайней мере, в крупных городах, все же были настроены в начале 1970-х гг. далеко не столь пессимистично и хотело бы видеть себя иными. С.Г. Кара-Мурза в своем исследовании о «потерянном разуме» советской интеллигенции, вполне обоснованно признал типичными для этого времени настроения героев фильма Э.А. Рязанова «Ирония судьбы» как «интеллигентов без рефлексии». Портрет получился достаточно выразительным: «При посторонних они спуют про вагончик и про тетю, а душу выражают в стихах Ахмадулиной и Цветаевой. Свои профессии считают самыми важными и в шутку, конечно, заметят, что им за работу недоплачивают. Заметят без надрыва: они выше такой прозы». И далее: «Близко зная интеллигентов подобного типа, могу сказать, что им и в голову не приходило, что из-за их шалостей люди могут лишиться не только пледа и хрусталя, но и теплых квартир. Им всерьез казалось, что все эти квартиры и отопление, поезда и самолеты – не плод тяжелых постоянных усилий и определенной социальной организации, а дано от природы и исчезнуть не может, как воздух» (Кара-Мурза 2008а: 436). В заключение этого экскурса в мирок рязановской интеллигенции С.Г. Кара-Мурза грустно констатирует: «Эти тонкие интеллигенты с их лирическими камерными песнями под гитару были одним из украшений нашей жизни, и мы искренне их любили. Но их создатели

встроили в них, как в гомункулов, ген саморазрушения. А от него пошел вирус, заразивший и их коллег. Плебеи поднимутся, а этих сломали. Когда мы еще сможем позволить себе роскошь снова вырастить такие нежные цветы!» (Кара-Мурза 2008а: 438).

Но вирус пока еще только распространяется, не проявляя в полной мере агрессивности. И побежденные на дискуссии 1965 г. «идеологи-догматики» никуда не ушли, продолжают сеять разумный, добрый и вечный исторический материализм. Для всех желающих открыты пути самоутверждения в идеологических структурах еще вполне жизнеспособного советского государства – формируется новая генерация номенклатуры.

А на исторический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова – огромные конкурсы как на дневное, так и на вечернее отделение. И вовсе не потому, что среди молодежи было так много желающих получить диплом учителя истории и обществоведения, получаемый через пять-шесть лет. Все гораздо проще – и гораздо сложнее.

Вот Б.М. Сарнов, рассуждая об особенностях интеллигентского мировосприятия, вполне обоснованно констатировал: «Насчет Царства Божия, как нам много раз объясняли, для людей образованных уже никакого спора существовать не может. В сознании людей образованных место Царства Божия заняла история» (Сарнов 1990: 444). Маститый словоблуд явно забыл горестный вывод царя Соломона: «Разум для тех, у кого он есть – источник жизни, а ученость глупых – глупость» (Книга притчей 2013: 77). Но это, да простит нас благосклонный читатель, «местечковое» утверждение особого статуса «образованных» все же возобладает позднее, когда «образованные» получат возможность открыто противопоставить себя «необразованным», сиречь «быдлу». Напористые абитуриенты 1970-х определенно не требовали, как приснопамятный монах-дебошир из жития протопопа Аввакума, Царствия небесного «сей же час». В случае успешного окончания курса наук, перед ними тогда открывалось не «Царствие Небесное», а вполне земные и непростые перспективы. Н.С. Борисов в замечательном эссе о ремесле историка, представляет читателю несколько категорий исследователей прошлого. Таковые, по заключению Николая Сергеевича, составляют приблизительно четверть выпускников истфаков. Среди них обнаруживаются две категории – «увлеченные» и «посвященные» (Борисов 2004: 442).

Подавляющее большинство молодежи, стремящейся в 1970-е на истфак ЛГУ и успешно закончившие обучение, принадлежали, соответственно, к этим категориям. «Увлеченные» решительно преобладали, их судьбы складывались по-разному. Нас, естественно, интересуют именно «посвященные», претендующие на постижение таинств отдаленного прошлого и на приобщение к истинам.

В «посвященные» стремились, да и могли попасть единицы, причем этот самый статус «посвященного» отнюдь не способствовал тому, что сейчас именуется «успехом»: перспективы устройства после окончания ВУЗа с таким дипломом были весьма неопределенными. Тогда почему? Среди обучающихся на истфаке, особенно на вечернем отделении, было предостаточно

людей, которые вполне могли бы преуспеть и на другой жизненной стезе. Однако они поступали – кто с первого раза, а кто и с нескольких попыток – на этот факультет. Чтобы слушать лекции. Чтобы сдавать сессии. Чтобы оперировать образами прошлого – причем, учитывая специализацию по кафедрам, по выбору: хочешь в античность, хочешь – в средние века... в Новое время... на этнографию... на археологию. Истфак – надежный бастион позитивных образов среди нарастающего, хотя еще плохо осознаваемого большинством, негатива. «Посвящение» для тех немногих, кто его сподобился, именно в этом контексте представлялось счастливым билетом – вопреки реалиям.

Именно в это странное время нарастающей неопределенности, отстояв, по признанию Л.С. Клейна, «не только свое существование, но и возможность для всех работать более свободно» (Клейн 2009: 171), молодые ленинградские неонорманисты активно группируют уже вокруг себя учеников среди студентов кафедры археологии ЛГУ. Н.С. Борисов в своем эссе констатирует, что студенты-историки отчетливо делятся на романтиков и прагматиков: «Первые, нимало не заботясь о будущем хлебе насущном, спешат записаться на кафедру археологии, этнографии или Древнего мира. Вторые притираются к каким-нибудь более модным и хлебным специальностям. Романтики со временем могут стать прагматиками. Но прагматики романтиками – никогда» (Борисов 2004: 445). Справедливо и для 2000-х, и для 1970-х гг. Юные романтики и группировались вокруг ленинградских неонорманистов – ибо что могло быть романтичнее этой проблематики даже и на кафедре археологии, где увлекал каждый курс? Г.С. Лебедев, В.А. Булкин и И.В. Дубов становятся преподавателями кафедры, Е.Н. Носов, В.А. Назаренко, Е.А. Рябинин, В.П. Петренко, В.А. Кольчатов приходят на работу в славяно-финский сектор ЛОИА АН СССР, под руководство А.Н. Кирпичникова. Образуются две группы энергичных исследователей, которых по месту работы можно поименовать «кафедральными» и «институтскими». Один за другим они защищают кандидатские диссертации (первым, естественно, Г.С. Лебедев в 1972 г., в год смерти М.И. Артамонова). Таким образом, ленинградский неонорманизм оформляется организационно уже не через семинар, а через значительно более основательные структуры в системе высшего образования и академической науки. Исключительно удачное устройство открывало вполне четкие карьерные перспективы. Преувеличивать эти перспективы в реалиях советской действительности «эпохи застоя» конечно, нет оснований, но нет оснований и преуменьшать: перечисленные выше исследователи получили возможность вполне официальной самореализации, занимаясь именно той проблематикой, которую они сами избрали. Каковы бы ни были конкретные движущие силы этих статусных изменений, для самих молодых исследователей таковые, несомненно, означали признание научной общественностью их талантов. В дальнейшем это быстрое групповое продвижение сыграет свою определяющую роль в развитии направления: отныне оно консолидировалось, более того, возможность появления

в Ленинграде серьезных оппонентов неонорманизму теоретически свелась к минимуму, а практически сошла на нет. Возникли вполне реальные предпосылки становления парадигмы ленинградского неонорманизма, которые реализовались бы значительно раньше, если бы М.И. Артамонов прожил еще несколько лет. Теперь утверждать парадигму предстояло его ученикам.

Перспектива продолжения противостояния Ленинграда и Москвы в «состоянии» с учениками Д.А. Авдусина не могла не тешить самолюбие и стимулировать дальнейшую полемику. На этом важном сюжете, многократно проанализированном историками отечественной науки, придется остановиться несколько подробнее. Не будем погружаться в обширную библиографию проблемы давних московско-петербургских (ленинградских) конфликтов – в этом нет необходимости, поскольку у нас нет по этому вопросу существенных разногласий с теми историками отечественной науки, которые этой проблемой занимались вплотную. Предоставим еще раз слово уже цитированному нами И.Л. Тихонову, рассуждающему о судьбе В.И. Равдоникаса, для краткого резюме: «Конфликт между археологической комиссией и Московским археологическим обществом, возникший в конце XIX в., не только не погас, но и достиг своего апогея в середине XX столетия. А.А. Спицын в Петербурге и В.А. Городцов в Москве ростки своей личной неприязни друг к другу, конкуренцию и амбиции “передали своим ученикам”. Ситуация обострилась еще и тем, что в постреволюционное время находящаяся в Ленинграде ГАИМК идейно и организационно подчинила себе московских археологов, а в послевоенные годы ситуация изменилась на диаметрально противоположную. В Москве Равдоникаса крайне не любили. Эта московско-ленинградская конкуренция, наложившаяся на извечный спор двух столиц, не исчезла с уходом Равдоникаса с научной арены, продолжаясь и в последующие десятилетия» (Тихонов 2003: 188). М.Г. Рабинович, ученик А.В. Арциховского, долгие годы находившийся в самом центре научной жизни Москвы, посвятил в своих мемуарах немало страниц перипетиям полемики с ленинградцами, а В.И. Равдоникаса признал ни много, ни мало «Лысенко археологии». И между прочим, отметил характерные, по его мнению, отрицательные черты личности прекрасно образованного, преисполненного бурной энергии ленинградского недруга: «пьянство, самоуверенность, безволие, обернувшееся какой-то безудержностью» (Рабинович 2005: 262).

Поводы для обострения противостояния искали с упоением, а причина названа вполне откровенно – амбиции, стремление подавить реальных и возможных оппонентов всеми возможными способами. По сему поводу А.А. Формозов, не скупившийся на нелюбимые характеристики советских археологов, сокрушенно признавался: «Я помню, как зелеными юнцами мы считали священным долгом высмеивать ленинградских археологов, устраивать обструкцию их докладам, не прочтя толком их книг, из одного ложного московского патриотизма. Не лучше вели себя по отношению к нашим учителям студенты с берегов Невы. Нескоро избавились мы от этих глупостей, а кое у кого из нас ничем нео-

правданная враждебность сохранилась на всю жизнь» (Формозов 2005: 169). К этим констатациям добавить, в сущности, нечего. Хотя нет, кое-что все-таки добавим: ленинградский неонорманизм не только стимулировал это противостояние, но и стал одним из факторов, предопределивших в перспективе поражение Ленинграда-Петербурга, поскольку достаточно скоро выяснилось, что амбиции явно не соответствовали реальному потенциалу направления.

Для полноты характеристики ситуации, сложившейся на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в наступившие уже 1970-е гг., уже под руководством А.Д. Столяра после кончины М.И. Артамонова, позволим себе и еще одну пространную цитату, на сей раз из опубликованного в 2009 г. небольшого мемуарного очерка того же И.Л. Тихонова, с предельной точностью, на наш взгляд, воссоздавшего ту атмосферу, в которой прошла наша молодость и которая поддерживалась еще и в начале 1980-х гг.: «Такой отход от научного официоза воспринимался и как своего рода “научное диссидентство”, фронда, а это не могло не привлекать молодых людей, политическое диссидентство которых ограничивалось чтением стихов Гумилева и Бродского, распеванием песен Галича да анекдотами про Брежнева. По существу оно было и не политическим вовсе, а скорее культурным, вызванным набившей оскомину еще в школьные годы официальной советской культурой с песнями про БАМ и комсомол, а молодежь хотела слушать рок. Некоторая оппозиционность (само слово-то почти политическое обвинение в те времена!), но не выходящая за рамки дозволенного (И.В.Дубов, например, был секретарем сначала комсомольской, а потом и партийной организации университета, а Г.С. Лебедев – членом партбюро факультета), вполне устраивала нас и создавала некий ореол вокруг участников “Варяжского семинара”».

И далее: «И, конечно, песни, созданные участниками семинара во время каспийской разведки 1966 г. “По звездам млечного пути...”, “Пусть не спорят потомки...”, “Мы по речке, по Каспле идем...” распевались на каждой студенческой вечеринке... А вся деятельность “Варяжского семинара” приобрела почти сакральное значение в ореоле и строгой науки, и исторической романтики» (Тихонов 2009: 299-300).

Как видим, в воспоминаниях И.Л. Тихонова отнюдь не звучат ноты безысходности, столь отчетливые в цитированных выше воспоминаниях М.Ю. Германа и В. Ерофеева. Каждый видит то, что хочет увидеть. Учатся, спорят, поют... Чтобы больше не возвращаться к акцентированной И.Л. Тихоновым теме важности «археологического фольклора» для становления и характеристики тех или иных направлений в науке о древностях, процитируем еще раз доклад В.А. Городцова от 1 апреля 1925 г.: «У меня имеется сборник стихотворений и прозаических произведений, в которых студенты-археологи выражают свои переживания во время археологических раскопок, при созерцании археологических памятников на местах, где они сливаются в прелестные аккорды целых повестей и поэм и настраивают впечатлительных зрителей на самые серьезные и поэтические размышления. В этом случае ясно выявляется та скрытая энергия

в археологических памятниках, которая, как живая кинетическая сила, действует на душу зрителя и заражает ее здоровыми идеями, может быть, даже в большей степени, чем хотел сообщить этим памятникам их первобытный творец» (цит. по: Кузьминых, Белозёрова 2015: 202). Как видим, Василий Алексеевич очень серьезно и с полным пониманием относился к этому источнику, и у нас нет решительно никаких оснований с ним не соглашаться.

Можно констатировать, что кафедра и семинар создали представителям молодого поколения необходимый психологический комфорт. Крепкая закваска «шестидесятничества» еще бродит, и здесь не место ни «унылому либерализму», ни угрюмой чернухе отпрысков зажавшихся номенклатурщиков, ибо и учителя, и ученики принадлежат все же к иной социальной группе и крепко держатся друг за друга. И если истфак стал цитаделью ретро-позитива, то уж археология в это время оказалась достаточно сильнодействующим лекарством от уныния и озлобленности, по крайней мере, для большинства тех, кто пришел в археологию.

Организаторы семинара проявили себя хорошими педагогами, стремившимися утвердить, в полном соответствии с артамоновской традицией, в молодом поколении крайне необходимое исследователю качество – чувство собственного достоинства. Однако на этом тернистом пути крайне важно тщательно следить за самооценкой, адекватно воспринимать ситуацию и свое место в этой ситуации – что при юношеском максимализме очень непросто. Злоязычный А.А. Формозов признал настоятельную необходимость смирения для исследователя отдаленного прошлого как гарантии строгости научной методики (Формозов 2005: 95). Самоуничижение паче гордости. Но с таким пожеланием ни организаторы семинара, молодые «шестидесятники», ни их ученики, конечно, согласиться не могли бы ни при какой конъюнктуре. Учителя сами еще в полной мере сохраняли тот самый юношеский максимализм, с которого начиналось направление, что не могло в перспективе не сказаться на судьбах учеников.

На семинаре 1970-80-х по-прежнему культивируется и оттачивается критицизм. Тот самый критицизм, наперевес с которым Л.С. Клейн и его подопечные вышли на «дискуссию 1965 г.». Наступательное оружие жаждущей самоутверждения молодости, направленное против «авторитетов», коим надлежит, как немийским жрецам, постоянно бодрствовать в ожидании нападения претендентов на их статус... В общем-то, вполне традиционная ситуация в научном сообществе; специфика обнаруживается разве что в том, что низвергаемые авторитеты пребывают не здесь же, среди преподавателей-кафедралов и не в славяно-финском секторе ЛОИА – а где-то там, либо в столице, либо вообще уже остались в прошлом, и полемика с такими былыми авторитетами может быть сугубо монологичной, а значит – неизбежно победной.

Разумеется, актуальность критицизма ленинградских неонорманистов определялась отнюдь не только возрастом участников семинара. Предоставим слово О. Шпенглеру, еще в начале XX в. осознавшему харак-

терную особенность научного познания: «Всякая обнаруженная рассудком новая истина представляет собой не что иное, как критическое суждение относительно другой, уже имевшейся. Вследствие полярности нового и старого знания в мире рассудка имеется лишь относительно верное, а именно, суждение более убедительное, чем прочие. Критическое знание покоится на вере в превосходство сегодняшнего понимания над вчерашним. А тем, что принуждает нас к этой вере, оказывается опять-таки жизнь» (Шпенглер 2009: 21-22). Этот вывод автора «Заката Европы» предвосхищает концепцию парадигм в науке – и осталось уже совсем немного времени до признания парадигм в археологии Г.С. Лебедевым. Но пока участники семинара явно не обнаруживают желания погрузиться в аналитику критицизма – им просто не до того, надо смыкать ряды перед авторитетами. И – что было неизбежно – поточнее определить свое отношение к действительности за стенами истфака ЛГУ.

В мемуарном очерке И.Л. Тихонова, процитированном выше, ключевые слова: «оппозиционность, не выходящая за рамки дозволенного». Понимать эту характеристику можно двояко: либо речь идет об удачной мимикрии, в точности по Л.С. Клейну, который чуть ли не отождествляет научную деятельность советских археологов с деятельностью нелегалов-разведчиков, переписывающихся шифром. Либо И.Л. Тихонова надо понимать буквально, т.е. «оппозиционность» была весьма расплывчатой, скорее не оппозиционность, а действительно некое «культурное фрондерство». Однозначный вывод сделать невозможно, поскольку в быстро нарастающем кризисе советского социума мировоззрение людей менялось стремительно, некоторые, пожалуй, и сами не отдавали себе отчета в этих изменениях. Видимо, у кого как. Да это и не суть важно. Важно другое: судя по этой цитате из воспоминаний И.Л. Тихонова, да и по другим мемуарным очеркам, в ленинградском неонорманизме, собственно научные построения и яркие, эффектные образы, эстетические переживания уже в этот период образуют сложную амальгаму. Вообще говоря, многие, если не все направления в археологии, так или иначе эстетически переживались привлекаемыми мэтрами молодыми кадрами – этому способствовала и способствует даже сейчас сама экспедиционная деятельность. Даже статистики-комбинаторики, кажется, слышали пифагорейскую музыку сфер, предаваясь своим подсчетам. В известной степени, эта образная составляющая позднесоветской археологии была порождена старой интеллигентской традицией особого отношения к слову: «Окружающая действительность воспринималась интеллигенцией как материализация всем хорошо известных текстов» (Экштут 2012: 378). В полной мере это относится, конечно, и к действительности исторической, к отдаленному и близкому прошлому. Для ленинградского неонорманизма эстетическая компонента будет обретать особое значение по мере того, как научное содержание направления начнет изживать себя, трансформируясь в набор достаточно простых квазиаксиом. Образы стимулировали усвоение огромного объема информации,

необходимого для решения поставленных задач исследований.

Следовательно, имеет смысл попытаться конкретизировать представление об источниках вдохновения ленинградских неонорманистов в начале 1970-х гг.

ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ

Первым источником вдохновения, порождавшим такие образы, несомненно, стала для ленинградских неонорманистов небольшая по объему книга в мягкой обложке, увидевшая свет в 1966 г. – «Походы викингов» А.Я. Гуревича (Гуревич 1966). Значение этой книги определялось прежде всего тем простым обстоятельством, что автор монографии предпринял попытку охарактеризовать эпоху скандинавской экспансии, представить не только хронологию разбойничьих предприятий викингов, но и предпосылки, движущие силы и – что было особенно важно для ленинградских исследователей, обратившихся к норманнской проблематике – последствий таковых. Книга давала четкую экспозицию событий IX-XI вв. на «северном театре военных действий», крайне необходимую молодым исследователям. Едва ли к 1966 г. даже Г.С. Лебедев столь же легко ориентировался во всех этих «сигурдах, эйриках, эйнарах, торкелях, олафах» и их деяниях, как А.Я. Гуревич. Но дело было, конечно, не только в содержании, но и в форме изложения: книга написана вдохновенно, увлекательным языком и читается на едином дыхании. Через год после «дискуссии 1965 г.» книга была прочитана, проштудирована, обсуждена – и перед заинтересованными читателями, тогда еще «студентами Клейна», раскрылась широкая панорама бытия раннесредневековой Скандинавии. Не боясь впасть в преувеличение, можно признать монографию А.Я. Гуревича той самой «тройной картинкой» из шлимановской легенды ленинградского неонорманизма. Однако в увлекательном тексте обнаружились и положения, которые должны были вызвать у молодых исследователей желание поспорить.

В начале одного из разделов своей монографии, посвященного собственно походам скандинавов, А.Я. Гуревич сделал вывод, который ленинградские исследователи внутренне никак не могли принять, даже соглашаясь с ним для отвода обвинений в норманизме: «"Эпоха викингов"... Но была ли на самом деле в истории подобная эпоха? Наиболее правильным представляется утверждение, что в истории Европы, рассматриваемой в целом, такой эпохи не было, несмотря на значительную роль, которую сыграли нападения скандинавов в жизни самых различных народов – от Англии до Византии, от Руси до Италии – они не определили исторических судеб Европы в IX-XI вв.» (Гуревич 1966: 78). Но этот вполне обоснованный вывод А.Я. Гуревича определенно противоречил тому обаятельному образу раннесредневекового скандинава – воина, купца, первопроходца, основателя новых династий, который возникает на страницах его же исследования. В дальнейшем изложении у Арона Яковлевича обнаруживаются заключения, ставящие под сомнение этот вывод. Например: «Любопытно отметить, что потомки скандинавов, дольше других народов Европы не переходив-

ших к государственному строю, создали самые сильные и централизованные во всей тогдашней Европе королевства и герцогства!» (Гуревич 1966: 135). Вот тебе и «не определили!» Конечно, речь идет о потомках – но ведь недалгих, хорошо помнящих свое происхождение и традиции! Есть соблазн порассуждать об особых способностях скандинавов и даже об их особом предназначении? При желании – определено да. А желание с неизбежностью возникало после прочтения разделов о походах викингов и основании этих самых королевств и герцогств. Поневоле напрашивался вывод, что А.Я. Гуревич поставил под сомнение правомерность термина «эпоха викингов» чтобы не искушать обвинителей в норманизме. Так ли оно было на самом деле – не суть важно, главное, что – вывод напрашивался.

Пройдет двадцать лет, и Г.С. Лебедев посвятит свою докторскую диссертацию именно «эпохе викингов в Европе» – той самой эпохе, которой, по представлениям А.Я. Гуревича, «не было». «Эпоха викингов» с неизбежностью должна была стать реальностью исторической действительности!

Естественно, А.Я. Гуревич не мог обойти молчанием вопрос о присутствии скандинавов в Восточной Европе в IX–XI вв. Однако, не будучи специалистом ни по раннесредневековым древностям этой обширной историко-культурной области, ни по летописной традиции, А.Я. Гуревич проявил вполне оправданную осторожность, не выдвигая никаких новых гипотез по этой проблеме и ограничившись изложением выводов зарубежных, русских дореволюционных и советских историков и археологов с лаконичными комментариями. Он упоминает о важных результатах раскопок Гробине и констатирует важность коммуникации по Западной Двине и Днепру, Неве, Волхову и Волге. Принципиально важным для ленинградских неонорманистов было заключение А.Я. Гуревича о том, что «одним из важнейших занятий скандинавов на Востоке была торговля», доказательством чему признается «огромное количество кладов на скандинавском севере». При этом «стремясь подчинить себе племена Восточной Европы, норманны облагали их данью». Предание о призвании варягов исследователь, однако, считал недостоверным и самого Рюрика – фигурой «легендарной», но Олег, Игорь, Ольга и часть их окружения – определено скандинавы. Далее – о днепровских порогах и полюдье по Константину Багрянородному (Гуревич 1966: 84–85).

Относительно основания скандинавами древнерусского государства А.Я. Гуревич высказался вполне определенно и в полном соответствии с теми установками на дальнейшее изучение норманнских древностей Восточной Европы, которые были провозглашены на «дискуссии 1965 г.»: «Хотя выходцы из Скандинавии и сыграли немалую роль в укреплении княжеской власти и связанных с нею учреждений, разумеется, не они создали основы Древнерусского государства. В непонимании природы государства и причин его возникновения – коренной порок норманнской теории происхождения государственности на Руси. Ранняя форма государства у восточных славян, как и у всех других народов, возникла не в результате завоевания или “призвания князей”,

а вследствие достижения славянами определенной ступени общественно-политического и экономического развития» (Гуревич 1966: 86). Какое впечатление могла произвести эта цитата на молодых ленинградских неонорманистов через год после победоносной «дискуссии 1965 г.» – нетрудно догадаться, если заглянуть в сноски к тексту монографии А.Я. Гуревича. А там под номером 61 помещена сноска к цитированному выше фрагменту, отсылающая читателя... к Г. Ловмянскому, Б.Д. Грекову и И.П. Шаскольскому (Гуревич 1966: 180). Определено отстал от жизни Арон Яковлевич: концепция Б.Д. Грекова уже не актуальна, а И.П. Шаскольского, ставленника «идеологов», готовых как раз подписаться под выводом А.Я. Гуревича, только что одолели в публичном диспуте!

Между тем, А.Я. Гуревич вполне обоснованно констатировал противоречивость и тенденциозность как древнерусских, так и скандинавских источников о присутствии норманнов в Восточной Европе и отверг «утверждение шведских историков о широкой колонизации скандинавами северных районов Древнерусского государства» – потому что скандинавских украшений и оружия здесь найдено много, но достоверно норманнских погребений – мало (Гуревич 1966: 87). Но в сносках исследователь обращает внимание на данные антропологических обследований населения северо-запада Восточной Европы, зафиксировавшие наличие «скандинавской примеси» у обитателей Приильменя и напоминает, что в Старой Ладогге, где первыми жителями, возможно, были финно-угры, найдены скандинавские вещи и палочка с рунической надписью (Гуревич 1966: 180).

В общем, труд А.Я. Гуревича не просто вдохновлял – он стимулировал дальнейшие поиски возможности соотнесения археологических источников Восточной Европы со скандинавской раннесредневековой традицией. По этому пути пойдут и ленинградские неонорманисты, и их московские коллеги, оппоненты-единомышленники.

Выход на оперативный простор широких обобщений с неизбежностью потребовал от ленинградских неонорманистов осмысления важнейших проблем не только археологии славян и скандинавов, но и тех этносоциумов, которые населяли северные районы Восточной Европы еще в эпоху раннего железа. Поскольку молодые исследователи только начинали свой творческий путь, огромное значение для них имели импульсы со стороны – работы представителей старшего поколения ленинградских археологов, и прежде всего монография скончавшегося в 1968 г. И.И. Ляпушкина, подводящая итог многолетнему изучению славянских древностей лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Вряд ли имеет смысл подробно характеризовать здесь капитальный труд И.И. Ляпушкина, не утративший своего значения до настоящего времени, несмотря на многократное увеличение фонда археологических источников. Ограничимся констатацией очевидного факта: эта монография впервые открыла перед ленинградскими исследователями широкую панораму расселения славян по огромным пространствам Восточной Европы. И обратим внимание на одно весьма суще-

ственное обстоятельство: в отличие от М.И. Артамонова, который, как отмечалось выше, ссылаясь в том числе и на результаты исследований И.И. Ляпушкина, в конце своего творческого пути достаточно откровенно солидаризировался с представлениями В.О. Ключевского о значении торговли в становлении древнерусской государственности и успел соответственно настроить своих учеников (о чем у нас еще пойдет речь в этой главе), сам Иван Иванович, насколько можно понять из текста его монографии, не спешил признать актуальность этих представлений, отвергнутых советской исторической наукой. Он весьма резко возражал против признания наличия у восточных славян в эпоху раннего средневековья товарно-денежных отношений: «Что касается утверждения, будто бы у славян в VIII-IX вв. существовали развитые внутренние товарно-денежные отношения, то его иначе как увлечением назвать нельзя. Развитые товарно-денежные отношения предполагают массовое производство товаров на рынок, что может возникнуть лишь при наличии центров ремесла и торговли – городов, чего, как известно, у славян Восточной Европы в VIII-IX вв. еще не было» (Ляпушкин 1968: 149). Как будет показано ниже, ленинградский неонорманизм *ipso facto* будет опровержением этого вывода И.И. Ляпушкина.

Не признавал И.И. Ляпушкин и находки куфических монет в Восточной Европе доказательством существования «городовой, торговой» Древней Руси и акцентировал отсутствие этих находок на «основной территории» славян. Небольшой раздел о торговле в монографии И.И. Ляпушкина лишен какого-либо пафоса обретения истины: исследователь вполне спокойно перечисляет статьи импорта-экспорта славян, отмечает, что без обмена нормальное функционирование общества было бы невозможно. И все (Ляпушкин 1968: 150-155). Вообще в реконструкциях бытия восточнославянских этносоциумов в эпоху раннего средневековья И.И. Ляпушкин проявил большую осторожность, неоднократно оговаривая отсутствие достоверных данных и о хозяйственном укладе, и о общественном устройстве. Исследователь резко возражал против предположений о наличии у восточных славян каких-либо государственных образований до Киевской Руси, не признавая таковыми упомянутые летописью «племенные княжения». И.И. Ляпушкин констатировал, что «источники не содержат прямых данных для понимания тех групп восточного славянства, которые исследователи именуют “племенами”. Как известно летописец называет каждую из них собственным именем – поляне, древляне, северяне, кривичи и т.д. – и почти ничего не говорит о том, что это за объединения» (Ляпушкин 1968: 161). И далее исследователь подробно анализирует археологические источники, которые, по его мнению, убедительно доказывают отсутствие у славян в VIII-IX вв. тех общественных отношений, которые можно определить как «государственность» и существование соседских общин (Ляпушкин 1968: 162-169). И эти положения И.И. Ляпушкина окажутся принципиально важными для ленинградского неонорманизма, ибо представленная исследователем характеристика общества восточных славян оказалась

именно тем выразительным фоном, на который можно было уверенно экспонировать норманнскую гипотезу.

Как знать, проживи И.И. Ляпушкин чуть подольше – и он мог бы оказаться оппонентом питомцев Л.С. Клейна, причем, если учесть его эрудицию и характер, не менее жестким, чем Д.А. Авдусин.

Еще одним важным источником вдохновения для молодых ленинградских исследователей, несомненно, стала в этот период публикация в 1970 г. монографии П.Н. Третьякова под весьма громким названием «У истоков древнерусской народности» (Третьяков 1970). Небольшая по объему книга, тем не менее, вышла в серии МИА («деградировавшего МИА», по кулуарному определению И.В. Дубова) и представляла читателю впечатляющую панораму археологических памятников I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы, одним из крупнейших исследователей которых был автор.

П.Н. Третьяков, как и М.И. Артамонов и И.И. Ляпушкин, его принципиальные оппоненты в полемике по вопросам этнической интерпретации памятников этого периода, дал младшему поколению ленинградских исследователей ту самую экспозицию древностей эпохи, которую не мог дать наставник – Л.С. Клейн, «увлекшийся», как мы помним, норманнской проблемой, но не обнаруживший в своих выступлениях на эту тему никаких признаков увлечения проблемами межэтнических отношений аборигенов Восточной Европы – финно-угров и балтов – с мигрантами-славянами. А без анализа этих сложных отношений и социальных структур, сформировавшихся в восточноевропейских этносоциумах, все рассуждения о скандинавской экспансии теряли достоверность. И поскольку началось очередное обострение полемики с москвичами, интерес к этой работе усиливался на уровне подсознания. Что же в работе П.Н. Третьякова имело непосредственное отношение к тематике неонорманизма? Прежде всего, акцент на активное участие в этногенезе древнерусской народности и, соответственно, в становлении государственности финно-угорского населения Восточной Европы во всех регионах обитания. П.Н. Третьяков критически проанализировал историографию проблемы и пришел к вполне обоснованному выводу, что в XIX – начале XX вв. историки и археологи придерживались «определенной распространенной тогда националистической тенденции», отводя финно-уграм «пассивную, третьестепенную роль в истории Руси» (Третьяков 1970: 119). Пересмотр этих представлений был неизбежен, и вполне закономерно, что интерес к собственно финно-угорским древностям обозначился именно в 1960-70-е гг., когда назрела необходимость пересмотра реконструкций отдаленного прошлого (Горюнова 1961; Третьяков 1966). Столь же закономерно, что один из участников Проблемного семинара Л.С. Клейна, Е.А. Рябинин, стал одним из крупнейших специалистов в изучении финно-угорских древностей. И для тех, кто занимался другими проблемами, финно-угорский сюжет с неизбежностью стал актуальным.

Не меньшее значение, чем выводы П.Н. Третьякова о взаимоотношениях славян, финно-угров и балтов, имели для ленинградских неонорманистов некоторые

методические установки и даже стилистика монографии 1970 г. Стилистика усваивается в процессе заинтересованного чтения текстов, восприятия лекций и докладов, а ученики Л.С. Клейна были внимательными и заинтересованными слушателями и читателями такого бесспорного авторитета, как П.Н. Третьяков. В монографии 1970 г., как и в других его работах, обнаруживаются те самые образные характеристики, которые станут устойчивыми идиомами ленинградского неонорманизма. Так, рассуждая о миграции древнерусского населения в Волго-Окское междуречье, исследователь полагает, что в восточные районы этого региона в XI-XII вв. «хлынули особенно мощные потоки славяно-русских переселенцев» (Третьяков 1970: 130). Количественные характеристики «мощного потока», принципиально важные для правильного понимания исторической действительности, здесь остаются вне поля зрения исследователя. В построениях неонорманистов речь пойдет не только о «потоках» переселенцев, но о «потоках» арабского серебра и даже «потоках импортов». Эта образность терминологии была присуща П.Н. Третьякову с молодости: неоднократно повторенная затем в публикациях исследователей следующих поколений характеристика некоторых раннесредневековых поселений как «эмбрионов города» прозвучало еще в монографии 1941 г. (Третьяков 1941: 95). Объем и содержание понятия, определяемого этим термином, был явно недостаточно понятен самому автору, ибо именно в таких случаях исследователи прибегают к образному языку, а priori чуждому языку науки, но способствующему быстрому восприятию гипотез аудиторией и прочно удерживающему эти гипотезы в памяти читателей и слушателей. Работы и лекции П.Н. Третьякова, читавшего курс на кафедре археологии ЛГУ, несомненно, сыграли здесь свою роль. В работах ленинградских неонорманистов речь пойдет не об «эмбрионах городов», а о «протогородах», «протогородских центрах». К уточнению объема и содержания понятия, определяемого этим термином, мы еще обратимся ниже.

И В ПОКИНУТОМ КЛЕЙНОМ КРАЮ...

Ленинградский неонорманизм довольно быстро был принят как «добросовестное научное убеждение, ни в коем случае не отходящее от марксизма», по определению А.Г. Кузьмина (Кузьмин 1971: 187). Поводом к признанию status quo послужила совместная публикация Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева и В.А. Назаренко «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения». Ниже мы будем ссылаться на текст этой работы по переизданию 2009 г. (Клейн, Лебедев, Назаренко, 2009). По содержанию эта работа представляет собой обстоятельный анализ тех самых археологических источников, которые, по убеждению авторов, намного превосходят по информативности источники письменные. Если верить Л.С. Клейну, а не верить нет никаких оснований, ему принадлежит идея и методические установки, Г.С. Лебедев анализировал собственно археологические источники Восточной Европы и Скандинавии, а В.А. Назаренко представил статистику погребальных комплексов

и иллюстрации (Клейн, Лебедев, Назаренко, 2009: 144). Распределение ролей, несомненно, оказалось удачным. Работа до настоящего времени представляет интерес именно как заявка на дальнейшие исследования в этом направлении. Читателю предъявлены впечатляющие результаты работы участников семинара: за три года учтено 2750 погребальных комплексов из разных регионов Восточной Европы. Что касается поселений, то авторам оставалось констатировать только слабую исследованность таковых (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 147-148). Авторы статьи повторили статические штудии по материалам раскопок курганных могильников, озвученные на дискуссии 1965 г., снова подчеркивая, что «при объективных подсчетах число достоверно варяжских комплексов следует соотносить не с числом всех раскопанных курганов могильника (не говоря уже о всех зафиксированных в могильнике курганах) а лишь с числом этнически определимых и сравнивать его надо с числом достоверно славянских комплексов» (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 163). В этом контексте, естественно, особое значение обретают этнические определители в погребальном обряде и индивидуальных находках. Этой проблемой занимался Г.С. Лебедев, и выводы, к которым он пришел, оказались неоднозначными. Прежде всего, исследователь, вслед за Т. Арне и Х. Арбманом и возражая И.П. Шаскольскому, признал принадлежностями скандинавам в Восточной Европе, помимо погребений в ладье, захоронения остатков кремации в урне на каменной или глиняной вымостке, захоронения в урне под насыпью, окруженной кольцевидным ровиком и кремаций на месте с кострищем треугольной формы и т.н. камерные погребения, аналогии которым обнаруживаются в Бирке (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 151-155). Затем последовал анализ «гибридных» вещей, определенно свидетельствующих не только о присутствии скандинавов в Восточной Европе, но и о взаимовлиянии скандинавского и восточноевропейского ремесла. Следует подчеркнуть, что таких «гибридных вещей» в поле зрения исследователя оказалось очень немного. Местных предметов, украшенных типично скандинавским орнаментом, Г.С. Лебедев обнаружил всего 3: булавку из Люцинского могильника и фибулу из Гробини, а также костяной гребень с городища Камно – все три из Прибалтики. Местных подражаний скандинавским изделиям Г.С. Лебедев также нашел немного: браслет из кургана № 6 из раскопок Н.Е. Бранденбурга в Приладожье и скорлупообразные фибулы из этого же региона, Прибалтики и Карелии (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 158). Таким образом, предметов, подтверждающих «широкое влияние» варягов на культуру аборигенов Восточной Европы, ко времени публикации оказалось явно недостаточно для столь же широких исторических обобщений. Можно было только сделать вывод о том, что в некоторых районах, территориально близких к ареалу активности скандинавов, влияние скандинавского ремесла на местное действительно ощущается, однако отнюдь не как массовое явление. Вот и все на это время.

Относительно постоянного присутствия скандинавов на поселениях Восточной Европы на 1970 г. архео-

логические источники также были не столь информативны, как того хотелось бы молодым исследователям. Таковое на 1970 г. Г.С. Лебедев признал только в Старой Ладогe и констатировал: «Материалы, позволяющие судить о появлении варягов на других поселениях, нам пока неизвестны (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 159). Находки предметов, которые могут быть признаны «типологически близкими скандинавским» в Новгороде, Г.С. Лебедев признал свидетельством прочных связей этого города со Скандинавией в X-XI вв. (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 159).

Однако в заключительном разделе статьи, под названием «Перспективы исторической оценки» несколько неожиданно подчеркивается общность традиций восточнославянского и северноевропейского ремесла, причем выясняется, что древнерусские ремесленники северо-запада создавали сугубо бытовые предметы: замки, ключи, кресала «по тем же образцам, что и скандинавы» (Клейн, Лебедев, Назаренко 2009: 169). Никаких намеков на этот вывод в статье не обнаруживается, речь шла не о бытовых предметах, окружавших в повседневности древнерусских горожан в X-XI вв., а о погребальном обряде и отдельных группах украшений – но не о замках, ключах и кресалах. И формулировка достаточно осторожная: а что это за образцы? Чьи? Кто инициировал заимствования? А может быть, это скандинавы заимствовали у славян? Не подкопаешься! Однако получается, что скандинавы как таковые в Восточной Европе трудноуловимы (пока!), а общность материальной культуры на севере – уже налицо.

Неудивительно, что А.Г. Кузьмин столь спокойно отреагировал на эту работу: в публикации 1970 г. напрочь отсутствует полемический задор и в самих выводах исследователей невозможно усмотреть ничего, что поколебало бы даже и сугубо автохтонистские представления о становлении древнерусской государственности. Никакой «норманнской угрозы»! Так что Л.С. Клейн зря упрекает своих учеников, оказавшихся в ЛОИА, в меньшей «задиристости» их статей в соавторстве с А.Н. Кирпичниковым (Клейн 2009: 173).

Статья 1970 г. стала, пожалуй, последней работой Л.С. Клейна, посвященной конкретным проблемам изучения норманнских древностей Восточной Европы. Все последующие немногочисленные публикации основателя семинара и организатора направления по «варяжскому вопросу» – либо полемика, либо мемуары. Учитель покидает учеников, «увлекшись», по собственному признанию, другими направлениями в Проблемном семинаре. Именно в 1970 г. новой дискуссией на тему объема и содержания понятия, определяемого термином «археологическая культура», Л.С. Клейн заявляет о переходе на другое поле исследований, обращаясь именно к этой теме и далее к теории археологии (Клейн 1970; Клейн, Миняев, Пиотровский, Хейфец 1970). На этом поле места для норманнской проблематики уже не находится, поскольку Л.С. Клейн будет утверждать статус археологии как самостоятельной науки, независимой от истории и естественных наук, а норманнская проблематика как раз реанимировалась «дискуссией 1965 г.» в полемике с историками и все собственно архе-

ологические источники по этой проблеме изначально оказались включенными в контекст исторических гипотез. В норманнской проблеме для Л.С. Клейна больше не было археологических проблем. В «дискуссии 1965 г.», были, как показано выше, только громкие и многозначительные заявки, точнее, намеки на то, что вот совсем скоро археология скажет свое громкое слово по этому вопросу. Но «своего слова» явно не прозвучало и не могло прозвучать, ибо достоверных источников было слишком мало, а желание представить эффектные исторические реконструкции слишком велико. Поэтому Л.С. Клейн не мог не уйти от норманнской проблемы – а его ученики, уже увлеченные образами скандинавской мифологии, «звериного стиля» и скальдической поэзии не могли не остаться с этой проблемой до конца.

Для них главным стало постижение времени, а не теоретические умствования. Во всяком случае, в поздних автобиографических откровениях Л.С. Клейн отводит «варяжскому вопросу» не первое место в своих научных достижениях: «Я способствовал развитию теоретической археологии, ввел новое понимание места и природы археологии, разработал понятия классификации и типологии, методику исследований этногенеза, методику опознания миграций, открыл индоариев в каткомбной культуре, упорядочил систему представлений о норманнах в истории Древней Руси, выдвинул гипотезу, опознающую протохеттов в баденской культуре и т.д. Я разработал новую концепцию понимания гомеровского эпоса. Это порядочно». Действительно, порядочно. И многочисленные обвинения в нескромности Л.С. Клейн парировал прямо и просто: «Профессор – нескромная профессия. Если ты скромный – сиди дома, нечего лезть на люди. Скромность в том, чтобы брать – одно, чтобы давать – другое» (Клейн 2009: 11). Самохарактеристика достаточно выразительная. Нас в этой самохарактеристике, естественно, интересуют не протохетты и не гомеровская Троя, и следует признать, что Л.С. Клейн весьма осторожен в определении своего вклада в археологию Древней Руси. В самом деле, что такое «упорядочил систему представлений о норманнах в Древней Руси»? Это означает, что были акцентированы некие закономерности в формировании представлений о норманнах в русской истории. Против этого возразить нечего: акценты были расставлены еще в Неизданной книге и в «дискуссии 1965 г.»; дальше Л.С. Клейн de facto не пошел. Фонд источников, письменных или археологических, он не расширил, да и в анализ тех источников, которые оказались в его распоряжении по-настоящему не углублялся.

Была и еще одна причина для расхождения между учителем и учениками. Дело в том, что торжество победителей в дискуссии 1965 г. довольно быстро омрачилось весьма неприятным обстоятельством: «Увы, у нас обнаружили свои слабости – все трое моих ребят, принятых первыми, оказались впоследствии неустойчивы по отношению к алкоголю, а участие в комсомольском активе фактически приучало их к алкоголю – все заседания комсомольских верхов оканчивались возлияниями» (Клейн 2010: 106-107). В этом признании мемуариста есть некоторая неточность: И.В. Дубов довольно

долго демонстрировал как раз «устойчивость к алкоголю», даже и в полевых условиях, проблема для него обострилась в 1990-е гг., уже на ином фоне и в иных жизненных контекстах. Но и в начале 1970-х Л.С. Клейн мог уже в полной мере оценить неприятные перспективы в созданном им сообществе. Сам он непьющий, а как известно, непьющему бывает столь же неуютно в компании пьющих, как и любителю выпить среди трезвенников.

Пожалуй, Л.С. Клейна можно сравнить с тренером детской спортивной школы, который цепким взглядом находит способных учеников и работает с ними до достижения учениками того уровня мастерства, который уже требует другого руководства или самостоятельности. Это вполне почетная роль, которую не каждому дано сыграть. Как бы там ни было, коллектив единомышленников был им создан и вполне дееспособен, более того – боеспособен.

PERSONALIA В ПЕРСПЕКТИВЕ

Как и любое научное направление, мобилизовавшее молодые кадры, ленинградский неонорманизм не мог не стать разноликим. Все молодые ученики Л.С. Клейна оказались людьми талантливыми, некоторые к тому же и разносторонне талантливыми. В этом сообществе единомышленников с неизбежностью определились далеко отстоящие полюса, и эта полярность определялась не только масштабами личностей исследователей, но и теми процессами в общественном сознании, о которых вкратце сказано выше. В 1970-е, молодые и полные сил, они не могли представить себе всех перипетий дальнейшего творческого пути, могли только дерзновенно надеяться. Однако нам сейчас эти пути вполне обозримы, так что имеет смысл несколько нарушить хронологическую последовательность изложения и заглянуть вперед, чтобы больше не отвлекаться на персоналии.

На этой личностной полярности ленинградского неонорманизма придется остановиться подробнее, ибо именно в этих несходствах личностей отчетливо ощущаются противоречия времени, которые не могли не проявиться и в восприятии отдаленного прошлого.

Одним из полюсов ленинградского неонорманизма, причем полюсом с наиболее сильным потенциалом и, соответственно, притяжением, с 1960-х гг., несомненно, стал Г.С. Лебедев. Наиболее выразительная характеристика Глеба Сергеевича Лебедева содержится в биографических очерках, написанных после его трагической гибели 15 августа 2003 г. в Старой Ладогe Л.С. Клейном, Д.А. Мачинским, А.С. Гердом, С.Л. Кузьминым. Однако очерк-некролог – особый жанр, представляющий того, кому он посвящен, именно таким, каким, с точки зрения автора, усопшего должны запомнить навсегда. Здесь неизбежны и тактичные умолчания, и преувеличения, и элементарные и неизбежные aberrации памяти. Сопоставление текстов этих очерков неизбежно, если речь идет о столь яркой и сложной личности, которая становится понятной именно в обнаруживаемых противоречиях характеристик. Обратимся же

к этим источникам, сохранившим навсегда горечь и недоумение от внезапной утраты.

Каким запомнили современники Г.С. Лебедева – исследователя? Вот Л.С. Клейн представляет читателю наиболее значимые особенности восприятия Г.С. Лебедевым прошлого и настоящего: «Если он писал об истории науки, он писал о пережитом, от себя. Если он писал о варягах, он писал о близких героях истории своего народа. Если он писал о родном городе (о великом городе!), он писал о своем гнезде, о своем месте в мире» (Клейн 2009: 265).

Д.А. Мачинский пишет со свойственным ему пафосом и явно в пику А.Н. Кирпичникову, одержавшему «победу в борьбе за Ладогy»: «И какую бы официальную дату не назначили праздником основания Ладогy, для понимающего магию дат это всегда будет 15 августа. И археологический раскоп на Варяжской улице, кто бы официально ни руководил работами, будет раскопом Глеба Лебедева. Глеб Сергеевич Лебедев перешел в небытие, но его присутствие в Ладогe и воздействие на все происходящее в ней явственно ощутимо» (Мачинский 2004: 13).

А.С. Герд выражается определеннее и относит Глеба Сергеевича к тем исследователям, которые «зовут, влекут и ведут за собой. С ними всем всегда интересно. Нередко у таких ученых меньше своих, индивидуальных капитальных трудов, на это у них не было времени. Они все в общем деле, в своих друзьях и соратниках. От таких людей навсегда остается глубокий след в душе тех, кто был с ними рядом, кто шел с ними навстречу ветрам новых веяний» (Герд 2004: 21).

А вот и один из учеников, С.Л. Кузьмин, стремящийся, как все ученики, вспоминая учителя, сказать самое главное: «Через всю его научную биографию прошел сформировавшийся в студенческие годы интерес к вопросам ранней истории Руси и как его стержень “варяжский вопрос”, который изначально понимался им в ключе проблемы славяно-скандинавских отношений. При этом, узкие, локальные в пространстве и времени сюжеты разрастались в многомерном направлении, и предела росту не было. Логичным завершением этого творческого процесса явилось конституирование представлений об историко-культурных явлениях, как градации, иерархии топохронов» (Кузьмин 2004: 22).

Здесь, как видим, нет никаких противоречий и – все истина. Человек, удостоившийся таких характеристик, несомненно, был отмечен огромным и очень обаятельным для окружающих талантом, с неизбежностью создававшим мощное поле симпатии. Проявления этого таланта были разнообразны. Стоит перечитать воспоминания Д.А. Мачинского в том же очерке о декламации Г.С. Лебедевым своих стихов, чтобы ощутить это мощное притяжение, даже не слыша тех удивительных модуляций голоса, которыми Глеб Сергеевич умел потрясать слушателей (Мачинский 2004: 8-9). А он не только писал и читал вслух стихи, свои и чужие – он великолепно пел и рисовал... Так что единодушное восхищение в воспоминаниях авторов очерков-некрологов не удивительно.

Противоречия в характеристике Г.С. Лебедева, причем весьма любопытные и многозначительные, начина-

ются дальше, когда речь заходит о тех качествах Глеба Сергеевича, которые при его жизни могли восприниматься негативно, о разного рода внешних факторах, которые повлияли на его творчество, наконец, о его общественной деятельности в 1990-е гг. Все, что может отрицательно характеризовать усопшего, в очерках-некрологах, согласно законам жанра, уравнивается достоинствами либо объясняется воздействием среды или стечением неких привходящих обстоятельств. И это вовсе не сознательное «редактирование» завершившейся жизни, а общепринятое восприятие таинства смерти.

Вспоминая Глеба Сергеевича, учитель, коллеги и ученики не могли не коснуться весьма тяжелой темы «болезни, застрявшей в нем еще со времен комсомольского лидерства» (Клейн 2009: 268). Пришлось высказываться и на сей счет. Придется и нам еще раз вернуться к этой неприятной, но, увы, неизбежной в данном случае теме.

Рассуждая в своих мемуарах о факторах, препятствующих развитию научных школ, Л.С. Клейн одним из таких факторов признает пьянство, приводит горестный и далеко не полный перечень потерь и обвиняет уже не только комсомольскую организацию, но и «факультетские верхи»: «Алкоголь отнял у меня часть самых талантливых учеников, да и коллег. Пострадал от него Владимир Сафронов; в пьяном виде утонул много обещавший Игорь Портнягин; не без вины алкоголя ушел из жизни Володя Резник; почти всю жизнь от алкоголя периодически лишался трудоспособности и здоровья Глеб Лебедев, да, в конечном счете, и погиб от него; еще раньше Игорь Дубов закончил дни в пьяном угаре... Есть целые экспедиции, где пьянство является образом полевой жизни» (Клейн 2010: 586-587). Ну и причем тут «вредные традиции комсомольских организаций»? Л.С. Клейн не может не знать, что дело обстояло несколько иначе, и проще, и сложнее.

Выше, в главе I и в рассуждениях о причинах ухода Л.С. Клейна от наставничества ленинградских неонорманистов, мы уже касались проблемы алкоголизма «шестидесятников». Теперь, когда речь идет уже о персоналиях, необходимо внести некоторые необходимые уточнения. Напомним, что алкоголь к этому времени стал важнейшим стимулятором в субкультурах, быстро формирующихся на исходе «оттепели» 1960-х гг. – благо цены и зарплаты позволяли. По сему поводу авторы солидного исследования, посвященного советскому обществу 1960-х гг., П.Л. Вайль и А.А. Генис, вполне справедливо заметили: «И все же алкоголь был средством, а не целью. Смысл застолья – в творческом горении, которое осеяло дружескую компанию, соблюдающую весь этот ритуал. Здесь рождалась не истина, а взаимопонимание. Искусство пьяного диалога заключалось в осторожном нащупывании совместной мировоззренческой платформы. Пьянка могла удалиться только тогда, когда ее участники обнаруживали общий подтекст. Тогда сообща они сооружали из ничего не значащих реплик общее интуитивное родство» (Вайль, Генис 1996: 71). И вот это уже имеет непосредственное отношение к делу. Поскольку ленинградские неонорманисты давно утвердили «совместную мировоззренческую платфор-

му», приходится уверенно признать, что пьянки стали именно мощным катализатором процесса «творческого горения» в конце 1960-х, и, по традиции, в 1970-80-е.

Обратим внимание на очень важное замечание П.Л. Вайля и А.А. Гениса: в единении застолья «рождались не истина, а взаимопонимание». Но ведь в науке конечной целью творческой активности исследователя все же признается поиск истины. Или достаточно взаимопонимания?

Экспедиционное пьянство, вполне обоснованно обличаемое Л.С. Клейном, ибо ущерб, нанесенный науке восторженными и угрюмыми возлияниями, трудно даже определить – не что иное, как продолжение той самой традиции стимуляции «творческого горения», широко распространившейся среди «шестидесятников», наряду с другими видами алкоголизма, никакого отношения к археологии и не имеющими. Для нас важно, что «недуг», оказывая непосредственное воздействие на личность исследователя, с неизбежностью воздействует и на его гипотезы и концепции, причем в полном соответствии с течением «болезни»: сначала действительно как стимулятор «генерации идей», а потом... уж как получится.

При всем том Г.С. Лебедева в 1970-80-е гг. можно вполне обоснованно признать несомненным лидером ленинградского неонорманизма, ибо в этот период никто из его коллег не «генерировал идеи» с такой интенсивностью и настойчивостью. А без «генерации идей» дальнейшее развитие направление было бы невозможным.

Л.С. Клейн искренне скорбит о роковом пристрастии ученика. А вот Д.А. Мачинский – просто не видит здесь никакой трагедии, вспоминая об одном эпизоде общения с Г.С. Лебедевым: «И еще: этой фразой-цитатой Глеб вводит тему “пития”, опьянения, тему, эпически особенно связанную с Владимиром (“Руси есть веселие пити, не можем бес того быти”), тему русской тяги к забвению и зиянию, к растворенности в опьянении не только вином, но и идеями, и образами сомнительных и двусмысленных достоинств. Эта тяга, свойственная и Глебу, была героически преодолена им в отношении к вину, но осталась в его душевном строе. В его способности опьяняться идеями, образами и проектами весьма различного уровня – от почти гениальных до весьма сомнительных» (Мачинский 2004: 7).

Все-таки образный язык в иных ситуациях – истинное спасение! Сказано ведь о том же самом, что и у Л.С. Клейна – и не намеками, а напрямую. И упомянуто о «героическом преодолении», и о «сохранении в душевном строе»... «Опьянение проектами», причем порой и весьма сомнительными, можно ведь было назвать и «авантюризмом», тем паче, что проекты – это ведь не только идея, это активное общение с разными людьми, пропаганда, наконец, финансирование...

А как сказано – почти как спето!

Пожалуй, достаточно об «опьянениях». Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, следует уточнить и замечание Л.С. Клейна о «мистицизме» Г.С. Лебедева в поздний период творчества, ибо этот «мистицизм» с темой «опьянения» очень соблазнительно связать

напрямую. Здесь все просто: Глеб Сергеевич, в отличие от того же Д.А. Мачинского, изначально не мистик в постижении далекого прошлого и настоящего. Как мы еще неоднократно убедимся, он – поэт-романтик в археологии и истории, вынужденный писать «научной» прозой, творивший образы и вживавшийся в эти образы, не столько искавший истину в мистических прозрениях, сколько утверждавший таковую своим творчеством. Поэтом он оставался бы и без «опьянений» – хотя, возможно, стилистика произведения и стала бы несколько иной. Позволим себе продолжить здесь цитату из О. Шпенглера, рассуждавшего, как мы помним, о критичизме в науке: «Так способна ли критика разрешить великие вопросы, или она может лишь устанавливать их неразрешимость? В начале знания мы верим в первое. Чем больше мы узнаем, тем более очевидным для нас становится второе. Пока мы сохраняем надежду, мы называем тайну проблемой» (Шпенглер 2009: 22). К 1990-м проблема для Г.С. Лебедева окончательно стала тайной, вот и все.

Авторы очерков-некрологов должны были вспомнить и о прочих важнейших составляющих творческого потенциала этого, несомненно, выдающегося человека: о партийности, «гражданской позиции» и общественной деятельности Глеба Сергеевича. И здесь во мнениях неутешных коллег обнаруживаются примечательные расхождения.

Л.С. Клейн вспоминает: «Одним из первых Лебедев разорвал сой партийный билет... Этот запал он пронес сквозь всю свою жизнь и уже в конце ее, в 2000 г., чрезвычайно больной (у него был вырезан желудок и выпали все зубы), профессор Лебедев возглавил комиссию петербургского Союза ученых, ведущую несколько лет борьбу против пресловутого засилья большевистских ретроградов и псевдопатриотов на историческом факультете и против декана Фроянова – борьбу, завершившуюся победой несколько лет тому назад» (Клейн 2009: 268).

Рвать партбилет, который уже стал не более чем реликвией, или не рвать – личный выбор каждого: одни порвали, другие хранили. Ну а когда партбилет был еще объективной реальностью – тем более для секретаря партбюро истфака? С.Л. Кузьмин уверен: «Г.С. Лебедев никогда не был ни диссидентом, ни антисоветчиком, хотя приверженность “норманизму” была для него формой неосознанного фрондирования с режимом, а ретивыми его служителями именно так и расценивалась. Другое дело, что Лебедев болезненно воспринимал невозможность прямого общения с зарубежными коллегами, невозможность воочию видеть материалы и памятники, которые он знал не хуже их, но только по публикациям» (Кузьмин 2004: 24). Снова «неосознанное фрондирование» – любимое определение позиции доблестных интеллигентов в 1970-80-е гг. *post factum*. А проще говоря, Глеб Сергеевич, как и сотни тысяч его сотоварищей по «образованному классу» позднего СССР, был крайне недоволен невозможностью свободно посещать зарубежные страны. Это понятно. Непонятно другое: как можно такую позицию признавать «неосознанным фрондированием» и отрицать антисоветские

настроения, коль скоро взрослый человек, историк и археолог, вполне должен осознавать, чем именно его не устраивает та самая власть, которая препятствует ему самовыражаться в общении с зарубежными коллегами? И – зачем?

Возьмем на себя смелость предположить, что повторяющиеся неубедительные признания «неосознанной фронды» возникают в воспоминаниях коллег о 1970-80-х гг. по той простой причине, что из недалекого будущего стали отчетливо видны последствия этой «фронды» – обескуражившие многих и многих бывших «фрондеров».

А.С. Герд гораздо точнее характеризует представления Г.С. Лебедева о перспективах происходившего в Советском Союзе в последние десятилетия его существования: «Тогда, в 1980-91 гг., он глубоко и наивно верил в то, что года через два-три мы будем жить в едином Европейском доме, в единой новой Европе, а балтийская цивилизация и балтийское единство станут политической реальностью. Не раз на мои осторожные замечания о том, как осуществить те или иные контакты, Глеб Сергеевич так мне говорил: “Ну, к тому времени мы уже будем в едином Европейском доме”» (Герд 2004: 18). Вот так – «через два-три года», на меньшее они, свято убежденные в том, что пути в вожделенный Европейский дом им преградила только кровавая, хамская, анекдотичная советская власть, были никак не согласны. Советский Союз в Европейский дом не влез, а влезит ли Россия? Должна! Просто обязана! Альтернативы нет! «Романтизм», как полагает тот же А.С. Герд – и не он один? Не без этого. Но ведь ленинградский неонорманизм изначально, с середины 1960-х гг., и представлялся сторонникам этого направления как «пароль для пропуска в Европейский дом» через отдаленное прошлое – какое уж тут «неосознанное фрондирование»!

Впрочем, продолжая характеристику учителя, и С.Л. Кузьмин кое-что уточняет в его восприятии катаклизма 1980-90-х: «Будучи игроком по жизни, игроком прежде всего для себя и внутри себя, Лебедев быстро охладел к политической возне, хотя причастность к творению новой истории его тешила. Я помню восторги по поводу совместно полета с четой Горбачевых (М.С. уже не был тогда ни Генсеком, ни президентом СССР) в Норвегию, где выступал для них своеобразным гидом» (Кузьмин 2004: 25).

Видимо, Сергей Леонидович нашел не то слово. Игрок? В смысле – азартный человек, способный поставить «все на все», принимающий на себя риски во имя достижения цели? Но почему же, собственно, «игрок» должен охладеть к «политической возне», коль скоро в этой сфере и качества игрока в цене, и ставки достаточно высоки? Вряд ли С.Л. Кузьмин решился бы представить учителя «имитатором» в общественной деятельности, поскольку это слово обрело устойчивую негативную окраску, абсолютно неуместную в очерке-некрологе. Хотя вполне ясный намек на имитаторство заключен в цитированном нами выше фрагменте из очерка Д.А. Мачинского, рассуждавшего о «тяге к забвению и зиянию, к растворенности в опьянении не только вином,

но и идеями, и образами», а имитаторство в большинстве случаев – вполне искренне и вдохновенно.

Тем не менее, нам представляется, что в случае Г.С. Лебедева речь идет именно о классическом проявлении такой искренней и вдохновенной имитации. Это многое объясняет.

Имитация предполагает принятие на себя некоего образа, уводящего субъекта в иллюзорное пространство, в котором, как ему представляется, может быть реализовано то, что невозможно реализовать в окружающей действительности. Имитация стала важнейшим компонентом сознания позднесоветской интеллигенции по мере оскудения творческого потенциала, нарастания неспособности и нежелания искать ответы на сложные и насущные вопросы современности. Одним из наиболее выразительных проявлений имитационного сознания стала повесть яркого диссидента и талантливого писателя Кира Булычева «Осечка-67». Персонажи этой повести – ленинградские интеллигенты – оказываются втянутыми в предпринятую властями юбилейную реконструкцию событий 25 октября 1917 г. И, ощутив себя в едином порыве кто Керенским, кто Красновым, кто членом Бунда – «переигрывают» ненавистный им и спустя более чем полвека переворот. И у всех – просветление от наступившего неведомого и прекрасного будущего-прошлого. Смешно? До колик! Но ведь они-то – всерьез! Спектр проявлений имитационного сознания широк и богат оттенками: это и маниакальные призывы Чубайса-старшего «вернуться к великому Серебряному веку», и всяческие «польские, аргентинские и пр., и пр. варианты шоковых реформ» Чубайса-младшего и Гайдара, и завывания разномастных монархистов, националистов, социал-демократов, анархистов, сталинистов – практически все, что мы наблюдаем в общественной жизни России с 1991 г. сработано либо в «стиле ретро», либо по формуле «как в цивилизованных странах». В этом контексте Г.С. Лебедев отнюдь не оригинален и его «поход во власть» не должен никого удивлять, ибо вместе с ним устремилось на это поприще множество носителей имитационного сознания, уповающих кто на что. Можно умиляться их наивностью, восторгаться их романтизмом, у многих (хотя отнюдь не у всех) действительно бескорыстным. Но ведь, в конечном счете, эти самые романтизм и азарт игроков самоутверждающихся и самовыражающихся интеллигентов в критический момент истории, когда, *bona venia vestra*, очередная телега российской государственности разом опрокинулась – дорого стоили миллионам людей, в том числе и им самим. И об этом забывать нельзя. Ибо именно под их прикрытием и на их плечах прорывались «наверх» совсем иные персонажи – тоже имитаторы, но отнюдь не прекраснородные и восторженные. Рядом с которыми имитаторам-романтикам не было места.

Что касается конкретно Г.С. Лебедева, то у него имитационная составляющая в восприятии прошлого и настоящего, определяемая решительным преобладанием образного мышления над рациональным, с течением времени проявлялась все отчетливее. И показательно, что и Л.С. Клейн, и Д.А. Мачинский, и С.Л. Кузьмин в очерках-некрологах признают реальность образа

принятого на себя Г.С. Лебедевым, более того, всячески усиливают этот образ («великий конунг», «морской викинг», «витель» и т.д.), т.е. легализуют и поддерживают имитацию. Увы, рано или поздно, а как правило, очень быстро, имитация осыпается и остается то, чем был человек в реальности: статус, отношения с коллегами и властями, вклад в науку будут рассматриваться в контексте того времени, когда человек жил и действовал. Новую генерацию – уже петербургских! – археологов невозможно заставить признать Глеба Сергеевича «великим конунгом» никакими цветами красноречия – и Д.А. Мачинский, судя по тексту вышедшего из-под его пера очерка-некролога, ощущал неизбежность скорого отмирания образа.

Но сам Глеб Сергеевич, конечно, ничего не мог и не хотел изменить в своей судьбе. Предоставим снова слово С.Л. Кузьмину: «Летом 2003 года, в год 300-летия Санкт-Петербурга, родного города Г.С. Лебедева, без которого он себя не мыслил и не жил в нем, а ощущал себя частью его плоти, в Неву вошли корабли викингов. Их живописный лагерь раскинулся у стен Петропавловской крепости, а на песке пляжа встали копии рунических камней. Как на торжищах тысячелетней давности, зазвучала норвежская, шведская и русская речь. Среди всего этого расхаживал Глеб. Круг времен замкнулся, мечта сбылась, а земная жизнь, увы, скоро закончилась» (Кузьмин 2004: 25). Здесь, пожалуй, уместно напомнить, что родным городом Г.С. Лебедева все же был Ленинград, притом блокадный. А сбывшаяся – почти уже маниакальная – мечта увидеть корабли викингов на Неве действительно предвещала скорый конец – как любая сбывшаяся мечта.

Д.А. Мачинский восклицает: «Глубинное “я” Глеба знало о приближении конца. У мальчика, зачатого в блокадном Ленинграде и больного Россией, кончался отпущенный запас жизненных сил. Ему, как конунгу, викингу и скальду по призванию было присуще древнескандинавское чувство Судьбы, ее неизбежности, равно как и противостояния ей. В обстоятельствах смерти многих великих конунгов явственно просвечивает знание того, что в целом сроки смерти predetermined, но как конкретно, где и когда умереть – это мое дело. И смерть мою я, завершив основное дело, должен создать и обставить как некое действие и встретить достойно, не дожидаясь, пока раздавит неизбежная судьба, по своим, зачастую подлым законам. Так, по сути и ушел Глеб» (Мачинский 2004: 12).

Вряд ли, конечно, падение с высоты по неосторожности в попытке перебраться на балкон двухэтажного дома, не беспокоя своих «бывших учеников» можно признать «созданным и обставленным действием» – хотя бы и в Ладого. Здесь Димитрий Алексеевич все же явно выдает желаемое за действительное, ибо разум отказывается принять очевидную нелепость происшедшего. Относительно же «знания о приближении конца» – у Глеба Сергеевича теперь не спросишь. Но ощущение завершения пути, несомненно, должно было возникнуть, здесь с Д.А. Мачинским нет оснований не соглашаться – как у многих ярких, талантливых людей, расходовавших себя без сожаления и без остатка

в том времени, которое создало их и которое создали они. Кончился не физиологический запас жизненных сил, хотя Глеб Сергеевич давно был очень больным человеком. Иссякла, быстро потеряла значимость в новых условиях та совершенно специфическая среда, которая сформировалась на историческом факультете ЛГУ в 1970-е гг. и в которой таланты Глеба Сергеевича реализовались полностью – даже и не без вождельных контактов с зарубежными коллегами, хотя эти контакты осуществлялись и не в том объеме, как представлялось необходимым. В этой среде ему довольно рано стало тесно, но вне этой среды он, прирожденный педагог, наставник – существовать не мог. Что и определило его судьбу: «Глеб был “морским”, странствующим викингом – как ученый он не обрел своего постоянного археологического места, своего раскопа и базы. И обрести его он мечтал именно в Ладоге – на меньшее он не пошел бы. И сделать это было бы несложно, если бы не позорное “право индивидуальной собственности” на все археологические объекты Ладоги, сосредоточенные в одних руках» (Мачинский 2004: 11). В реалиях наступающего времени воинствующего антигероизма и всяческих спекуляций ему, всегда представлявшему себя героем определенно не было места – потому, как сформулировал Л.С. Клейн, и «победителем в борьбе за Ладогу» вышел не он. Беспокойный, импульсивный талант «генератора идей» быстро становился анахронизмом, ибо хваткие дельцы-организаторы в таких идеях не нуждались – да и все, что хотелось сказать, уже сказано, в прозе, стихах и песнях. Предвидел или не предвидел свой конец – он ушел вовремя.

Что осталось в науке? То, о чем с такой теплотой вспоминал С.Л. Кузьмин: благодарные ученики, целая плеяда исследователей, вдохновленных на творческий поиск, исследованные памятники – немногочисленные, но яркие и значимые для понимания отдаленного прошлого северо-запада Восточной Европы. И гипотезы-образы, которые и вдохновляли его учеников – даже опровергаемые и опровергнутые – остались тоже. Навсегда.

Антиподом Г.С. Лебедеву, другим полюсом среди ленинградских неонорманистов оказался И.В. Дубов. Вот уж подлинно – «с точностью до наоборот»! Если Глеб Сергеевич писал и читал стихи, пел, увлеченно рисовал, создавая образы прошлого – то Игорь Васильевич стихов определенно не писал (хотя и не был лишен литературных дарований), декламировал редко, голоса и слуха, кажется, был лишен – зато стал прекрасным полевым фотографом, фиксируя обнаруженное в процессе раскопок. Однако отношения Игоря Васильевича с коллегами, конечно, определяли не эти сугубо личные, хотя и весьма примечательные, различия с признанным лидером направления. Куда значительнее были отличия мировоззренческие: в отличие от Г.С. Лебедева, И.В. Дубов никакого образа на себя не принимал и во всех своих ипостасях был всегда самим собой – и это вызывало бесспорное уважение коллег. Студент, аспирант, кандидат наук, доктор наук, профессор, директор Музея этнографии – секретарь комитета комсомола, затем секретарь парторганизации ЛГУ. Вполне успешная ка-

рьерера позднесоветского ученого и партийного функционера – человек, уверенно поднимающийся по этим ступеням, определенно не имел никаких поводов для погружения в имитации.

Вспоминая о нем, Л.С. Клейн в 2009 г. сдержанно констатировал: «Наиболее склонным к идейному компромиссу был И.В. Дубов, который быстро продвигался по партийной карьере (стал секретарем парткома Университета!) и тяготился ореолом научного диссидентства, писал ультрапатриотические книги в соавторстве со своим другом, секретарем обкома. Но Дубов и поддерживал тесные связи со своими товарищами по семинару, особенно с Лебедевым. Более того, он открыл новый вид источников, рассказывающий о норманнах на славянских землях (граффити с рунами на арабских дирхемах)» (Клейн 2009: 173). В цитированном выше очерке-некрологе Г.С. Лебедева Л.С. Клейн упрекает уже тоже покойного И.В. Дубова в том, что он не признал Глеба Сергеевича своим учителем (Клейн 2009: 263). А в 2010 г. Л.С. Клейн акцентировал неприязненное отношение к памяти этого своего ученика: «Так, Игорь Дубов, которого в 1960-е годы я буквально насильно протасил в Университет (он не был принят, и я три дня уламывал секретаря партбюро Марка Кузьмина, решавшего дела в приемной комиссии, принять его – и уломал; мне понравилась хватка Игоря и его энергия). Потом он работал в моем семинаре, писал курсовые у меня а потом у моего ученика Лебедева – Лебедев немало сил потратил на диссертацию Дубова. И хотя Дубов всегда был сугубо правоверным партийцем, но семинар не покидал, а норманистом (по критериям антинорманистов) остался до конца своих дней, о чем свидетельствует его книга 2001 года “Варяги на Руси”. Но в брошюре “Как я стал археологом” 1998 года ни меня, ни Лебедева профессор Дубов не упоминает в числе своих учителей: задним числом ему, как видному партийному руководителю, не подходили такие репрессированные и полурепрессированные учителя. Игорь был человеком заурядных способностей, но наблюдателен, работающ и удачлив» (Клейн 2010: 584).

Так ли было на самом деле – теперь не проверишь: ни И.В. Дубова, ни великолепного М.Г. Кузьмина давно нет. Очень может быть, что и так. Некое раздражение против И.В. Дубова отчетливо ощущается и в цитированном выше скорбном списке жертв пагубного призрастия: если Г.С. Лебедев «погиб», то И.В. Дубов «кончил свои дни в пьяном угаре».

Однако здесь у Л.С. Клейна явное недоразумение. Во-первых, для И.В. Дубова, вполне искренне убежденного комсомольца, а затем и коммуниста, «идейным компромиссом» было как раз сотрудничество с чем дальше, тем более откровенно диссидентствующими деятелями. Он принадлежал к тем «шестидесятникам» с устойчивыми советскими убеждениями, которые не покинули тонущий корабль – это корабль их покинул.

Во-вторых, каждый волен считать своими учителями тех, кого он таковыми признает, не дожидаясь указаний со стороны или свыше. Кроме того, учительство и наставничество – не одно и то же. Во всяком случае, какие-то основания не акцентировать в ретроспекти-

ве участие Г.С. Лебедева в своем становлении у Игоря Васильевича, несомненно, имелись: он был, кстати, не только «правоверным партийцем», но и человеком, памятливым на обиды. А обиды особенно запоминаются, если перемежаются с «благоденствиями». Со своей стороны, отметим, что в 1998 г. уже странно было «задним числом» опасаться за репутацию «видного партийного руководителя» – не боялся же за таковую Игорь Васильевич раньше, «оставаясь норманистом»! А уж определение «полурепрессированный» – истинный «перл» диссидентской словесности. Уж не пожалеть ли нам и «полурепрессированных», расчесывающих комариные укусы до боевых ран? К тому же Г.С. Лебедев уж никак не может быть отнесен ни к «репрессированным», ни к «полурепрессированным» до самого момента расправы с собственным партбилетом.

Сам Глеб Сергеевич посвятил И.В. Дубову прочувствованный и вполне объективный посмертный мемуарный очерк, в котором с большим теплом вспоминал совместную работу – и никаких намеков на отношения «учитель-ученик» между ними, тем более никаких обид за непризнание учительства, в этом очерке нет. Г.С. Лебедев напомнил читателю, что наставниками И.В. Дубова в экспедициях в его студенческие годы стали И.И. Ляпушкин, Г.Ф. Корзухина, А.В. Гадло – еще до того, как аспирант И.В. Дубов совместно с Г.С. Лебедевым в 1971-72 гг. руководил раскопками в Городце под Лугой (Лебедев 2004: 26-27). Принципиально важно для характеристики И.В. Дубова признание, что «без санкции профессора И.В. Дубова, секретаря парткома университета, вряд ли увидела бы свет и посвященная “Эпохе викингов” монография» самого Г.С. Лебедева – о чем Л.С. Клейн, естественно, не упоминает (Лебедев 2004: 28).

Процитированный выше упрек из 2009 г. И.В. Дубову в писании «патриотических книг» в соавторстве с А.Я. Дегтяревым требует некоторого пояснения – очевидно, патриотизм в представлениях И.В. Дубова чем-то раздражает Л.С. Клейна. В чем же расхождение? В одной из статей, опубликованных в «Троицком варианте», Л.С. Клейн заявляет: «Любить свой народ – это национализм, его крайнее выражение – шовинизм. А патриотизм означает любовь к отчизне – и по смыслу слова (*patria*), и по употреблению. То есть любовь к территории: стране, городу, местности. Когда тебе комфортно и мило привычный пейзаж, климат, архитектура. Когда тебе легче жить с людьми, населяющими эту страну... Любовь к государству – вообще другое понятие. Оно искусственно примазывается к патриотизму, но означает нечто совсем иное. Это любовь к своей власти, к начальству, к его силовому аппарату, чиновничеству. Заслуженной она бывает очень редко, чаще навязывается» (Клейн 2011: 3). Откровенность полная – и очевидная, прямо скажем, неожиданная в своей откровенности подмена понятий. Латинское *patria*, как германское *vaterland*, славянские отчизна, батьківщина – не содержат ни намека на «привычный пейзаж, климат, архитектуру». У всех этих слов корень «отец». Так что, вопреки озлобленным внутренним эмигрантам при всех режимах, патриотизм – это готовность нести ответственность за дела своих отцов, хранить их память

и продолжать их дело – просто потому, что вся страна, в которой мы живем, есть их огромное кладбище. Уместно напомнить, что в те времена, когда еще в первобытном сознании возникло на разных языках это понятие «Отечество», отнюдь не тождественное понятию «Родина» (которым Л.С. Клейн его подменяет), люди вообще не очень привязывались к красотам ландшафта и архитектуры, хотя, несомненно, воспринимали и то, и другое. Зато уже в VI в. до н.э. Симонид Косский (окаянный шовинист!) отчеканил формулу, которую никто до сих пор не опроверг и не опровергнет: «Чтобы быть счастливым, человек должен иметь славное Отечество». Если настоящее вполне ничтожно – человек ищет славу Отечества в прошлом.

И.В. Дубов понимал патриотизм именно так и имел на то полное право. Ибо, успешно продвигаясь по служебной лестнице и в иерархии партноменклатуры, не страдал мегаломанией, которая и есть питательная среда всех внутренних эмиграций. Он был человеком цельным, в своих патриотических настроениях абсолютно искренним и всегда воспринимал советскую действительность во всех ее проявлениях как реальность и жил в реальности, а не в грезах самоутверждающего «критицизма». Может быть, потому – и скорее всего, именно потому – он оказался «удачлив». Удача не настолько слепа, как это часто представляется со стороны.

Вообще возьмем на себя смелость предположить, что Игорь Васильевич исключительно по ситуации оказался среди представителей этого направления: оказавшись на кафедре археологии и посвятив себя исследованиям древнерусских памятников, просто невозможно было в этот период не пойти за учениками Л.С. Клейна. Сам же И.В. Дубов, если говорить конкретно о скандинавской проблематике, пожалуй, был бы ближе Д.А. Авдусину, чем Л.С. Клейну или Г.С. Лебедеву, хотя резко отрицательно реагировал на пресловутый «донос» Даниила Антоновича, доставивший столько удовольствия ленинградским неонорманистам. И в дальнейшем именно неонорманизм увлек Игоря Васильевича на те уровни обобщения, на которых он оказался очень уязвим для критики оппонентов.

Впрочем – *audietur et altera pars*. Имеет смысл привести и другую характеристику И.В. Дубова, данную людьми, наблюдавшими его не в контексте ленинградского неонорманизма, а в иной обстановке, что называется, «накоротке». Предоставим слово Н.Б. Лебиной, известному знатоку сложных процессов развития Ленинграда и вообще советской повседневности, которой довелось очень близко знать семейство Дубовых в те годы. В ее воспоминаниях речь идет о том, что, со слов И.С. Кона, И.В. Дубов, будучи секретарем парторганизации ЛГУ, якобы отказался от пари с семидесятилетним М.С. Каганом, коего предполагали уволить по старости – по четырем пунктам: кто лучше прочитает студентам лекцию, быстрее пробежит на лыжах, кто больше выпьет водки и сексуально удовлетворит женщину. Комментируя этот анекдот – а может быть, и не анекдот – Н.Б. Лебина замечает: «Долгое время мы дружили семьями. И когда я дома с возмущением прочла игривые намеки Кона

не якобы сомнительные способности Игоря, мой муж сказал: «Вот на лыжах Игорек действительно плохо бегал, а в остальном...». В остальном он был исключительно ярок – болезненный худенький юноша из провинции, без связей и знакомств. Он всего добился сам, где талантом, где изворотливостью, где душевностью, где выпивкой. Но потом ушел от жены, верной Наташки, которая тянула бы его всю жизнь, сорвался и умер в посленовогодние праздничные дни 2002 г. в полном одиночестве. Игорю не исполнилось и 55 лет» (Лебина 2015: 255). Как видим, в этом кратком некрологе, составленном женщиной, Игорь Васильевич представлен несколько иначе, чем в мемуарах Л.С. Клейна или в некрологах из сборника, посвященного его памяти. Позволим себе только два комментария к этому краткому тексту. Во-первых, «без связей» – это, конечно, преувеличение: связи появились очень быстро. А во-вторых, уж Ярославль-то, где прошло детство Игоря Васильевича – та еще провинция по отношению к тем благословенным палестинам, из которых явился в Ленинград сам Л.С. Клейн, да и к обеим столицам.

Тем не менее, отмеченная выше полярность Г.С. Лебедева и И.В. Дубова была вполне реальной и не могла не отразиться и в стилистике их работ и, соответственно, в отношениях с учениками. У Г.С. Лебедева чуть ли не каждой строчке статей и монографий сквозит серьезную научную аргументацию пробивается поэтический восторг переживания прошлого. Стил И.В. Дубова откровенно конспективен, в построении фраз и лексике нет и намек на поэтические восторги, только суть излагаемого. Однако в упомянутых Л.С. Клейном «патриотических книжках» для детей и юношества Игорь Васильевич обнаруживает несомненную, хотя и небольшую и, конечно, не столь яркую, как у Г.С. Лебедева, способность к писательству. Исходя из приведенной выше характеристики Н.Б. Лебиной, можно, пожалуй, говорить о постоянно прорывающемся, явно неуправляемом темпераменте одного и тщательно скрываемом, по вполне объективным причинам, темпераменте другого, оценить который могло только ближайшее окружение. Однако эти различия в стиле определяются не только человеческими качествами, но и коренными различиями мировоззрения обоих исследователей, столь же отчетливо прослеживавшимися и в лекционных курсах, и в организации раскопок. Соответственно, вокруг Игоря Васильевича молодежь с претензией на ученичество не концентрировалась в таком количестве, как вокруг Глеба Сергеевича – но тех, кого он признавал таковыми, Игорь Васильевич курировал внимательно и дотошно, с полной ответственностью за подопечных.

Таковыми представлялись нам эти двое, и те годы, которые прошли после их кончины, не изменили оценок. Показательно, что при всей несхожести Г.С. Лебедева и И.В. Дубова как представителей ленинградского неонорманизма, оба покинули этот мир почти одновременно, хотя и при разных обстоятельствах, но – упомянутый выше «недуг» осилил обоих. И это отнюдь не совпадение: «лихие девяностые» добились и романтика, «опьяненного ароматом истории», и бывшего партийного функционера, вполне успешно поднимавшегося по ка-

рьерным лестницам, ведущим, как оказалось, в никуда... Даже одиночество в смерти – при совершенно разных обстоятельствах – оказалось символическим. Просто их время – время «шестидесятников» – кончилось.

Прочие представители нового направления, прошедшие через Проблемный семинар Л.С. Клейна и оказавшиеся между двумя полюсами, но, конечно, значительно ближе к первому, чем ко второму, также быстро заявили о себе как о многообещающих исследователях.

В неоднократно цитированных нами мемуарах Л.С. Клейна и воспоминаниях участников Славяно-Варяжского семинара совсем немного места отводится Василию Александровичу Булкину – и совершенно, на наш взгляд, незаслуженно. В тройке «кафедральных» неонорманистов он играл исключительно важную роль как сподвижник Г.С. Лебедева. Василия Александровича никто никогда не признавал ни столь вдохновенным популяризатором, как Г.С. Лебедев, ни столь везучим полевым исследователем, как И.В. Дубов, однако, присутствуя на кафедре археологии ЛГУ, он сыграл исключительно важную роль в развитии ленинградского неонорманизма как абсолютно незаменимый организатор рекрутирования новых кадров направления. Причем определяющее значение для столь важного и заметного статуса имели не столько собственно организаторские способности В.А. Булкина, сколько незаурядное личное обаяние, гораздо более значимое в общении учителей и учеников, чем изложение любых фактов и критика любых суждений. Благодаря этому трудноопределимому в научной терминологии качеству, В.А. Булкин никак не мог оказаться в тени своих коллег несмотря на то, что ему так и не удалось развернуть широкие полевые исследования на памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья, изучению которых он посвятил себя со студенческих лет. У него была особая манера чтения лекций и ведения семинаров – можно сказать с полным основанием, что Василий Александрович довел ту самую артамоновскую методику воспитания смены до совершенства и вряд ли сам об этом задумывался. Учителем, тем более метром, он не стал – но, что гораздо важнее всегда, был безусловным наставником нового поколения ленинградских неонорманистов.

«Гнездовский участок фронта», занятый В.А. Булкиным, для ленинградских неонорманистов изначально был весьма опасным, поскольку доступ к материалам раскопок Гнездова, настоятельно необходимым для правильного понимания присутствия скандинавов в Восточной Европе, был после кончины И.И. Ляпушкина затруднен. Как мы помним, именно с гнездовских раскопок И.И. Ляпушкина и каспьянской разведки ленинградский неонорманизм начал осознавать себя состоявшимся. В 1970-е гг. В.А. Булкин весьма энергично взялся за гнездовскую проблематику. Именно на 1970-е гг. приходится пик его творческой активности. В этот период одна за другой появляются его работы, посвященные гнездовской проблематике (Булкин 1970; 1973а; 1973б; 1974; 1975а; 1975б; 1976; 1977а; 1977б; 1979; Булкин, Назаренко 1971; Булкин, Дубов 1978). Анализировать здесь подробно эти работы не представляется возможным, но в этом и нет особой необходимости, ибо

все важнейшие выводы были представлены автором в нескольких наиболее значительных публикациях, о которых речь пойдет ниже. Во второй половине 1980-х и в 90-е наступает спад – вполне естественный в той обстановке, которая складывалась в последнее десятилетие существования СССР и в первое постсоветское десятилетие. Тем более, что «зацепиться» за Полоцк тоже не получилось. Обстановка тех лет отнюдь не стимулировала оптимизм и мало способствовала определению дальнейших научных перспектив, тем более, что Гнездово и древности Смоленской земли остались в московской сфере влияния, а полоцкие древности после 1991 г. вообще оказались на территории другого государства, отношения с которым далеко не сразу стали устойчивыми. Однако в лучшие свои годы В.А. Булкин был, несомненно, и одним из активных теоретиков ленинградского неонорманизма.

Однако для тех, кто знал Василия Александровича лично, гораздо важнее его научных достижений были его человеческие качества. Это был человек без подтекстов, абсолютно искренний во всех своих проявлениях, и это стоило и до сих пор стоит дорого.

Столь же яркими индивидуальностями оказались «институтские» неонорманисты.

Пожалуй, наиболее точную характеристику В.П. Петренко, признанному барду ленинградского неонорманизма, к которой трудно что-нибудь добавить, дал Г.С. Лебедев, отметивший и основные вехи пути в науке Валерия Петровича: «Он пришел с начальной выучкой, полученной у рижских археологов и фантазмагорической по тем временам мечтой – исследовать самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник Гробини в Курземе. Курсовую и дипломную работы писал по добытой в “спецхране” БАН немецкой монографии Биргера Нермана (1941 год издания). Четверть века со скамьи семинара и “Каспьянской разведки” Пути из Варяг в Греки 1968 года (он принес оттуда свой “Гимн оголтелого ноорманизма”, экспедиционную для всех последующих субгенераций песню “Мы по речке, по Каспле идем...”) к собственному исследованию Варяжской улицы и сопки Старой Ладogi, пограничного Ивангорода, в конце концов неутомимым напором привели его к курганам Гробини, и вместе с латвийскими археологами он открывает там сенсационные ранние скандинавские памятники, с готландской стрелой V-VI вв., одним из древнейших изображений корабля (начальная “русь”). Свой последний полевой сезон он провел на раскопках шведской экспедиции в Бирке, центральном памятнике эпохи викингов. Однако и главное дело его жизни не оборвалось с этой жизнью, посмертную публикацию основных материалов исследования Гробини взяли на себя и выполнили его латвийские и шведские друзья и коллеги» (Лебедев 1999: 103).

Однако самый весомый вклад В.П. Петренко в науку – безусловно, работы в Старой Ладoge и исследования сопки Нижнего Поволховья, которые Валерий Петрович не только раскапывал, но и восстанавливал как непреходящий элемент исторического ландшафта – ему, как и его коллегам, было в полной мере присуще ощущение особой связи прошлого и настоящего. Валерий

Петрович успел завершить единственное монографическое исследование – именно посвященное сопкам, но не увидел публикации, появившейся спустя три года после его безвременной и внезапной для всех кончины в 1991 г. Е.Н. Носов в предисловии к этому изданию абсолютно справедливо признал монографию «достойным памятником» В.П. Петренко (Петренко 1994: 4).

Кончина Валерия Петровича в 1991 г. имела очень большое значение для ленинградского неонорманизма – если бы полный сил исследователь продолжил бы свою деятельность в постсоветской России, направление, несомненно, дольше бы удерживало тот творческий импульс, который вдохновлял его юных адептов в далекие уже 1960-е.

Евгений Николаевич Носов оказался единственным из ленинградских неонорманистов, достигшим не только высокой научной степени, но и высокого административного статуса директора ИИМК РАН и заведующего кафедрой археологии СПбГУ. Но это в отдаленной и непросматриваемой пока перспективе, а в 1970-е гг., о которых у нас сейчас идет речь, Е.Н. Носов активно приступает к изучению той группы раннесредневековых памятников, которым он останется верен на все последующие десятилетия – поселениям и могильникам Приладожья и Поволховья, среди которых самым значительным для него объектом исследований станет Рюриково городище (Носов 1972; 1973; 1974а; 1974б; 1975а; 1975б; 1976; 1977а-г). Кандидатская диссертация Евгения Николаевича была посвящена этой же теме (Носов 1977д). О том, как Е.Н. Носов, уже в 1990-е гг., будет доказывать приоритет Рюрикова городища перед Ладogой в процессе становления древнерусской государственности, речь пойдет ниже.

Евгению Александровичу Рябинину суждено будет стать одним из крупнейших исследователей древнерусских и финно-угорских древностей на огромных территориях лесной зоны Восточно-Европейской равнины. Несомненно, из всех питомцев семинара Л.С. Клейна он, ставший в Ленинграде реальным преемником П.Н. Третьякова, оказался самым способным к напряженному и скрупулезному труду исследователя и быстро сформировался в археолога с широким кругозором, одинаково уверенно оперировавшего материалами раскопок памятников северо-запада Восточной Европы и Волго-Окского междуречья с привлечением аналогий в древностях Среднего Поволжья, Приуралья и Прибалтики.

Финно-угорская проблематика, которой посвятили себя П.Н. Третьяков и его ученик Е.А. Рябинин, стала, как отмечалось выше, весьма актуальной для ленинградского неонорманизма хотя бы по той простой причине, что в традиционных для исторической науки Российской империи представлениях о «финно-угорском субстрате», унаследованных в целом и советской исторической наукой, хотя и с неизбежными в новой реальности серьезными поправками, этот самый «субстрат» представлялся исключительно пассивным элементом процессов становления древнерусской государственности. Можно вспомнить хотя бы пространное рассуждение В.О. Ключевского об исключительном

«миролюбии» и даже «забитости» финно-угров, полностью ассимилированных древнерусской народностью (Ключевский 1987: 295-296). Инерция этих представлений, повторим, преодолевалась в советской науке, но достаточно медленно, хотя после памятных, особенно ленинградцам, войн с Финляндией, рассуждать о «миролюбии», тем паче «забитости» никто бы уже, конечно, не рискнул. И именно тому поколению исследователей, которое пришло в науку в 1970-е гг. в Москве (А.Е. Леонтьев) и Ленинграде (Е.А. Рябинин и его коллеги) предстояло в корне изменить статус финно-угров в представлениях о реалиях IX-X вв.

Творческий путь Е.А. Рябинина начался исследованиями средневековых древностей Ижорского плато (Рябинин 1971; 1974а; 1975). Кандидатскую диссертацию Е.А. Рябинин защитил в 1974 г. по теме «Финно-угорские элементы в культуре Древней Руси» (Рябинин 1974б). В 1991 г. тема кандидатской диссертации была развернута в тему диссертации докторской (Рябинин 1991). Монография, изданная по материалам диссертации, отчетливо обозначила всю сложность и значимость финно-угорской проблематики в изучении исторической действительности эпохи раннего средневековья по археологическим и письменным источникам.

Именно Е.А. Рябинин в 1970-е гг. проделал огромный труд по обработке дневников раскопок Владимирских курганов, проведенных А.С. Уваровым и П.С. Савельевым, реабилитировал исследователей, обвиненных еще А.А. Спицыным в методологической несостоятельности (Рябинин 1979). Материалы раскопок Владимирских курганов, как и могильников Ярославского Поволжья, стали для его коллег важным источником, удостоверяющим продвижение скандинавов в IX-X вв. в Волго-Окское междуречье.

Но гораздо большее значение для развития ленинградского неонорманизма имели его исследования на Земляном городище Старой Ладogi (1973-1985). Первая публикация материалов этих исследований последовала уже в 1976 г. (Рябинин 1976).

Работая в Ладoge, Евгений Александрович проявил себя вдумчивым и стремящимся к максимальной объективности исследователем антропогенных отложений поселения, открывшим не только Ладogu «больших домов» и «импортов», но и «другую Ладogu» – небольшие срубные избушки, огромное количество бытовых предметов из органических материалов. Материалы этих исследований в полном объеме были введены в научный оборот позднее, в 1980-90-е гг., поэтому и обратимся мы к ним в следующей главе (Рябинин 1980; 1983; 1985а-б; 1986а; 1987; 1988; 1992; 1994; 1997; 1998; 1999).

В 1986 г. появилась еще одна монография Е.А. Рябинина, посвященная анализу материалов раскопок курганов могильников Костромского Поволжья – обширного региона, заселявшегося выходцами с северо-запада Восточной Европы и из Волго-Окского междуречья (Рябинин 1986б).

В 1980-1990-е гг. Е.А. Рябинин продолжает заниматься и анализом материалов исследований курганов могильников Вотской пятины Великого Новгорода, оставленных смешанным славяно-финно-угорским на-

селением: результаты этих многолетних работ были представлены в монографии, увидевший свет в 2001 г. (Рябинин 2001). Наконец, в 1997 г. Е.А. Рябинин начинает исследования Любшанского городища в устье Волхова – многослойного памятника, исследования которого внесли существенные коррективы в уже сформировавшиеся представления ленинградских неонорманистов о заселении бассейна Волхова – об этом памятнике и проблемах, с ним связанных, у нас также еще пойдет речь ниже (Рябинин 2002; Рябинин, Дубашинский 2002).

Творчество Е.А. Рябинина оставило неизгладимый след в археологии Ленинграда – Петербурга и во многом определило дальнейшие направления исследований новой генерации археологов северной столицы.

Весьма заметной фигурой среди ленинградских неонорманистов с самого начала направления стал энергичный и талантливый В.А. Назаренко. Если верить каталогу публикаций Владимира Александровича, собранному в библиотеке ИИМК РАН, его творческий путь начинается в 1970 г. небольшой заметкой в сборнике АО (в соавторстве с Г.С. Лебедевым) и завершается в 2001 г. статьей – уже в соавторстве с А.А. Селиным – об исторических судьбах Приладожья в эпоху средневековья (Лебедев, Назаренко 1970; Назаренко, Селин 2001). Плодовитым автором, сравнительно с коллегами, В.А. Назаренко назвать трудно, ибо в этом небольшом каталоге примерно четвертая часть наименований – заметки в АО: он работал в Приладожье и в Ладoge, в Пскове, Копорье, Каргополе... И более того – в списке работ В.А. Назаренко нет ни одной монографии, что дает основания заподозрить некий надлом, удержавший от обобщений, разочарование в своей деятельности, пережитый исследователем. А.А. Формозов считал это «разочарование в науке» проявлением старения, постигающим уже седовласых профессоров (Формозов 2005: 90). В целом это так – но именно энергичные и талантливые разочаровываются (как правило, незаметно для самих себя) значительно раньше: слишком велико оказывается напряжение и амбиции, слишком много сил уходит на самоутверждение – и любой небольшой сбой может резко изменить восприятие ситуации.

А в 1970-е начало было многообещающим, ибо В.А. Назаренко обратился к изучению раннесредневековых древностей Юго-Восточного Приладожья, учинившись одним из продолжателей дела такого авторитетного ученого, как Н.Е. Бранденбург, который начал исследования в этом регионе в 1878 г. И первая же статья В.А. Назаренко, после вышеупомянутой совместной с Г.С. Лебедевым публикации результатов обследования нижнего течения р. Паши, посвящена анализу погребального обряда приладожских курганов. Примечательно, что уже в этой первой статье Владимир Александрович решительно возразил против интерпретации погребений Юго-Восточного Приладожья как «дружинных» – по той простой причине, что оружие присутствует в каждом втором погребении (Назаренко 1970: 200). Далее последовали работы, в которых В.А. Назаренко самостоятельно и с соавторами уверенно рассуждал о значимости русско-скандинавских связей, о роли скандинавов в формировании приладожской курганной культуры

(Назаренко 1971; 1976; 1979; 1982; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов 1979; Кирпичников, Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов 1980). Приладожской теме В.А. Назаренко останется верен до конца своего пути в науке – но обобщающего исследования, посвященного курганам Юго-Восточного Приладожья, которого так ожидали коллеги – так и не появилось, хотя исследователю явно было, что сказать на эту тему.

Если относительно В.А. Назаренко можно только предполагать, хотя и с большой долей вероятности, некое нарастающее разочарование в науке, то в случае В.А. Кольчатова никакой неопределенности нет. Он никогда не занимался вплотную скандинавской проблематикой, но, несомненно, разделяя представления своих товарищей по Проблемному семинару об отдаленном прошлом, на какое-то время оказался достаточно заметной фигурой среди «институтских» неонорманистов. Владимир Александрович так и не закончил диссертацию о погребальном обряде древнерусских могильников Ижорского плато – и внезапно для коллег покинул ЛОИА с тем, чтобы посвятить себя служебному собаководству. Личное общение с Владимиром Александровичем оставило впечатление человека очень порядочного, тактичного в общении даже с теми, кто явно не вызывал у него симпатии, с хорошим чувством юмора. В.А. Кольчатов в истории ленинградской археологии остался как автор раскопок тех самых курганных могильников Ижорского плато и нескольких публикаций материалов этих раскопок, и все же его уход из науки был несомненной потерей для ленинградского неонорманизма хотя бы потому, что само присутствие рядом именно таких людей цементирует любое научное направление, любое сообщество единомышленников.

Во главе славяно-финского сектора ЛОИА, сотрудниками которого стали В.П. Петренко, Е.А. Рябинин, В.А. Назаренко, Е.Н. Носов, В.А. Кольчатов, с 1974 г. встал А.Н. Кирпичников. В 1970 г. Анатолию Николаевичу исполняется сорок один год, он полон творческих сил и представляет научной общественности три выпуска капитального труда «Древнерусское оружие» (Кирпичников 1966-1971; 1972).

Полагаем, нет смысла представлять здесь ретроспективу долгого творческого пути А.Н. Кирпичникова – подробную информацию можно при желании обнаружить хотя бы в двухтомном юбилейном сборнике, к которому мы и отсылаем заинтересованного читателя (Краеугольный камень 2009-2010). Тем более, что нам придется подробно анализировать те работы Анатолия Николаевича, которые наиболее выразительно обозначили вектор эволюции ленинградского неонорманизма. Обращение А.Н. Кирпичникова к норманнской проблематике определялось, конечно, не только его научными интересами, но было неизбежным в той ситуации, которая складывалась в ленинградской археологии в 1960-70-е гг. Работа возглавляемого им сектора могла быть успешной и продуктивной только в том случае, если таковой сложился бы как коллектив единомышленников, а коллектив единомышленников мог сформироваться только в процессе изучения хронологически и территориально соотносимых древностей

или – что предпочтительней – одного «базового», наиболее значительного памятника. И таким памятником для ленинградских археологов могла оказаться только Старая Ладога, поскольку на других наиболее значительных памятниках Северо-Запада Восточной Европы – в Новгороде, Пскове, Изборске – уже утвердились московские коллеги-конкуренты и активно формировались местные кадры исследователей. Кроме того, А.Н. Кирпичников, в отличие от недавнего наставника молодых неонорманистов на кафедре археологии ЛГУ, проявил себя как исключительно работоспособный, талантливый и энергичный организатор-практик, что было жизненно необходимо для быстрого разворота полевых исследований на этом «базовом» памятнике и обработке действительно быстро увеличивающегося фонда источников раннесредневековой археологии Древней Руси. Между тем, полные сил и быстро увлекающиеся молодые исследователи, вышедшие из Проблемного семинара, при всем том «критицизме», который столь любовно, упорно и небезуспешно прививал им Л.С. Клейн, продолжали нуждаться если уже не в наставнике, то определенно в контроле, правильно направляющем и стимулирующем творческую активность. Так что и здесь, в секторе ЛОИА, как недавно на кафедре археологии ЛГУ, молодые кадры и руководитель – нашли друг друга, разумеется, уже в совершенно ином ситуационном контексте.

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА БОЕГОТОВНОСТИ

Конъюнктура складывалась благоприятно: «успокоенный неонорманизм без норманизма» вполне может поступательно развиваться и на кафедре археологии ЛГУ, и в ЛОИА АН СССР. Ленинградские исследователи выступают единым фронтом против столичных оппонентов. Очень точно определил складывающуюся ситуацию Г.С. Лебедев: «Главным в решении проблем, разрабатывавшихся в сравнительно спокойных и благоприятных для объективной постановки исследования культурно-политических условиях брежневской “разрядки” (детанта) 1975-80 г. остается концепция особой северо-европейской полиэтничной и культурной общности, “балтийской цивилизации” раннего средневековья» (Лебедев 1999: 106). «Концепция балтийской цивилизации» будет сформулирована в середине 1980-х, но разработка, действительно, началась в 1970-е.

И, поскольку ленинградские неонорманисты энергично приступили к этой разработке как только ощутили уверенность в себе – есть все основания полагать, что именно «концепция особой северо-европейской полиэтничной и культурной общности» и стала *ens entiam* их реконструкций исторической действительности, причем не только эпохи раннего средневековья. Нам еще предстоит убедиться, что так оно и было.

Впрочем, рассчитывать на мирную передышку «в сравнительно спокойных и благоприятных условиях» не приходилось, ибо таковая ленинградским неонорманистам, явно была и не нужна. Новый всплеск полемики был спровоцирован выступлением в 1969 г. Д.А. Авдусина в «Norwegian archeological review» со статьей о Гнездовском могильнике: автор повторил свои выво-

ды о малочисленности варягов в Гнездове, с которыми еще в 1965 г. полемизировали И.П. Шаскольский и Л.С. Клейн. К этому времени Д.А. Авдусин стал руководителем Смоленского семинара на кафедре археологии истфака МГУ, с участниками которого у ленинградцев как будто бы установились вполне конструктивные, рабочие отношения. В обзоре деятельности Смоленского семинара, составленном В.Я. Петрухиным и Т.А. Пушкиной и опубликованном Л.С. Клейном, обнаруживаются в целом те же рассуждения об актуальности и крамольности норманнской проблематики, что и в мемуарах ленинградцев. Однако ученица Д.А. Авдусина сочла необходимым конкретизировать позицию и своего учителя, и члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: «Антинорманизм обоих исследователей, однако, заключался не в стремлении обойти или закамуфлировать норманнскую проблему, а в желании противостоять радикальным и реваншистским течениям в антисоветской идеологии, наследовавшим нацистские убеждения в расовой неспособности славян создать цивилизованную государственность». Далее констатируется радикализм Д.А. Авдусина в первые послевоенные десятилетия – и его большая заслуга в организации обсуждений норманнской проблематики (Петрухин, Пушкина 2009: 304).

Имел ли основания Д.А. Авдусин столь резко реагировать на ленинградский неонорманизм? Несомненно, имел – как человек своего времени, как представитель поколения фронтовиков, для которых рассуждения о способности и неспособности славян создать свою государственность действительно соотносились с попыткой передового отряда цивилизованной Европы – германского нацизма, мобилизовавшего всех, кто ему подчинился, просто уничтожить эту самую государственность. Так что противостояние Москвы и Ленинграда на этом поле стало вполне реальной перспективой на ближайшее время. Ответ со стороны ленинградцев не заставил себя ждать: в 1973 г. появились сразу три статьи с критикой построений Д.А. Авдусина.

Небольшая статья Л.С. Клейна, опубликованная в том же норвежском журнале, была построена как повторение обвинения Д.А. Авдусина в попытке представить свои построения как общие установки советской археологии и ничего принципиально нового сравнительно с уже сказанным не содержала. Пожалуй, в этой статье заслуживают внимания рассуждения о тех самых «неопределимых» погребениях древнерусских курганных могильников, само наличие которых в материалах раскопок определенно подрывало веру в особую значимость археологических источников для реконструкций этносоциальных процессов в раннесредневековой Восточной Европе. Как мы помним, эта проблема ставилась Л.С. Клейном уже в «дискуссии 1965 г.» Теперь, признавая, что индивидуальная атрибуция комплексов с неизбежностью ведет к попаданию слишком многих из них «в класс неопределимых», Л.С. Клейн предлагает иную методику анализа источника: «По нашему мнению, можно добиться большей определенности, лучшего разграничения, если по сочетанию и корреляции различных признаков разбить весь могильник на четко очерчен-

ные группы, а затем рассмотреть распределение этнических показателей по всем группам. При таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп, включая и те погребения, которые в отдельности не имеют четких этнических показателей. Этот подход избран для работ нашего проблемного семинара» (Клейн 2009: 181).

Исходя из вышесказанного, в перспективе значимыми окажутся и признаки абсолютно нейтральные, поскольку они свяжут неопределенные погребения с этнически определенными. Т.е., наконец-то стало понятно, что делать с этими «неопределенными погребениями», которые решительно всем мешали разобраться в сложных этносоциальных процессах отдаленного прошлого – перспектива, как мы отмечали выше, просматривалась уже в выступлении Л.С. Клейна на «дискуссии 1965 г.».

Однако неопределенность преодолеть не удалось. В самом деле: распределение погребений по сочетанию и корреляции признаков – индуктивная исследовательская процедура, результат которой a priori неизвестен. На чем же основана уверенность исследователя в том, что при таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп погребений, тем более таких, в которых просто отсутствуют этноопределяющие признаки (если таковые вообще достоверны)? На топографической и хронологической близости «определенных» и «неопределенных» погребений? Рано или поздно должны были возникнуть сомнения. Не говоря уже о том, что связь по этнически нейтральным признакам по определению не может быть принята для этнических атрибуций комплексов, именно потому, что эти признаки – нейтральны, т.е. по своей природе не могут иметь никакого значения в этой исследовательской процедуре. Связь по этим признакам может уточнить разве что датировку комплексов, но никак не этническую принадлежность погребенных.

Более того, и вопрос о достоверности признаков, признаваемых этноопределяющими, весьма сложен, особенно если речь идет об эпохе активного взаимодействия разных этносоциумов (и образования нового!), причем речь ведь о язычниках, чрезвычайно восприимчивых и терпимых к чужим богам и ритуалам, в отличие от адептов монотеистических религий, что не могло не отразиться и в погребальном обряде.

Как видим, поле для полемики по этому вопросу ленинградцам запереть на замок не удалось.

Не обошлось и без язвительного намека – плохо замаскированного личностного выпада: в заключение статьи Л.С. Клейн напомнил, что Д.А. Авдусин в свое время не заметил расположенное рядом с Гнездовским могильником поселение, которое он продолжает исследовать после открытия этого памятника И.И. Ляпушкиным. Отметил автор статьи и весьма медленную эволюцию представлений Д.А. Авдусина относительно роли норманнов в становлении древнерусской государственности. Можно было обойтись без этого выпада? Вполне, тем более, что для утверждения своей правоты в науке *argumentis ad hominem* не имеют никакого зна-

чения. Но ленинградцы не склонны были гасить конфликт.

После этого выпада полемика с Д.А. Авдусиным с неизбежностью должна была вступить в новую фазу. В 1973 г. окрыленные ленинградцы нанесли своему московскому оппоненту очень чувствительный удар: кафедра археологии ЛГУ дала отрицательный отзыв на текст учебника основ археологии, составленный Д.А. Авдусиным. Не суть важно, насколько основательны были замечания, высказанные ленинградцами – не приходится сомневаться, что после полемики в норвежском журнале этот отрицательный отзыв был воспринят как вызов. Без ответа вызов остаться не мог, и ответа явно ждали. Как известно, ответ последовал несколько неожиданный (или, наоборот, предполагаемый-?): Д.А. Авдусин обратился в МВСО СССР с письмом, в котором сообщал, что «группа Клейн-Лебедев-Булкин целиком подчинила кафедру своему влиянию», что студенты кафедры открыто называют себя норманистами, что позиция «группы», несомненно, антипатриотическая и противоречащая марксизму и, соответственно, Г.С. Лебедев никак не может быть отправлен в командировку в Швецию (Клейн 2009: 182-183).

Ответная реакция Д.А. Авдусина показывает, кого он считал и, видимо, не без оснований, инициаторами отрицательного отзыва на текст учебника. Трудно было придумать более удачный для ленинградцев ответный ход! Тем более, что оппонент отнюдь не искажил реалии происходящего: и кафедру «подчинили», и норманистами себя если не признавали, то *de facto* заявили – громко отрекаясь от норманизма: было чем гордиться! Письмо Д.А. Авдусина вошло в мифологию ленинградского неонорманизма, разумеется, как «донос»; соответственно, те, против кого оно было направлено, оказались жертвами доноса, то есть, по старой интеллигентской традиции, с неизбежностью стали еще более сильными центрами притяжения для своих сторонников. Причем все прекрасно понимали, что в 1973 году и как раз после официального отрицательного отзыва кафедры археологии ЛГУ на учебник Д.А. Авдусина по-настоящему серьезных последствий для ленинградцев письмо московского оппонента иметь не могло. Собственно говоря, так и произошло: как констатировал Л.С. Клейн, «мы продолжали работать и печататься, но Глеба в Швецию все-таки не послали» (Клейн 2009: 184). В былые-то времена – реакция на доносы бывала куда более резкой! А Швецией ради репутации гонимых борцов за истину вполне можно было и рискнуть.

Что и говорить, письмо Д.А. Авдусина не вызывает положительных эмоций по отношению к автору. Однако можно ли назвать это письмо собственно «доносом»? Традиция доносительства в России достаточно давняя и неистребимая, так что можно безошибочно определить принадлежность того или иного опуса именно к этому жанру. И в Российской империи, и в СССР доносительство предполагает сообщение властям или начальству о неких неизвестных противоправных действиях того или иного субъекта, совершенных там, куда сами власти заглянуть не могут. Следовательно, сообщение о вполне легальной деятельности, включая

публикации, не вступавшей в декларируемое противоречие с законом и с официальной идеологией, ни в каком случае «доносом» именоваться не может. Это – иной жанр. Пожалуй, именно для таких случаев в советском речевом обиходе нашли очень удачное определение: «сигнал». Д.А. Авдусин не «донес», но «сигнализировал». По сути дела, возникла вполне обычная для научной общественности склока с неизбежным по-советски привлечением некоего административного ресурса. Высокие инстанции, в которые обратился Д.А. Авдусин, просто перестраховались, не найдя в деятельности ленинградских неонорманистов поводов для принятия мер.

Уверенность в сложных взаимоотношениях с москвичами, помимо отсутствия перспективы репрессий по «сигналам», или, если вам угодно, все же «доносам», придавали и вполне реальные достижения ленинградцев в полевом изучении памятников эпохи раннего средневековья. Выше уже говорилось об исследованиях В.П. Петренко в Поволховье и Прибалтике, о возобновлении ЛОИА работ в Ладого. Г.С. Лебедев в этот период активно изучает древности Верхнего Полужья. А в 1973 г. И.В. Дубов, за которым после этого прочно закрепилась репутация «везунчика», начал исследования открытого им Тимеревского поселения, причем первый же сезон на памятнике ознаменовался находкой клада арабского серебра (в 1973 г. – 2030 монет). Причем близкое соседство Тимерева с аналогичными комплексами в Михайловском и Петровском, где И.В. Дубов также открыл синхронные курганным могильникам селища, с неизбежностью вело к заключению о наличии близ устья Которосли сразу трех «протогородов» с развитыми торговлей и ремеслом. Огромное значение и для неонорманистов, и для их оппонентов имело также открытие граффити на монетах Тимеревского клада арабского серебра, ставших новым источником для конкретизации представлений о пребывании скандинавов в Восточной Европе и о реальных оборотах дирхемов в IX в. (Дубов 1975; Добровольский, Дубов 1976). Таким образом, И.В. Дубов обрел «свой» памятник (и какой-!), работы на котором резко поднимали его престиж среди ленинградских коллег, и оказался единственным из команды учеников Л.С. Клейна, продвинувшимся далеко на юго-восток, в Волго-Окское междуречье, в традиционную сферу влияния москвичей.

Таким образом, первую проверку на прочность ленинградский неонорманизм как направление, развивающееся в одном из крупнейших центров советской науки, выдержал достойно.

ГНЕЗДОВО И БИРКА

Итак, идут 1970-е. В Англии и США активно развивается «Новая археология», впервые осознается массовое разрушение памятников, в обществе нарастают апокалиптические настроения, оказывающие самое непосредственное влияние на археологов, М. Шиффер разрабатывает основные положения «поведенческой археологии» (Клейн 2011. II: 284-334).

А в Ленинграде, окрыленные своими достижениями, кафедральные неонорманисты, не вдаваясь в столь

сложные проблемы восприятия и обработки материала, полученного в процессе раскопок, спешат высказаться уже не по частным вопросам присутствия норманнов в том или ином регионе, но по общим вопросам становления древнерусской государственности. В 1974 г. в сборнике, посвященном памяти М.К. Каргера, появилась небольшая статья Г.С. Лебедева и В.А. Булкина «Гнездово и Бирка», восторженно поименованная спустя два десятилетия С.В. Белецким «искрометной» (Булкин, Лебедев 1974; Белецкий 1996: 90). Статья стала программной; в ней отразилась вся дальнейшая перспектива эволюции ленинградского неонорманизма, пожалуй, как в рассказе А.Н. Толстого «День Петра» отразился весь еще не написанный роман «Петр I».

Уже само название статьи – манифест в контексте полемики с Д.А. Авдусиным: Гнездово прямо соотносится с Биркой – центром раннесредневековой Швеции. Для обоих исследователей тема абсолютно органична: Г.С. Лебедев дипломную работу защищал по материалам раскопок Бирки, кандидатскую диссертацию посвятил скандинавскому погребальному обряду эпохи викингов; В.А. Булкин, также со студенческих лет, избрал объектом изучения раннесредневековые древности Верхнего Поднепровья (реальных возможностей для изучения которых у ленинградских исследователей в этот период очень немного или вообще нет). Совместная работа Г.С. Лебедева и В.А. Булкина посвящена проблемам становления древнерусского города *id est* древнерусской государственности, разумеется, в контексте неонорманистских построений. Появление этой статьи было предопределено не только общим направлением развития научного направления за десятилетие, прошедшее после приснопамятной дискуссии 1965 г., но и той самой особенностью таланта Г.С. Лебедева, которую отметил в некрологе исследователь Л.С. Клейн: Глеб Сергеевич легко отвлекался от многих частных в стремлении к познанию глобальных исторических процессов. Это «генерализаторство», оказавшееся и впору (по темпераменту), и в пору (по времени) быстро распространилось на все построения ленинградских неонорманистов как творческий почерк исследователей – и как основа быстро формирующегося восприятия истории и современности. Именно после публикации «Гнездова и Бирки» ленинградский неонорманизм обретает свой неповторимый стиль своеобразного «монументального историзма» (правда, предпосылки обозначились уже в совместной работе Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева и В.А. Назаренко, о которой речь шла выше) и собственную стилистику.

И – утверждается окончательно в представлениях об определяющем значении присутствия скандинавов в Восточной Европе на процесс становления древнерусской государственности.

Статья начинается констатацией решительного отрицания советскими историками и археологами представлений о древнерусских городах в начальный период развития как об опорных пунктах норманнов (Булкин, Лебедев, 1974: 12). А дальше – общая характеристика Гнездовского поселения и могильника дается в контексте впечатляющей панорамы трансъевропей-

ских торговых путей. Именно на этих торговых путях, по мнению авторов статьи, и вызрела древнерусская государственность. Г.С. Лебедев и В.А. Булкин подчеркивают сезонный характер этой торговли и вовлечение в торговые операции «относительно широких слоев населения» (Булкин, Лебедев 1974: 15). Соответственно, на огромных по протяженности коммуникациях должны были возникать базы – торговые и ремесленные центры. Это особые, «пульсирующие центры» с непостоянным населением, Г.С. Лебедев и В.А. Булкин предваряют в совместной статье рассуждения об этих центрах ссылкой на работу Г. Янкуна, который разработал их типологию (Булкин, Лебедев 1974: 15). Причем из дальнейшего контекста читателю, не знакомому с этой работой, не совсем ясно, принадлежит ли характеристика «пульсирующих центров» в Восточной Европе Г. Янкуну или Г.С. Лебедеву и В.А. Булкину.

Итак, впервые – и со ссылкой на авторитет одного из западноевропейских коллег – в ленинградском неонорманизме в полный голос звучит тема торговли, которой суждено стать лейтмотивом направления на три десятилетия.

А ссылка на Г. Янкуна сама по себе была вызовом в полемике с Д.А. Авдусиным. Ибо Г. Янкун в годы Второй мировой войны не просто находился «по ту сторону фронта». Член НСДАП с 1937 г., он состоял в личном штабе рейхсфюрера СС, выполнял поручения Гимmlера в Норвегии, принимал участие в разграблении советских музеев и библиотек, добровольцем вступил в дивизию СС «Викинг». После войны три года отсидел как чин СС, вернулся к активной научной деятельности: с 1952 г. приглашённый профессор Кильского университета; в 1956-1973 гг. профессор Гёттингенского университета, директор семинара древней и ранней истории; в 1960-1970 гг. член исследовательского общества древней и ранней истории Нижней Саксонии, затем Археологической комиссии Нижней Саксонии; член Академии наук в Гёттингене (Клейн 2011: 549-550).

Такой вот авторитет в проблемах изучения раннесредневековой Северной Европы. Авторитет несомненный, крупный ученый... только вот, как еще раз показал опыт советской и постсоветской России, «бывших» не бывает – какие бы горячие клятвы отречения эти «бывшие» не приносили, и какие бы громкие уверения в «прозрениях» не звучали. Не бывает и «бывших» эсэсовцев. Кто после ссылок на Г. Янкуна мог бы разубедить Д.А. Авдусина в правильности высказанных в «доносе» 1973 г. идеологических оценок ленинградского неонорманизма? Полагаем, никто.

Итак, сославшись мимоходом на Г. Янкуна, авторы статьи 1974 г. представляют читателю следующие признаки раннесредневековых торговых центров:

- Колеблющийся в зависимости от торгового сезона состав населения;
- Временная форма социальной связи торговых людей;
- Отсутствие, по крайней мере на ранних этапах развития, укреплений;
- Наличие могильников с разным погребальным обрядом (полиэтничность);

- Относительная кратковременность функционирования (Булкин, Лебедев 1974: 15).

Так впервые была обнародована гипотеза, которая позднее, в Триединой книге 1978 г., будет связана с аббревиатурой «ОТРП» – «открытые торгово-ремесленные поселения». Но в 1974 г. Г.С. Лебедеву и В.А. Булкину показалось правильнее не изобретать аббревиатуры, а обратиться к северо-европейской традиции. Эти самые торгово-ремесленные поселения, отмечают авторы статьи 1974 г. в Северной Европе именуется источниками IX в. «виками» (*vicus* – лат. со значением «бухта», «порт», то же германск. *Vik, vike*). Это же наименование авторы присваивают и синхронным однотипным восточноевропейским поселениям (Булкин, Лебедев 1974: 15). Вообще говоря, первичное значение слова *vicus* в латыни – просто сельское поселение, поселок, никак не связанный ни с бухтами, ни с портами (Латинско-русский 1949: 931). Именно так, в соответствии с античной традицией, просто «поселками», именовали места обитания раннесредневековых скандинавов авторы, писавшие на латинском языке. Скандинавские «вики» действительно часто находились в бухтах и были портами, но это не значит, что изначально латинское наименование этих поселений принадлежит мореходной лексике. И даже если в Скандинавии произошла такая смысловая трансформация термина под влиянием местных ландшафтных условий, нет ни малейших оснований переносить этот термин на Восточную Европу, где употребление этого термина никакими источниками не доказано и где нет ни «бухт», ни «портов», похожих на скандинавские. В Гнездове таковых нет сугубо! Следовательно, именование каких-то поселений на территории Восточной Европы «виками» само по себе ровным счетом ничего не доказывает – ну поселки и поселки. Ничем не оправданное введение иноязычного термина в восточноевропейскую археологию в данном случае – скорее самоубеждение в собственной правоте, чем убеждение оппонентов. И в дальнейшем ленинградские неонорманисты будут уверенно рассуждать о «виках» Северной и Восточной Европы как о реальности в исторической действительности.

Итак, авторы статьи выдвинули гипотезу о существовании особого типа поселений, недолговременных в исторической перспективе, но весьма значимых в эпоху становления государственности. Г.С. Лебедев и В.А. Булкин настойчиво подчеркивают нестабильность состава населения этих центров, из чего можно заключить, что у исследователей сложился устойчивый, пожалуй, даже зрительный образ этих торгово-ремесленных поселений. Ничего удивительного, тем более предсудительного здесь нет: у каждого из нас, обращенных в прошлое, есть в сознании и подсознании такие образы, определяющие наше отношение к предмету изучения. Причем формируются эти образы преимущественно не научными статьями и монографиями (хотя и этот жанр важен), а беллетристикой, произведениями изобразительного и киноискусства, etc. И эти образы, хотим мы того или нет, довлеют над нами всю жизнь, как бы сложные научные построения мы не возводили в поисках истин. Может быть, вся деятельность истори-

ка и археолога и состоит по сути в постоянной проверке достоверными фактами этих образов, их преодоление – и возвращение к ним.

Статья 1974 г. стала первой и яркой манифестацией образности, уже прочно утвердившейся в научном языке ленинградского неонорманизма. Отныне образы будут представляться реконструкциями исторической действительности. Однако образы и реконструкции не тождественны по сути. Образ преобразует реалии действительности в определенных этических и эстетических координатах; образ есть знак, в то время как реконструкция предполагает максимальную осторожность в определении степени информативности источника и ясное осознание неоднозначности интерпретаций. Образ апеллирует к эмоциям, реконструкция может строиться только на рациональном постижении причинно-следственных связей, а рациональное познание причинно-следственных связей начинается с определений. Именно по этой причине образ всегда оттесняет реконструкцию в научных построениях, ибо для реконструкции всегда не хватает объективных данных.

Вопрос об определении «торгово-ремесленных поселений» оказывается для ленинградского неонорманизма чрезвычайно важным по двум причинам.

Во-первых, само это словосочетание станет устойчивой формулой, на которой будут основываться все построения ленинградских неонорманистов и с течением времени, как многие устойчивые формулы в общественных науках, начнет обретать откровенно магический смысл.

А во-вторых, адекватные идеи, в данном случае – представления об отдаленном прошлом – могут основываться только на четких и плодотворных определениях, т.е. понятиях с достоверно установленным объемом и содержанием. Если определения расплывчаты и неопределенны, основанные на этих определениях идеи с неизбежностью оказываются ложными.

А потому попробуем проанализировать те признаки торгово-ремесленных поселений, которые предложили авторы статьи 1974 г.

Что, собственно, может означать сложный термин «торгово-ремесленное поселение»? Самые выразительные находки, свидетельствующие о причастности какой-то части обитателей (явно не всех поголовно – такого не было никогда и нигде!) торговле и ремеслу, как отмечалось выше, не могут однозначно определить статус поселения. Уместно напомнить, что ни одно из поселений, которые ленинградские неонорманисты будут именовать «торгово-ремесленными», не исследовано полностью, следовательно, планировка и тем более социальная стратификация населения реконструируются сугубо гипотетически, а любая неопределенность здесь открывает широкое поле для сомнений. Остается констатировать, что «торгово-ремесленное поселение» – понятие с неопределенными, т.е. ложными объемом и содержанием, смутный образ, порожденный не столько результатами строгого анализа материалов раскопок археологических памятников, сколько воображением авторов статьи 1974 г.

Idem, обращает на себя внимание явное преувеличение, кстати, не зафиксированного ни в археологических, ни в письменных источниках, непостоянства состава населения этих торговых центров. Вообще говоря, сезонные миграции даже и больших масс населения в города (по самым разным причинам, как экономическим, так и неэкономическим, вплоть до паломничества и туризма) – явление, характерное для разных культур и разных эпох, так что сам признак оказывается не определяющим. Но в любом случае такие сезонные миграции с неизбежностью требуют наличия в этих центрах, экономических и неэкономических, достаточно стабильного и многочисленного постоянного населения. Именно это население поддерживает необходимую (пусть самую примитивную!) инфраструктуру и обеспечивает мигрантов необходимым минимумом продовольствия. И это постоянное население должно быть организовано так, чтобы успешно существовать и, кстати, противостоять в случае необходимости, враждебным поползновениям. Между тем, в характеристике торговых-ремесленных центров у Г.С.Лебедева и В.А.Булкина не ставится весьма важный вопрос: а что, собственно, ели эти торговцы и ремесленники? Да и вся «обслуга» всех этих каспийских и некаспийских волоков, которую в кулуарных высказываниях Г.С. Лебедев по ассоциации с современностью именовал «бичами» – чем питалась? Особенно если приходилось в этих самых поселениях зимовать. С течением времени ответ на этот вопрос все меньше будет занимать ленинградских неонорманистов. Когда я наивно спросил об этом в 1976 г. бесконечно мной уважаемого В.А. Кольчатова, то услышал буквально следующее: «Ну, для мужика добыть кусок мяса было не проблема».

Т.е. для себя, в узком кругу, ленинградские неонорманисты уже решили эту проблему: снабжение могло осуществляться в традициях присваивающего хозяйства. Но это весьма ответственный вывод, требующий доказательств, а не просто личной априорной убежденности. А доказательств – не было. Как, впрочем, не было в то время и доказательств обратного.

В 1970-е гг. Глеб Сергеевич и Василий Александрович не могли, конечно, знать о выводах, которые будут получены исследователями антропогенных отложений гнездовских поселений: и о том, что гнездовцы вполне активно занимались земледелием, возделывали ячмень и пшеницу; и о том, что на поселении успешно развивалось скотоводство. И самое главное, о том, что для переноса Гнездова-Смоленска на высоты над Днепром, помимо сокращения притока арабского серебра, как выяснилось, имелись куда более серьезные причины, а именно, значительное усиление паводков Днепра, принимавшее, очевидно, катастрофический характер для населения (Пушкина, Мурашева, Енисова 2012: 271-273). Для Гнездова факт наличия на поселении развитого производящего хозяйства вполне доказан.

Знать всего этого Г.С. Лебедев и В.А. Булкин не могли – однако сделали выводы о хозяйственном укладе поселения, когда изучение памятника только начиналось, не располагая на сей счет никакими достоверными данными, кроме, фактически, собственной уверенно-

сти. Между тем, тезис об отсутствии производящего хозяйства на торгово-ремесленных поселениях окажется очень живучим в ленинградском неонорманизме и будет упорно тиражироваться и по отношению к Ладогге, и к Тимереву и в последующих характеристиках того же Гнездова.

Итак, этот признак «торгово-ремесленных поселений» также опровергнут достоверно установленными фактами – правда, много позже публикации статьи 1974 г., следовательно, может быть признан понятием с ложным объемом и содержанием.

Что касается «временных форм социальной связи торговых людей» – возможно, в Бирке и на других поселениях Северной Европы таковые как-то выводятся, по крайней мере, гипотетически, из материалов раскопок – но в Восточной Европе, в том числе в Гнездове не выводятся никак и до их пор. Можно предполагать с большей или меньшей степенью достоверности наличие неких социальных связей по материалам раскопок могильников, но вот рассуждать о временных или постоянных формах таковых – значит отрываться от конкретного материала. Объем и содержание понятия, определяемого сложным термином «временная форма социальной связи торговых людей» применительно к материалам раскопок, которыми могли оперировать исследователи, также оказываются ложными.

Еще одно слабое звено в построениях авторов статьи 1974 г. – утверждение об отсутствии укреплений торговых-ремесленных поселений, наглядно демонстрирующее декларированное авторами статьи преобладание временных социальных связей на этих поселениях. Явно имеются в виду основательные укрепления из дерева-земляных конструкций (валы) и рвов, сооружение которых действительно предполагает определенную стабильность популяции и наличие неких устойчивых потестарных структур. Но ведь известны и другие типы фортификации, не столь сложные, но вполне эффективные для отражения нападения злоумышленников-одиночек или небольших отрядов. Не вдаваясь в археологическую конкретику Гнездова и Бирки, позволим себе отметить, что в эпоху средневековья вообще трудно представить себе неукрепленные поселения. Укрепления в виде частоколов имели и малодворные деревни, и элементарные составляющие поселенческой структуры города – дворы, и, конечно, феодальные усадьбы. Какие у нас основания полагать, что в IX-XI вв. дело обстояло иначе? Уместно напомнить, что укрепления, независимо от основательности, во всех культурах имели и высокий сакральный статус границы прочно освоенного человеком, безопасного мира. Даже сезонный лагерь воинов-торговцев – все же не палаточный лагерь археологической экспедиции и без укреплений в виде того же самого частокола он вряд ли мог существовать. Другое дело, что остатки таких укреплений в виде траншей, проложенных на некотором расстоянии от жилой застройки, по самой границе освоенной территории, археологически трудноуловимы, но, во всяком случае, пока не исследованы периферийные участки зоны расселения, утверждать их отсутствие нельзя. Это относится как к восточноевропейским, так и западно- и север-

ноевропейским поселениям. Кстати, для сооружения частоколов вполне достаточно и «временных социальных организаций», если уж признавать наличие таковых.

Таким образом, «отсутствие укреплений» у торгово-ремесленных поселений – также понятие с ложными объемом и содержанием.

Полиэтничность – еще один выразительный признак торгово-ремесленных центров – о «полиэтничности» ленинградские неонорманисты будут еще рассуждать многожды и настойчиво. Здесь объем и содержание понятия устанавливаются вполне определенно: «полиэтничность – это археологически уловимое на том или ином памятнике присутствие в оставившем этот памятник населении представителей разных культурных традиций, предполагающее изначальную принадлежность к разным этносам.

Однако что, собственно, имели в виду авторы статьи, подчеркивая «полиэтничность торгово-ремесленных поселений»?

В советской археологии утвердилось странное представление о сугубой моноэтничности родоплеменных структур раннего средневековья. Соответственно, полиэтничность должна доказывать отсутствие таковых структур, а значит, обнаружение в могильниках погребений, принадлежащих разным культурным традициям, свидетельствует в пользу предположения о «торгово-ремесленных поселениях»?

Сомнительно в лучшем случае, а вернее – несомненно, не так. Хотя бы потому, что даже известные этнографам родоплеменные структуры обладали правом принимать в свой состав не только одиночек (и тогда новые сородичи будут хоронить таких людей по своим обычаям), но и целые кровнородственные группы, по крайней мере семьи, и тогда хоронить будут уже родственники по своим ритуалам, но на территории некрополя новой общности, в которую они вошли. То есть присутствие на поселении инородцев, доказанное материалами раскопок, само по себе еще не свидетельствует о том, что перед нами некая особая, отличная от родовой, структура. Более того, нет никаких оснований сомневаться и в том, что родоплеменные структуры могли вновь возникать на новых основах, из разноэтничных исходных компонентов, соответственно, с заимствованием тех или иных традиций культуры, в том числе и погребального обряда.

Следовательно, полиэтничность, поскольку такую удастся доказать, оказывается признаком, не подтверждающим особый статус «торгово-ремесленных поселений». Однако на практике все обстоит еще сложнее, поскольку, как уже отмечалось выше, находки «импортов» в антропогенных отложениях поселений и даже принадлежащие разным культурным традициям элементы погребального обряда в могильниках сами по себе не доказывают полиэтничности.

Наконец, еще один признак торгово-ремесленных поселений – относительная недолговечность. Здесь авторы статьи явно поспешили с выводами, сопоставляя Бирку и Гнездово. Дата запустения Бирки установлена с достаточной степенью достоверности. А Гнездово?

Исследования огромного курганного могильника и поселений не закончены до настоящего времени, равно как и исследования селища и городищ. Позволительно задать простой вопрос: какие еще сюрпризы может принести этот сложный комплекс памятников? Тем более, что в 1974 г. В.А. Булкину было известно о том, что и в XI в. Гнездовское поселение продолжало существовать, хоть и значительно уменьшившись в размерах; следовательно, речь идет о неких трансформациях устойчивой поселенческой системы, но не о прекращении существования таковой. А если это так, то, очевидно, предположение о прекращении существования торгово-ремесленных поселений, к числу которых авторы статьи 1974 г. отнесли Гнездово, в результате каких-то изменений на трансъевропейских торговых путях нуждается в уточнении.

Увы, с «недолговечностью» этих поселений дело обстоит так же, как с «непостоянством населения», «открытостью» и «полиэтничностью».

Таким образом, в характеристике Гнездова авторы статьи 1974 г. игнорировали презумпцию неопределенности, о которой должен помнить каждый исследователь, обращающийся к отдаленному прошлому. Историки и археологи постоянно забывают, что никто из нас не имеет права (за редчайшими исключениями), исследуя письменные источники и археологические памятники, сказать: «Я знаю, что было именно так», но должен сказать: «Я полагаю, что могло быть так». Проверка гипотез как раз и сводится к постоянному пересмотру результатов анализа фонда источников в соотношении с этой презумпцией неопределенности. Но ленинградские неонорманисты, «опьяненные историей» и одержимые полемическим задором, менее всего были склонны останавливаться перед неопределенностью. Гипотеза о существовании на территории Восточной Европы в IX-XI вв. крупных поселений – торгово-ремесленных центров – была выдвинута вполне в стиле «монументального историзма»: на конкретном материале, но с отторжением любых контroversий, поскольку исходной точкой рассуждений исследователей стала Бирка. И даже не столько сама реальная Бирка, каковой это поселение представляется по материалам археологических исследований, сколько образ Бирки, сложившийся к этому времени в представлениях авторов статьи.

«Искрометность» статьи 1974 г. которая столь восхитила С.В. Белецкого – это не только энергичная образность, столь непривычная в советских археологических публикациях того времени, но и несомненный идеологический вызов. Появление этой статьи, собственно, и обозначило окончательное оформление ленинградского неонорманизма как идеологемы, противостоящей идеологемам марксистского официоза. Согласно последним, классовое образование стимулировалось развитием производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, постепенно превращавшего свободных общинников в феодально-зависимых. Следовательно, и государственность возникает как жесткая зависимость, порожденная грубым насилием. Концепция Б.Д. Грекова – Б.А. Рыбакова, как мы помним, была отвергнута в той части, где утверждалась генетическая

преемственность культур Восточной Европы от Триполья через скифов к черняховцам и к Древней Руси – но не в той части, где процесс становления государства представлялся в полном соответствии с формационной концепцией марксизма. Опровергать эту концепцию, даже ставить под сомнение, естественно, было в 1970-е гг. невозможно.

И вдруг, да еще со ссылкой на авторитет Г. Янкуна, появляется гипотеза, в которой институты древнерусской государственности представляется вызревающими в свободном общении неких коллективов, порожденных торговлей, разрывающей монотонность циклов производящего хозяйства! Причем настойчиво подчеркивается, что именно торговля, сиречь «предпринимательство», «коммерция» (этих слов, конечно, в 1970-е авторы не могли употребить, они прозвучат только в постсоветской России, но это ничего не меняет в восприятии текста статьи) породила вполне романтические, хотя и кровавые взаимоотношения вооруженных группировок предприимчивых – говоря языком не благословенно-застойных 70-х, а лихих 90-х – «отморозков».

Статья 1974 г. стала для ленинградского неонорманизма программной, ибо в ней новое направление обрело не только ту константу, вокруг которой можно было выстраивать тот материал, которым исследователи уже располагали и который еще окажется в их распоряжении, но и окончательно обозначило свои позиции в противостоянии тем оппонентам, кто был признан антинорманистами. Молодые ленинградские исследователи втягивались в полемику по проблемам градообразования в Древней Руси, и главным оппонентом в этой полемике на ближайшее время становился В.В. Седов. Но это – в ближайшем будущем, а пока предстояло закрепить на занятых позициях.

И закрепляться «кафедральные» неонорманисты начали энергично. Как показывает библиография ленинградского неонорманизма, «своличизм советской жизни» 1970-х гг. отнюдь не сдерживал творческой активности ленинградских неонорманистов. В 1978 г., четыре года спустя после выхода в свет статьи, посвященной соотношению Гнездова и Бирки аналогичная исследовательская процедура была проделана для Гнездова и Тимерева – результатом стала небольшая совместная статья уже В.А. Булкина и И.В. Дубова (Булкин, Дубов 1978). Цитировать эту статью нет особого смысла, поскольку те же самые характерные черты торгово-ремесленных поселений, которые обнаружили у Бирки и Гнездова, теперь были обнаружены и на Тимеревском селище. «Посредничество» Гнездова в данном случае было совершенно необходимо, поскольку соотношение «напрямую» Тимерева и Бирки могло все же показаться некорректным; кроме того, важно было обозначить коммуникацию Верхнего Поднепровья и верхнего течения Волги. Статья стала первым, предварительным итогом раскопок Тимеревского поселения в 1973-76 гг. Включение этого памятника в контекст ленинградского неонорманизма, разумеется, было предопределено, однако пройдет не так уж много времени, всего-то четыре года – и автор раскопок будет корректировать интерпретацию материалов тимереvских раскопок, а заодно

и усомнится в правомерности приложения гипотезы Г. Янкуна к Восточной Европе.

У Г.С. Лебедева только под 1977 г. значится 8 публикаций, из коих в трех подробно излагаются уже сформировавшиеся представления исследователя о становлении древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы (Лебедев 1977б-г). В концентрированной форме эти представления изложены в небольшой – всего 230 страниц – карманного формата научно-популярной книге, которая, однако, занимает почетное место в ленинградском неонорманизме, и которой мы полагаем необходимым уделить внимание именно как обобщающей работе, отразившей определенный и важный этап развития ленинградского неонорманизма.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА IN QUARTO

Для Глеба Сергеевича это, несомненно, была серьезная и во всех отношениях удачная «проба пера» – доселе за ним числились только сугубо научные статьи, правда, написанные с блеском, что называется, «на одном дыхании». Показательно посвящение книги памяти В.И. Равдоникаса, который, как известно, в последние годы жизни, к вящему удовольствию московских недоброжелателей, ушел из науки, хотя и внимательно следил за всем происходящим. Посвящение определенно декларирует преемственность.

Книга рекомендована издателями читателю и как «очерк древнего прошлого северо-западной Руси, основанный на данных археологии», и как путеводитель по археологическим памятникам (Лебедев 1977а: 2). Конечно, никакой это не путеводитель, ибо в издании почти отсутствуют необходимые в любом путеводителе внятные характеристики маршрутов, коммуникаций, видов транспорта, нет карт или кроков, коими может воспользоваться путешественник. Путеводитель – это жанровый камуфляж, предоставляющий автору возможность лирических отступлений в описаниях ландшафтов, в которых существуют археологические памятники. Но и назвать повествование Г.С. Лебедева просто «очерком» – значит допустить неточность, ощущаемую каждым, кто углубится в текст. Рискнем, не боясь впасть в преувеличение, признать эту работу Г.С. Лебедева археологической поэмой в прозе. Написанная живым и свободным литературным языком, а не «иностранным», по безусловно справедливому определению Н.С. Борисова, «языком науки», небольшая книга в мягком переплете действительно захватывала и увлекала любознательного читателя не на туристические тропы, а в ряды того контингента энтузиастов, который каждый сезон формировали личный состав археологических экспедиций.

И начинается эта археологическая поэма энергичной и пафосной констатацией преемственности Петербурга от каменных крепостей эпохи позднего средневековья и «городков» древних славян (Лебедев 1977а: 3-4). Эта тема преемственности в разных интерпретациях станет одним из лейтмотивов ленинградского неонорманизма до начала XXI в. Самый талантливый из учеников Л.С. Клейна выступает здесь вполне зрелым исследователем.

дователем и блестящим популяризатором – несомненно, эта небольшая книга 1977 г. одна из лучших работ Г.С. Лебедева. Автор явно стремился создать сложный, но цельный в своей сложности, яркий и мощный, оказывающий сильное эмоциональное воздействие образ Северо-Западной Руси в эпоху раннего средневековья – и, несомненно, преуспел в реализации своего стремления. Однако для удобства дальнейшего изложения примем авторскую версию и будем говорить о «Путеводителе» 1977 г.

Содержание Путеводителя 1977 г. не могло не охватывать шире заявленной темы: автору пришлось объяснить читателю, что такое археологические источники и что такое археологические культуры, зафиксированные исследователями на северо-западе лесной зоны Восточной Европы. Экспозиция этих культур дается в полном соответствии с гипотезой И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова: сопки и длинные курганы на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей признаются памятниками финно-угорского населения, причем Г.С. Лебедев утверждает, что «потомки создателей сопок и длинных курганов, несомненно, вошли в древнерусскую народность. Однако детально проследить этот переход до сих пор не удалось» (Лебедев 1977а: 50). Аргументируется эта этническая атрибуция соотношением ареалов сопок и древней западно-финской топо- и гидронимии и наличием в длинных курганах элементов погребального обряда и предметов, аналогии которым обнаруживаются в древностях эстов. В этнической атрибуции этих раннесредневековых погребальных памятников Г.С. Лебедев опирался не только на гипотезу И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова; в 1976 г. была опубликовано исследование эстонского исследователя Э. Тыниссона, согласившегося с ленинградскими коллегами в признании длинных курганов северо-запада лесной зоны Восточной Европы памятниками финно-угров (Артамонов 1974: 251-252; Тыниссон 1976: 300-306). Славянскими памятниками автор признает полусферические курганы с сожжениями и городища IX-X вв. (Лебедев 1977а: 48-51). Г.С. Лебедев будет довольно долго, до середины 1980-х гг., отстаивать положение гипотезы И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова о финно-угорской принадлежности сопок и длинных курганов (Лебедев 1977б; 1977в; 1978б; 1978в).

И в этом контексте нельзя не обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, скрытое за полемикой о погребальном обряде и «этнических определителях». Признание сопок и длинных курганов памятниками финно-угров многократно усиливало финно-угорский компонент в реконструкциях процесса становления древнерусской государственности на северо-западе лесной зоны Восточной Европы. И это усиление финно-угорского компонента довольно быстро перестало устраивать и ленинградских неонорманистов, и их московских оппонентов по одной простой причине: в центре внимания исследователей оставалась славяно-скандинавская коллизия, в которой финно-угры, увы, оставались статистами. Признать самые значительные погребальные памятники раннесредневекового северо-запада, каковыми являются сопки

и длинные курганы, финно-угорскими чисто психологически было весьма сложно.

Но в 1970-е гг. Г.С. Лебедев в полемическом задоре легко преодолел этот барьер: «Основное развитие в этот период определяется уровнем хозяйства, культуры, общественных отношений словен ильменских. Но нельзя недооценивать и вклад “иных языцей”. В IX – первой половине X в. они были не пассивными соучастниками, а активными строителями Верхней Руси» (Лебедев 1977а: 154). Эти представления об активности «иных языцей» в контактах со славянами и скандинавами поддерживались и материалами исследований курганных могильников Юго-Восточного Приладожья. Этносоциум, оставивший эти памятники, Г.С. Лебедев в 1977 г. именует «приладожской чудью», т.е. признает составной частью обширного чудского сообщества и посвящает результатам раскопок приладожских курганов Н.Е. Бранденбургом, В.И. Равдоникасом, В.А. Назаренко большой раздел Путеводителя 1977 г. И начинается этот раздел констатацией элементов сходства погребального обряда сопок и приладожских курганов: «Элементы ритуала, рассеянные в сопках VIII-IX вв. на Мсте, близ Ловати, на Сяси (ровики, очаги, медвежьи лапы и т.д.) в курганах X в. на Паше и ее притоках образуют стройный и своеобразный погребальный обряд» (Лебедев 1977а: 196).

Очень важные для правильного понимания трактовки автором сложных процессов взаимодействия различных этносоциумов выводы обнаруживаются и в конце раздела о приладожской чудди. Речь идет о проникновении в регион скандинавов, надежно зафиксированном археологически: «Общество Приладожья многими своими чертами напоминает скандинавское общество эпохи викингов. Хотя по своему экономическому развитию норманны стояли выше чудди (здесь давно уже, как и у славян, было известно пашенное земледелие, выделилось ремесло, возникали первые города), в общественной структуре Скандинавии IX-XI вв. сохранялось много архаических, унаследованных от более ранних времен черт: большие семьи, жившие отдельными хуторами, вооружение всех свободных “бондов” – общинников, военно-демократическое народное собрание – “тинг”, объединявший вооруженных мужчин... Приладожская чудь остановилась на более ранней, военно-демократической ступени общественного развития. Именно поэтому норманны сравнительно легко внедрялись в этнически чуждую среду. Чудские воины в конце концов нашли общий язык с северными викингами. Наряду с чудскими, на Паше возникли отдельные скандинавские усадьбы... Местные воины объединились с дружинами викингов. Эти смешанные чудские дружины охотно привлекались князьями Новгорода и Ладоги. Чудь выдвигала своих воевод и бояр. Усадьба какого-то чудина была хорошо известна в Киеве XI в.» (Лебедев 1977а: 212-213).

Все эти пространные рассуждения Г.С. Лебедева построены на устойчивой уверенности в непосредственном отражении в археологических источниках реалий социальных структур и общественных отношений. Казалось бы, нельзя не заметить очевидного. Материалы

раскопок курганов Приладожья характеризуют погребальный обряд с развитыми представлениями о «домах мертвых»; наличие в погребениях оружия отражает несомненную агрессивность этносоциума, а богатые наборы женских украшений свидетельствуют о возможностях устойчивого роста благосостояния. Топография могильников действительно определяется системой расселения небольшими кровнородственными коллективами. И проникновение скандинавов в этот регион, конечно, должно было привести к «нахождению общего языка» с аборигенами. Все так.

Но вот чего нет в этих археологических источниках, так это доказательств наличия/отсутствия у приладожских финно-угров таких институтов, как народное собрание. И не может быть по определению! Равно как и доказательств наличия/отсутствия каких-либо потестарных институтов (советы старейшин, вождь или вожди), исходя из материалов раскопок, предполагать невозможно. Более того, и конкретика процесса проникновения в этот регион скандинавов от нас скрыта, можно констатировать только некий результат. И уж тем более нет достаточных оснований подозревать, что киевский Чудин XI в. – выходец именно из Приладожья; кстати, относительно происхождения этого персонажа будут высказываться различные предположения.

Казалось бы нельзя не увидеть этих очевидных нитяжек в интерпретации приладожских древностей – однако Г.С. Лебедев не увидел, и упрекать его за это, как и многих его коллег, допуская в своих исследованиях аналогичные aberrации, не имеет смысла. Потому что марксистский формационный подход, детерминированный советской исторической наукой и воспринятый ленинградскими неонорманистами, позволял моделировать историческую действительность при любом состоянии источников – достаточно было намек на «рабовладение», «военную демократию», «феодализм» – и характеристика изучаемого общества в четких, но ничего конкретного не выражающих формулах, тем паче со ссылками на «классиков». И – усилить, если исследователь наделен литературным талантом, изложение догадок и гипотез яркими образами отдаленного прошлого – как усиливает в цитированном выше тексте характеристику населения раннесредневекового Приладожья упоминание о киевском Чудине, происхождение которого из этого региона абсолютно недоказуемо.

В полной мере это относится и к прочим характеристикам сложных социальных процессов, не оставивших в археологических и письменных источниках никаких следов или оставивших крайне невразумительные следы, в работах других ленинградских неонорманистов.

Финно-угорские и славянские древности рассматриваются в книге 1977 г. в широком контексте становления древнерусской государственности на огромных территориях – Г.С. Лебедев воспроизводит ту же последовательность этого процесса, что и в цитированной нами выше статье М.И. Артамонова (Лебедев 1977а: 51-52). В следующей главе дается обстоятельная характеристика археологических культур эпохи раннего средневековья на северо-западе Восточной Европы (Лебедев 1977а: 58-60) и столь же обстоятельный историографический

обзор деятельности археологов, изучавших эти древности – от З. Ходаковского до Е.А. Рябина, В.А. Кольчатова, Е.Н. Носова, В.А. Назаренко, К. М. Плоткина и А.А. Розова, причем подчеркивается инициатива М.И. Артамонова в создании СЗАЭ ЛГУ (Лебедев 1977а: 60-80). Таким образом, Г.С. Лебедев четко и вполне обоснованно определил свой статус и статус своих коллег – недавних соучеников – как исследователей, уже способных продемонстрировать вполне заметные достижения на этом поприще: ленинградские неонорманисты, как новое поколение петербургских/ленинградских археологов заявили о себе в полный голос.

Столь же выразительна и информативна глава, представляющая материалы раскопок Городца на Луге – памятника, исследовавшегося СЗАЭ в 1970-73 гг. Городец оказался одним из самых интересных памятников эпохи раннего средневековья на территории Ленинградской области с четкой хронологией. Раскопки в Городце, как известно, дали неожиданный аргумент в пользу предположений о приходе словен новгородских в бассейн Волхова с запада, с южного побережья Балтики: здесь обнаружены остатки вала, насыпанного не позднее X в., решетчатая конструкция которого обнаруживает ближайшие аналогии именно у западных славян. Западнославянские аналогии обнаружались и в гончарной керамике поселения (Лебедев 1977а: 117-119). Подробно охарактеризованы и прочие раннесредневековые памятники, исследованные СЗАЭ в бассейне Верхней Луги. Однако Г.С. Лебедев все же воздержался от выводов относительно происхождения проникшего в этот район славянского населения: «Откуда пришли славяне на Лугу? Пока ответа на этот вопрос дать нельзя» (Лебедев 1977а: 157). Зато исследователь считал достоверно установленным, что именно через Полужье древнерусская колонизация распространяется, по мере развития пашенного земледелия, на плодородное Ижорское плато. Древности этого региона охарактеризованы столь же увлекательно для читателя, как сопки, длинные курганы и курганы Приладожья (Лебедев 1977а: 137-154).

Повествование о «пути из варяг в греки» и Ладого в Путеводителе 1977 г. помещено между разделами, посвященными древностям финно-угров и славян – как в достойную оправу ладожского феномена.

В Путеводителе Г.С. Лебедев мог рассуждать только о волховском отрезке «пути из варяг в греки» и этот раздел книги, пожалуй, единственный, в котором строго выдержан жанр: от истока к устью, от Перыни к Ладого.

Признание сопок памятниками чуди подводит Г.С. Лебедева к единственному объяснению концентрации этих памятников в бассейне Волхова: «Сопки как бы пунктиром намечают путь по Волхову от Приильменя на север, к Ладого. Возможно, с берегов Ладого, Мсты, Луги часть древнего населения отступила на север после прихода словен. Впрочем, пришельцы также устремляются вниз по Волхову: их притягивал возникший близ устья реки торговый город Ладого, ворота к Балтике, своего рода “окно в Европу” IX в. И если сопки позволяют определить время начала освоения Волховского пути (не позднее рубежа VIII-IX вв., задол-

го до появления на Ильмене скандинавских викингов), то появление на берегах реки мысовых городищ – свидетельство прочного военно-административного водного пути» (Лебедев 1977а: 157).

В этом фрагменте сконцентрированы представления об этносоциальных процессах на северо-западе Восточной Европы, сложившиеся у Г.С. Лебедева к концу 1970-х гг. И к этому тексту, адресованному широкой аудитории, следует присмотреться внимательнее.

Кем, собственно говоря, проложен путь «из варяг в греки»? Из приведенного отрывка однозначного вывода не следует. Ладожанами? Или чудью, отступающей под давлением словен? Сопки свидетельствуют об «освоении» Волховского отрезка пути. Термин с достаточно неопределенными объемом и содержанием прочно войдет в лексикон ленинградского неонорманизма именно благодаря своей неопределенности: используя этот термин, можно было создавать образы, воздействовавшие на сознание без необходимой конкретизации изложения.

Зато Ладога вполне определенно названа «торговым городом» и «окном в Европу» IX в. И этот пушкинский образ, принадлежащий совсем другой эпохе, будет активно эксплуатироваться ленинградским неонорманизмом, пока Д.А. Мачинский не сочтет, что ассоциация недостаточно выразительна для утверждения особого статуса Ладоги и не начнет рассуждать уже о «воротах в Европу». Очевидная бессмысленность существования «окна в Европу» в IX, равно как и «ворот», никого не останавливает. У Пушкина речь идет отнюдь не преодолении расстояний. «Прорубать окна», равно как и «распахивать ворота» можно только из замкнутого пространства в неких жестких конструкциях – стенах. В XVIII в. для России такой «стеной» стала не только военная мощь могущественного северного соседа – Швеции, но и общеевропейские представления о русских как о варварах, неспособных к усвоению достижений цивилизации или, по крайней мере, не желающих приобщиться к этим достижениям. Какие такие «стены» в IX в. отделяли Восточную Европу от западных соседей, кроме естественных рубежей – рек, морей, горных цепей, лесов и болот? Никаких. Границы этносоциальных общностей, конечно, маркированные и по возможности контролируемые, по определению не могли быть «стенами», в которых надо было «прорубать окна». В IX в. в Европе реальностью было противостояние уже осознавшего свое единство христианского мира и язычников. Но между язычниками, каковыми были и скандинавы, и славяне, и финно-угры, не было и не могло быть и конфессиональных противоречий. Образ теряет смысл.

Однако куда важнее другое. У читателя, прекрасно помнящего пушкинский контекст, возникает устойчивая ассоциация целенаправленности «прорубания окна» как некоего вызова, события эпохального значения. Между тем, само географическое положение Ладоги в нижнем течении Волхова противоречит этой ассоциации. Возникновение поселения с предполагаемым столь высоким изначально статусом в отдалении от побережья Финского залива представляется странным: в нижнем течении Невы, в том числе и в дельте, где

и основал свою столицу Петр Великий, было предостаточно удобных мест, и давно известный исследователям Петергофский клад определенно свидетельствует о том, что эти обширные территории в IX в. не пустовали. Составить адекватное представление о поселенческих структурах, существовавших на месте Петербурга сейчас невозможно, но это не аргумент в пользу представлений о раннесредневековой Ладоге как «предшественнике» имперской столицы. Скорее уж основатели Ладоги сознательно ушли от Невы вглубь материка, за озеро. Ленинградские неонорманисты неоднократно будут указывать на соображения безопасности, реконструируя системы расселения эпохи раннего средневековья. Однако, как известно, расположение в глубине материка не спасало Ладогу от неоднократных пришествий захватчиков с северо-запада; кроме того, опасность вторжений и просто грабительских набегов для населения невской дельты оставалась актуальной и в XIII-XV вв., однако, новгородские писцовые книги, как известно, зафиксировали здесь достаточно многочисленное население. И в этом контексте образ «окна в Европу» оказывается бессмысленным.

После рассуждений о значении Волхова как важнейшей торговой коммуникации следует подробное описание материалов раскопок в Ладоге с подробной характеристикой стратиграфии памятника, остатков застройки по слоям и ярусам и представлением наиболее интересных находок. Подробно охарактеризованы в Путеводителе 1977 г. ремесло и торговля Ладоги, причем акцент вполне справедливо ставится на местном производстве стеклянных бус и костяных гребней, требовавшем присутствия на поселении мастеров высокой квалификации (Лебедев 1977а: 176-177).

Более того, исследователь утверждает, что именно через Ладогу в Северную Европу поступали арабские монеты и, вслед за скандинавскими коллегами, соотносит зафиксированное резкое сокращение поступления арабского серебра на север и запад в середине IX в. с летописным упоминанием ПВЛ об «изгнании варягов за море», а восстановление устойчивых и прочных торговых отношений готландцев и шведов с Восточной Европой с 70-х гг. IX в. – с вокняжением Рюрика. «И безусловно ладожанам принадлежал решающий голос при определении характера связей со Швецией и другими странами Запада» (Лебедев 1977а: 180-181).

На чем, собственно, основаны эти очень ответственные выводы? На трех положениях:

1) Дирхемы на север и северо-запад Европы поступали с Восточноевропейской равнины;

2) На Восточноевропейскую равнину арабское серебро, в свою очередь, поступало с юго-востока, по Волжскому и Окско-Донскому путям;

3) Ладога по своему географическому положению была единственным центром, через который дирхемы в результате торговых операций вывозились в Скандинавию.

Однако ни одно из этих положений, увы, не так бесспорно, как того хотелось бы исследователям. А.Е. Леонтьев, последовательный оппонент ленинградских неонорманистов по тематике Волго-Окского

междуречья, вполне обоснованно будет указывать на то, что до X в. нет оснований рассуждать о функционировании Волжского пути, соответственно, и поступление дирхемов через Ладогу становится небесспорным (Леонтьев 1986). Нам неоднократно придется еще констатировать это упорное представление ленинградскими неонорманистами Волховского-Волжского пути как единственной коммуникации Восточной Европы с Западной и Северной – что называется, рассудку вопреки, наперекор стихиям. Как будто все прочие пути с запада были перекрыты непреодолимыми естественными препятствиями! Что касается собственно ладожских кладов арабского серебра, то позволительно задать тот же вопрос, что о происхождении «импортов»: а где гарантия, что ладожане не обрели эти дирхемы в Бирке? в Хедебу? да в любом торговом центре собственно на территории Восточной Европы? Да хоть в Багдаде, если они, ладожане – «русы», которые, если верить мусульманам, доходили до Багдада?!

В этом контексте заявления о «последнем слове» ладожан звучат опрометчиво. Но пусть даже и через Ладогу идет это самое серебро – какое, собственно, «последнее слово» могли сказать в Ладоге? Остановить этот процесс? Вряд ли, ибо, при отсутствии тех самых непреодолимых естественных препятствий, движение, наткнувшись на препятствия антропогенные, с неизбежностью ищет и находит обходные пути. Так что «последнее слово» ладожане сказали бы сами себе.

«Контроль» в эпоху средневековья означал прежде всего возможность силового вмешательства в торговые операции: сбор пошлин, обеспечение соответствующими структурами защиты от посягательств на товары и жизни купцов. Располагала ли Ладога в VIII-IX вв. достаточным потенциалом для осуществления такого контроля? Если и да – то это опять же надо было доказывать, а не предполагать, тем более – декларировать.

Рассуждая о начальном периоде существования Ладоги, Г.С. Лебедев приходит к выводу, что поселение изначально представляло собой межплеменной торговый центр с неоднородным этническим составом обитателей. О чем, по мнению исследователя, свидетельствует не только наличие в культурном слое поселения предметов, принадлежащих разным культурным традициям («импорты»), но и, например, погребальный обряд раскопанной С.Н. Орловым сопки № 140. «Медвежьих лапы, очаги в курганах с сожжениями широко известны в Приладожье. Вместе с конем сжигали мертвых древние пруссы и другие балтские, а также некоторые финские племена. Каменный венец вокруг насыпи – черта прибалтийская. Погребение в сопке № 140 можно отнести, судя по вещам, к VIII в. Очевидно, уже в это время население Ладоги было смешанным. В местной культуре переплелись традиции разных племен» (Лебедев 1977а: 184). Напомним, что сопки для Г.С. Лебедева в 1977 г. – памятники чуди. В приведенной выше цитате, вообще-то, по логике изложения, нет никаких указаний на «смешанность» населения и «переплетение» традиций: мертвых с конем погребали не только пруссы, но и «некоторые финно-угорские племена», а все остальное упомянутое – также финно-угорские элемен-

ты погребального обряда. Справедливости ради надо было бы упомянуть, какие именно финно-угры хоронили с конем, а также напомнить о том, что погребение с конем у народов лесной зоны прежде всего все-таки указывает на социальный статус умершего, а не на этническую принадлежность: не у всех были верховые кони, да и не все, кто имел таковых, могли быть погребены с конем. Медведь почитался повсеместно, где обитал, стало быть, наличие в погребении костей этого животного с очень большой осторожностью может быть представлено как «этнический определитель». Что касается каменных обкладок насыпей – до устройства таковых вполне могли додуматься везде, где возводили насыпи и в достаточном количестве есть камень. Т.е. элементы погребального обряда, представленные исследователем как этнические определители – в действительности таковыми быть признаны не могут. Посему попытка Г.С. Лебедева проиллюстрировать «переплетение традиций разных племен» на материалах раскопок сопки № 140 представляется нам не очень удачной.

Особо выделяет Г.С. Лебедев могильник в урочище Плакун, который вполне обоснованно атрибутирован исследователями оказавшимся в Ладоге скандинавам (Лебедев 1977а: 185-186). Общий вывод исследователя по результатам анализа материалов раскопок погребальных памятников: «В целом погребальные памятники – сопки, курганы Плакуна, грунтовые могилы – свидетельствуют о том, что в VIII-IX вв. население Ладоги было разноплеменным. Возможно, конечно, что первоначально здесь существовало какое-нибудь небольшое поселение местной ладожской чуди, хотя отчетливые следы его до сих пор не обнаружены. Но уже в течение VIII в. оно превращается в международный торговый центр. И вряд ли есть особый смысл в поисках основателей Ладоги, поселение такого типа должно было объединять представителей всех племен севера» (Лебедев 1977а: 188).

В этом резюме обращают на себя внимание очевидные противоречия: если поселение чуди «возможно существовало» и следов его нет, то... что же, собственно, «превратилось в торговый центр» в VIII в.? И почему, собственно, «нет смысла» в поисках основателей Ладоги? Потому, что эти поиски могут исказить тот образ «торгового города», который автор предлагает читателю?

Но самое главное, конечно, не в этом. А в том, что в образе Ладоги из Путеводителя 1977 г. присутствует та самая «внемасштабность», характерная для ленинградского неонорманизма, о которой мы уже говорили выше и с которой нам придется сталкиваться еще неоднократно. Сколько здесь было изначально «представителей всех племен севера»? Как понимать весьма неопределенное «должно было объединять»? Формы объединения могут быть очень разными: рабы и господа, семейные пары, соседи, побратимы и т.д. Разумеется, археологический источник не может содержать достоверных данных на сей счет (за редчайшими исключениями), но уж определить примерные количественные параметры, в которых можно строить догадки по материалам раскопок можно и должно. По характеристике Ладоги, приведенной в Путеводителе 1977 г., масштабы

«межплеменного торгового центра» читателю текста определить весьма сложно, хотя автор и рассуждает о просторных усадьбах, на которых могло поместиться 15-30 человек (Лебедев 1977а: 169) Выручают иллюстрации, из которых читатель, привычный к реалиям XX в., может заключить, что в IX в. «межплеменной торговый центр» все же сильно напоминает деревню, причем даже и не очень большую, со всеми своими «большими домами», а в X в. – пожалуй, большое село, если бы не крепость в устье Ладожки (Лебедев 1977а: 170-171). Разумеется, у эпохи раннего средневековья и современности – масштабы разные, но тем более следовало бы максимально конкретизировать терминологию соответствующими пояснениями, дабы не вводить читателя в заблуждения и соблазны.

Представления об организации «межплеменного торгового центра» в Ладоге ко времени публикации Путеводителя 1977 г. у Г.С. Лебедева явно сложились под влиянием реконструируемых реалий эпохи викингов в Скандинавии (Лебедев 1977б; 1977в) и вполне соответствуют характеристикам торгово-ремесленных поселений в совместной с В.А. Булкиным статье о Гнездове и Бирке. Подчеркивается отсутствие в «межплеменном торговом центре» каких-либо потестарных структур: порядок здесь поддерживался «равновесием сторон» – вооруженных группировок, договаривающихся о «мире», который, впрочем, не мог не нарушаться и часто нарушался. Соответственно, применительно к Ладоге эти рассуждения столь же умозрительны и, увы, бездоказательны.

Таким образом, серия публикаций ленинградских неонорманистов 1970-х гг. свидетельствует об оформлении очередной гипотезы становления древнерусской государственности. В законченной форме эта гипотеза была представлена в «Триединой книге».

«ТРИЕДИНАЯ КНИГА» В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ

«Триединая книга» – это одно из неофициальных названий коллективного труда Г.С. Лебедева, В.А. Булкина и И.В. Дубова – увидела свет в 1978 г. Официальное название книги – «Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков» – плохо соотносится с небольшим объемом (150 с.) и мягкой обложкой: возможности издательства ЛГУ им. А.А. Жданова были небеспредельны. В 1978 г. те, кто интересовался заявленной в названии книги проблематикой, мог вполне отчетливо представить себе всю сложность проблем, возникающих перед исследователями раннесредневековых древностей Восточной Европы и а priori предположить, что изложение этих проблем в такой книге может быть сугубо конспективным. Эта конспективность и определила отношение и московских, и ленинградских коллег к коллективному труду Г.С. Лебедева, В.А. Булкина и И.В. Дубова.

В своей ретроспективе деятельности Проблемного семинара Л.С. Клейн ограничился весьма краткой характеристикой: «Последовала более подробная книга трех участников семинара в соавторстве» (Клейн 2009: 172). Действительно, в Триединой книге обобщены и сведены под одной обложкой выводы исследователей, уже представленные в серии статей первой поло-

вины 1970-х гг. Оппоненты ленинградцев – московские исследователи – откликнулись на Триединую книгу спустя четыре года, что свидетельствует, очевидно, об основательности подбора контраргументов и дали этой коллективной работе, естественно, более просторную и строгую оценку: «Именно стремление авторов по-новому взглянуть на некоторые представления о сложных этносоциальных процессах, изменивших на рубеже I-II тысячелетий н.э. этнический и социальный облик всей лесной зоны Восточной Европы, является основным достоинством рассматриваемой работы. Она приглашает исследователей к спору, акцентирует внимание на слабо разработанных проблемах. Недостатком книги оказываются не столько новые, порой остро дискуссионные гипотезы, сколько система (или отсутствие таковой) их аргументации» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 287). В этом выводе заложено очевидное логическое противоречие, опровергающее построения ленинградских неонорманистов: в самом деле, если система аргументации гипотезы не выдерживает критики, тем более, если системы аргументации не обнаруживается вовсе – то и сама гипотеза, очевидно, элементарно несостоятельна, ибо необоснованна – независимо от того, «интересна» эта гипотеза, «дискуссионна» или «новá». От оппонентов, конечно, трудно ожидать другого, слава Богу, нашли по возможности мягкие формулировки – за которыми проглядывает не просто неприятие выводов авторов Триединой книги, но откровенное раздражение.

В том же № 2 «Советской археологии» за 1982 г. опубликована рецензия определенных доброжелателей авторов Триединой книги – И.П. Шаскольского и Д.А. Мачинского. Авторы этой рецензии признали Триединую книгу «большим, полезным и своевременным трудом», констатируя, что «сделан один из первых шагов на пути качественно нового, широкого и углубленного изучения археологического материала IX-XI вв., что, в сочетании с углубленным изучением исторических и лингвистических данных, позволит в ближайшем будущем нарисовать еще более подробную и достоверную картину важного в истории нашей страны этапа, который носит название “возникновения древнерусской государственности и народности”» (Шаскольский, Мачинский 1982: 291). Как видим, ленинградские рецензенты – чего, впрочем, и следовало ожидать – обнаружили в работе земляков как раз те достоинства, в которых отказали этому коллективному труду москвичи. Все с точностью до наоборот: вместо несостоятельных построений – «первый шаг на пути качественно нового, широкого и углубленного изучения археологического материала IX-XI вв.», да еще «в сочетании с углубленным изучением исторических и лингвистических данных» – практически исчерпанных, напомним, к началу 1960-х гг., как было признано еще на «дискуссии 1965 г.». Дилеммальная противоположность оценок этой работы заставляет нас внимательнее пересмотреть положения давно утратившей актуальность Триединой книги.

Первую главу Триединой книги жесткие московские рецензенты признали «облегченно сконструированной, понадобившейся авторам для публикации

и нескольких интересных мыслей о происхождении славян и исторической топографии Киева и Чернигова» – вывод, явно перекликающийся с оценкой всей работы. Основанием для столь нелестной для авторов констатации послужили прежде всего отмеченные рецензентами недостатки в изложении важных проблем происхождения и расселения славян по Восточной Европе. Рецензенты, как и следовало ожидать, отказались признать «в современных археологических данных» материал для предположений о возвращении славян в VI-VII вв. с Дуная на историческую прародину и далее в лесную зону Восточной Европы, ибо не разделяли гипотезу И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова. Не могли они не обратить внимание и на очевидную поверхностность характеристики ситуации в «Русской земле» в X-XI вв.: авторы Триединой книги сконцентрировали внимание на Киеве и в меньшей степени Чернигове, оставив прочие памятники без внимания. Не приняли москвичи и отождествление поселения на Лысой горе в Киеве с Самватом, упомянутым Константином Багрянородным (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 278-279). С этой критикой первой главы Триединой книги в целом согласились и ленинградские рецензенты. И.П. Шаскольский и Д.А. Мачинский отметили, что авторы коллективного труда, «будучи специалистами по археологии северной половины восточнославянских земель, именно этой территории авторы уделили основное внимание. Среднее Поднепровье освещается несколько бегло (и то главным образом полянская земля с Киевом). Совсем кратко охарактеризованы Чернигов и Вышгород, для других южнорусских городов не нашлось места; не охарактеризованы Галицко-Волынская земля, Тмутаракнь, Саркел» (Шаскольский, Мачинский 1982: 290). Примечательно, что И.П. Шаскольский и Д.А. Мачинский не только не приняли, как московские рецензенты, отождествления поселения на Лысой горе с Самватом, но и усомнились в возможности локализации этой крепости на территории Киева (Шаскольский, Мачинский 1982: 291). Едва ли здесь проявилось понимание ограниченной информативности археологических и письменных источников, скорее традиционное для всех рецензентов желание «сделать замечание».

Как видим, ленинградцы не пытались смягчить формулировки, акцентировав необоснованность претензий авторов Триединой книги на обобщения в масштабах всей Восточной Европы. Для того, чтобы оперировать материалами исследований столь обширных территорий, а следовательно, поддерживать и развивать гипотезу И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова, у ленинградских неонорманистов явно не хватало эрудиции. Они действительно оставались «специалистами по археологии северной половины восточнославянских земель», причем и в этой «северной половине» далеко не все было им понятно, как и их коллегам. Очевидно, и не надо было обращаться к этой проблематике, чтобы не навлечь на себя упреки оппонентов? Но тогда и книгу надо было назвать как-то иначе. Легко советовать *post factum*. Однако соблазн высказать те самые «новые идеи» был слишком велик и столь же велики были претензии на обобщения.

Вторая глава Триединой книги написана В.А. Булкиным и посвящена раннесредневековым древностям Поднепровья и Подвинья. Уместно задать вопрос: почему вообще этот раздел стал вторым, после вступления? По первой букве фамилии автора? Но – далее алфавитный порядок, принятый в перечислении авторов коллективных работ и сборников, нарушен: второй раздел написан Г.С. Лебедевым, а И.В. Дубовым, которому надлежало бы, как на обложке книги, по алфавиту следовать за В.А. Булкиным – только третий, т.е. коллективная монография планировалась по значимости разделов для проблематики книги. Причем, «генератор идей» Г.С. Лебедев пропустил коллегу вперед! Выдвижение на первый план В.А. Булкина с его поднепровско-подвинскими штудиями нельзя не признать весьма знаменательным. Василий Александрович в период написания Триединой книги был на творческом подъеме и гнездовский сюжет (в контексте полемики с Д.А. Авдусиным) обретал особую значимость, в том числе и как заявка на дальнейшее активное участие в разработках вопросов хронологии, этнической и социальной истории центральных районов Восточной Европы. Возьмем на себя смелость предположить, что этот достаточно пространственный очерк – наиболее значительная работа Василия Александровича во всей его исследовательской деятельности (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 18-60). После обстоятельной характеристики «культуры смоленских длинных курганов», основанной на работах П.Н. Третьякова, Е.А. Шмидта и В.В. Седова (ссылки именно на эти работы присутствуют в тексте), В.А. Булкин переходит непосредственно к анализу гнездовских материалов. Прежде всего, исследователь приходит к весьма важному выводу, сильно корректирующему обнародованные ранее Л.С. Клейном, Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко статистические штудии, которым придавалось столь важное значение в полемике с Д.А. Авдусиным: «Обычно, обращаясь к характеристике этнического облика могильника, исследователи приводят систему цифровых выкладок (процентных соотношений), якобы отражающих состав древнего населения. Такой подход не может не вызвать возражений, так как предполагает некое статическое состояние групп, разграниченных между собой жесткими рамками племенных (этнических) признаков, будь то височные кольца или овальные фибулы и полностью отвергает динамику самого процесса». И далее: «Мы исходим из того, что в период расцвета Гнездова наличие здесь тех или иных этнических группировок находит свое отражение в погребальном обряде только как тенденция. Соотношение этих тенденций в разные периоды может быть различным, а их историческая оценка возможна с позиции общего итога этнического процесса в Гнездове» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 46). По сути, этот вывод означает, что историческая действительность была значительно сложнее, чем представляется из примитивных процентных соотношений «славян», «скандинавов», «финнов» и прочих. Фактически исследователь признал наличие того самого Порога Познания, за которым начинается неопределенность – а это много значит в общем контексте построений Триединой книги. Разу-

меется, это относится не только к Гнездову, и не соглашаться с В.А. Булкиным и в настоящее время нет никаких оснований.

Далее В.А. Булкин, исходя из тех материалов, которыми он располагал на то время, повторяет уже озвученную в статье 1974 г. гипотезу о «пульсации» Гнездовского поселения с середины IX до первой четверти XI вв., причем активное участие в сложных этносоциальных процессах здесь принимают скандинавы. Более того, начало Гнездова – это военный лагерь норманнов на Днепре (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 49). Развитие поселения соотносится с функционированием Волго-Балтийского пути (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 51-60). И конечно, особо подчеркивается «решительное отсутствие каких-либо данных, свидетельствующих о занятии гнездовского населения земледелием», при том, что в Гнездове обнаруживаются заготовки и готовые элементы набора украшений культуры длинных курганов, сбывавшихся, по мнению исследователя, в округу поселения (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 50-51). Таким образом, характеристика Гнездова вполне соответствует той характеристике, которая была дана в совместной статье В.А. Булкина и Г.С. Лебедева – это типичное торгово-ремесленное поселение на торговых путях, проложенных через Восточную Европу. Но завершая рассуждения об исторических судьбах гнездовского населения, В.А. Булкин неизбежно должен был включиться в обсуждение проблемы «переноса города» – в данном случае Смоленска. Проблема, возникшая в отечественной археологии еще в начале XX в. Напомним, что первым, исходя из материалов раскопок курганного могильника, отождествил Гнездово с летописным Смоленском IX-X вв. еще А.А. Спицын в 1905 г. – и тем самым поставил вопрос о причинах «переноса» по крайней мере одного древнерусского города на 12 км от первоначального местоположения (Спицын 1905: 7-8). Спустя три десятилетия В.И. Равдоникас, как известно, не только присоединился к предположению А.А. Спицына, но и обнаружил, что «есть какая-то общая закономерность в этом процессе роста древнерусских городов. Перемещение города на новое место в известный момент его развития наблюдается повсеместно» (Равдоникас 1934: 118-119). И В.В. Мавродин в свое время отмечал, что «когда городища перестали удовлетворять потребности... город был перенесен на настоящее место» (Мавродин 1945: 144).

В 1977 г., уже после открытия и исследований гнездовских селищ, Л.В. Алексеев в Е.А. Шмидт, на работы которых ссылался в 1978 г. В.А. Булкин, констатировали отсутствие в Смоленске антропогенных отложений IX-X вв., тем самым подтвердив выводы А.А. Спицына. Наконец, в 1978 г., в год публикации Триединой книги, появилась монография Г.В. Штыхова, обнаружившего «переносы городов» в Полоцкой земле: Полоцк, Минск, может быть, Усвяты и Борисов (Штыхов 1978: 19-20). В этом контексте задача соотнесения Гнездова и города Смоленска на Днепре оказывалась несложной, коль скоро расцвет «торгово-ремесленных поселений» определялся динамикой функционирования коммуникаций по речным системам – ответ, собственно, уже содержался в цитированной выше работе В.В. Мавродина.

Охарактеризовав Гнездово как «торгово-ремесленный центр» по материалам раскопок могильника и поселений и констатировав при этом наличие на поселении сложной социальной иерархии, В.А. Булкин делает несколько неожиданный в контексте гипотезы ОТПП, но вполне логичный по сути вывод: «В условиях становления Древнерусского государства таким центром мог быть только город, а в конкретной исторической ситуации Верхнего Поднепровья второй половины IX – X вв. таким городом мог быть только Смоленск, расположенный тогда на нынешней территории д. Гнездово». И следует ссылка на работы Е.А. Шмидта и Л.В. Алексеева – которые были, как отмечалось выше, не единственными и не первыми исследователями, отождествившим Гнездово со Смоленском (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 51). И так, не ОТПП – а город, да еще и крупный административный центр! Это первое противоречие интерпретации гнездовских древностей в Триединой книге, принципиально важное для уточнения достоверности гипотезы ОТПП – поскольку исходит от одного из авторов таковой.

Таким образом, представления Василия Александровича о статусе Гнездова менялись достаточно быстро. Еще в 1973 г. он не видел оснований для отождествления Гнездова и Смоленска (Bulkin 1973: 121), в 1974 г. – признал Гнездово ОТПП, а в 1978 г. – все-таки городом.

И эта эволюция представлений одного из авторов Триединой книги достаточно выразительно демонстрирует избыточность гипотезы ОТПП для реконструкций исторической действительности эпохи раннего средневековья в Восточной Европе. Не беремся судить, как обстояло дело в Скандинавии, но в ареалах расселения славян, финно-угров и балтов ОТПП оказываются не просто инородными образованиями, как неоднократно подчеркивали авторы гипотезы – но откровенно лишним.

Однако ситуацию в Верхнем Поднепровье в эпоху раннего средневековья В.А. Булкин представляет читателю Триединой книги в полном соответствии с гипотезой ОТПП. Исходя из результатов картографирования «импортов» IX-XI вв. в направлении Западная Двина – Днепр – Ока, исследователь предположил, что «импорты» концентрировались на наиболее труднопроходимых участках реконструированного им пути: у порогов Западной Двины, на днепровских волоках и, наконец, перед порогами Средней Оки (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 52-53). «Таким образом, торговая магистраль, пересекающая Русскую равнину от Рижского залива до Волги и разрывающая границы многочисленных разнотнических племенных областей от балтов на западе до финнов на востоке, в то же время могла объединять в едином ритме своего функционирования самые разные центры, порожденные или условиями местного развития, или вызванные к жизни потребностями транзитной торговли. Месту древнего Смоленска (Гнездова) на этой магистрали присуща одна особенность, которая делает положение этого пункта ключевым: всякое продвижение на запад – к Балтийскому морю, Ладоге или Киеву – равным образом как и в обратную сторону – с Западной Двины или верховьев Днепра предполагает

обязательное и неперенное прохождение через Смоленск» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 52-54). Здесь Василий Александрович, несомненно, – и вполне закономерно – увлекся. Конечно, не всякое движение в этих направлениях предполагало обязательно посещение Смоленска – ну хотя бы потому, что передвигались люди с разными целями и при разных обстоятельствах, и, видимо, не каждый обязательно хотел побывать в этом городе. Обходные пути должны были существовать и существовали.

Образ «магистральной», да еще «рассекавшей» Русскую равнину и «прорезавшей» ареалы балтов, славян и финно-угров, укореняющийся (как и образ «потока») в ленинградском неонорманизме, в который уже раз создает у читателя неверное представление о реалиях эпохи раннего средневековья. Собственно, само слово «магистраль» означает просто «главная дорога» и в представлениях человека XX в. устойчиво ассоциировалось с постоянным целенаправленным движением в противоположных направлениях. Исходя из этих устойчивых и явно актуальных и для самого автора ассоциаций – уместно ли уверенно именовать «магистралью» этот труднопроходимый маршрут, движение по которому могло быть только дискретным и каждый раз сопряженным с опасностью просто не вернуться? Путь, обозначенный В.А. Булкиным – явно не «магистраль», а сложная система коммуникаций, причем ни о каких «рассечениях» и «прорезаниях» речи быть не может. Скорее уж должен был возникнуть образ сети, совместно связанной перечисленными автором этносоциумами.

Интерпретация гнездовских «импортов» в этой работе В.А. Булкина вполне традиционна для ленинградских неонорманистов, т.е., как и в предшествующих публикациях, однозначна. В действительности и эти «импорты», как и ладожские, и тимереvские – это прежде всего вещи, обстоятельства попадания которых в антропогенные отложения поселений и погребения однозначно установить невозможно. Да, в Гнездове впервые в закрытом комплексе IX в. оказались предметы, произведенные в Северной Европе и на мусульманском Востоке. И В.А. Булкин представил этот комплекс как эффективное доказательство функционирования «магистральной» Западной Двина – Ока. Но ведь мы ровным счетом ничего не знаем о судьбе человека, в погребении которого обнаружены эти вещи, об истории его рода, о возможных связях с обитателями близких и отдаленных регионов – следовательно, ничего определенного не можем сказать и об обстоятельствах попадания в Гнездово интересующих нас предметов. Таковые остаются неизвестными. Предложенная В.А. Булкиным и его соавторами интерпретация – только одна из возможных, представляющаяся наиболее вероятной, потому что в этой интерпретации «импорты» соотносятся не с неизвестностью, непостижимой ни для историков, ни для археологов, а с тем, что представляется известным – географией речных систем в верхнем течении Западной Двины, Днепра, Волги и Оки.

Снова остается только воскликнуть: если бы все было так просто! От одного скопления «импортов» до другого провести направление через речные системы – и опре-

делилось направление пути! Однако дело не только в том, что говорилось выше об «импортах». Пролагая по картам эти «пути», необходимо иметь и отчетливое представление о гидрорежиме речных систем – а этих-то необходимых выкладок в работах ленинградских неонорманистов, в том числе и в главе II Тринединной книги, мы и не найдем. Несомненно, как и в случае с «путем из варяг в греки», о котором нам еще придется неоднократно рассуждать, движение в направлении запад-восток-восток-запад, намеченным В.А. Булкиным, теоретически было вполне для кого-то возможным и кто-то передвигался по лесной зоне Восточной Европы именно так – но одного соотнесения географической карты с картой археологической, демонстрирующей распределение «импортов», увы, недостаточно, чтобы предполагать функционирование оживленных торговых коммуникаций – хотя археологи и историки, кажется, давно успели убедить себя в обратном.

Характеризуя Гнездово-Смоленск, В.А. Булкин в Тринединной книге, как и в статье о 1974 г. о Гнездове и Бирке, настойчиво подчеркивает обособленность гнездовского поселения от сельской округи, определяющее значение торговли для процветания того Смоленска, который упомянут летописью под 882 г. Подводя итог гнездовскому периоду развития города, исследователь заключает, что «обособление торгово-ремесленных и дружинных групп на основе обслуживания потребностей главным образом внешней торговли, хотя и сопровождается кратковременным ярким расцветом, еще недостаточно для перерастания такого центра в средневековый город. Отсутствие прочных этнических и, по-видимому, экономических связей с округой, а также долговременной и сильной внешней поддержки, приводит к тому, что в результате подрыва этой основы (переориентация торговых путей) поселение прекращает свое прогрессивное развитие» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 59-60). Обратим для начала внимание на формулировку: «прекращает свое прогрессивное развитие» – эта формулировка явно означает, что автор не уверен в прекращении жизни на поселении в XI-XII вв., а только утверждает, что приостановлен некий «прогресс». Мы еще вернемся к этому термину, он весьма значим в построениях ленинградских неонорманистов. Кстати, ситуация в Гнездове во второй половине XI-XIII вв. остается неясной из-за явного недостатка достоверных данных на сей счет. Да и вряд ли вообще откровенно паразитическая поселенческая система, «никак не связанная с округой», но, надо полагать, причинявшая этой округе немало хлопот (судя по наличию здесь многочисленного вооруженного и, надо полагать, не сентиментального контингента) заслуживает столь восторженных оценок как средоточие «прогресса».

Но главное не в этом, а в том, что упорное подчеркивание «отрыва Гнездова от округи» да еще и отсутствия «сильной внешней поддержки» никак не согласуется с ясным указанием летописи на то, что Смоленск – тот самый, «гнездовский» – который пришлось брать Олегу в 882 г., был градом кривичей. И, напомним, историков и археологов, обращавшихся к кривичской проблематике всегда останавливало это упоминание – поскольку

в войске Олега тоже были кривичи, т.е. версию о кривичском Смоленске никто под сомнение не ставил. Но – как могло быть «градом кривичей», вполне конкретной и многочисленной этносоциальной общности, поселение, «оторванное от округи» и «лишенное сильной внешней поддержки»? Что касается «этнической обособленности» Гнездова от округи – непонятно, как вообще обитатели поселения в течение столетия смогли поддерживать таковую, разве что дали коллективный обет не иметь никаких отношений с местными женщинами. Такие примеры, хотя и редкие, «отсутствия взаимной комплиментарности» по Л.Н. Гумилеву, в истории миграций, конечно, известны – но материалы раскопок Гнездова сами по себе не свидетельствуют однозначно, что дело здесь обстояло именно так.

Причины упадка Гнездова В.А. Булкин объяснил активизацией Полоцка как соперника Новгорода и Смоленска на Днепровском пути – и это предположение, во всяком случае, выглядит значительно убедительнее рассуждений о «прогрессивности» богатеющего на транзитной торговле паразитического *ens a se* социума (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 55-57).

Что же ответили на выводы В.А. Булкина московские оппоненты? Прежде всего, выразили недоумение относительно «норманнского лагеря», подчеркнув решительное преобладание славянского компонента на поселении с момента возникновения и до конца существования. И опровергли выводы ленинградского коллеги о социальных различиях обитателей укрепленных и неукрепленных валами и рвами поселений в Гнездове, об обособленности ремесла и торговли в Гнездове в IX-X вв. (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 280). Не без ехидства отметили москвичи беллетристическую неустойчивость терминологии ленинградских коллег («предгородской», «раннегородской», «протогородской» центр), «чрезмерное значение», придаваемое В.А. Булкиным транзитной торговле и «странную непоседливость» населения Гнездова, перемещавшихся с одного места на другое «из-за стремления контролировать волоки, из-за выгод транзитной торговли восточным серебром!» (Куза, Пушкина, Леонтьев 1982: 280-281). Так одним замечанием, с несколько наигранной легкой небрежностью, оппоненты попытались снять пафос ленинградского неонорманизма, восторг обретения этой самой транзитной торговли как главного механизма возникновения государства и романтику торговых путей. Впрочем, наличие западно-двинского пути рецензенты признали и даже отметили доказательство существования онога как несомненное достоинство главы II Триединой книги (Куза, Пушкина, Леонтьев 1982: 280-281). Вероятно, дело здесь не только в том, что В.А. Булкин убедил своих оппонентов – в чем, собственно, нет оснований сомневаться – но и в том, что в Гнездове ленинградцы больше не работали, и это открытие В.А. Булкина объективно повышало статус памятника, который становился «базовым» для московских исследователей.

И.П. Шаскольский и Д.А. Мачинский, как и следовало ожидать, как раз высоко оценили главу II – но также посетовали на то, что мало уделено внимания проблеме

Гнездова и Смоленска (Шаскольский, Мачинский 1982: 290).

Оценивая позиции сторон в полемике по проблеме Гнездова в 1970-е гг., вокруг главы II Триединой книги, следует отметить неколебимую уверенность и ленинградских, и московских исследователей в том, что источники, которыми они располагают, адекватно отражают реалии и причинно-следственные связи исторической действительности VIII-XI вв. Напомним, что ни те, ни другие не могли с должной степенью достоверности подробно охарактеризовать хозяйственный уклад Гнездова-Смоленска. Как далеко распространялась зона хозяйственной активности населения? Насколько эффективно можно было развивать производящее хозяйство на этих территориях и в течение какого хронологического периода? В каких конкретно объемах могло обеспечить население присваивающее хозяйство – рыболовство и охота? Вот те вопросы, ответы на которые должны конкретизировать представления о периодах расцвета и упадка поселения – но ни в тексте Триединой книги, ни в рецензиях этих вопросов, тем более ответов нет, в чем, впрочем, авторов и обвинить трудно.

Впрочем, авторы статьи о Гнездове и Бирке и Триединой книги дождались не только почти снисходительной критики московских коллег и сдержанного, хотя и несомненного одобрения коллег ленинградских. Их выводы были признаны «исключительно плодотворными» и перспективными Л.В. Алексеевым, исследовавшим древности Смоленской земли (Алексеев 1980: 143). Леонид Васильевич оказался естественным союзником ленинградцев как оппонент Д.А. Авдусина, сначала считавшего Гнездово отдаленным некрополем Смоленска, а затем, после исследований гнездовских селищ, предположившего изначальное сосуществование обширного поселения в Гнездове и Смоленская на Днепре. Однако Л.В. Алексеев не ограничился отождествлением Гнездова и Смоленска IX-X в., он реконструирует некоторые реалии бытия древнего города: «Смоленск предстает перед нами как центр смоленских кривичей, обнесенный, вероятно, какими-то укреплениями (деревянными и небольшими), и неудивительно, что, узнав о его величине и многолюдстве, Константин Багрянородный принял его за большую крепость. Дань в этом городе делилась с варягами и со Станиславом (а через него с Киевом) – город был достаточно богат. Князь же его был слаб, с варяжской данью не боролся, а проезжие купцы по тогдашнему времени вынуждены были блокироваться друг с другом и быть воинами. Не исключено, что соседние Полоцк и Витебск имели то же происхождение, что и Смоленск, правда, пока это только предположение» (Алексеев 1980: 143-144).

В этой характеристике – притом, что автор вполне резонно предполагает наличие в Гнездове простейших деревянных укреплений (надо полагать, частоколов) по периметру застройки – явственно ощущается влияние гипотезы ОТПП. Непонятно, из каких источников автор получил информацию о «слабости» смоленского князя во второй половине X в., об объединениях «проезжих купцов», если только не из рассуждений ленинградских неонорманистов, апеллировавших, как мы пом-

ним, к авторитету Г. Янкуна. Ни в летописи, ни в материалах раскопок гнездовских курганов и поселений нет на сей счет никаких данных, равно как и том, с кем делилась смоленская дань. Что касается упомянутого здесь князя Станислава, которого отец Владимир Святославич водворил, согласно летописи, в Смоленске, то «его тамга», упомянутая Л.В. Алексеевым как доказательство тождества Гнездова и Смоленска была идентифицирована (насколько корректно – другой вопрос) именно по находке в Гнездове, т.е. образуется вполне отчетливый «круг в доказательствах» (Ширинский 1966: 223). Но даже если эта тамга действительно принадлежит Станиславу Владимировичу (это предположение опровергнуть пока невозможно, но о прочих князьях Смоленска в X в. мы вообще ничего не знаем) – как это доказывает «слабость князя»?

Остается только еще раз констатировать несомненное и сильное обаяние образов, порожденных ленинградским неонорманизмом, одинаково воздействовавших и на восторженных по молодости студентов, и на маститых исследователей.

Между тем, В.А. Булкин не мог ограничиться в главе II Трехтомной книги гнездовской проблематикой, поскольку Гнездово-Смоленск тесно связано не только с отдаленными, но в первую очередь с сопредельными территориями в бассейне Западной Двины. Вполне закономерным было обращение исследователя к древностям Полоцка – одного из крупнейших центров древнерусской государственности на северо-западе Восточной Европы, история которого неразрывно связана с историей Смоленска, Новгорода и Пскова. В длительных и сложных смоленско-полоцких взаимоотношениях В.А. Булкин вполне обоснованно важное место отвел Витебску, который, по его мнению, должен был стать городом уже во второй половине X в. и контролировал труднопроходимый участок двинского пути (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 56-57). Полоцк, по мнению исследователя, развивался в древнерусский город из племенного центра кривичей, оказавшегося уже в конце IX в. в сфере интересов скандинавов, действовавших в Восточной Европе. Зафиксированный на Рогволодовом городище Полоцка пожар X в. В.А. Булкин уверенно соотносит с летописным повествованием о походе Владимира Святославича после неудачного сватовства к Рогнеде. В X в., по мнению исследователя, Смоленск (Гнездово) и Полоцк тесно связаны двинским «магистральным» путем, причем в обоих случаях имело место «перенесение части поселения на новое место, в большей мере обеспечивавшее контроль над водным путем. В древнем Смоленске это произошло в конце X в. (Ольшанское поселение), в Полоцке – в начале XI в.» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 57). И далее следует очень важный вывод: «Различие судеб древнего Смоленска и Полоцка объясняется их различным исходным общественным статусом. Полоцк с самого начала был племенным центром и, таким образом, в течение длительного периода сохранял прочную внутреннюю опору, которая со временем деформировалась, поглощая внешние импульсивные воздействия. Это обеспечивало более спокойное (во внешнем выражении) и более стабильное раз-

витие города второй половины IX-X вв.» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 59).

Ознакомившись с этим рассуждением В.А. Булкина, московские рецензенты, во-первых, отметили недоказуемость соотнесения пожара на Рогволодовом городище с походом Владимира Святославича. Во-вторых, посоветовали на «выборочность» представления процесса градообразования в Верхнем Поднепровье и Подвинье. Наконец, в-третьих, не отказали себе в удовольствии упрекнуть автора в том, что характеристика Гнездова «построена в основном на собственных работах при опускании статей ряда других авторов. Как ни досадно, приходится констатировать очевидную направленность подобного метода подачи материала» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 281). Первое из этих замечаний может быть принято, третье, пожалуй, справедливо отчасти, со вторым согласиться трудно хотя бы по той причине, что в работе В.А. Булкина речь все же идет о крупнейших центрах, возникающих в этом регионе, развитие которых, собственно, и определяло процесс формирования государственной территории Древней Руси в этих регионах. А вот насчет «очевидной направленности подачи материала» с московскими рецензентами можно согласиться – но с важной оговоркой: таковая, собственно, свойственна любому исследователю, представляющему свою гипотезу-реконструкцию отдаленного прошлого, так что едва ли «направленность» можно поставить персонально в упрек В.А. Булкину и его соавторам. Другое дело – насколько обоснована, плодотворна и проверяема эта предлагаемая исследователем гипотеза.

На первый взгляд, именно «в полоцкой части» построения В.А. Булкина, на первый взгляд, представляются более убедительными, чем «в гнездовской» – за исключением, пожалуй, рассуждений о «переносе города» из-за необходимости контроля над «магистралью» по Западной Двине. В самом деле, укрепленное поселение на Рогволодовом городище возникло уже тогда, когда, собственно, «магистраль» начала функционировать. И позволительно снова задать тот самый вопрос, который мы уже задавали: почему же обитатели этого поселения – как и «гнездовцы» – смоляне, как и тимевцы и, в известной степени, ладожане, забравшиеся за волховские пороги – не обосновались непосредственно на «магистральной»? Из соображений безопасности? Но в таком случае, какие основания рассуждать о «контроле над магистралью», если обитатели поселения явно не в состоянии осуществлять таковой и в первую очередь опасаются вторжений?

В случае с Полоцком как будто все понятно – но ведь Гнездово-Смоленск, по В.А. Булкину, возникает после появления в верхнем течении Днепра скандинавов. Следовательно, можно полагать, что в этом случае стремление к «контролю над магистралью» или, по крайней мере, к присутствию на таковой, было изначальным. Возникают те же вопросы, которые поставили рассуждения Г.С. Лебедева в Путеводителе 1977 г. о «контроле» обитателей Ладоги над Волховским путем: почему же лихие варяги, прорвавшиеся в самый центр Русской равнины, не сели на тех самых высотах над Днепром,

на которых встал Смоленск XI в., а залезли на несудоходный приток великой реки? Убоялись днепровских разливов?

Но если сомнителен «контроль над путем» как причина возникновения и стимул развития поселения, то и все дальнейшие рассуждения о противостоянии Полоцка и Смоленска теряют убедительность – очевидно, действовали, причем активно, еще какие-то факторы, остающиеся вне поля зрения исследователей. Завершая краткий анализ второй главы Триединой книги и замечаний рецензентов, приходится согласиться с московскими исследователями: здесь есть вызов к полемике, но очень мало бесспорно установленного.

Третья глава совместного труда, написанная Г.С. Лебедевым и посвященная древностям северо-запада, не содержит ничего принципиально нового сравнительно с работами исследователя первой половины 1970-х гг.: те же рассуждения о «предкурганной культуре», о финно-угорской принадлежности сопки и длинных курганов («чудь» Иордана), об особом статусе Ладоги (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 67-70). Московские рецензенты вполне объективно отметили очевидные противоречия в этих построениях: «Появление сопок – результат импульса с юго-востока, из области мощинской культуры, а длинных курганов – аналогичного импульса с северо-запада, от носителей культуры каменных могильников. Какова же должна быть сила культурного воздействия (без притока нового населения), заставившая на огромной территории решительно изменить погребальный обряд? Нельзя также не отметить, что наиболее отчетливо финские черты фиксируются в сопках, а балтские – в длинных курганах. Если следовать взглядам Г.С. Лебедева, естественно было бы обнаружить обратную картину. Гипотеза о “культурных импульсах” не может удовлетворительно объяснить сочетание в одних и тех же могильниках хронологически близких захоронений в сопках, длинных курганах и “сопковидных насыпях”. Столь остро направленная избирательность в восприятии культурного воздействия населения одной местности, а вероятно и одной общины, когда часть людей перенимает юго-восточные традиции, а другая – северо-западные, исторически неубедительна» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 282). Снова обвинения в «избирательности», несомненно, изящные и как будто вполне обоснованные. Тогда, очевидно, прав главный оппонент Г.С. Лебедева и его ленинградских коллег – В.В. Седов, признавший, как известно, сопки и длинные курганы памятниками новгородских словен и кривичей? Отрицание предположений Г.С. Лебедева предполагает именно такой вывод. Однако и здесь, увы, при всей тщательности проработки археологических источников, обнаруживается та самая неизбежная «избирательность». Ибо гипотеза В.В. Седова, при внимательном рассмотрении, основана все же не столько на бесспорных результатах анализа материалов раскопок этих памятников, сколько, собственно, на уверенности в том, что именно новгородские словене и кривичи, сыгравшие столь значительную роль в становлении древнерусской культуры, должны были оставить яркие и выразительные

археологические памятники – именно такие, как сопки и длинные курганы (Седов 1970: 30-34; 1974: 36-41; 1982: 46-66). Чем, собственно, эти предположения лучше выводов Г.С. Лебедева о мощинских и прибалтийских «импульсах»? Представляется, что ничем. Предположения, как это бывает почти всегда в археологии, утвердились *per auctoritatem*. И это означает, что опровержение, основанное только на констатации несостоятельности аргументов оппонента, не могло привести к правильному пониманию исторической действительности эпохи раннего средневековья и степени информативности источников.

Полемика по вопросу об этнической принадлежности населения оставившего сопки тем и интересна, что достаточно наглядно демонстрирует ограниченные возможности историков и археологов в интерпретациях источников, которыми они располагают. В самом деле, есть тексты Иордана и Повести временных лет, есть археологические памятники на огромных территориях северо-запада Восточной Европы, активно изучаемые и надежно датируемые – а попытки совместить две группы источников не ведут к установлению истины. Нам еще придется вернуться к этой проблеме, поскольку в скором времени представления ленинградских неонорманистов об этих памятниках изменятся.

Особое негодование московских рецензентов вызвал небольшой «эюд» Г.С. Лебедева о псковских кривичах. А.В. Куза, А.Е. Леонтьев и Т.А. Пушкина признали этот «эюд» (точное жанровое определение!) «не имеющим принципиального значения для логических построений автора» – на самом деле «эюд» очень важен в построениях Г.С. Лебедева. Глеб Сергеевич, исповедуя гипотезу И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова, не мог признать псковские длинные курганы памятниками летописных кривичей; для него славянское население Псковской земли – рано обособившаяся группа новгородских словен. Доказательства исследователь находит как в археологических, так и в письменных источниках, а так же в лингвистике. Г.С. Лебедев, оперируя данными И.И. Ляпушкина о погребальном обряде круглых курганов с кремациями, признаваемых достоверно славянскими, подчеркивает крайнюю малочисленность урновых погребений на Псковщине сравнительно с ареалом верхнеднепровских кривичей. В псковских длинных курганах нет характерных для кривичей верховьев Днепра, Двины и Волги балтских украшений – северная граница «смоленских кривичей» точно совпадает с южными границами Новгородской и Псковской земли (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 82). Изборск, исследовавшийся В.В. Седовым, для Г.С. Лебедева – в VIII-IX вв. не племенной центр кривичей, а вполне «рядовое» укрепленное поселение с достаточно «бедной» культурой, такое же, как исследованный самим Г.С. Лебедевым Городец под Лугой. Наконец, своеобразие псковских говоров, отличающихся от говоров Смоленщины и Северной Белоруссии, Г.С. Лебедев объясняет наличием здесь финно-угорского субстрата – носителей культуры псковских длинных курганов. Что касается письменных источников, то исследователь отметил, что «в начальной летописи прямых указаний на связь “Изборск-кри-

вичи” нет. Она появилась, видимо, в результате своеобразной историографической переработки летописей сначала средневековыми редакторами, а затем исследователями нового времени». По заключению Г.С. Лебедева, Изборск назван центром кривичей только в позднем Архангелогородском летописце, а в XIX в. эту версию утвердил Н.М. Карамзин (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 83-84).

Итак, «кривичский этюд» Г.С. Лебедева, вопреки утверждениям московских рецензентов, очень важен для ленинградских неонорманистов. Во-первых, совершенно очевидна его направленность против авторитета В.В. Седова – главного московского оппонента гипотезы И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова. Во-вторых, если Изборск и Псков – это не кривичи, а Смоленск/Гнездово – определено «град кривичей» в 882 г., то можно утверждать, что «варяжская дань» к 862 г. определено распространялась на верхнее течение Днепра, Двины и Волги и само основание Смоленска/Гнездова небольшой группой скандинавов по В.А. Булкину можно связать именно с этими событиями. Именно «смоленские кривичи» изгоняли и призывали варягов вместе со словенами, чужью и мерей. Если же прав В.В. Седов, то ареал «варяжской дани» может значительно сократиться, включая в себя на северо-западе Восточной Европы только Новгородскую землю с Псковщиной, центральные районы Волго-Окского междуречья и Белозерский регион. Гнездово-Смоленск оказывается вне этого ареала. Кроме того, признание Изборска «племенным центром» кривичей утверждает «полицентризм» начального периода становления древнерусской государственности, а для ленинградских неонорманистов уже в 1970-е гг., после возобновления исследований в Ладоге, все отчетливой обозначилась перспектива «ладогоцентризма». Так что предмет полемики представлялся более чем серьезным для обеих сторон.

Неудивительно, что московские рецензенты нервно отреагировали на эти как будто вполне логичные построения. Попытаться опровергнуть выводы Г.С. Лебедева можно было только обвинив ленинградского исследователя в неправильной интерпретации давно введенных в научный оборот источников. А.В. Куза, А.Е. Леонтьев и Т.А. Пушкина отметили, что Г.С. Лебедев не показал, в чем заключалась «историографическая переработка» текстов ранних летописей составителем Архангелогородского летописца и почему под его пером Изборск превратился в город кривичей, тем более, что в Летописце Переяславля Суздальского Смоленск назван третьим городом кривичей. Если считать, согласно летописи, что вторым городом кривичей был Полоцк, то третьим мог быть только Изборск. Далее следует напоминание об участии кривичей в войске Олега, выступившего с севера на юг в 882 г. – это могли быть только псковские кривичи, ибо Смоленск Олег взял уже на пути в Киев и, что гораздо важнее для полемики, об участии кривичей в войске новгородского тогда князя Владимира Святославича на кривичский Полоцк, в котором обосновался Рогволод. В интерпретации археологических источников, по мнению москвичей, Г.С. Лебедев также допустил серьезные ошибки, обратившись к статисти-

ке урновых погребений на Псковщине, приведенной И.И. Ляпушкиным (всего одно погребение!), в то время как по данным В.В. Седова – таковых целых 18 против 22 в Полоцкой земле и 40 в Смоленской. Вывод из всего этого: «Кажется естественной необходимостью детального анализа всех черт сходства и различия погребального обряда и инвентаря псковских курганов и синхронных памятников Полоцко-Смоленской земли. Однако этого не сделано, и выводы автора теряют свою доказательную силу» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 283).

Анализируя ход полемики по «кривичскому вопросу», приходится признать, что и в этом случае и ленинградцы и москвичи столкнувшись с неоднократно констатированной нами невозможностью однозначного соотнесения письменных и археологических источников, традиционно предприняли упорные попытки преодолеть Порог Познания. Попытки, как и следовало ожидать, оказались неудачными – притом, что участники полемики столь же традиционно остались уверенными в своей правоте. В самом деле, что дают подсчеты «кривичских» урновых и безурновых погребений, если в Смоленской земле таковых 49 (54,4%-!), а в Полоцкой – аж 22 (47,9%-!). А остальные погребения в этих регионах? Делать достоверные выводы относительно значения этого элемента погребального обряда археологи могли бы, если, во-первых, можно было бы зафиксировать статистику по всем погребениям, совершенным на этих территориях в VIII-IX вв. – но это невозможно по определению; во-вторых, если бы можно было однозначно определить смысл помещения останков погребенного в урну при наличии рядом безурновых погребений – но это также невозможно. Ни авторы Тринединной книги, ни их оппоненты по-прежнему не видят, что письменные источники, которыми оперируют исследователи – это не многословные хроники и не писцовые книги, подробно фиксировавшие систему расселения на тех или иных территориях, а лаконичные записи преданий, в которых возможны не только редактуры, но и элементарные ошибки, повторы и пропуски. В Летописце Переяславля Суздальского действительно сказано о Смоленске: «третий град есть се отъ нихъ созданъ» (ЛПС: 105). Однако, вопреки уверенности В.В. Седова, А.В. Кузы, А.Е. Леонтьева и Т.А. Пушкиной, эта фраза никак не свидетельствует о том, что «третий град» – именно Изборск, который составитель этого свода почему-то не захотел назвать прямо, и только потому, что именно Изборск упомянут как город кривичей в Архангелогородском летописце. О каком еще «граде кривичей», кроме упомянутого выше Полоцка и Смоленска говорит составитель Летописца Переяславля Суздальского – можно только гадать. «Детальный анализ всех черт сходства и различия погребального обряда и инвентаря псковских курганов и синхронных памятников Полоцко-Смоленской земли» можно производить многократно – возникнут только новые вопросы, а однозначных, достоверных ответов не будет, ибо археологический источник содержит не ту информацию, которую хотелось бы получить из него исследователям. «Кривичский вопрос» в контексте тех событий, которые Повесть временных лет относит к 862 г., остается открытым: какие именно кривичи

призывали и изгоняли варягов и почему какие-то кривичи присутствуют в войсках Олега Вещего и Владимира Святославича, наступающих на кривичские города Смоленск и Полоцк – так и остается неясным. Признать это историкам и археологам, упорно стремящимся реконструировать с максимальной достоверностью реалии становления древнерусской государственности, очень не хочется. Эта неясность долго будет предметом пристального внимания ленинградских неонорманистов и породит новые догадки – уже относительно участия этих летописных кривичей в ладожских делах.

Характеристика Ладоги в главе III Триединой книги в целом повторяет то, что было уже сказано в работах первой половины 1970-х гг. и Путеводителе 1977 г. Завершает раздел пространное рассуждение о значении Ладоги в изучении периода становления древнерусской государственности, которое стоит процитировать: «Ладога демонстрирует редкое совпадение данных письменных, нумизматических и археологических источников, раскрывающих реальное содержание варяжской легенды: историю контактов и конфликтов славян, чуди и норманнов в межплеменном открытом торгово-ремесленном центре на Волхове; в итоге этих отношений Ладога была включена в орбиту древнерусской государственности. Используя военную силу варяжских дружин, славянская знать и городские слои обеспечили за собой ключевые позиции в одном из первых на Балтике торговых городов. Подъем Ладоги в IX в. вызван такими специфическими для распадающегося варварского общества явлениями, как дальняя торговля, грабительские походы, динамическое перераспределение ценностей. Движущими силами развития стали наиболее активные элементы, выслаивающиеся из патриархально-родовых общин: воины, купцы, ремесленники, стягивающиеся к торжищу на Волхове. К концу IX в. среди этих разноплеменных “изгоев” преобладали славяне» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 90). Из этой характеристики Ладоги определенно следует, что Г.С. Лебедев все более склоняется к соотношению «варяжской легенды» с материалами раскопок этого памятника. У читателя приведенного выше текста, не знакомого с источниками, на которые ссылается автор, вполне может возникнуть впечатление, что материалы раскопок Ладоги по информативности сопоставимы с материалами раскопок Помпей, а Повесть временных лет в той части, где повествуется о событиях IX в. – многословная хроника, сохранившая для потомков массу имен и фактов!

Какие «городские слои»? Какая «славянская знать»? Сколько их было?! Как их звали, раз уж вы пишете с такой уверенностью об их взаимоотношениях?! Почему, наконец, к «торжищу на Волхове» должны были «стягиваться изгои»? Снова повторяется навязчивый тезис о разрушении «патриархально-родовых общин» этими самыми «изгоями», порожденный марксистской формационной концепцией и тиражированный и ленинградскими неонорманистами, и их учителями, и их оппонентами, в реконструкциях исторической действительности раннего средневековья вызывает сильные сомнения. Начнем с того, что структура «патриархальных общин» славян

и финно-угров в лесной зоне Восточной Европы в этот период нигде не зафиксирована, так что совершенно непонятно, что именно и как «разрушалось». Неопределенность объема и содержания понятия, определяемого термином, заставляет заключать термин в кавычки как сугубо условный, так сказать, за неимением лучшего. Кем и как доказано, что обосновавшиеся в Ладоге славяне не принадлежали к одной или нескольким патриархально-родовым общинам? Непонятно также, почему, собственно, человек, уходящий в грабительский поход или далекий торговый маршрут переставал быть членом той или иной общины. Разве оказавшись за тридевять земель от отчего дома, он переставал ощущать себя членом рода? Опыт пребывания даже в современных российских городах выходцев из регионов, где патриархально-родовые отношения еще не изжиты, позволяет в этом усомниться. Вряд ли все работоспособные мужчины из «патриархально-родовых общин» могли уйти в неизвестность, а уход нескольких, пусть даже наиболее пассионарных личностей никак не мог разрушить такую устойчивую структуру. Историки и археологи убеждены в том, что «патриархально-родовые общины» должны были разрушаться, ибо «Русская правда» в начале XI в. застаёт уже соседские общины – но механизм и хронология этого разрушения навсегда скрыты от нас во времени. Однако московские рецензенты не дали себе труда подробно анализировать рассуждения Г.С. Лебедева о Ладоге, Новгороде и Пскове, ограничившись констатацией наличия «широкого поля для дискуссий» в изучении раннесредневековых древностей северо-запада Восточной Европы (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 283).

Ленинградским рецензентам, напротив, именно раздел, посвященный Приладожью и бассейну Волхова, т.е. глава III Триединой книги Г.С. Лебедева, представлялся особенно удачным в коллективном труде. Однако похвала немногословна, констатируется только «удачное обобщение» результатов исследований последних 15-20 лет и несомненный интерес попытки определения территории словен новгородских (в подтексте признание неславянской принадлежности сопки и длинных курганов согласно гипотезе И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова) (Мачинский, Шаскольский 1982: 291).

Глава IV Триединой книги, озаглавленная «Северо-Восток», написана И.В. Дубовым. Под «Северо-Востоком», как выясняется из текста, подразумевается Волго-Окское междуречье – обширный регион, ставший, в конечном счете, ядром формирования уже не древнерусской, а собственно русской государственности с центром в Москве. Исследовавшие И.В. Дубовым памятники нижнего течения Которосли, как показано выше, уже были включены ленинградскими неонорманистами в ареал «государствообразующей» транзитной торговли. Однако эти эффектные памятники невозможно было представлять вне контекста сопредельных территорий, следовательно, Игорю Васильевичу предстояло углубиться в проблематику изучения раннесредневековых древностей Волго-Окского междуречья – от устья Нерли Волжской до устья Оки и от устья Которосли до устья Москвы. Последняя перед публикацией

Триединой книги попытка обобщения результатов археологических исследований на этой огромной территории в соотнесении с письменными источниками была предпринята Е.И. Горюновой (Горюнова 1961). Результат оказался впечатляющим: по приложенным к монографии археологические карты читатель монографии впервые мог осознать масштабы и сложность материала, подлежащего обработке и осмыслению; достаточно отчетливо обозначились «хронологические секвенции» памятников в разных районах Волго-Окского междуречья. Обозначились на этих картах и лакуны – «зоны археологической пустоты», которые предстояло либо заполнить, либо достоверно объяснить. При этом сама Е.И. Горюнова, как известно, придерживалась сформулированной еще А.А. Спицыным гипотезы о принадлежности памятников дьяковской культуры, локализуемой в 1960-70-е гг. в западных и центральных районах Волго-Окского междуречья, финно-угорскому этносоциуму, известному составителю Повести временных лет как меря и принимавшего, если верить летописи, активное участие в изгнании и призвании варягов в середине IX в. Оппонентом Е.И. Горюновой стал П.Н. Третьяков, еще в 1940-е гг., после раскопок городища Березняки и других памятников в зоне строительства верхневолжских водохранилищ, предположивший славянскую принадлежность древностей I – начала II тыс. н.э. на этой территории, обозначив границу между славянами и финно-уграми на территории Волго-Окского междуречья приблизительно по линии «Ярославль-Коломна» – от устья Которосли до устья Москвы. Этой гипотезы П.Н. Третьяков придерживался до конца своего творческого пути – именно против его построений, как отмечалось выше, была направлена последняя статья М.И. Артамонова 1972 г. с настолько резкими полемическими выпадами, что издатели и спустя десятилетия не решились опубликовать эти фрагменты текста.

Сложность интерпретации материалов раскопок раннесредневековых памятников Волго-Окского междуречья в 1970-е гг. усугублялась неравномерностью исследованности региона, теми самыми «зонами археологической неизвестности», которые обозначились на археологических картах. В 1978 г. еще не были в полном объеме введены в научный оборот материалы раскопок Сарского городища и Владимирских курганов, не были обнаружены мерянские селища в бассейне озер Неро и Плещеево, не начались еще исследования антропогенных отложений древнерусского Ростова и Суздаля и не продолжались исследования муромских памятников. В этом контексте все выводы о ситуации в регионе в IX-XI вв., основанные на результатах исследований первой половины XX в. с неизбежностью обретали сугубую гипотетичность. Следовательно, представляя читателю Триединой книги раннесредневековые древности Волго-Окского междуречья, И.В. Дубов мог уверенно оперировать только материалами раскопок курганных могильников нижнего течения Которосли и Тимеревского поселения, результатами небольших раскопок в Ярославле и Переславле-Залесском и Муроме и теми данными о Владимирских курганах, которые можно было извлечь из публикаций А.С. Уварова и А.А. Спицы-

на. В такой ситуации концентрация внимания автора главы IV Триединой книги на материалах раскопок Тимеревского поселения и курганных могильников нижнего течения Которосли была практически неизбежной. И.В. Дубов со свойственной ему обстоятельностью тщательно проработал историографию изучения памятников Волго-Окского междуречья, но он просто не мог углубиться в древности Подмосковья и Муромской земли, Суздальского ополья, среднего течения Оки и Мещеры настолько, чтобы прочувствовать специфику каждого района – принадлежность к ленинградскому неонорманизму и реальные сроки подготовки небольшой по объему совместной публикации ставили перед ним иные задачи. Впрочем, сейчас уже очевидно, что такие задачи вообще не могут успешно решаться в одиночку – но в 1970-е гг. перспектива широких обобщений еще казалась вполне реальной и заманчивой и, как было показано выше, увлекла ленинградских неонорманистов в монументальный историзм. Главный оппонент И.В. Дубова, А.Е. Леонтьев, не преминул отметить явное предпочтение автора главы IV Триединой книги центральным и западным районам Волго-Окского междуречья: «Географическая терминология неконкретна. Границы часто упоминаемого в тексте Ярославского Поволжья не оговорены, хотя это необходимо, поскольку само название по происхождению не столько историко-географическое, сколько административное. “Волго-Окское междуречье” в контексте соответствует Волго-Клязьменскому, так как памятники между Клязьмой и Окой автор не рассматривает (за исключением Муромы)» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 286-287). Упреки вполне справедливы, однако адресованы они могут быть не только И.В. Дубову и его соавторам. Термин «Ярославское Поволжье» (действительно с весьма неопределенным объемом и содержанием) введён в научный оборот не И.В. Дубовым, а М.В. Фехнер (Фехнер 1962) и неоднократно использовался другими исследователями. Более того, не только ленинградские неонорманисты, но и сами московские рецензенты Триединой книги сами оперировали такими терминами, как «Псковщина», «Смоленщина» и «Полотчина» не очень задумываясь, что, собственно, таковые определяют: границы древнерусских княжеств? губерний и уездов? областей союзных республик СССР? (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 283). Нам уже приходилось отмечать, что такие сложные термины, как «Ярославское», «Тверское», «Костромское», «Угличское» Поволжье могут соотноситься только с границами тех территорий, административными центрами которых стали эти города, т.е. с границами волостей-княжений и уездов Московского царства (с соответствующими поправками на те или иные изменения этих границ) (Томсинский 1994: 9-11). Но, впрочем, памятники нижнего течения Которосли, на которых И.В. Дубов сосредоточил свое внимание – определенно находятся на территории Ярославского Поволжья и отражают те сложные исторические процессы, которые завершились основанием здесь древнерусского города Ярославля.

Однако главным предметом полемики между И.В. Дубовым и А.Е. Леонтьевым, разумеется, стала не гео-

графическая номенклатура памятников, а проблемы хронологии и этносоциальной интерпретации таковых. Разногласия возникли буквально по каждому разделу главы IV Триединой книги, в т.ч. и по тимеревскому, т.е. относительно интерпретации материалов раскопок того памятника, который исследовал сам И.В. Дубов.

Раздел, посвященный древностям I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. на территории Волго-Окского междуречья в этой главе весьма краток – всего три страницы, что вполне объяснимо как небольшим объемом всей монографии, так и очевидным нежеланием автора углубляться в сложный комплекс проблем изучения памятников дьяковской и городецкой культур – достаточно было сослаться на работы авторитетных исследователей и акцентировать дискуссионные вопросы, что И.В. Дубов и проделал вполне добросовестно (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 105-108). Впрочем, А.Е. Леонтьев дотошно усмотрел отсутствие в этом разделе ссылок на работы Ю.А. Краснова, В.В. Седова и И.Г. Розенфельдт – и заметил, что «материалы указанных публикаций помогли бы автору более глубоко осветить вопросы ранней истории мери» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 284). Упрек едва ли справедлив, хотя И.В. Дубов действительно упустил из виду эти работы московских коллег – в «ранней истории мери», т.е. до того периода, когда этот финно-угорский этносоциум в 860-е гг. попадает в летописную традицию, и по сей день, после исследований собственно мерянских памятников (тогда еще не введенных в научный оборот-!) самим А.Е. Леонтьевым, очень мало достоверного.

Столь же краток раздел, посвященный собственно древностям веси и мери в северных и центральных районах Волго-Окского междуречья. В этом разделе И.В. Дубов признает трудноуловимость «весского компонента в материалах эпохи образования Древнерусского государства» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 110) и обратил внимание на то, что «в древнерусских памятниках старые мерянские традиции проявляются гораздо сильнее, чем в собственных, относящихся к более раннему времени или синхронных с русскими» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 111). Последний вывод дал основания А.Е. Леонтьеву упрекнуть оппонента в «слабом использовании» материалов исследований собственно финно-угорских памятников (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 284). Этот упрек можно признать справедливым, однако следует и напомнить, что, в конце концов, И.В. Дубов не писал историю мери и не стал исследователем мерянских памятников – эта проблематика интересовала его постольку, поскольку меря включилась в процесс становления древнерусской народности и государственности. Конечно, признавая наличие финно-угорского субстрата, необходимо иметь о таковом максимально конкретное представление – но таковые вовсе не предполагают глубокого погружения в субстрат. Разумеется, это относится и к древностям летописной муромы, изучавшимся археологами с середины XIX в. – тем более, что ко времени публикации Триединой книги обобщающие исследования по муромской проблематике так и не появились (монография А.Ф. Дубынина, на которую ссылались в 1961 г. Е.И. Горюнова, так и осталась в ру-

кописи). Несомненно, А.Е. Леонтьев, посвятивший себя изучению финно-угорских древностей Волго-Окского междуречья, гораздо отчетливее представлял себе материалы исследований этих памятников на территории Волго-Окского междуречья – но ведь Игорь Васильевич ставил перед собой иные задачи.

Гораздо более серьезные предметы для полемики обнаруживаются в тех разделах главы IV Триединой книги, в которых автор характеризует процессы «древнерусской колонизации» Волго-Окского междуречья и устанавливает статус поселений, возникших в IX в. в нижнем течении Которосли.

Раздел о славянских миграциях в Волго-Окское междуречье начинается несколько странным утверждением автора, что «по летописным сообщениям, только в XI в. Северо-Восток включается в систему древнерусского государства. Археологические материалы позволяют проследить процесс включения Северо-Востока в состав Древней Руси в IX столетии» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 113). С одной стороны, в ПВЛ ясно сказано об отправлении «мужей Рюрика» в Ростов и Муром, что и означает включение региона в формирующуюся древнерусскую государственность. С другой стороны, археологические источники, известные к тому времени на территории Волго-Окского междуречья, не поддающиеся однозначной интерпретации, никак не могли конкретизировать представления о формировании государственной территории Древней Руси в Волго-Окском междуречье. Достаточно напомнить, что те самые Ростов и Муром, которые стали первыми центрами государственности в регионе согласно ПВЛ – еще не подвергались археологическим исследованиям большой площадью, эти исследования начались позднее. При таком состоянии источников неудивительно, что в реконструкциях исторических процессов, предложенных И.В. Дубовым, оказалось немало неопределенностей и чисто умозрительных утверждений.

Рассуждая об «исходной территории» миграции, Игорь Васильевич, сославшись на совместную с Е.А. Рябининым статью 1972 г. и повторяя выводы Е.И. Горюновой, признал, что первые мигранты двинулись в Волго-Окское междуречье с северо-запада, и только позднее, в XI-XII вв., в этот регион направились выходцы с юго-запада, из ареала кривичей (Дубов, Рябинин 1972; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 114-115). Это утверждение А.Е. Леонтьев не оспаривал. А вот представления И.В. Дубова о характере миграции показали рецензенту неубедительными: на одной странице утверждается, что переселение осуществлялось «племенами», на другой – «свободными общинниками». «От кого и от чего свободными?» – раздраженно спросил А.Е. Леонтьев (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 118-119; Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 284). Действительно, противоречие, обусловленное неопределенностью исходных данных – налицо, однако вопрос о «свободных общинниках» – явная придирика. Если известно, что в обществе существуют свободные и несвободные, а в IX в. и много позже и у славян, и финно-угров, и у скандинавов дело обстоит именно так, то утверждение о миграции «свободных общинников» обретает вполне определенный

смысл: И.В. Дубов утверждал, что миграция осуществлялась по волеизъявлению свободных земледельцев и скотоводов, а не, скажем, группами холопов – рабов каких-нибудь представителей знати, что в принципе вполне возможно. А свободные общинники, отправившиеся в переселение, вполне могли и даже должны были принадлежать тем или иным этносоциумам – возможно, и племенам.

Другое дело – насколько источники, в данном случае археологические, информативны для таких выводов? Есть все основания сомневаться, что социальная структура населения, оставившего ранние погребения тех самых могильников в нижнем течении Которосли, которые анализировал И.В. Дубов, поддается однозначной интерпретации. Исследователь мог только констатировать небольшое количество этих комплексов и бедность инвентаря – но это само по себе, увы, еще не доказательство того, что перед нами погребения свободных общинников, или что все погребенные были свободными общинниками.

После краткой характеристики движущих сил миграций в Волго-Окское междуречье И.В. Дубов переходит непосредственно к характеристике памятников Ярославского Поволжья, которые, как ему представлялось, «в силу своей уникальности и хорошей изученности являются ключевыми памятниками в исследовании исторических событий, происходивших на территории Ярославского Поволжья в IX-XI вв.» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 115). В этом выводе оппоненты не могли не увидеть изрядное преувеличение, впрочем, типичное для молодых – и не только молодых – исследователей, представляющих изучаемые памятники. Эти курганные могильники действительно признавались хорошо изученными – сравнительно с «Владимирскими курганами» А.С. Уварова и П.С. Савельева, материалы раскопок которых будут, напомним, введены в научный оборот только в 1979 г. Но «уникальность» Тимерева, Михайловского и Петровского обосновать весьма трудно – собственно, в чем таковая заключается? Едва ли это определение применимо к памятникам, материалы раскопок которых обнаруживают выразительные аналогии в древностях других регионов лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии. Эта «абберация уникальности» будет весьма устойчивой в работах И.В. Дубова, посвященных древностям Ярославского Поволжья.

Ранние погребения Тимеревского могильника – 52 кургана – И.В. Дубов отнес к IX в., основываясь на тех же находках скандинавских фибул, которые стали датируемыми и для М.В. Фехнер – и А.Е. Леонтьев не преминул вполне справедливо отметить, что материалы раскопок курганов не позволяют определять дату начала функционирования могильников ранее последней трети IX в. Отметил рецензент и явное преувеличение И.В. Дубовым значения Тимерева-протогорода как «центрального пункта в освоении огромных пространств» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 116-118; Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 284-285).

Не могло не возникнуть разногласий между И.В. Дубовым и А.Е. Леонтьевым по вопросу о взаимоотношении

мигрантов с местным финно-угорским населением. Эти разногласия возникли, собственно, не по результатам анализа материалов археологических исследований, содержащих некую информацию по этой проблеме – а вокруг заключений В.В. Мавродина о «племенных княжениях» восточных славян, по аналогии с которыми И.В. Дубов предположил существование «славяно-мерянского племенного княжения» в Волго-Окском междуречье (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 120). На что А.Е. Леонтьев заметил, что, мол, у В.В. Мавродина эти «княжения» соответствуют конкретно племенам, они «моноэтничны», а потому логичнее предположить существование здесь «мерянского племенного княжения», с которого и начинается становление древнерусской государственности в Волго-Окском междуречье (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 285). Участники полемики не замечают, что в ПВЛ говорится только о наличии княжений у некоторых – не у всех! – славянских группировок, но ничего не говорится ни о княжениях «иных языцей» – и уж тем более ничего не говорится ни о какой «моноэтничности» княжений. Таковая есть просто попытка «удостоверить» лаконичные летописные статьи положениями марксистской формационной концепции, утвержденная авторитетом исследователя. Ни В.В. Мавродин, ни И.В. Дубов, ни А.Е. Леонтьев не могли наблюдать в исторической действительности феномен «племенного княжения», не могли доказать, что «словене», «кривичи» или «меря» – суть племена, а не какие-то иные объединения, что в эти объединения – пусть даже и племена! – не могли принимать иноплеменников целыми общинами, ибо племенное право вполне это допускало – но исследователи весьма уверенно реконструировали то, что навсегда осталось за Порогом Познания. «Мерянский племенный княжение», в сущности, ничем не лучше «славяно-мерянского»: это понятия с неопределимым/ложным объемом и содержанием. Спустя десять лет А.Е. Леонтьев, обобщая результаты изучения мерянских древностей, проявит должную осторожность, рассуждая о «потестарных структурах» летописной мери, пребывавших в укрепленном поселении на р. Саре – для большей определенности, увы, нет оснований (Леонтьев 1996: 183-192).

Острую критику А.Е. Леонтьева вызвали рассуждения И.В. Дубова о глиняных лапах и кольцах в древнерусских курганах как доказательства существования «ярославской группы мери» и особенно о «домиках мертвых» в курганах, которые И.В. Дубов соотносил с «домиком мертвых» городища Березняки. Критика вполне справедлива – но А.Е. Леонтьев предпочитает не замечать, что по фрагментам плах в курганах невозможно установить, являются ли таковые остатками просто кострища – или покойного кремировали все же в некоем примитивном «домике», пусть и никак не соотносящимся с «домиком мертвых» Березняков (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 286).

Завершая обзор главы IV Триединой книги, А.Е. Леонтьев констатировал, что «широко очерченной географии и обширному кругу охватываемых проблем не соответствует узкая источниковедческая база, отчего многие авторские идеи не подтверждаются мате-

риалами» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 286). Проще говоря, А.Е. Леонтьев посоветовал оппоненту не заманиваться слишком широко и с большим тщанием сосредоточиться собственно на ярославской проблематике. Увы, вывод справедлив – и относится не только к главе IV: генерация идей опережала у ленинградских неонорманистов анализ источников.

Ленинградские рецензенты акцентировали значение исследований И.В. Дубова прежде всего для конкретизации представлений о скандинавской составляющей процесса становления древнерусской государственности (граффити на монетах Тимеревского клада), предпочитая не вдаваться в малознакомые им подробности проблем изучения Волго-Окского междуречья (Мачинский, Шаскольский 1982: 290).

Завершающая, V глава Триединой книги поименована «Археологические данные к проблеме образования древнерусского государства». Казалось бы, следует ожидать неких обобщений, основанных на анализе весьма внушительного к тому времени фонда археологических источников. Что же обнаруживает читатель в этой главе?

Начинается эта глава небольшим разделом «Некоторые предпосылки образования древнерусского государства». В этом разделе, со ссылками на работы И.И. Ляпушкина, М.И. Артамонова, их оппонента В.В. Седова, В.В. Мавродина, Ф.П. Филина и В.П. Алексеева, констатируется, что «процесс формирования древнерусской народности так же, как и ее языка, развернулся одновременно с процессом становления государственности, вписываясь в формирующиеся границы Киевской Руси и находясь под ее мощным консолидирующим влиянием» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 137-138). Вывод можно признать достаточно банальным, коль скоро к этому выводу историки Российской империи пришли задолго до В.В. Мавродина, М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина, а никаких новых собственно археологических экспозиций авторы в сугубо конспективном изложении своих представлений привести не смогли да и явно не стремились. Надо было переходить к самому главному – к изложению гипотезы ОТП, уже, собственно, сформулированной в рассмотренных нами выше статьях о Бирке, Гнездове и Тимереве, которая в Триединой книге представляется уже в контексте общих представлений авторов о процессах, происходивших по всей огромной территории Восточноевропейской равнины – за исключением тех регионов, которые, как отметили рецензенты, выпали из поля зрения авторов. Во втором разделе V главы Триединой книги, коротко озаглавленном «Город», повторяются те же положения об ОТП – к которым уже уверенно относятся и Ладога, и Рюриково городище, Гнездово и Тимерево (но почему-то не Михайловское и не Петровское-!), о сходстве или даже тождестве ОТП со скандинавскими «виками», о «вызревании» в ОТП «новых социальных общностей» – дружины и купеческих объединений – основанные на интуиции и уверенности в своей правоте, но никак не на доказанных фактах. «Слияние прото- и раннегородских центров» авторы Триединой книги по-прежнему относят к X-XI вв. (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 139-140).

Московские оппоненты, получившие возможность в рецензии высказаться по этому важному вопросу, отреагировали на выступление ленинградцев весьма осторожно: «Выделение ОТП представляется закономерным: все упомянутые выше памятники отличаются от окружающих синхронных памятников целым рядом особенностей, что неоднократно, в самой различной связи отмечалось в литературе. Однако для строго обоснования характеристики ОТП необходим сравнительный анализ с другой группой предгородских поселений – племенными центрами. Последние в работе только упомянуты (Киев, Полоцк, как вероятные – Псков, Изборск, Сарское)» (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 287). Таким образом, москвичи предложили проверить характеристики ОТП, приведенные ленинградцами – но чем проверить? Что с чем сравнивать? Специфика археологических источников сильно затрудняет процедуру сравнения. Материалы раскопок памятников, относимых к «племенным центрам», как и материалы раскопок «ОТП», однозначной интерпретации не поддаются. Противопоставление «племенных центров» и «торгово-ремесленных поселений», например, по таким категориям находок, как «импорты», предметы вооружения, полуфабрикаты и инструментарий ремесла – вряд ли правомерно. Во-первых, следует учитывать и степень изученности памятников, и неопределимое разнообразие ситуаций попадания предметов в антропогенные отложения, не говоря уже о неоднозначной принадлежности этих предметов. Во-вторых, даже если мы признаем, что все эти сложности преодолены – разве в «племенных центрах» не могли заниматься ремеслом, не носили оружия и не торговали? Откуда, собственно, это следует? Предлагаемые исследователями интерпретации представляются убедительными ровно до тех пор, пока кто-то не начинает задавать простые, казалось бы, вопросы, на которые невозможно однозначно ответить. Приходится в который раз повторить: гипотезы и догадки не могут поверяться гипотезами и догадками.

Во всяком случае, москвичи, как видим, предпочли не ввязываться пока в серьезную полемику по вопросу ОТП. А ленинградские рецензенты – признали гипотезу ОТП «интересной», но все же отметили наличие на Тимеревском поселении укреплений – «мощного частокола», зафиксированного раскопками. И.П. Шаскольский отметил и отсутствие в Триединой книге констатации разногласий между советскими и зарубежными исследователями относительно находок предметов, принадлежащих скандинавской культурной традиции, на территории Восточной Европы (Мачинский, Шаскольский 1982: 291). Это замечание, пожалуй, могло вызвать улыбку: вся книга, все статьи первой половины 1970-х гг. написаны даже не с целью «конвергенции» этих представлений, а с целью утвердить в советской исторической науке именно те самые, «зарубежные» представления о скандинавах в Восточной Европе. Пока еще, на исходе 1970-х, такие замечания будут приниматься – но уже в следующем десятилетии «эзопов язык» быстро выйдет из употребления.

В следующем разделе V главы Триединой книги – «Дружина» – излагаются представления авторов о формировании этой социальной генерации Древней Руси. Эти представления, как явствует из текста, основаны на утвердившихся представлениях о принадлежности погребенных в древнерусских курганах с оружием и прочим выразительным инвентарем к «дружине». Притом, что, как мы помним, В.А. Назаренко резко возражал против такой интерпретации комплексов с оружием в курганах Юго-Восточного Приладожья – но только потому, что оружие обнаруживалось почти в каждом мужском погребении. Пройдет немало времени, прежде чем К.А. Михайлов, кажется, первым из петербургских уже археологов задаст очередной «простой вопрос»: а почему, собственно, оружие в погребении обязательно принадлежит «дружиннику», т.е. человеку, находящемуся при князе – а не тому самому «свободному общиннику», вооруженному, самостоятельному и вполне независимому? И – в самом деле – как же объяснить отсутствие выразительных «дружинных» погребений, например, в Древлянской земле, где были князья, следовательно, была и дружина? В этом контексте теряют убедительность все рассуждения авторов, даже и со ссылкой на авторитет Б.А. Рыбакова, о «противостоянии» гибридной дружинной культуры «земским, этнографически обособленным культурам земледельческого населения» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 142).

Показательно, что московские рецензенты ничего не возразили ленинградцам на выводы этого раздела V главы, очевидно, признав таковые вполне убедительными (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 287).

Раздел о путях сообщения и кладах содержит уже высказанные авторами в статьях первой половины 1970-х гг. положения о торговле как государствообразующем факторе в общественных отношениях IX-XI вв. (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 143-145).

Наконец, последний, заключительный раздел главы и всей Триединой книги посвящен «формированию государственной территории» Древней Руси. Авторы утверждают, что на территории «выделенных по письменным источникам эмбрионов феодальных княжеств» «в едином ритме распространяются новые культурные явления, связанные с развитием дружины, города, торговли и ремесла. Государственные территории включают важнейшие перекрестки и участки водных торговых путей: Волховского, Днепровского, Двинского, Волжского. Здесь сосредоточены все основные предгородские и раннегородские центры Древней Руси, в том числе и те, которые развились в областные города» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 146). В этом «едином ритме» угадывается авторство Г.С. Лебедева: снова образ в стиле монументального историзма, возникший из установленной исследователями хронологии археологических памятников: «единый ритм» пульсирует по всей территории лесной зоны Восточной Европы в IX-XI вв.

Не менее важен другой вывод ленинградских исследователей, завершающий Триединую книгу: констатация обширной «зоны археологической пустоты» от верховьев Волги, Днепра, Западной Двины до водораздела верхней Оки и Днепра. Исследователи призна-

ют: «Эта археологическая “зона пустоты”, выступающая при картографировании элементов древнерусской дружинно-городской культуры IX-XI вв., не может быть объяснена слабой изученностью территории: здесь хорошо представлены и широко исследуются памятники дьяковской культуры. “Археологическая неуловимость”, на которую уже обратили внимание исследователи раннеславянских памятников, в ряде случаев требует конкретно-исторических, социокультурных объяснений. “Белое пятно” на археологических картах IX-XI вв. буквально со всех сторон ограничено лоскутками государственных территорий с репрезентативной и яркой раннефеодальной культурой. Очевидно, перед нами – археологический феномен, раскрывающий неисчерпаемые резервы Древнерусского феодального государства, которые позволили ему, в конечном счете, выстоять в катастрофические годы татаро-монгольского нашествия. Здесь, в этой глубинной области России, накапливались и зрели силы для дальнейшего исторического движения, здесь родилась великая преемница древнего Киева, столица нашей Родины – Москва» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 147).

Снова перед нами образ, в котором некие результаты изучения раннесредневековых древностей Восточной Европы – «зона археологической пустоты» – представлен в перспективе монументального историзма. Образ получается, надо признать, достаточно расплывчатым. Начать с того, что «зоны пустоты», соотносимые с различными хронологическими периодами, присутствуют на археологических картах разных масштабов и всегда отражают не столько реалии исторической действительности, сколько специфику изучаемых источников и процессов составления этих карт. Что касается конкретно «зоны археологической пустоты», о которой идет речь в цитированном выше фрагменте Триединой книги, то это – огромная территория, тщательное обследование которой требует коллективных усилий нескольких поколений исследователей – между тем, внимание исследователей в течение двух столетий было привлечено к эффективным и представительным памятникам сопредельных регионов. Не все сразу – «зоны археологической пустоты» заполняются постепенно; начался этот процесс и в этой «зоне», во всяком случае, в Подмоскovie и Верхнем Поволжье.

Далее, каким, собственно, «неисчерпаемым резервом» древнерусской государственности стала обозначенная авторами «зона археологической пустоты»? Экономическим? Демографическим? Наконец, стратегическим? Очевидно, авторы Триединой книги намекают здесь на те процессы перемещения населения из восточных и центральных районов Волго-Окского междуречья на запад, которые имели место во второй половине XIII-XIV вв. и действительно привели к росту новых центров – Твери, Москвы, Ярославля, Углича, Костромы. Но, спрашивается, какое отношение эти процессы имеют к «зоне археологической пустоты» предполагавшейся в 1970-е гг. на этих территориях для памятников VIII-X вв.? Ровным счетом никакого, кроме, пожалуй, мистических соотнесений.

Однако процитированное выше пафосное завершение Триединой книги содержало в себе и очевидный для москвичей язвительный подтекст: им лишний раз напомнили прекрасно всем известный факт позднего возникновения Москвы в период ордынского вассалитета – в то время как Петербург-Ленинград, который еще моложе Москвы – представлялся преемником Ладоги!

Завершая обзор статьи Г.С. Лебедева и В.А. Булкина о Гнездове и Бирке, Триединой книги и критических отзывов на этот коллективный труд, приходится признать, что «гипотеза ОТПП», представленная ленинградскими исследователями, вообще не является полноценной научной гипотезой, ибо эти построения не могут быть признаны достоверно обоснованными и поддающимися проверке. Проще всего констатировать, что квазигипотеза ОТПП устарела. Это очень удобно – одной фразой выйти из неудобного уже положения, так обычно и происходит с вполне обоснованными, проверяемыми и плодотворными гипотезами, когда появляются новые, опровергающие таковые факты. И с квазигипотезой ОТПП произошло именно так. Даже и об устарелости не пришлось упоминать: просто не стали развивать дальше. Но дух квазигипотезы, суть и пафос этих умозрительных построений – абсолютизация торговли как государствообразующего фактора – сохранился в ленинградском неонорманизме вполне, что заставляет отнестись к этим построениям серьезно и задать простой, но принципиально важный для нашей темы вопрос: а как вообще стало возможным появление квазигипотезы ОТПП, несообразности в которой можно было разглядеть уже тогда, в 1970-е? Ведь авторы были талантливыми исследователями, прошедшими хорошую школу у хороших учителей, знающими, какие требования предъявляются к научным гипотезам, знающими законы логики. Что же произошло?

Возьмем на себя смелость предположить, что произошло самовнушение. Статья Г. Янкуна, на которую ссылались авторы статьи 1974 г., была, очевидно, воспринята ленинградскими неонорманистами как откровение, а откровение – стало образом. Выше, в предыдущей главе, мы уже отмечали, что это направление с момента возникновения обнаружило тенденцию к тиражированию образов. Предоставим слово академику В.М. Бехтереву: «Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит затем, благодаря случайному сцеплению идей, и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидений или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания» (Бехтерев 2001: 19). Мы не можем, естественно, заглянуть в сновидения ленинградских неонорманистов, хотя нельзя исключать, что исключительная эмоциональность восприятия материала могла сделать таковые весьма яркими. До галлюцинаций в 1970-е дело явно не дошло, но мы еще увидим, как в ленинградском неонорманизме будет все отчетливее проявляться ми-

стическая составляющая. А вот в том, что в середине 1970-х уже зазвучал «особый внутренний голос, напоминающий навязчивую идею», сомневаться не приходится. Именно с этого внутреннего голоса будут настойчиво повторяться словосочетания «торгово-ремесленные поселения», «торговые пути» – и воздействовать на сознание вопреки здравому смыслу.

АВДУСИН, КЛЮЧЕВСКИЙ И БЕЛЕЦКИЙ

Реакция главного в то время оппонента ленинградских неонорманистов на Триединую книгу была предсказуемо раздраженной, но и более конкретной по сути, чем в рецензии его учеников. Даниил Антонович не только заявил, что рассуждения об ОТПП – не что иное, как «приспособление к русским условиям построений западных археологов» и «откровенный норманизм», но и отметил «перекличку» этих рассуждений с «теорией (правильнее, «концепцией» – С.Т.) торговых городов» В.О. Ключевского, давно «разбитой» в советской исторической науке (Авдусин 1980: 41-42). Е.Н. Носов, спустя 31 год после публикации Триединой книги, так прокомментировал эти возражения Д.А. Авдусина: «Последнее замечание нам особенно ценно, поскольку оно верно. Действительно, имеется определенное сходство построений В.А. Булкина и Г.С. Лебедева и идей В.О. Ключевского, сходство, которое сами авторы тогда не заметили и о нем не писали» (Носов 2009: 353).

Да полно, не «определенное сходство», а почти тождество, разве что вместо «торгового города» – «ОТПП». Однако замечание Е.Н. Носова вызывает недоумение: как, собственно, три вполне взрослых человека с университетским образованием могли «не заметить» полного сходства с построениями другого исследователя, причем не какого-нибудь коллеги-аспиранта, а маститого историка недавнего прошлого, труды которого хорошо известны? Да еще и «не подумать» об этом сходстве? Недоумение усиливает повторение этого же утверждения Е.Н. Носова уже не в мемуарном очерке, а в тексте вполне научной работы, посвященной анализу материалов раскопок Рюрикова городища и других раннесредневековых укрепленных поселений Поволжья: «В.А. Булкин и Г.С. Лебедев, впервые упомянувшие о торгово-ремесленном пути развития Гнездова, предшественника Смоленска, как одном из путей возникновения русского города, похоже, и не задумывались, куда ведут их выводы. Во всяком случае, упоминаний о В.О. Ключевском ни в данной работе, ни в их последующих исследованиях нет. Однако решительный критик подобных взглядов Д.А. Авдусин сразу заметил, что “рассуждения” о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях – это не “исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов”, а “приспособление к русским условиям построений западных археологов и почти неприкрытый норманизм”. Эти построения “перекликаются с давно разбитой теорией “торговых городов” В. О. Ключевского”» (Носов 2005: 18).

Позвольте, как это «не задумывались, куда ведут их выводы»?! Если принять на веру утверждения Е.Н. Носова, то придется признать, что Евгений Николаевич

приподнимает завесу над «творческой лабораторией» коллег, которые работали в таком азарте и полемическом задоре, что забыли и о предшественниках, достаточно глубоко вспахавших поле этой проблематики, и даже о читателях – ибо ведь не один же Д.А. Авдусин мог и должен был вспомнить «Курс русской истории» В.О. Ключевского! Хотя – как ни странно – кроме Даниила Антоновича и Евгения Николаевича, кажется, никто особого внимания на сходство построений Г.С. Лебедева и его соавторов с концепцией В.О. Ключевского внимания и не обратил.

Однако возьмем на себя смелость в это не поверить – полагаем, что Г.С. Лебедев, В.А. Булкин и И.В. Дубов, во всяком случае, должны были отдавать себе ясный отчет в том, «куда ведут их выводы». Отсутствие же ссылок на В.О. Ключевского вполне может объясняться элементарной перестраховкой, немного смешной, но вполне естественной в тот период, ибо в советской исторической науке в 1970-е гг. господствовала иная парадигма становления государственности Древней Руси и развития древнерусского города. Во всяком случае, с представлениями В.О. Ключевского на сей счет Г.С. Лебедев, В.А. Булкин и И.В. Дубов, несомненно, были хорошо знакомы, поскольку были как-никак учениками М.И. Артамонова, который, как мы отмечали выше и как свидетельствует тот же Е.Н. Носов, был до самой кончины чуть ли не единственным исследователем, который также пришел к представлениям об определяющем значении торговли в период расселения славян по лесной зоне Восточной Европы (Носов 2005: 11). Так что источник «ключевского вдохновения» авторов Триединой книги обнаруживается без особого труда.

Мы, со своей стороны, полагаем, что вопрос об осознанном заимствовании авторами Триединой книги основных положений концепции В.О. Ключевского или «конвергенции» – не принципиален. Так или иначе, авторы Триединой книги пришли к этой концепции спустя шестьдесят семь лет после кончины автора «Курса русской истории». И этот несомненный факт, столь невинно признаваемый Е.Н. Носовым, который сам уже в середине первого десятилетия XXI века, ратовал за реанимацию той же концепции, заслуживает самого пристального внимания.

Но прежде, чем еще раз, вслед за Д.А. Авдусиным и Е.Н. Носовым, констатировать концептуальное соответствие построений авторов Триединой книги и «Курса русской истории», считаем необходимым обратить внимание на несомненное сущностное тождество контекстов появления этих реконструкций отдаленного прошлого.

«Курс русской истории» создавался в обстановке нарастающего кризиса общественного сознания тоталитарной Российской империи, одним из выразительных симптомов коего стало очевидное для всех подданных вырождение правящей династии. В недалеком будущем замаячила «свобода», а стало быть, и в прошлое можно было смотреть уверенней, как это ни нелепо звучит – «по-хозяйски». В.О. Ключевский и сформулировал это отношение с полной откровенностью: «История народа, научно воспроизведенная, становится приход-

но-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего – сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств» (Ключевский 1987: 60). В этой короткой цитате все значимо. И найденный блестящим лектором и тонким стилистом образ приходно-расходной книги, немыслимый в дворянской исторической науке, например, у В.Н. Татищева или Н.М. Карамзина, но вполне уместный и понятный в реалиях начала XX в.; и несколько наивная уверенность маститого историка в том, что можно в скором времени «сократить передержки и пополнить недоимки» – достаточно только правильно понять все происходившее – и, конечно, уверенность в своем правильном понимании отдаленного прошлого.

Но – и ленинградский неонорманизм возник и быстро развивался в обстановке прогрессирующего кризиса общественного сознания вполне тоталитарного советского социума. Конечно, СССР 1960-70-х гг. по большинству значимых признаков мало походил на Российскую империю 1910-х гг. Но по главному признаку, как мы уже подчеркивали выше, сходство полное: власть уже не вызывает ни страха, ни почтения, нарастают ожидания пресловутых «перемен». И, поскольку как мы уже отмечали выше, в реконструкциях процесса градообразования и становления государственности Древней Руси исследователи могли выбирать один из четырех определяющих факторов (сосредоточение потестарных структур, производящее хозяйство, ремесло, торговля), и В.О. Ключевский, и М.И. Артамонов, а затем и его ученики и их московские коллеги, в кризисные времена с неизбежностью должны были, как в свое время В.О. Ключевский, выбрать самый соответствующий представлениям о прогрессе, движении – а именно, торговлю. Отсюда и уверенно звучащая тема «прогресса» в Триединой книге.

Придет время, и станет очевидной и приверженность ленинградских неонорманистов представлениям о «приходно-расходной книге» народа – помните уверенность Г.С. Лебедева в скорой прописке в «европейском доме»?

Кстати, нельзя не обратить внимания на то, что «хождение во власть» в начале XX в. ученика В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, коему предоставилась уникальная возможность «сократить передержки и пополнить недоимки» отечественной истории на практике – кончилось тем же, что и хождение во власть Г.С. Лебедева и его единомышленников в конце того же столетия. И иначе кончиться не могло.

Вот теперь имеет смысл кратко напомнить общие положения концепции В.О. Ключевского, не только для того, чтобы убедиться в адекватности реакции Д.А. Авдусина на Триединую книгу, но и для того, чтобы правильно понять содержание этой концепции, которую, напомним, Е.Н. Носов уверенно предлагает реанимировать в XXI веке.

Как известно, В.О. Ключевский начал свое изложение событий IX-X вв. с развернутой характеристики природных условий Восточно-Европейской равнины, сформировавших национальный характер великорос-

сов, константой которого Василий Осипович считал пресловутый «фатализм», определивший весь дальнейший путь огромной страны во времени и пространстве. Яркий образ непроходимых лесных массивов, в которых единственными коммуникациями оказываются речные системы, многократно усиливает эту тему «фатализма» (Ключевский 1987: 78-90). Магистральным торговым путем, артерией становления государственности, В.О. Ключевский признал Днепровский путь, «из варяг в греки», движению по которому был «дан толчок еще греками», основавшими колонии в Северном Причерноморье (Ключевский 1987: 133). На речных системах, в первую очередь, на Днепровской, первые города у восточных славян возникли как «сборные торговые пункты». Некоторые из этих «сборных пунктов» постепенно укрупнялись. А дальше – «из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути» (Ключевский 1987: 141). Аудитории В.О. Ключевского, наблюдавшей вокруг себя повсеместное торжество «рыночных отношений», здесь все было ясно и понятно: «туземная промышленность», «иностранцы рынки»...

Обратим внимание на упорное использование В.О. Ключевским термина «туземцы» применительно к славянскому и неславянскому населению Восточной Европы, своим далеким предкам. В русском языке это слово к началу XX в. уже обрело в лучшем случае добродушно-пренебрежительный оттенок, вполне понятный аудитории В.О. Ключевского. Собственно, такими же «туземцами» для «образованного класса» были миллионы русских мужиков, которых предстояло приобщить к благам цивилизации.

Ленинградские неонорманисты, конечно, не могли себе позволить печатно назвать славян, финно-угров, балтов и тюрок Восточной Европы – «туземцами»: за такое словотворчество в советской науке, даже в 1970-е гг., можно было нарваться уже не на «дискуссию с идеологами». А в остальном – в самом деле, никаких принципиальных отличий, разве что вместо «торговых городов» – «ОТРП».

Правда, обнаруживается и важное отличие, как будто неловко маскирующее очевидное сходство. В построениях В.О. Ключевского «торговые города» были первой формой политической организации этносоциумов Восточной Европы, результатом развития культур славян, финно-угров и балтов в тесном взаимодействии с соседями. «Торговые города», расположенные на узловых пересечениях коммуникаций – речных систем, образовывали вокруг себя «городовые волости» и стремились контролировать коммуникации, выставляли вооруженные контингенты и были полиэтничны, поскольку торговля интересовала всех. Это был первый, сугубо местный компонент в процессе государствообразования. У ленинградских неонорманистов, как мы помним, восточноевропейские «ОТРП» возникают как продолжение системы аналогичных поселений, возникших в Северной Европе. Однако, как мы уже знаем, это не маскировка. Стремление к «прогрессу» в позднесоветских реалиях явно усиливается и становится откровенной.

Второй компонент В.О. Ключевский также считал местным – это варяжские княжества, возникшие в Восточной Европе, как и в Западной, в процессе завоеваний и в результате захватов власти призванными «торговыми городами» варягами-наемниками. К числу таковых В.О. Ключевский относил и Ладожское княжение Рюрика, которое признал «зерном» того союза славянских и соседних с ними финских племен, которое можно признать первоначальной формой Русского государства (Ключевский 1987: 151-152). И в итоге: «Вот простой прозаический факт, по-видимому, скрывающийся в поэтической легенде: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством» (Ключевский 1987: 152). Соответственно, в Сказании о призвании, оказывается, «идея власти перенесена из второго момента, с почвы силы, в первый, на основу права» (Ключевский 1987: 155).

Как мы помним, М.И. Артамонов также признавал «завоевание» норманнами славянских этносоциумов, впрочем, отождествляя таковое с «утверждением династии Рюриковичей». А вот В.О. Ключевский достаточно подробно рассуждал об этом «завоевании», и рассуждения эти заслуживают пристального внимания, хотя бы потому, что уже через десять лет после публикации Трехединой книги и ленинградские неонорманисты будут уже в полный голос рассуждать о том же.

Прежде всего, Василий Осипович убедил себя и аудиторию, что Рюрик со товарищи были призваны для обороны призывавших за наемную плату (Ключевский 1987: 153). Абсолютно никаких данных на сей счет Сказание о призвании не содержит – но В.О. Ключевского этот факт нимало не смущал, потому что Сказание «это – схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста» (Ключевский 1987: 156). А потом – ведь есть те самые западноевропейские аналогии: там, на западе, как и в Византии, норманны действительно часто нанимались за плату как наемники, так почему бы и на востоке должно быть иначе?

По-видимому, ни самому исследователю, ни его аудитории не приходит в голову, что такая интерпретация есть самое настоящее, демонстративное насилие над источником, утверждение откровенных домыслов как достоверного знания. Но пусть даже и прав был В.О. Ключевский: да, нанимались за плату, а потом произвели «переворот», «захватили власть» и возникло «Норманнское княжество». В чем же суть конфликта между Рюриком и новгородцами, глухие отзвуки которого дошли до потомков, как известно, через Никоновскую летопись и, возможно, несохранившиеся источники, которыми пользовался В.Н. Татищев? Что конкретно означало это «завоевание»?

А вот что: «Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалование превратили в обязательную дань с повышением оклада. Вот простой прозаический факт, скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством» (Ключевский 1987: 153). Значит, «стали властителями»? Но этот вывод никак не согласуется с характеристикой той древнерус-

ской государственности, которую сам В.О. Ключевский далее приводит в своем «Курсе», рассуждая о статусе потомков Рюрика: «Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме. Земля жила своими местными порядками, впрочем, довольно однообразными. Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счета – не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу» (Ключевский 1987: 199). Вот те и раз! Оказывается, в реальности «завоевание» свелось просто к конфликту о размере дани, притом, что все местные потестарные структуры не только не были нарушены «завоевателями», но и позднее, в X-XIII вв., четко ограничивали права Рюриковичей как одной из этих структур. Причем именно в Новгороде, который стал «варяжским княжеством» еще в IX в.!

Vona venia vestra, это никак не «завоевание», а действительно сугубо внутренний конфликт, ибо реальным результатом завоевания может быть только сосредоточение всей полноты власти в руках завоевателей. Не говоря уже о том, что и подлинные причины «столкновения Рюрика с новгородцами» (если таковое вообще имело место быть, а сомнения на сей счет историков никогда не покидали) от нас навсегда скрыты. А таких причин могло быть многое множество и помимо вопроса о содержании князя и дружины!

В советской исторической науке, как известно, одни исследователи решительно отвергали достоверность Сказания о призвании, другие рассуждали о совершенном Рюриком «перевороте». К этой версии в 1970-е гг. должны были примкнуть и ленинградские неонорманисты – рассуждать о «завоевании» было явно небезопасно (Фроянов 1992: 75-106). Однако все эти рассуждения имеют смысл, если у исследователей есть ясное представление о ситуации в словенском этносоциуме накануне этого «переворота», есть достоверное знание – но такового как не было, так нет и по сей день, и быть не может. Достоверно установленным, пожалуй, можно признать только факт наличия в эпоху раннего средневековья новгородской и киевской традиций интерпретаций становления государственности. А полемика вокруг домыслов может длиться сколь угодно долго: недостоверное остается недостоверным. И если уж для летописцев XII в. первые князья и их окружение стали «идеализированными призраками» (Романов 2002: 120), то вряд ли продуктивными могут быть попытки ученых мужей XVIII-XXI вв. с серьезным видом режиссировать этим театром призраков.

Куда большее значение для ленинградского неонорманизма, чем вопрос о «завоевании», в 1970-е гг. имели выводы В.О. Ключевского о безусловном преобладании скандинавов – быстро сливающихся со славянами! – в тех самых «торговых городах», средоточиях формирующейся государственности (Ключевский 1987: 227). Здесь прямая преемственность концепции В.О. Ключевского и квазигипотезы ОТПП действительно вполне очевидна. И ссылки на Г. Янкуна в Триединой книге ничего принципиально не меняют, скорее маскируют эту генетическую преемственность, поскольку Г. Янкун –

«человек со стороны» представил историческую интерпретацию именно археологических источников, значение которых для постижения отдаленного прошлого акцентируется с 1950-х гг. Однако принимая во внимание хронологию интерпретаций – и Г. Янкун, и ленинградские неонорманисты только подтверждали или, если угодно, иллюстрировали концепцию В.О. Ключевского. Аналогия с раннесредневековыми поселениями Северной Европы, конечно, окрыляла – но образ-то «варяжского княжества в Новгороде» утвердил В.О. Ключевский, и, паки повторю, нет никаких сомнений, что «Курс русской истории» ленинградские неонорманисты если не штудировали внимательно, то все же листали.

В целом концепция В.О. Ключевского, оказавшая столь большое влияние на отечественную историческую науку, *ipso facto* в той части, где речь идет о становлении государственности, была чисто умозрительной и поддерживалась только авторитетом В.О. Ключевского как маститого историка – как, впрочем, и построения тех исследователей, которые выступили его оппонентами, основываясь на тех же лаконичных летописных статьях и неоднозначных материалах раскопок. Такая аргументация принимается ровно до тех пор, пока автор построений может принимать участие в полемике, а еще лучше – влиять на ход таковой своим статусом среди коллег – примеров тому можно привести множество. Историография «проблемы становления древнерусского города», порожденной, собственно, перебором возможных интерпретаций в контексте тех или иных конъюнктур весьма обширна – отсылаем читателя хотя бы к последним работам того же Е.Н. Носова, в который уже раз, как в далеком 1965 г., намекающего на то, что фонд археологических источников постоянно увеличивается. Этот разбор мнений авторитетов отечественной исторической науки представляет несомненный историографический интерес, и столь же несомненно, укрепляет эрудицию, при желании – позволяет выбрать для себя то, что представляется ценным – но никак не приблизит нас к обретению истины и не перенесет через Порог Познания. Увы, любые построения, не подкрепленные достоверными, однозначно интерпретируемыми доказательствами – есть просто «точка зрения», никого ни к чему не обязывающая. И никаких особых оснований для реанимации предположений В.О. Ключевского о «варяжских княжествах» в настоящее время мы решительно не видим: ни один новый источник, ни письменный (таковых просто нет), ни археологический (таковые действительно появляются в поле зрения исследователей) не содержит и не может содержать никакой информации, делающей объем и содержание понятия, определяемого этим термином, реальными.

Вернемся к реакции Д.А. Авдусина на Триединую книгу. Не можем удержаться от сомнения в том, что Даниил Антонович, обнаружив в Триединой книге перелицованную на археологические источники концепцию В.О. Ключевского, ограничился только той репликой, которую запомнил Е.Н. Носов. Наверняка же что-то добавил, конкретизировал свою позицию! И однако – его ученики, рецензенты совместной работы ленинград-

цев – не поддержали учителя, не акцентировали отмеченного Д.А. Авдусиным факта. Не захотели лишнего раз подставлять ленинградцев под критику старших коллег? Не обратили внимания на вывод Д.А. Авдусина? Впрочем, это вряд ли, коль скоро уж Е.Н. Носов этот вывод услышал. Не будем гадать. Но факт есть факт – московская рецензия определенно констатировала «оригинальность» построений ленинградцев, следовательно, придала им уверенность.

И образы, представленные читателям в двух важнейших публикациях «кафедральных неонорманистов», откровенно неоригинальные в 1970-е гг., стали парадигмой всего направления, т.е. обрели императивную обязательность и огромную силу инерции (Кун 1977: 11, 28-29, 281). Может ли уважаемый читатель назвать нам хоть одного археолога, который и по сей день, активно и плодотворно работая в Ленинграде – Петербурге, открыто отрицал бы парадигму ленинградского неонорманизма? рискуя прослыть «антинорманистом»? Мы – не можем. Ибо такое невозможно в принципе – притом, что достаточно серьезные попытки пересмотра отдельных положений в рамках парадигмы, конечно, предпринимаются – о чем речь еще пойдет ниже.

Впрочем, с авторитетом В.О. Ключевского или без такового, квазигипотеза ОТПП окончательно оформленная в Триединой книге, недолго оставалась катализатором в процессе «генерации идей» ленинградского неонорманизма. На новом уровне обобщений в ней довольно быстро перестали нуждаться даже авторы. Однако в 1996 г., когда исследователей занимали уже совсем иные проблемы, С.В. Белецкий, рассуждая о начале Пскова, взялся за коррекцию квазигипотезы ОТПП. Исследователь предложил переименовать их в ВТРП («внеплеменные торгово-ремесленные поселения»), ибо таковое наименование более точно и более отвечает функциям и назначению этих поселений (Белецкий 1996: 20). Т.е. «открытость» пришлось отменить как несущественную и недоказуемую. И более того, С.В. Белецкий продолжает коррекцию построений Триединой книги: «Можно расценивать ВТРП в качестве древнейших поселений городского типа в землях восточных славян и их соседей. Вряд ли к этим поселениям применимо понятие протогорода, широко распространенное в литературе. Точнее представляется обозначение их, в соответствии с периодизацией и терминологией Г. Янкуна, как города старшего типа» (Белецкий 1996: 20). Таким образом, сразу снимаются главные противоречия квазигипотезы авторов Триединой книги и ОТПП-ВТРП (в первую очередь, конечно, Гнездово) наконец-то занимают свое место в иерархии поселений Древней Руси, известной по письменным источникам. Что же раньше-то, в 1970-х, ведь и ссылались на того же Г. Янкуна! Однако действительно ли противоречия сняты?

Прежде всего, следует отметить, что города старшего и младшего типа – дефиниция, отражающая не представления современников – людей эпохи раннего средневековья – о статусе поселений, а вносящая некие уточнения в построения исследователей, реконструирующих историческую действительность исходя не только из тех источников, которыми они оперируют,

но и в соответствии с общими представлениями об отдаленном прошлом, основанными в том числе и на реалиях современности. А задача исследователя именно в том, чтобы понять, чем были «грады» – города эпохи раннего средневековья в представлениях их обитателей, а не в контексте построений адептов марксистской формационной концепции или любых других концепций европейских и российских археологов не-марксистов. При желании, очевидно, можно обнаружить по каким-то признакам в материалах раскопок и «города среднего типа» – но приблизит ли это нас к пониманию происходившего в IX-XI вв. в Восточной Европе? Сомнительно.

Однако никаких новых достоверных данных для характеристики «торгово-ремесленных» поселений С.В. Белецкий, увы, не привел, ограничившись по сути старыми декларациями. Он утверждает: «В настоящее время вряд ли найдется исследователь, способный всерьез оспаривать существование в землях восточных славян и их соседей догородских центров, населенных по преимуществу несельскохозяйственным населением. Очевидно и то, что именно существование предпосылок для окончательного отделения ремесла от сельского хозяйства подготовило почву для крушения родового строя и переходя к общественным отношениям, основанным на имущественной дифференциации и социальной стратификации общества» (Белецкий 1996: 18). Утверждение вполне соответствует парадигме 1970-х, но, увы – опровергнуто исследованиями последующих десятилетий. Как отмечено выше, Гнездово во всяком случае никак не может быть отнесено к таким «несельскохозяйственным поселениям». А что еще? Ладога? Тоже нет. Тимерево? Тоже уже не получается.

И о каких вообще «догородских поселениях» идет речь, если то же самое Гнездово В.А. Булкин, как мы помним, отождествил, в полном соответствии с летописью, с городом Смоленском уже в IX в.? С чем, в принципе соглашается и сам С.В. Белецкий, рассуждая о «городах старшего типа». «Догородским поселением», исходя из текста Триединой книги и его уточнений, оказывается только «военный лагерь норманнов». Возникает, как и следовало ожидать, новое противоречие, снять которое невозможно.

Второй тезис исследователя уточняет выводы авторов Триединой книги о роли ОТПП в становлении древнерусской государственности и процессе градообразования. Приходится констатировать, что уточнение только затрудняет понимание предлагаемой реконструкции исторической действительности. Совершенно неясно (полагаем, что и самому автору), почему «существование предпосылок отделения ремесла от сельского хозяйства» готовило почву для «крушения родового строя», если уж допустить само существование такового. Без ответа остались те же вопросы, которые можно было задать и авторам Триединой книги. Почему, например, ремесленник-профессионал должен был непременно оказаться вне рода? Почему этот ремесленник должен был обязательно отказаться даже от огорода и содержания скота? Притом, что и тезис об отделении ремесла от сельского хозяйства в эпоху

раннего средневековья вовсе не так понятен, как того хотелось бы многим. Ремесленники позднесредневековой Европы в большинстве своем не отрывались от сельского хозяйства. Более того, хорошо известно, что в XV в. владельцы итальянских мануфактур прибыли от своего уже почти капиталистического производства дружно вкладывают... в землевладение.

Рассуждения С.В. Белецкого о статусе «раннегородских» центров в этом контексте, увы, остаются чисто умозрительными, еще и потому, что никаких новых данных ни об организации ремесла, ни о родовых и племенных структурах населения Восточной Европы в этот период между 1978 и 1996 гг. не появилось.

Коррекция квазигипотезы ОТПП была предпринята С.В. Белецким, собственно говоря, в опровержение старой гипотезы В.В. Седова о возникновении древнерусских городов из племенных центров (Седов 1987: 15, 17, 24; Белецкий 1996: 8-21). Однако полемика представляется вполне бессмысленной по вышеназванным причинам: достоверных данных для определения тех иных поселений как «племенных центров» у нас тоже нет. Упоминания о том, что Смоленск – град кривичей, а аборигены Ростова и Муромы – финно-угры, строго говоря, вовсе не означает однозначно, что эти поселения – центры племен. Ну нет этого в летописи! Можно признать только большую вероятность такого предположения. А если мы и признаем факт существования племенных центров – о населении таковых археологические источники содержат информацию только самого общего порядка, интерпретация которой вряд ли может быть даже сугубо гипотетической.

Построения авторов Триединой книги коррекции не поддаются. Эта квазигипотеза целиком принадлежит своему времени, а времена быстро менялись. В 1990-е, когда С.В. Белецкий пытался реанимировать эти построения как гипотезу, ОТПП уже стали фактом историографии.

ИТОГ 1970-Х

Но вернемся в благословенные «застойные годы». Публикации «кафедральных» и «институтских» неонорманистов и Триединая книга завершают формирование направления и определяют его характерные особенности. Попробуем обозначить таковые, исходя из той классификации направлений советской археологии, предложенной самим основателем направления, Л.С. Клейном.

В небольшой работе 1993 г. Л.С. Клейн подвел итог развитию науки о древностях в советский период отечественной истории. Целая глава (пятая) в этом очерке посвящена «панисторизму» советской археологии. Здесь автор обильно цитирует «страстную, написанную с горечью» статью А.А. Формозова, в которой автор обличает коллег в стремлении «издавать не столько факты и отчеты о раскопках, сколько исторические обобщения» (Клейн 1993: 58). Полностью солидаризируясь с А.А. Формозовым в этих выводах, Л.С. Клейн развивает далее критику советских археологов, пренебрегающих относительной хронологией и ратует за переход с «молекулярного» уровня археологических исследований

на «атомарный», открывающий новые горизонты в проблемах становления археологических культур (Клейн 1993: 58-63). Здесь не место подробно анализировать построения Л.С. Клейна. Ограничимся лишь констатацией неизбежности осознания неоднозначности археологического источника при переходе на «атомарный» уровень, поскольку этот переход ведет к признаваемому Л.С. Клейном нарастанию археологического агностицизма.

Для нас существенно другое. Как отмечалось выше, ученики Л.С. Клейна, объединившиеся под знаменем ленинградского неонорманизма изначально не обнаружили понимания этой перспективы «атомарного уровня» археологических исследований, да и сам наставник в период зарождения направления еще вряд ли эту перспективу ясно видел. Кроме того, помимо Л.С. Клейна на его учеников воздействовали и другие ленинградские исследователи, лекции которых они слушали, статьи и монографии которых изучали. А поскольку эти исследователи старшего поколения принадлежали, по классификации Л.С. Клейна, к направлению «археологической этногенетики» (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, П.Н. Третьяков), утверждавшему тождество этносов и археологических культур и очень тесно смыкавшемуся с тем направлением, которое определено как «историческая археология» (Клейн 1993: 39-44), ленинградский неонорманизм реально мог развиваться только в русле этих двух направлений, граница между которыми оказывается настолько неопределенной, что, пожалуй, можно, вопреки Л.С. Клейну, говорить об одном направлении – при всех разногласиях и противоречиях между его представителями – «историческом». В самом деле, ведь адепты «археологической этногенетики» занимались этой проблематикой именно для того, чтобы конкретизировать представления об этносах как субъектах исторического процесса, а «историки, вооруженные лопатой», в свою очередь, не отрицали в целом соответствие археологических культур и этносов. В этом контексте не остается места для штудий на «атомарном уровне», обращающих, в конце концов, исследователя к труднодостижимой конкретике повседневности давно ушедших поколений и не поддающейся достоверным реконструкциям мозаике самых разнообразных ситуаций, отразившихся в археологическом материале. Как совершенно справедливо отмечали и А.А. Формозов, и Л.С. Клейн, историзм требует широких обобщений.

Весьма показательным в этом контексте, что в цитируемом очерке советской археологии Л.С. Клейн относит себя, Г.С. Лебедева и М.Б. Щукина к «седьмому направлению», поименованному «эшелонированной археологией». Определение «эшелонирование», «глубоко эшелонированный» несколько раз встречается в тексте очерка, однако, откровенно говоря, значение этого термина, введенного автором в язык науки, остается нам непонятным. Из рассуждений автора выясняется, что основная задача «эшелонированной археологии» состоит в преобразовании «колонных секвенций» культур посредством теории коммуникации в «секвенции трассовые», причем сторонники этого направления от-

рицают наличие в археологических источниках исторической информации (Клейн 1993: 50-53). Утверждается, что «усилия сторонников этого направления сосредоточены на разработке фундаментальных понятий археологии: «культура», «тип», «признак», «артефакт» – и пополнения этой системы понятий новыми». И – следует ссылка на работы Л.С. Клейна и М.Б.Шукина, но не Г.С. Лебедева (Клейн 1993: 51). Действительно, отнесение Г.С. Лебедева к «седьмому направлению в советской археологии» выглядит явной натяжкой, *qui pro quo*. Глеб Сергеевич, конечно, признавал, вслед за учителем, проблему преобразования колонных секвенций в генетические и отдал дань теоретизированию, но исключительно в контексте рассуждений о конкретных древностях. При всем желании ни его, ни прочих ленинградских неонорманистов никак нельзя отнести к энтузиастам теоретической археологии, напряженно размышляющим об «артефактах», «типах» и «признаках». Хотя, разумеется, эта терминология присутствует в их работах, никаких серьезных попыток уточнения объема и содержания соответствующих понятий ими не предпринималось. Все-таки – «историческое направление». Это явное нежелание отказаться от историзма и углубляться в «атомарный» анализ станет еще более очевидным по мере дальнейшего развития ленинградского неонорманизма в условиях нарастающего кризиса советской археологии в 1980-90-е гг. Тенденция к обобщению решительно возобладает.

Второй особенностью этого периода в развитии направления стало, как отмечалось выше, декларированное еще в «дискуссии 1965 г.» упорное отречение от нор-

манизма – при вполне очевидном стремлении утвердить норманистские построения как «не-норманизм». В этом ленинградские неонорманисты будут последовательны даже и тогда, когда мимикрия, кстати, весьма неуклюжая, стала ненужной и, казалось бы, можно было называть вещи своими именами. Дело, конечно, не в том, что привыкли, хотя и привычка – великое дело. Отрицание «традиционного» норманизма, несомненно, придавало их собственным построениям большую оригинальность, и в представлениях самих исследователей, и тем более в глазах уже достаточно многочисленных учеников. Благо можно было и продолжать ссылаться на никем не отмененный в 1970-е «идеологический контроль» (т.е. возможность использовать при случае в научной полемике весьма мощный дополнительный ресурс) как на реальную угрозу для тех, кто слишком глубоко захотел бы погрузиться собственно в норманистскую проблематику.

Впрочем, нельзя не отметить, что ученики Л.С. Клейна в своих публикациях отрекались от норманистских установок сугубо декларативно, ни о какой критике норманизма, естественно, и речи быть не могло. Хотя бы потому, что норманизм трактовался в духе «дискуссии 1965 г.», т.е. исключительно в контексте проблематики становления древнерусской государственности.

С этих весьма удобных позиций до поры до времени ленинградских неонорманистов сбить было трудно.

Продолжение следует

Томсинский Сергей Владимирович

– Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела архитектурной археологии, начальник Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Tomsinsky

– Candidate of historical sciences, Leading Researcher at the Department of Architectural Archaeology, Head of the Ancient Russian Expedition at the State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia).

s.tomsinsky@yandex.ru

ВНЕНАУЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА)

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9
e-mail: dimok_star@mail.ru
SPIN-код: 4499-8831

АННОТАЦИЯ

Спор о происхождении Древней Руси и изначальной этнической природе варягов является одним из старейших и самых острых в отечественной историографии. Помимо объективно существующих сложностей научного характера его разрешению препятствует целый ряд вненаучных факторов. Важнейшими из них могут быть названы: идеология (влияние которой испытывали обе стороны спора о варягах), историографическая инерция, влияние паранауки, групповое мышление, эрзац-наука, финансирование и соображения престижности, межличностные отношения. Эти факторы часто взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их влияние особенно ощутимо в состоянии методологического кризиса, в котором пребывает современная наука. Без учёта этих факторов и минимизации их негативного воздействия на объективность исследователей разрешить вопрос о происхождении варягов, тесно связанный с истоками Руси, невозможно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Русь, варяги, норманизм, антинорманизм, научная дискуссия, историография, идеология, паранаука.

THE NON-SCIENTIFIC COMPONENT IN HISTORICAL DISCUSSIONS (ON THE EXAMPLE OF THE VARANGIAN QUESTION)

Dmitry Loginov

Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov
Russia, 390026, Ryazan, Vysokovoltnaya str., 9
e-mail: dimok_star@mail.ru

ABSTRACT

The debate about the origin of Ancient Rus' and the initial ethnic nature of the Varangians is one of the oldest and most contentious in Russian historiography. In addition to the objectively existing complexities of a scholarly nature, a variety of non-scientific factors hinders its resolution. The most significant of these include ideology (the influence of which has been felt by both sides of the Varangian debate), historiographical inertia, the influence of parascience, groupthink, ersatz science, funding and prestige considerations, and interpersonal relationships. These factors are often interconnected and mutually dependent. Their influence is particularly noticeable given the current methodological crisis within modern scholarship. Without accounting for these factors and minimizing their negative impact on research objectivity, it is impossible to resolve the issue of the origin of the Varangians, which is closely linked to the roots of Rus'.

KEYWORDS: Ancient Rus', Varangians, Normanism, anti-Normanism, scientific discussion, historiography, ideology, parascience.

Проблема истоков древнерусской государственности занимает совершенно особое место в отечественной исторической науке как по значимости, так и по объёму историографии, и по ожесточённости полемики. Такая острота, помимо прочего, делает её особенно показательной для иллюстрации вненаучных факторов, обуславливающих зачастую позиции отдельных авторов и целых школ, а также академически спорных и даже прямо недобросовестных приёмов, используемых сто-

ронами в ходе дискуссии. Представляется, что исследователь, подступающий к теме происхождения Руси, должен хорошо отдавать себе отчёт в том, с какими «подводными камнями» ему предстоит столкнуться, помимо, собственно, объективно существующих чисто научных и методологических трудностей. Эти «подводные камни», между тем, препятствуют разрешению вопроса не в меньшей, а иногда и в большей степени, чем противоречивость или неясность источников (письменных,

археологических, лингвистических и т.д.), многовариантность трактовок и т.п. (причём влияние их тем сильнее, чем более выражена в познании методологическая неопределённость). Поэтому целесообразно специально остановиться именно на рассмотрении факторов, лежащих, вообще говоря, вне поля строгой науки, но оказывающих на неё, прямо или опосредованно, существенное влияние, не всегда в полной степени осознаваемое профессиональными исследователями.

Представляется, что науку правомерно в предельно общем виде определить как деятельность, направленную на (и имеющую основной целью) получение, или способствующую получению нового объективного знания о реально существующем или существовавшем предмете, явлении или процессе, опирающуюся на системный комплекс эмпирических и теоретических методов, способствующих такой деятельности, а также совокупность полученных в ходе неё результатов. Соответственно, не является наукой деятельность (и её результаты), если имеют место один или несколько из следующих признаков: во-первых, главной целью её не является новое объективное знание; во-вторых, рассматривается никогда не существовавший реально объект; в-третьих, совокупность используемых методов не способствует получению объективных знаний об предмете, явлении или процессе.

Отчасти «вненаучная составляющая» является неизбежной в силу специфики, во-первых, исторического познания вообще (как в максимальной мере социально ориентированного), во-вторых, самого вопроса, как во многом определяющего подходы (в том числе идеологические) ко всей последующей истории России. Однако без её учёта добиться приемлемой объективности невозможно.

Далее, прежде чем переходить к основной части данной работы, определимся с терминами «норманизм» и «антинорманизм», поскольку исторически и в зависимости от контекста им придавались различные значения, в соответствии с чем многие исследователи, в особенности советского периода, могут быть отнесены к обоим лагерям (Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, И.П. Шаскольский, Д.А. Авдусин и др.). В данной статье под норманизмом понимается такая система взглядов, согласно которой летописные варяги – преимущественно скандинавы. Под антинорманизмом – отрицающая изначальную скандинавскую природу варягов. Естественно, дефиниции не претендуют на оригинальность. В сходных значениях термины используются многими современными учёными: В.В. Фоминым, И.Н. Данилевским, А.А. Горским (исследователь при этом различает антинорманизм дореволюционный и советский: если на первом этапе речь шла об этническом происхождении варягов, то на втором, когда их скандинавские корни были, в целом, признаны – об отсутствии следов их значительного участия в генезисе Руси), А.А. Романчуком, С.В. Томсинским (последний, впрочем, делает оговорку: «под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой») (Фомин 2025 Т. 1: 19; Данилевский 1998:

75; Горский 2012: 9; Романчук 2013: Прим. 1; Томсинский 2014: 358). Фактически, при обозначенной дефиниции полярными оказываются, с одной стороны, позиция, заключающаяся в признании скандинавской природы летописных варягов, основоположников первой правящей династии, самого этнонима «русь» и определяющей роли норманнов в создании Древнерусского государства. С другой, – отрицающая вообще какое-либо отношение скандинавов к перечисленному. В реальности такие крайности исчезающе редки, и большинство специалистов в данном вопросе могут быть охарактеризованы как занимающие более или менее удалённое положение по отношению к этим полюсам.

В дальнейшем изложении обратимся, прежде всего, к наиболее очевидному и никем не оспариваемому «вненаучному» моменту в дискуссиях по норманнскому вопросу.

ИДЕОЛОГИЯ

То, что идеология являлась неотъемлемой спутницей научного вопроса о происхождении Русского государства внешне признаётся всеми сторонами развернувшихся вокруг него споров. Однако если в работах серьёзных историков-антинорманистов и исследователей, старающихся остаться «над схваткой», она в настоящее время представляется как явление неизбежное в конкретных условиях, то в опусах современных норманистов чаще всего выступает как результат политической ангажированности, «злой воли» или непрофессионализма оппонентов.

Так, антинорманист А.Г. Кузьмин писал: «Неудивительно, что изучение этой темы зачастую подогревалось и деформировалось прагматическим интересом... Очень часто учёными двигал собственно познавательный интерес, но крайне редко этот интерес противоречил общественным симпатиям автора, а социальное содержание принимаемой методологической системы чаще всего вообще не осознавалось» (Кузьмин 2003: 6). Виднейший современный представитель данного направления В.В. Фомин отмечает «факт весьма заметной политической окраски варяжского вопроса, особенно ярко проступающей в сложные периоды истории нашей Родины, включая, начиная с “перестройки”, наши дни» (Фомин 2025 Т. 1: 7). Пытающийся сохранить нейтралитет С.В. Алексеев констатирует: «Дискуссия восходит к XVIII в., когда её возникновение вызвал целый ряд культурных и политических обстоятельств. Тогдашние отношения со Швецией, соперничество “немцев” и русских за влияние в науке и культуре послепетровской России – фон для возникновения норманизма и антинорманизма» (Алексеев 2009: Прим. 2050).

Для сравнения приведём высказывания некоторых из известных представителей норманистского направления. В.Я. Петрухин: «Его (Рюрика – Д.Л.) варяжское (скандинавское) происхождение не устраивало власти в эпоху борьбы Российской империи за господство на Балтике, что породило “антинорманизм”, утверждение о славянском этносе варягов и т.п.» (Петрухин 2014: 137). Л.С. Клейн: «С самого начала в антинорманизме преобладала идеологическая составляющая. С само-

го начала он не был нацелен на объективное и беспристрастное исследование. Антинорманисты считали себя патриотами, лояльными своему государству. А в норманисты для них попадал всякий, кто считал, что варяги были скандинавами, норманнами, которые так или иначе участвовали в русской истории как самостоятельные субъекты, и это участие было важным для российской истории, — то есть всякий, кто на этом участке науки строил гипотезы о древних событиях, по-сильно выявлял исторические факты, верные или неверные, но представлявшие данному историку наиболее близкими к истине» (Клейн 2018). При подобной подаче у читающего возникает стойкое представление, что идеологизация варяжского вопроса – есть исключительно следствие деятельности антинорманистов.

Очень наглядно это проявляется, например, в трактовке известной дискуссии между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым в Академии наук в 1749 г. В подаче норманистов, чаще всего, Г.Ф. Миллер (а также Г.З. Байер и А.Л. Шлёцер) предстают этакими «учёными в себе», «паганелями» от истории, ратующими исключительно за чистую науку, а М.В. Ломоносов из универсального гения превращается чуть ли не в гения злого, профана, движимого националистическим фанатизмом и личной ненавистью к иноземцам¹. Вообще, если опираться исключительно на обыкновенное современное норманистское видение историографии варяжского вопроса, может сформироваться примерно следующая картина. Признание скандинавского происхождения варягов и значительной роли скандинавов на начальном этапе существования Руси со времени оформления профессионального изучения прошлого всегда являлось отличительной чертой истинных учёных. Их нормальной деятельностью и спокойному развитию науки до поры до времени периодически досадно мешали лишь мало-профессиональные, злонамеренные и идеологически тенденциозные выскочки и отщепенцы (как правило, применительно к дореволюционному периоду называются лишь три имени: М.В. Ломоносов, С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский). Но, в целом, истинная наука торжествовала до наступления советской эпохи. Затем тоталитарный режим, взяв науку в ежовые рукавицы, стал навязывать через неё чуждые истине идеи автохтонизма и антинорманизма. Но и тогда учёные-подвижники продолжали вести скромную, но опасную борьбу за правду. Вынужденные скрепя сердце маскироваться под «антинорманистов», они тихонько сыпали песок на шестерёнки бездушной машины подавления, исподволь показывая настоящее положение дел в своих публикациях и выступлениях, лишь внешне (посредством обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма) задекорированных под идеологически выверенные. До поры неочевидное, но упорное противостояние системе привело к громкому триумфу истинной науки в период «перестройки» и после крушения СССР. Антинорманизм был оглушительно повержен, став уделом

немногочисленных маргиналов от науки, эрзац- и лже-учёных.

Между тем неправомочность подобной однобокой трактовки демонстрируется именно глубоким погружением в историографию темы. Последнее, следует признать, не является сильной стороной большинства сторонников скандинавской теории. В самое недавнее время В.В. Фоминым была издана монография, в которой автор, проделав титаническую работу, практически исчерпывающе осветил историю изучения «варяжской проблемы» (Фомин 2025). Учёный, как известно, сам принадлежит к лагерю «антинорманистов», т.е. является стороной заинтересованной, и его трактовка каких-то историографических фактов может быть оспорена, однако это никоим образом не отменяет сами эти факты. Одним из принципиальных моментов, уже давно развиваемых в работах В.В. Фомина, является то, что у истоков «норманизма» стоят отнюдь не многоумные, но «по-житейски наивные» немцы Байер, Миллер и Шлёцер. В.В. Фомин убедительно показывает, с опорой на многочисленную литературу, что данный концепт зарождается в шведских интеллектуальных кругах первой четверти XVII в., конкретнее, в период «Смуты», причём связано его появление было не с абстрактным научным интересом, а с вполне конкретными политическими интересами – попыткой обосновать право шведской короны на Новгородские земли, а в идеале – и право шведского принца Карла Филиппа на московский престол. При этом собственно науки в таких построениях изначально было крайне мало (Фомин 2005; 2025; Грот 2012: 22-63). И М.В. Ломоносов идеологическую подоплёку отлично знал. Показательно, что правоту В.В. Фомина в вопросе об истоках норманизма вынужден был признать Л.С. Клейн. Впрочем, он иронией постарался её девальвировать: «Открытие сделано, но цель вряд ли достигнута... Ну да, вероятно, Петрей в немалой степени был ангажирован шведской политикой. Да, возможно, именно это стоит у начала признания варягов и Руси норманнами. Но нас это не очень волнует. Нас волнует совсем другое: подтверждается это отождествление или нет. И мы признаем его вне зависимости от того, Петрей ли его заметил первым или Петрухин» (Клейн 2009: 216). Л.С. Клейн либо искренне не понимал (что маловероятно, учитывая его профессионализм и полемический опыт), либо предпочёл не понять, к каким выводам ведёт раскрытие истоков спора. Да, наличие политической тенденциозности не ведёт автоматически к выводу о научной несостоятельности (что, впрочем, справедливо по отношению к обеим сторонам противостояния). Но полностью разрушается дихотомия норманизма как чистой науки с одной стороны и антинорманизма как чистой идеологии – с другой. А на таком искусственном противопоставлении зачастую базируется большая часть критики сторонниками первой позиции своих оппонентов.

Дальнейшая история спора также показывает весьма неоднозначную ситуацию.

В XIX – начале XX в. норманисты в российской науке действительно численно преобладают. Однако виднейших представителей оппонировавшего направления – И.Ф.Г. Эверса, С.А. Гедеонова, Н.И. Костомарова,

¹ Спор между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым, а также историография его изучения подробнейшим образом разобраны В.В. Фоминым (Фомин 2025 Т. 1: Гл. 2-3).

И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского можно отнести к числу «маргинальных» авторов, лишь весьма отдалённо представляя себе историографию дореволюционного периода. Причём, если и сравнивать их с учёными-современниками противоположного направления, то, при условии соблюдения корректности, это должны быть, скорее, не С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский или С.Ф. Платонов, касавшиеся варяжского вопроса постольку-поскольку, а М.П. Погодин или А.А. Куник (дававшие, кстати, весьма лестную оценку работам того же С.А. Гедеонова). Далее, говоря об идеологизированности советской науки, некоторые современные исследователи склонны забывать, что дореволюционный период практически на всей своей протяжённости отнюдь не был раем для вольнодумства. И норманизм, видимо, считался более удобным для существующего режима. Причины этого не столь очевидны, как благоволение к скандинавской версии со стороны историков-западников (Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина или даже В.О. Ключевского) и вполне заслуживает специального изучения. Среди возможных можно назвать вполне удовлетворительную корреляцию с реалиями романовской монархии, где в правящей династии с середины XVIII века преобладали германские родовые корни, а также то, что признание западнославянских корней Рюрика (на чём настаивало большинство антинорманистов) могло вызвать нежелательные ассоциации с Польшей (и, если после последней русско-шведской войны 1808-1809 гг. драматизм прежних взаимоотношений между странами утратил былую остроту, то «польский вопрос» не терял болезненной актуальности до конца существования империи). Как бы то ни было, противник скандинавских корней Руси Д.И. Иловайский на страницах своих учебников для гимназий во всех изданиях предстаёт убеждённым и последовательным их сторонником.

Вполне вписался норманизм и в концепцию возобладавшей на начальном этапе советской историографии школы М.Н. Покровского, в которой на противоположные поменялись лишь знаки. Исходя из вульгарного понимания марксизма, М.Н. Покровский всё дореволюционное прошлое России рассматривал исключительно как историю эксплуатации и классовой борьбы. И представление о сугубо чужеродном, навязанном извне характере средневековой власти гармонировало с такой картиной как нельзя лучше.

Последовавший в отечественной историографии с конца 1930-х гг. переход на позиции «антинорманизма» и «автохтонизма» в значительной степени действительно был идеологически обусловлен. Причины этого достаточно очевидны: наука как институт не существует изолированно. Она отражает происходящие вокруг и внутри общества процессы и реагирует на них. Соответственно, идеям нацизма, вобравшим с целью обоснования агрессии против СССР и постулаты наиболее радикального норманизма (Андерле 1961: 85-95), была противопоставлена концепция, всячески умалявшая роль иноземного элемента на начальном этапе истории Руси. При этом, как убедительно демонстрирует В.В. Фомин, в рамках советского антинорманизма (само поня-

тие «советский антинорманизм» он предпочитает брать в кавычки) скандинавское происхождение варягов в основном не оспаривалось, речь шла лишь о ничтожности их присутствия в Восточной Европе и в жизни Древнерусского государства (Фомин 2025 Т. 1: 434-548). Было бы неверно говорить о научной бесплодности данного этапа развития исторической науки: было сделано много для понимания развития восточнославянских племён накануне государственности, раскрытия внутренних социально-экономических предпосылок возникновения Руси, выявления противоречий и тенденциозности в летописных рассказах о Кие, Рюрике, Аскольде и Дире и т.п. В то же время, как отмечал А.Г. Кузьмин, «конкретная аргументация норманистов... почти не рассматривалась и постепенно стала выпадать из работ, посвящённых началу Руси». Вследствие чего в дальнейшем «старые, традиционные норманистские аргументы вдруг предстали как откровения, хотя они уже неоднократно опровергались» (Кузьмин 2003: 53).

Развитие науки к середине 50 – началу 60-х гг. поставило историков перед явным противоречием между, с одной стороны, представлением об исключительно автохтонных корнях отечественной государственности как обоснованием антинорманизма, с другой – накопленными многочисленными археологическими данными, говорившими о значительном иноземном присутствии на территории Восточной Европы по меньшей мере с VIII в. н.э. Разрешиться данное противоречие могло двумя путями: либо через сохранение антинорманизма при отказе от дихотомии: восточные славяне или скандинавы, либо через сохранение уже привычной дихотомии, но с норманистской перестановкой акцентов. По первому пути пошли А.Г. Кузьмин и В.Б. Вилинбахов, второй же, во многом заданный статьёй Л.С. Клейна и его учеников «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226-252), стал магистральным для исторической науки². И в торжестве именно второй линии идеологический момент также сыграл немаловажную роль, о которой большинство её сторонников не очень любят упоминать, а, возможно, иногда искренне не осознают.

Коль скоро автохтонистский извод антинорманизма считался (и в значительной степени действительно являлся) санкционированным «сверху», властными установками, то норманизм начал восприниматься, в том числе, как форма замаскированной оппозиции «режиму» (форма со времён «оттепели» относительно безопасная, но вполне способная будоражить причастностью к «протесту»). Причём «маскироваться» было

2 Если некоторые норманисты говорят о современных попытках возрождения «старого антинорманизма» – тезиса, что варяги не были норманнами (Горский 2012: Прим. 15), антинорманизма Ломоносова и Гедеонова, то с тем же основанием можно говорить и о реанимации в новейшее время «старого норманизма» Миллера, Погодина и Куника с их тезисами о значительной, если не решающей, роли скандинавов в процессах древнерусского политогенеза (но и то, и другое утверждения некорректны: историография не вернулась к старому, а с накоплением и осмыслением новых данных совершила виток диалектической спирали).

не так уж и трудно, учитывая, что скандинавское происхождение варягов в советской историографии под сомнение чаще всего и не бралось: достаточно было снабдить свои работы дежурными цитатами из классиков марксизма-ленинизма, наиболее расхожей из которой была выдернутая из контекста фраза Ф. Энгельса: «Государство никоим образом не представляет собой силы извне навязанной обществу» (Энгельс 1961: 169). О наличии идеологической компоненты в «ленинградском неонорманизме» вполне определённо пишет, в частности, С.В. Томсинский (Томсинский 2014: 359; 2017: 157-160 и др.). По сути, хотя и избегая самого слова «идеология», о приводящих факторах пишет и Н.И. Платонова, причём в статье, где остро полемизирует с С.В. Томсинским: «На мой взгляд, основой, его (новое направление в изучении происхождения Руси – Д.Л.) породившей, послужил общий “разоблачительный” настрой эпохи – не только молодёжи, но и части старшего поколения. После разоблачения сталинщины пошло повсеместное низвержение идолов. Его отражением в археологии стало создание концепций, стремящихся ревизовать имеющиеся материалы с позиций строгого подхода» (Платонова 2017: 216). Заметим, впрочем, что само понимание «строгого подхода» не могло не испытать влияния ранее в той же работе отмеченного Н.И. Платоновой «бьющего в глаза гиперкритицизма данной концепции в решении всех вопросов, связанных с проблемой славянизации Восточной Европы (и Северо-Запада в особенности)» (Платонова 2017: 215-216).

Глубокий кризис, а затем и гибель СССР, сопровождавшиеся широким распространением антисоветских установок в историографии, довершили процесс утверждения норманизма. Этому способствовала эйфория, часто вполне искренняя, от ожидания единения с Западом³.

Вышесказанное, естественно, не значит, что автор этих строк пытается свести авторитетное направление в исследованиях Древней Руси исключительно к идеологическим факторам, игнорируя чисто научную составляющую: соответствующая аргументация сторон просто выходит за рамки настоящей статьи. Далеки мы и от того, чтобы во всех норманистах видеть некую абстрактную однородную антисоветскую (или как-то иначе политически ангажированную) массу. Но, если строить свою критику оппонента на основании того, что «с самого начала в антинорманизме преобладала идеологическая составляющая. С самого начала он не был нацелен на объективное и беспристрастное исследование», нужно быть готовым к тому, что в эту игру можно играть вдвоём. А гораздо продуктивнее, на наш взгляд, признать, что если не каждый норманист – «космополит, не помнящий родства», то и не всякий антинорманист – ультра националист.

Увы, на нынешнем этапе произвольное приписывание оппонентам политической предвзятости часто

3 Заметим, что Л.С. Клейн справедливо отмечал, говоря об антинорманизме: «Это течение в российской исторической науке. За пределами России его нет (если не считать работ эмигрантов из России)» (Клейн 2018). Однако данный факт логически никак не говорит в пользу научной непредвзятости норманистских построений.

рассматривается как достаточное основание для обвинения их в научном непрофессионализме. Особенно «грешит» таким приёмом именно норманизм, где, как отмечалось в начале статьи, обычным является манипулятивное противопоставление «истинной науки» с одной стороны и антинорманизма – с другой. Объясняется это в том числе господством норманистов в современной историографии вообще и почти безраздельным господством в археологии и лингвистике – в частности. Такое противопоставление приводит, например, к тому, что некоторые сторонники скандинавской версии отказываются называться норманистами: в их изложении «норманизм» – фикция, вводимая в оборот зловредными оппонентами для создания иллюзии противостояния двух равно научных направлений, в то время как речь идёт о борьбе объективного знания и ненауки. Так, у Л.С. Клейна читаем: «Подвох заключается в том, что норманнская концепция в таком полном виде, как ее рисуют основные проповедники антинорманизма (то есть с тезисами о несамостоятельности и неспособности восточных славян создать высокую культуру и государство), за без малого триста лет обсуждения славяно-норманских отношений никогда и нигде солидными историками, причисляемыми к “норманистам”, не излагалась... Иными словами, норманнская концепция сформулирована и сформирована как раз антинорманистами – как объект для битвы. Это жупел, предназначенный для отпугивания ученых от объективного и беспристрастного исследования темы» (Клейн 2018)⁴. С ним всецело соглашается О.Л. Губарев: «Дело в том, что каждый неоантинорманист даёт своё определение пресловутому “норманизму”, что указывает на то, что данное явление, скорее всего, в реальности не существует» (стыдливое «скорее всего» не особенно спасает разрыв данного умозаключения с формальной логикой) (Губарев 2024: 81)⁵. Невольно даже вспоминается афоризм Ш. Бодлера: «Самая изощрённая хитрость дьявола состоит в том, чтобы уверить вас, что его не существует». Эта позиция, в частности позволяет отказаться от серьёзного разбора аргументов противной стороны, как, в лучшем случае, давно устаревших, а в худшем – изначально ничтожных.

Между тем, необходимо признать, что антинорманисты в своей полемике также не избежали соблазна позиционировать собственную точку зрения как единственно научную и правдивую. Это видно из заглавий

4 Вообще, бросается в глаза известная параллель с ситуацией в современной философии и методологии науки, где ряд мыслителей новейшего времени, в особенности после т.н. «лингвистического поворота», заявляют о фиктивности «основного вопроса» и размежевания философов на идеалистов и материалистов. Однако делают они это, находясь на откровенно идеалистической платформе.

5 Сугубо иронично в контексте рассматриваемой нами темы, что свою статью О.Л. Губарев предваряет эпиграфом из К. Чапека: «Pugna (избиение – лат.) приём, ...основан на том, что противнику или концепции, которую он защищает, присваивают ложное название, после чего вся полемика ведётся против этого произвольно взятого термина. Этим приёмом пользуются чаще всего в так называемых принципиальных полемиках. Противника обвиняют в каком-нибудь непотребном “изме” и потом разделяются с этим “измом”» (Губарев 2024: 80). Воистину, есть в этом что-то новозаветное, что-то из притч о соринке и бревне!

некоторых их работ: «Антинорманизм. Наука против лжи» (В.В. Фомин), «Призвание варягов: Норманнская лжегеография и правда о князе Рюрике» (Л.П. Грот).

На наш взгляд, следует смириться с тем, что вопрос о начале Руси всегда был, является и в обозримом будущем останется политически значимым и идеологически окрашенным. Однако учёный обязан, учитывая это, иметь в виду, что наука имеет дело с фактами, их взаимосвязями и выявлением объективных закономерностей общественных процессов и их трактовкой. Последняя уже смыкается с идеологией, а исследователь соприкасается с областью публицистики. Это данность, которая сама по себе не хороша и не плоха. Подавать одни и те же факты можно, в зависимости от тенденциозности, самым разным, даже противоположным, образом: скажем, признание присутствия норманнов на территории Руси можно представлять как свидетельство дикости славян и их неспособности к самостоятельному развитию, а можно – как признак глубокой включённости наших предков в европейскую историю, их причастности к героическим деяниям викингов и т.п. При этом признание идеологической полезности или вредоносности той или иной теории для той или иной социальной группы или социального слоя может служить для понимания истоков определённой трактовки фактов, но не для автоматического доказательства достоверности или недостоверности самих этих фактов. И норманистская и антинорманистская концепции базируются на определённых наборах фактических доказательств. Поэтому если историк ставит перед собой задачу честного решения вопроса о начале Руси, центральной для него становится задача изучения этой научной базы. Идеологические истоки и мотивы теорий значимы, но главное – это понять есть ли за ними объективная историческая реальность.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ИНЕРЦИЯ

Идеология является, пожалуй, наиболее значимым и очевидным вненаучным фактором в историографии варяжского вопроса, но далеко не единственным. Немаловажным препятствием на пути к истине, на наш взгляд, является некритическое следование устоявшейся историографической традиции, приобретающее подчас характер инерции.

Ещё в конце XIX в. об этой проблеме, причём применительно именно к варяжскому вопросу, писал В.О. Ключевский: «Мы боялись сделать новую догадку, поставить факты в новую комбинацию, не сделанную прежде; мы считали это праздной игрой в гипотезы после массы потраченных знаний и усилий со стороны исследователей, для которых вопрос вовсе не был полем для такого развлечения. Этой робости нельзя отказать в сочувствии: это было своего рода ученое целомудрие или, лучше сказать, ученая дисциплина. Она основывалась на том правиле, что не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований. Но в интересе беспристрастия надобно сознаться, что наша скромность создавала странное положение в науке гипотезе норманистов. Мы чувство-

вали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол, как ненужный, но требуемый приличием обряд. Так плотник, прежде чем приступить к работе, постукает без всякой цели по дереву, которое собирается рубить. Потом мы рассказывали, как будто и нет спора о варягах с братией» (Ключевский 1983: 120).

Любой историк к рассмотрению того или иного вопроса неизбежно приступает с некоторым багажом предвзятости. А господство в науке в течение достаточно долгого времени какого-либо подхода или теории способно уже само по себе порождать у части исследователей не обязательно оправданную иллюзию её безальтернативности (заметим, что историографическая инерция порождается именно поверхностным знакомством с историографией вопроса). При этом подчас давность бытования и расхожесть того или иного положения начинают в восприятии замещать его объективную доказанность. Иногда следствием этого становится возникновение «порочного круга» аргументации. Так, А.Г. Кузьмин отмечал: «Норманисты-археологи... за основу брали именно сомнительное или вообще несостоятельное норманистское толкование источников и отправлялись от него. Позднее, однако, складывалось впечатление, будто в основу извне привнесённого вывода лёг археологический материал, а этот вывод в свою очередь возвращался в историю и филологию в качестве внешних достоверных данных» (Кузьмин 2003: 55).

Историографической инерцией отчасти обусловлено и явление, метко названное А.А. Романчуком «обывательским норманизмом» (и, соответственно, «обывательским антинорманизмом»). Оно, по А.А. Романчуку, состоит в примитивизации вопроса о происхождении Древнерусского государства, сведении его к уровню представлений позапрошлого века (Романчук 2024а: 83-84; 2024б: 100-106). Заметим, что к проявлениям обывательского норманизма можно отнести вполне порой искреннюю убеждённость некоторых профессиональных историков и любителей истории в том, что вопрос о варягах давно решён в пользу одной из сторон (в силу преобладания в настоящее время норманизма – чаще всего, именно в пользу последнего), а попытки его реанимации – удел маргиналов и лжеучёных. Она широко встречается в современных научно-популярных СМИ и ресурсах в «сети». В качестве примера можно привести газету «Троицкий вариант – Наука» (и дочерние издания и сайты). Также весьма показательны презентация и освещение антинорманизма в «Википедии», отражающие откровенно норманистскую трактовку⁶, а «Википедия» при всех многочисленных «но» продолжает оставаться одним из важнейших источников информации для непрофессионалов.

Преодолению историографической инерции способствует прежде всего углубление в историю вопроса, поскольку порождается данное явление, как уже отме-

6 Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Антинорманизм> (Дата обращения - 12.08.2025).

чалось, неглубоким с этой историей знакомством, создающим упрощённое и удобное о ней представление. Оговоримся, что «сработать» это может лишь в случае, если речь идёт именно об искреннем заблуждении, а не о осознанном приёме нечистоплотной полемики, сводящемся к заведомой примитивизации позиции оппонента.

ПАРАНАУКА

Если историографическая инерция в настоящее время характеризует в большей степени норманизм, то паранаучные проявления являются серьёзным вызовом в первую очередь для антинорманизма. Отчасти они парадоксальным образом из этой инерции проистекают: это обратная сторона отождествления норманизма (в его самых крайних проявлениях) с «официальной» наукой как таковой, которой многие лжеисторики себя противопоставляют. Кроме того, будучи ориентирована чаще всего на получение прибыли, паранаука предлагает населению то, что лучше продаётся, а «древнее величие», на обывательском уровне преподносимое в виде тезисов об исключительной древности предков и их исконного превосходства над всеми прочими народами мира, выглядит, объективно, коммерчески наиболее привлекательно: переживание унижений России на международной арене после распада СССР, дефицит уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне сподвигает к поиску утешения в дне прошедшем (впрочем, популярность поделок В. Суворова и Е. Понасенкова демонстрирует, что и тезисы об «извечной вине» и убожестве нашей страны по-прежнему находят свою целевую аудиторию). Сказанное, впрочем, не исключает и наличия в рядах лжеисториков и вполне искренних и бескорыстных невежд.

Паранаучный «извод» антинорманизма берёт начало ещё в дореволюционный период. Его самым ярким и известным представителем в XIX в. можно назвать Е.И. Классена (1795-1862). Из его главного исторического сочинения «Новые материалы для древнейшей истории славян» (1854-1861) вполне могли бы черпать вдохновение (а некоторые и черпают) современные поборники тождества русов-этрусков, исследователи «славянских рун» и т.д. (Классен 1854-1861). Впрочем, Е.И. Классен вовсе не был оригинален в своих построениях. Сходные идеи задолго до него высказывали шведские учёные Ю. Буре (1568-1652) и О. Рудбек (1630-1702). Вот только касались они не русских, а, как не сложно догадаться, шведов (Грот 2012: 40-62), причём построения Рудбека оказали значительное влияние на формирование раннего норманизма (Фомин 2025 Т. 1: 86-88). Правда, то, что оказывало влияние на учёные круги в XVII в., когда сама профессиональная наука находилась на стадии становления, в середине XIX столетия профессионалами уже однозначно воспринималось как анахронизм.

Часто декларируемая приверженность адептов паранауки антинорманизму делает профессиональных учёных данного направления уязвимыми для недобросовестного хода в полемике, базирующегося на сознательном нарушении логического закона достаточного основания (даже если допустить, что каждый лжеисто-

рик – антинорманист, из этого автоматически не вытекает, что каждый антинорманист – лжеисторик). Или используется широко известный демагогический приём «соломенное чучело»: научная аргументация оппонента de facto игнорируется, подменяясь отождествлением его с заведомо ущербной позицией. К сожалению, соблазну пойти в дискуссии по лёгкому, но бесплодному для науки пути поддаются порой и опытные и уважаемые специалисты. Показательна в этой связи статья Е.А. Мельниковой «Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке» (Мельникова 2009). В ней исследовательница, пройдясь для начала по историческим изысканиям Т. Хейердала (искавшего родину норвежцев на северном побережье Азовского моря), А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, и «Влесовой книге», основное острие критики направила на «антинорманизм» и конкретно на работы В.В. Фомина. При этом отрицание скандинавской природы варягов Е.А. Мельникова помещает в один ряд с паранаучными конструкциями, во-первых, самим фактом разбора данного направления в статье о «мифотворчестве», а, во-вторых, прямыми указаниями в тексте. Например: «Если же пристальнее взглянуть на методы их (антинорманистов. – Д.Л.) работы, то обнаруживаются удивительные – и весьма показательные – черты типологического сходства с построениями Хейердала, Фоменко, Асова и многих других» (Мельникова 2009: 58). Сам разбор монографии В.В. Фомина «Варяги и варяжская русь» оставляет странное впечатление, что при его написании Е.А. Мельникова ознакомилась разве что с оглавлением и чьим-то очень кратким и неточным пересказом. Причина этого, впрочем, объясняется в конце статьи: «Вступать в дискуссию с мифотворцами бессмысленно. Невозможно объяснить верующему, что объект его веры – фантом: он верит и будет продолжать верить, невзирая на все доводы рассудка. Одержимость идеей, особенно если эта идея приносит конъюнктурную выгоду, делает человека глухим к любым рациональным аргументам» (Мельникова 2009 № 5: 57). Вот так: оппонент – «ненастоящий» учёный, поэтому и спорить с ним бессмысленно.

Следует заметить, что нелояльные приёмы в полемике мало того, что не приближают к объективной истине, но ещё и являются оружием обоюдоострым. Допустим, Е.А. Мельникова когда-то отыскала скандинавскую руническую надпись (считавшуюся единственной в своём роде) на берестяной грамоте из Смоленска, предварительно датированной по стратиграфическому слою XII веком. Ею был предложен перевод: «Вискар (Висгейр?) взял (приобрёл) этот участок земли» (Авдусин, Мельникова 1985: 209; Мельникова 2001: 207-209). Позднее текст на бересте отыскал и перевёл (правда, иначе, чем Е.А. Мельникова) другой известный лингвист и специалист по варягам С.Л. Николаев: «Виски-домохо-зайки обвинение Оске» (Николаев 2017: Прим. 35). Однако стараниями С.И. Стеблин-Каменской (Пересветов-Морат) и Н.А. Кренке с С.Ю. Каиновым выяснилось, что на рассматриваемой бересте нет не только скандинавских рунических, но вообще каких бы то ни было надписей: за руны была принята разлиновка на грамо-

те для будущего письма (аналогичная известна из московской берестяной грамоты № 2, датированной XV в.) в сочетании с тонкими короткими, иногда дугообразно изогнутыми линиями, возникшими в результате соприкосновения бересты с какими-то предметами линейной формы (Кренке, Каинов 2023: 99-105). Даёт ли это основание поставить Е.А. Мельникову и С.Л. Николаева в один ряд с В.А. Чудиновым – тоже большим любителем отыскивать «руны» (правда, «древнерусские») на любых поверхностях (включая штукатурку и поверхность Солнца)? Естественно, нет: от отдельных, в том числе весьма досадных, ошибок не застрахован ни один исследователь. Представляется, что в полемике, прежде всего в интересах самой науки, вполне применимо «золотое правило» морали: не делай другим того, чего не желаешь себе.

ГРУППОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Ещё одним фактором, оказывающим влияние на позиции сторон в научных спорах, можно назвать групповое мышление (которое не следует путать с профессиональной этикой или солидарностью).

В социальной психологии и социологии под групповым мышлением понимают процесс принятия решений в группах с чрезвычайно тесными связями, членов которых настолько волнует вопрос сохранения консенсуса, что это отрицательно сказывается на их критических способностях. В случае группового мышления члены группы испытывают иллюзию добровольности принимаемых ими решений и безоговорочно верят в правоту своего дела. Члены группы требуют единодушия и оказывают давление на тех индивидов, которые выражают сомнения в предложенном плане действий; они не дают хода собственным сомнениям и выполняют роль цензоров по отношению к самим себе (Волков, Добренков, Нечипуренко, Попов 2003).

Проявления группового мышления вполне обнаруживаемы внутри некоторых научных исторических школ. Несложно заметить, например, что большинство активных норманистов новейшего времени являются учениками и учениками учеников или ленинградских археологов М.И. Артамонова, а затем – Л.С. Клейна (В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, И.В. Дубов, Е.Н. Носов, В.А. Назаренко, Д.А. Мачинский, Ю.М. Лесман и др.) или В.Т. Пашуто (Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.); большинство же антинорманистов – А.Г. Кузьмина (В.В. Фомин, Е.С. Галкина, В.И. Меркулов и др.). Необходимо оговориться, что само по себе наличие таких школ – явление позитивное и необходимое для нормального развития науки, обеспечивающее преемственность и развитие идей. Однако солидарность и сплочённость хороши до того предела, за которым начинается противоположение себя другим по принципу «наши – не наши» (соответственно, ингруппа и аутгруппа), где идеи первых рассматриваются как а priori правильные, а вторых – оцениваются, исходя из принципа релевантности «нашим»⁷. Всякая попытка изнутри ука-

зать на возможные «тонкие» места собственных положений воспринимается чуть ли не как ересь и встречает жёсткое (даже неадекватно жёсткое) противодействие. В качестве примера можно привести острую и болезненную реакцию на статью С.В. Томсинского (кстати, не сомневающегося в скандинавской природе варягов) «Ленинградский неонорманизм» со стороны Л.С. Клейна, Н.И. Платоновой (и «примкнувшего к ним» О.Л. Губарева) (Клейн 2015: 345-349; Губарев 2015а: 351-355; Платонова 2017: 203-222). Понятными в свете вышесказанного предстают и опасения А.В. Назаренко (убеждённого норманиста): «Абсолютно ясно и со всей отчётливостью выговорено отнюдь не “антинорманистами”, что собственно скандинавоязычного прототипа у финн. Ruotsi, а, значит, и др.-руссск. русь выявить не удаётся, но подавляющее большинство вполне серьёзных историков продолжает жить в летаргическом убеждении, будто проблема давно и навсегда закрыта чуть ли не со времён В. Томсена, и всякое уклонение от этимологии др.-руссск. русь < др.-сканд. *rōps – “гребной, имеющий отношение к гребным судам”, карается отлучением от науки. В этих условиях любая попытка завести даже деликатный, нюансированный разговор поперёк скандинавоцентричной opinio communis требует научной смелости» (Назаренко 2009: 370). Подобное положение вещей в науке уже совершенно неприемлемо, поскольку неизбежно ведёт к накоплению в ней застойных явлений и, в конечном итоге, – к деградации.

ЭРЗАЦ-НАУКА

Понятие «эрзац-наука» зачастую используется как синоним псевдонауки или квазинауки. Однако некоторые исследователи делают попытки демаркировать эти понятия. Нам представляется удачным определение эрзац-науки, предложенное А.В. Флорей: «Мы... относим к эрзац-науке тексты, в которых соблюдены не только формальные, но и содержательные требования к научному стилю (название текста и его разделов не расходятся с содержанием, выводы соответствуют целям и задачам и т.д.), отсутствуют грубые ошибки (в том числе языковые), но не соблюдается критерий новизны. Иными словами, это обычные пролиферативные тексты, способствующие количественному умножению публикаций, но не качественному приращению знания» (Флоря 2019: 372).

А.В. Флоря считает, что главная цель эрзац-учёных, осознающих свою бесплодность и бездарность, – престижное положение в науке, власть и материальные блага (Флоря 2019: 373). На наш взгляд, с этим положением можно согласиться лишь отчасти. Иногда написание наукообразных статей для некоторых исследователей является в какой-то степени мерой даже вынужденной, например, в случаях, когда научную работу приходится совмещать с преподавательской, объём последней таков, что времени на исследования категорически не хватает, а для бюрократизированной отчётности необходимо продемонстрировать какие-то показатели (это не служит оправданием, но вызывает понимание). Есть у рассматриваемого явления и причины более глубокого, методологического характера, связанные

7 В случаях отдельных авторов ситуация ещё усугубляется заметным снобизмом «столичных» историков по отношению к провинциалам.

с размыванием в современном обществе понимания основной цели науки, как поиска объективной истины. В любом случае эрзац-учёный не противопоставляет себя мейнстриму в науке, скорее такое противопоставление его страшит.

В настоящее время непримиримым борцом с эрзац-наукой позиционирует себя О.Л. Губарев, посвятивший ей несколько статей (впрочем, мало различающихся по содержанию). Вот только определяющим критерием для отнесения к ней для О.Л. Губарева служит приверженность идеям антинорманизма. Действительно, ни в одной из работ «независимый историк» внятно не объясняет, в чём же ещё принципиальное отличие работ А.Г. Кузьмина и В.В. Фомина с одной стороны и Л.С. Клейна и В.Я. Петрухина – с другой, заставляющее уверенно заявлять, что у первых – эрзац-наука, а у вторых – настоящая наука. Ссылается он лишь на то, что у антинорманистов «работы... выполнены на чрезвычайно низком научном уровне» (Губарев 2015; 2017). Однако уровень квалификации историка-любителя О.Л. Губарева, не имеющего соответствующего профильного образования, позволяет сомневаться в достаточности его мнения для оценки уровня трудов, написанных докторами и кандидатами наук (Жих 2020: 115-134). А прочие претензии, предъявляемые О.Л. Губаревым антинорманистам (причём, сразу всем, без различия во взглядах, профессиональной подготовке, манере ведения дискуссии), такие как некритическое использование «удобных» источников и игнорирование «неудобных», вырывание из контекста отдельных цитат оппонента, склонность к широким обобщениям на основе фрагментарных сообщений письменных документов и отдельных археологических находок, отказ от дискуссии под предлогом ангажированности или непрофессионализма второй стороны спора, использование уничижительных ярлыков применительно к норманистам, агрессивная манера ведения спора – легко развернуть в противоположную сторону.

Несостоятельность конструкций О.Л. Губарева, впрочем, не отменяет того факта, что проблема эрзац-науки действительно существует, хотя и не является специфичной только для исследований по происхождению Руси. И решаться в идеале она должна комплексно, через изменение самого места науки в обществе, повышение её статуса, понимание задач и отказ от формально-бюрократических критериев к оценке деятельности исследователей при устроении требовательности к качеству работ и профессионализму авторов. Впрочем, это уже выходит далеко за границы тематики данной статьи.

ФИНАНСИРОВАНИЕ, ПРЕСТИЖНОСТЬ

В советский период хождение получило шутовское определение науки, приписываемое Л.А. Арцимовичу: «Наука – лучший способ удовлетворения собственного любопытства за государственный счёт». Времена изменились, и теперь, если счета у учёных и государства и не стали полностью раздельными, то в своих притязаниях на бюджет исследователям всё-таки пришлось серьёзно поумерить аппетиты сообразно с реалиями

капитализма. Реалии же эти вынуждают конкурировать не только на поле научного поиска в общей борьбе за истину, но и на приземлённом поле поиска источников финансирования, а второе мало когда идёт на пользу первому. И полностью обойти данный фактор вниманием было бы, пожалуй, проявлением лицемерия.

Оставим за скобками момент личного благополучия: наука в современных российских реалиях – это, мягко выражаясь, не самый очевидный путь к достатку, и те, кто главную цель видят именно в материальных благах, вступают на него редко, случайно и обычно быстро покидают. Мы глубоко убеждены, что как учёные-норманисты, так и их оппоненты в подавляющем большинстве – вполне искренне преданны интересам познания. Однако приоритетный доступ к финансированию в условиях ограниченных ресурсов – это обеспечение нормальной работы: гранты, средства на археологические раскопки, публикации монографических исследований и т.д. И в такой ситуации приходится ориентироваться на интересы «заказчика», будь то государство или какие-то коммерческие субъекты. Последнее находит иногда выражение в тенденции, отмеченной А.А. Селиным в статье, посвящённой «Староладожскому мифу» – стремлению «придать фактам (в том числе археологическим – Д.Л.) большее значение, чем те обладают». В результате «непроисходившее объявляется случившимся, и на таком шатком основании делаются далеко идущие выводы» (Селин 2012: 123). Среди причин такого положения дел А.А. Селин называет, в частности, такие как «ориентация менеджмента некоторых (археологических – Д.Л.) экспедиций на запросы малообразованных представителей разного уровня власти и администрации», а также некритическая трансляция «одного и того же текста в популярной и академической аудитории, что приводит к очевидной девальвации научного знания, а подчас и к компрометации самой археологической профессиональной деятельности. Современное медийное общество отводит археологии роль поставщика сенсаций вне зависимости от их идеологического крена». А следствием такого положения дел «становится появление “историографического мусора”, отсеять который от собственно научных публикаций без должной квалификации невозможно» (Селин 2012: 123).

Заметим также, что при учёте финансовой стороны вопроса имеет значение окупаемость, например, коль скоро речь зашла об археологии – привлекательность для туристов. И в этом плане «викинги» – гораздо более медийно «раскрученный» и перспективный «бренд», чем, скажем, балтийские славяне.

Кроме того, имеет значение (хотя по понятным причинам в последние годы уменьшившееся) и фактор международного признания и сотрудничества с зарубежными авторами и научными структурами, а это, помимо прочего, опять-таки дополнительные перспективы финансирования, плюс, через иностранные публикации, возможность повышения показателей наукометрии, которая в нашей стране продолжает оставаться во многом ориентированной на западные базы Scopus и Web of Science (причины этого, впрочем, – за пределами нашей темы). Понятно, что такое сотрудничество сильно

облегчается общностью подходов к историческим проблемам, в частности, проблеме скандинавского присутствия в Восточной Европе и происхождения Руси.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Написание научного текста в настоящее время является достаточно специфической языковой задачей, серьёзно ограничивающей исследователя в выборе выразительных средств. Порой создаётся впечатление, что дискуссия для некоторых учёных является основным полем для реализации своих нерастраченных литературных талантов. Это само по себе совсем не плохо, но порой в полемическом пылу возникает риск перейти черту, за которой стремление доказать фактическую или методологическую неправоту оппонента превращается в сведение личных счётов. Увы, острота взаимных претензий в спорах о начале Руси порой зашкаливает, что заставляет подозревать, что иногда мы имеем дело именно с такими случаями. И тут речь в равной степени об обеих сторонах. Как следствие, некоторые авторы, даже занимаясь Древнерусским государством, вообще стараются, насколько возможно, дистанцироваться от проблемы происхождения варягов. Показательна и понятна в этом смысле позиция С.В. Алексеева, который в своей капитальной монографии «Русь и восточные славяне в IX веке: источники и история», в частности, пишет: «Трёхвековая дискуссия об “анкетных данных” персонажа новгородских преданий Рюрика кажется сейчас почти абсурдной. Говорить о скандинавском его происхождении не больше и не меньше оснований, чем об упоминаемом в средневековых сагах славянском происхождении легендарных датских и шведских конунгов... Только непониманием механизмов политогенеза (в чём коллег подозревать сложно) можно объяснить отождествление основания династии и основания государства. Между тем оно встречается у представителей обоих лагерей постоянно. С таким постоянством, что невольно возникает мысль о работе “на публику” вместо работы на науку» (Алексеев 2024: 26).

Наверное, при большом желании и старании можно выяснить «кто первый начал» порочную практику перехода на личности и превращения научного спора в конфликт (или маскировки уже ранее возникшего конфликта под научный спор), однако к познанию такое разбирательство ровно ничего не прибавит, да и пододбает оно, скорее, практике воспитателя в дошкольном учреждении, чем серьёзным учёным. Естественно ничто человеческое профессиональным исследователям не чуждо, но субъективное отношение к тому или иному коллеге недопустимо экстраполировать на оценку его научных достижений.

Подводя итог, надо отметить, что перечисленные в статье факторы не являются изолированными друг от друга. Они взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены. Некоторые из них уже настолько тесно переплетены с собственно научной составляющей спора о варягах, что сами исследователи подчас не отдадут

себе отчёта в их наличии и влиянии на теоретические конструкции и выводы. До конца многие из них в принципе неустранимы.

Последнее, впрочем, не означает, что учёный не должен стремиться к минимизации их влияния на объективность полученных им результатов и их преподнесения. Важно подчеркнуть, что значение вненаучных факторов ещё тем сильнее, чем больше неопределённости в профессиональных кругах по поводу сущности самой науки, её целей и задач, а также отношения к объективной реальности⁸.

Закончить же можно лишь призывом к обеим сторонам «спора о варягах» сосредоточиться исключительно на профессиональных аргументах друг друга, ревизии имеющихся доказательств (в том числе с целью выяснить, насколько они изначально были действительно объективны), вынеся всё прочее за скобки. Призыв этот далеко не оригинальный, не первый и, судя по всему, не последний. Сложность его реализации нами хорошо осознаётся: взаимное отторжение сторон, однажды родившись, имеет свойство к самовоспроизведению. Но другого пути к постижению истины у науки нет и не будет.

8 О негативных последствиях попыток «субъективизации» понимания науки, вывода её за пределы диалектического противопоставления субъекта и объекта шла речь в нашей предшествующей статье в «Историческом формате» (Логонов 2025: 10-25).

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин, Мельникова 1985 - Авдусин Д.А., Мельникова Е.А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952-1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 199-211.
- Алексеев 2009 - Алексеев С.В. Славянская Европа V-VIII веков. М., 2009.
- Алексеев 2024 - Алексеев С.В. Русь и восточные славяне в IX веке: источники и история. М., 2024.
- Андерле 1961 - Андерле А. Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 85-95.
- Волков, Добреньков, Нечипуренко, Попов 2003 - Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: Учебник / Под редакцией профессора Ю.Г. Волкова. М., 2003.
- Горский 2012 - Горский А.А. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Исторический вестник. Т. 1 (148). М., 2012. С. 6-21.
- Грот 2012 - Грот Л.П. Призвание варягов: Норманнская лжеистория и правда о князе Рюрике. М., 2012.
- Губарев 2015 - Губарев О.Л. Рождение эрзац-науки: современная отечественная медиевистика и общество. 2015 / Электронный ресурс: <https://www.trv-science.ru/2015/12/rozhdenie-ehsatz-nauki/> (Дата обращения – 12.08.2025).
- Губарев 2015а - Губарев О.Л. «Неонорманизм» или «неоантинорманизм»? // Stratum plus. 2015. № 5. С. 351-355.
- Губарев 2017 - Губарев О.Л. Еще раз об эрзац-науке в медиевистике. 2017 / Электронный ресурс: <https://www.trv-science.ru/2017/08/esche-raz-ob-erzas-nauke-v-medievistike/> (Дата обращения – 12.08.2025).
- Губарев 2024 - Губарев О.Л. Слепота невнимания неоантинорманизма // История и современность. 2024. № 4. С. 79-94.
- Данилевский 1998 - Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). Курс лекций. М., 1998.
- Жих 2020 - Жих М.И. О недопустимости дилетантизма в исторической работе. По поводу статьи: Губарев О.Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Исторический формат. 2020. № 4. С. 115-134.
- Классен 1854-1861 - Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Русов до рюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. I-III. М., 1854-1861.
- Клейн 2009 - Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.
- Клейн 2015 - Клейн Л.С. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? // Stratum plus. 2015. № 5. С. 345-349.
- Клейн 2018 - Клейн Л.С. Антинорманизм как проявление «научного патриотизма». 2018 / Электронный ресурс: <https://www.trv-science.ru/2018/05/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma/> (Дата обращения – 12.08.2025).
- Клейн, Лебедев, Назаренко 1970 - Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв. / Под редакцией Н.Е. Носова, И.П. Шаскольского. Л., 1970. С. 226-252.
- Ключевский 1983 - Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Кренке, Каинов 2023 - Кренке Н.А., Каинов С.Ю. О смоленской берестяной грамоте № 11 с «руническим письмом» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3. С. 99-105.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.
- Логинов 2025 - Логинов Д.С. Проблемы современного исторического познания в России в контексте общего состояния науки // Исторический формат. 2025. № 1. С. 10-25.
- Мельникова 2001 - Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Мельникова 2009 - Мельникова Е.А. Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. 2009. № 3. С. 56-58; № 5. С. 55-57.
- Назаренко 2009 - Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Николаев 2017 - Николаев С.Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имён северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7-54.
- Петрухин 2014 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014.
- Платонова 2017 - Платонова Н.И. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex ungue leonem. Сборник к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., 2017. С. 203-222.
- Романчук 2013 - Романчук А.А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия) // Вестник Камского института гуманитарных и инженерных технологий. Серия 6. Отечественная история. Методы исторического исследования. История науки и техники. 2013. № 6 (36). С. 73-131.
- Романчук 2024а - Романчук А.А. «Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства // История и современность. 2024. № 1. С. 82-99.
- Романчук 2024б - Романчук А.А. Ответ О.Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии // История и современность. 2024. № 4. С. 95-133.
- Селин 2012 - Селин А.А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). С. 117-126.
- Томсинский 2014 - Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5. С. 357-370.
- Томсинский 2017 - Томсинский С.В. Чего и следовало ожидать: снова о том же (по поводу ленинградского неонорманизма и статьи Н.И. Платоновой) // Исторический формат. 2017. № 3-4. С. 154-174.
- Флоря 2019 - Флоря А.В. Языковые маркеры симулякров науки // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2019. Т. 29. № 3. С. 371-376.

Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин 2025 - Фомин В.В. Антинорманизм: Наука против лжи. В двух томах. Т. 1-2. М., 2025.

Энгельс 1961 - Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. М., 1961. С. 23-178.

REFERENCES

Alekseev 2009 - Alekseev S.V. Slavyanskaya Evropa V-VIII vekov [Slavic Europe of the 5th-8th centuries], Moscow, 2009 [in Russian].

Alekseev 2024 - Alekseev S.V. Rus' i vostochnye slavyane v IX veke: istochniki i istoriya [Russia and the Eastern Slavs in the 9th century: sources and History], Moscow, 2024 [in Russian].

Anderle 1961 - Anderle A. Iz istorii ideologicheskoy podgotovki gitlerovskoj agressii protiv SSSR [From the history of the ideological preparation of Hitler's aggression against the USSR], in: Voprosy istorii [History issues], 1961, № 6, pp. 85-95 [in Russian].

Avdusin, Mel'nikova 1985 - Avdusin D.A., Mel'nikova E.A. Smolenskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952-1968 gg.) [Smolensk letters on birch bark (from the excavations of 1952-1968)], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1984 god [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research. The year 1984], Moscow, 1985, pp. 199-211 [in Russian].

Danilevskij 1998 - Danilevskij I.N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX-XII vv.). Kurs lekciy [Ancient Russia through the eyes of contemporaries and descendants (IX-XII centuries). A course of lectures], Moscow, 1998 [in Russian].

Engel's 1961 - Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The origin of the family, private property and the state. In connection with the research of Lewis G. Morgan], in: K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [The essays], Vol. 21, Moscow, 1961, pp. 23-178 [in Russian].

Florya 2019 - Florya A.V. YAzykovye markery simulyakrov nauki [Linguistic markers of simulacra of science], in: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya» [Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology"], 2019, Vol. 29, № 3, pp. 371-376 [in Russian].

Fomin 2005 - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: The results of the discussion on the Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Fomin 2025 - Fomin V.V. Antinormanizm: Nauka protiv lzhi. V dvuh tomah [Anti-Normanism: Science against Lies. In two volumes], Vol. 1-2, Moscow, 2025 [in Russian].

Gorskij 2012 - Gorskij A.A. Priglasenie Ryurika na knyazhenie i ego mesto v processe skladyvaniya russkoj gosudarstvennosti [Rurik's invitation to reign and his place in the process of shaping Russian statehood], in: Istoricheskij vestnik [Historical bulletin], Vol. 1 (148), Moscow, 2012, pp. 6-21 [in Russian].

Grot 2012 - Grot L.P. Prizvanie varyagov: Normanskaya lzhetoriya i pravda o knyaze Ryurike [The Vocation of the Varangians: The Norman False Theory and the truth about Prince Rurik], Moscow, 2012 [in Russian].

Gubarev 2015 - Gubarev O.L. Rozhdenie erzac-nauki: sovremennaya otechestvennaya medievistika i obshchestvo [The Birth of Ersatz Science: Modern Russian Medieval Studies and Society], 2015, Electronic resource: <https://www.trv-science.ru/2015/12/rozhdenie-ehsatz-nauki/> (Date of access – 12.08.2025) [in Russian].

Gubarev 2015a - Gubarev O.L. «Neonormanizm» ili «neoantinormanizm»? ["Neo-Normanism" or "Neo-Antinormanism"?], in: Stratum plus, 2015, № 5, pp. 351-355 [in Russian].

Gubarev 2017 - Gubarev O.L. Eshche raz ob erzac-nauke v medievistike [Once again about ersatz science in medieval studies], 2017, Electronic resource: <https://www.trv-science.ru/2017/08/esche-raz-ob-erzac-nauke-v-medievistike/> (Date of access – 12.08.2025) [in Russian].

Gubarev 2024 - Gubarev O.L. Slepota nevnimaniya neoantinormanizma [The Blindness of Neoantinormanism's inattention], in: Istoriya i sovremennost' [History and modernity], 2024, № 4, pp. 79-94 [in Russian].

Klassen 1854-1861 - Klassen E.I. Novye materialy dlya drevnejshoj istorii slavyan voobshche i Slavyano-Rusov do ryurikovskogo vremeni v osobennosti s lyogkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Hristova [New materials for the ancient history of the Slavs in general and the], Vol. I-III, Moscow, 1854-1861 [in Russian].

Klejn 2009 - Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties], Saint-Petersburg, 2009 [in Russian].

Klejn 2015 - Klejn L.S. Leningradskij neonormanizm – v samom dele? [Leningrad neo-Normanism, really?], in: Stratum plus, 2015, № 5, pp. 345-349 [in Russian].

Klejn 2018 - Klejn L.S. Antinormanizm kak proyavlenie «nauchnogo patriotizma» [Anti-Normanism as a manifestation of "scientific patriotism"], 2018, Electronic resource: <https://www.trv-science.ru/2018/05/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma/> (Date of access – 12.08.2025) [in Russian].

Klejn, Lebedev, Nazarenko 1970 - Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A. Normanskije drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennoj etape arheologicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kievan Rus at the present stage of archaeological study], in: Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii. IX-XX vv. / Pod redakciy N.E. Nosova, I.P. Shaskolskogo [Historical ties between Scandinavia and Russia. IX-XX centuries / Edited by N.E. Nosov, I.P. Shaskolsky], Leningrad, 1970, pp. 226-252 [in Russian].

Klyuchevskij 1983 - Klyuchevskij V.O. Neopublikovannye proizvedeniya [Unpublished works], Moscow, 1983 [in Russian].

Krenke, Kainov 2023 - Krenke N.A., Kainov S.YU. O smolenskoj berestyanoj gramote № 11 s «runicheskimi pis'mom» [About the Smolensk birch bark letter No. 11 with the "Runic script"], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2023, № 3, pp. 99-105 [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

- Loginov 2025** - Loginov D.S. Problemy sovremennogo istoricheskogo poznaniya v Rossii v kontekste obshchego sostoyaniya nauki [Problems of modern historical knowledge in Russia in the context of the general state of science], in: Istoricheskij format [Historical format], 2025, № 1, pp. 10-25 [in Russian].
- Mel'nikova 2001** - Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nahodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic inscriptions: New findings and interpretations. Texts, translation, commentary], Moscow, 2001 [in Russian].
- Mel'nikova 2009** - Mel'nikova E.A. Renessans srednevekov'ya? Razmyshleniya o mifotvorchestve v sovremennoj istoricheskoy nauke [The Renaissance of the Middle Ages? Reflections on myth-making in modern historical science], in: Rodina [Homeland], 2009, № 3, pp. 56-58; № 5, pp. 55-57 [in Russian].
- Nazarenko 2009** - Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya) [Ancient Russia and the Slavs (historical and philological studies)], Moscow, 2009 [in Russian].
- Nikolaev 2017** - Nikolaev S.L. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoy fonetike imyon severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v «Povesti vremennyh let» [On the etymology and Comparative historical phonetics of Names of North German (Scandinavian) Origin in The Tale of Bygone Years], in: Voprosy onomastiki [Onomastics issues], 2017, Vol. 14, № 2, pp. 7-54 [in Russian].
- Petruhin 2014** - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Russia in the 9th-10th centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith], Moscow, 2014 [in Russian].
- Platonova 2017** - Platonova N.I. «Neonormanizm», postmodernizm i Slavyano-varyazhskij seminar: razmyshleniya arheologa ["Neo-Normanism", Postmodernism and the Slavic-Varangian seminar: reflections of an archaeologist], in: Ex ungue leonem. Sbornik k 90-letiyu L.S. Klejna [Collection dedicated to the 90th anniversary of L.S. Klein], Saint-Petersburg, 2017, pp. 203-222 [in Russian].
- Romanchuk 2013** - Romanchuk A.A. Varyago-russkij vopros v sovremennoj diskussii: vzglyad so storony (polnaya versiya) [Russian-Varyago question in the modern discussion: an outside view (full version)], in: Vestnik Kamskogo instituta gumanitarnyh i inzhenernyh tekhnologij. Seriya 6. Otechestvennaya istoriya. Metody istoricheskogo issledovaniya. Istoriya nauki i tekhniki [Bulletin of the Kama Institute of Humanities and Engineering Technologies. Series 6. National history. Methods of historical research. History of science and technology], 2013, № 6 (36), pp. 73-131 [in Russian].
- Romanchuk 2024a** - Romanchuk A.A. «Slepye pyatna» normanistskih gipotez v probleme vznikoveniya Drevnerusskogo gosudarstva [The "blind spots" of the Norman hypotheses in the problem of the emergence of the Ancient Russian State], in: Istoriya i sovremennost' [History and modernity], 2024, № 1, pp. 82-99 [in Russian].
- Romanchuk 2024b** - Romanchuk A.A. Otvet O.L. Gubarevu i nekotorye drugie voprosy varyago-russkoj diskussii [O.L. Gubarev's answer and some other questions of the Varangian-Russian discussion], in: Istoriya i sovremennost' [History and modernity], 2024, № 4, pp. 95-133 [in Russian].
- Selin 2012** - Selin A.A. Staroladozhskij mif v akademicheskom diskurse poslednih let [The Old Ladoga myth in the academic discourse of recent years], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2012, № 1 (11), pp. 117-126 [in Russian].
- Tomsinskij 2014** - Tomsinskij S.V. Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi [Leningrad Neo-Normanism: origins and results], in: Stratum plus, 2014, № 5, pp. 357-370 [in Russian].
- Tomsinskij 2017** - Tomsinskij S.V. CHego i sledovalo ozhidat': snova o tom zhe (po povodu leningradskogo neonormanizma i stat'i N.I. Platonovoj) [It was to be expected: more of the same (Leningrad's neo-normanist theory and N.I. Platonova's publications)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 154-174 [in Russian].
- Volkov, Dobren'kov, Nechipurenko, Popov 2003** - Volkov YU.G., Dobren'kov V.I., Nechipurenko V.N., Popov A.V. Sociologiya: Uchebnyj / Pod redakciej professora YU.G. Volkova [Sociology: Textbook / Edited by Professor Yu.G. Volkov], Moscow, 2003 [in Russian].
- ZHih 2020** - ZHih M.I. O nedopustimosti diletantizma v istoricheskoy rabote. Po povodu stat'i: Gubarev O.L. K diskussii o plemennyh soyuzah i politogeneze vostochnyh slavyan do Ryurika [Unacceptability of diletantism in historical work. A review of the article by O.L. Gubarev To the discussion of tribal unions and politogenesis of the Eastern Slavs before Ryurik], in: Istoricheskij format [Historical format], 2020, № 4, pp. 115-134 [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич

– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Рязань, Россия).

Dmitry Loginov

– Candidate of historical sciences, associate professor of departments of philosophy and history Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russia).

dimok_star@mail.ru

ЭКСПАНСИОННАЯ «САМООБОРОНА» – ДЕЙСТВИЯ «ОМАКАЙТСЕ» НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.Ю. Алексеев

Независимый исследователь (Москва, Россия)
e-mail: nik_aleks_90@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена деятельности парамилитаристской организации «Омакайтсе» на севере оккупированной Псковской области в период с 1941 по 1944 гг. В рамках работы автор делает акцент на том, что «Омакайтсе» является не просто подразделением вспомогательной полиции, а коллаборационистским органом, причастным к военным преступлениям против советских граждан. В данной статье представлены рассекреченные материалы уголовного дела АА-1946, хранящиеся в архиве УФСБ по Псковской области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Эстонские коллаборационисты, военные преступления против советских граждан, Омакайтсе, Самооборона, оккупация Псковской области.

EXPANSIONIST «SELF GUARD» – OPERATIONS BY THE OMAKAITSE IN THE NORTHERN PART OF THE PSKOV REGION

Nikita Alekseev

Independent researcher (Moscow, Russia)
e-mail: nik_aleks_90@mail.ru

ABSTRACT

The paper is about the activities of the Omakaitse paramilitarist organization in the northern part of the occupied Pskov region from 1941 to 1944. Within the framework of this study, the author emphasizes that the Omakaitse was not merely an auxiliary police unit, but a collaborationist body involved in war crimes against Soviet citizens. The article presents declassified materials from criminal case AA-1946, currently held in the archive of the Directorate of the Federal Security Service for the Pskov Region.

KEYWORDS: Estonian collaborators, war crimes against Soviet citizens, Omakaitse, Self-Guard Forces, occupation of the Pskov region.

«Омакайтсе» (пер. эст. Самооборона) – эстонская парамилитаристская организация, созданная в июле 1941 года «лесными братьями» сразу же после отступления РККА на восток. Изначально личный состав «Самообороны» набирался из добровольцев без каких-либо требований, но с течением времени добавились несколько формальностей: кандидату надо было подписать бумагу о том, что он не является членом коммунистической партии, а также предоставить две рекомендации от действующих бойцов движения.

Стоит отметить, что изначально не существовало каких-либо единых правил формирования местного отделения организации, как в принципе и не было уставов или методик по ведению боевых действий. Но при всем этом уездные отделения «Омакайтсе» создавались примерно по одному и тому же пути: уездная «Самооборона» делилась на батальоны (районы или отдельные регионы уезда), а те, в свою очередь, на роты (округа).

Отделения организации были созданы в 12 эстонских уездах (Эстонская «Омакайтсе» с июля 1941 г. по 1 января 1943 г., Эстонский государственный архив (ERA). R 358-1-34. С. 4): в Пярну, Валке, Тарту, Выру, Вильянди, Виру, Нарва, Ярва, Таллинн-Нымме, Лаане, Харью и Сааремаа. Также один из штабов «Омакайтсе» был создан на территории г. Печоры современной Псковской области.

Помимо добровольных территориальных подразделений, существовали также и отделения организации, получавшие заработную плату. Так, отделение Таллинн-Нымме получало деньги за «службу» и размещалось в казармах.

Стоит также отметить и численность организации: на 15 июля 1941 года в организации было 10 200 человек; к 15 мая 1943 того же года численность выросла практически вдвое до 40 600 человек (Sich.-Div. 207, Kriegsgliederungen des estn. Selbstschutzes, 18.06.1943, la Az. 55 Nr. 961/43 geh., BA MA RH 26-207 / 22b) и держалась

на этом уровне вплоть до февраля 1944 года – то есть, до создания 20-ой (1-ой эстонской) добровольческой пехотной дивизии СС.

Как пишут эстонские историки (Kuusik 2006: 797-806), главной задачей «Омакайтсе» было обеспечение безопасности тыловой зоны группы армий «Север» в Эстонии. Уже с лета 1941 года, а конкретно с 2 августа, приказом главнокомандующего группой армий «Север» «Самооборона» стала находиться под командованием Вермахта. Уездных командиров «Самообороны» назначали немецкие полевые и местные коменданты.

Вскоре начала формироваться структура организации: так, 22 сентября глава министерства внутренних дел Эстонского самоуправления Оскар Ангелус назначил Йоханнеса Соодла начальником полиции и «Омакайтсе». 28 октября 1941 года в администрации полиции и «Омакайтсе» произошло структурное оформление: были созданы три отдела и четыре инспекции, одной из которых была инспекция «Самообороны». 9 января 1942 года «Омакайтсе» была передана немецкой полиции порядка (Ordnungspolizei – нем.) под контролем главы СС и полиции в рейхскоммисариате «Остланд» (Kuusik 2006: 797-806). С 1 марта 1942 года была установлена новая структура администрации полиции и «Омакайтсе», в которой инспекции были упразднены и оставлены только департаменты. «Омакайтсе» стала третьим департаментом и была поделена на три секции: А – управление, В – подготовка и С – организация и руководство (Kuusik 2006: 797-806).

В июле 1942 года Хяльмар Мяз, глава Эстонского самоуправления, преобразовал управление полиции и «Омакайтсе» в Эстонское полицейское управление, возглавляемое начальником полиции (Эстонское полицейское управление, Главное управление «Омакайтсе», Журнал боевых действий с 1 января 1942 по 31 декабря 1943 год, ERA R 358-2-8. С. 28). Управление было разделено на шесть главных отделов, четвёртым из которых был Главный отдел «Омакайтсе». К существующим трём подотделам отдела «Омакайтсе» был добавлен четвёртый – общий отдел (Kuusik 2006: 797-806).

В августе того же года организация начала принимать более военизированную структуру. Так, 1 августа уездные подразделения «Омакайтсе» были преобразованы в территориальные полки, которые были подчинены местным отделениям полиции. С 6 августа полки «Самообороны» делились на батальоны, а те, в свою очередь, на роты.

1 декабря 1942 года подразделения «Омакайтсе» приказом командира немецкой полиции порядка были преобразованы в охранные батальоны, а бойцов обязали принять присягу и подписать бессрочные контракты. Таким образом было сформировано 7 батальонов, два из которых были соединены с оставшимися пятью. С 1 февраля 1942 года данные батальоны были выведены из структуры «Самообороны» и переданы командующему тыла группы армий «Север» (Эстонская «Омакайтсе» с июля 1941 г. по 1 января 1943 г., Эстонский государственный архив (ERA). R 358-1-34. С. 20) и немецкой полиции порядка.

1 марта 1943 года «Омакайтсе» было отделено от полицейского управления, и был создан отдельный штаб «Омакайтсе» (Ametlik Teataja. I/II osa = Amtlicher Anzeiger. I/II Teil 4; 1943-03-09).

Таким образом, может сложиться мнение, что «Омакайтсе» представляла из себя что-то сродни вспомогательной полиции, находившейся на территории Эстонии и следившей за тылом немецких дивизий. Дело в том, что основная исследовательская деятельность по вопросу участия «Омакайтсе» в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом осуществляется эстонскими исследователями – именно поэтому автор данной работы на них и ссылается. Очевидно, что эстонским историкам выгодно сохранить только позитивные или нейтральные свидетельства о действиях их дедов и прадедов. Но помогло в установлении исторической истины Управление ФСБ по Псковской области, раскрыв данные уголовного дела АА-1946, прямо свидетельствующего о том, что «Омакайтсе» вовсе не являлась организацией «самообороны», а наоборот – активно участвовала в военных преступлениях против жителей севера Псковской области, и, более того, считая данную территорию своей.

После занятия нацистами Псковской области главная роль в поддержке оккупационного режима была отведена эстонским коллаборационистам. Если первые эстонские охранные батальоны были направлены на территорию Псковщины лишь осенью (Алексеев 2021: 272-300), то «Омакайтсе» начала свою деятельность на севере области еще в августе:

Из протокола допроса Рямсона Акселя Рубиновича (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 51-53):

«В августе 1941 года я добровольно вступил в созданную немцами военно-фашистскую организацию “Омакайтсе”, в составе которой под руководством командира батальона “Омакайтсе”. Петерсона участвовал в облавах, арестах и расстрелах партизан и коммунистов».

Об этом свидетельствует также и другой обвиняемый (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133).

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:

«Вопрос: - Расскажите, при каких обстоятельствах и когда вы вступили в военно-фашистскую организацию “Омакайтсе”?»

- Примерно в августе 1941 года к нам в деревню из поселка Мехикорма, что на эстонском берегу, прибыл вооруженный отряд, которым командовал эстонец по фамилии Отс. Он собрал всех эстонцев, которые жили не только у нас, но и в деревне Казаковец и сказал, что каждый мужчина должен вступить в его отряд для борьбы против партизан. Он говорил: если вы не вступите, то «партизаны вас всех перебьют». Первым записался Петерсон Отто (ему было лет 40-45), потом я. Следом – мой двоюродный брат Альфред Вент, Освальд Отт. Всего человек 12(...).

В своих показаниях Вент также достаточно подробно описывает структуру «Омакайтсе» на Псковском берегу Псковского озера (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133).

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:
«(...)Отряды “Омакайтсе” были сформированы в деревнях Самолва и Яновы Заходы. В батальон входило человек 40, и он подчинялся штабу “Омакайтсе”, который располагался в Изменке. Позднее в отряд вступили и некоторые другие жители деревни Казаковец и Власова Грива: Хюссон, Кюляотс, Югансон и Кыйв. Аналогичные отряды “Омакайтсе” были созданы в деревнях Яновы Заходы и Самолва.

Вопрос: - Расскажите о структуре и организации военно-фашистской организации «Омакайтсе», в которой вы состояли.

- “Омакайтсе” Самолвовской волости состояла из батальона, который делился на три взвода. Командиром батальона был Петерсон Отто Данилович из деревни Луг. Взводы квартировались в деревнях Луг, Яновы Заходы и Самолва. Затем из бойцов моего взвода было образовано отделение “Омакайтсе” в деревне Казаковец. В деревне Яновы Заходы командиром отделения был Аксель Ряммер, в деревне Самолва – Андрей Редьков, а в Казаковце – Климаск Вольдемар. Наш батальон был подчинен штабу “Омакайтсе” волости Мекси Тартуского уезда Эстонской ССР. Начальником штаба был эстонец по фамилии Отс. Он подчинялся начальнику штаба, который располагался в Тарту. Всего в батальоне было до 40 человек. У нас на вооружении были винтовки и один ручной пулемет. Винтовками были обеспечены все бойцы. При этом на каждую винтовку выдавалось от 10 до 15 патронов».

Таким образом, уже можно прийти к выводу о том, что о «самообороне» речь идти не может – это настоящая поддержка немецкой оккупации на захваченной территории.

Из допроса свидетеля, жителя деревни Луг Самолвовского сельсовета Середкинского района Рямсона Александра Карловича (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 51-53):

«(...) – Как мне известно, Оскар Вент, Отт Освальд и Альфред Вент входили в состав карательного отряда. (...)

Их предательская деятельность заключалась еще и в том, что во время сходов они постоянно вели агитацию в пользу немцев и возводили клевету на коммунистов. Так, осенью 1941 года Оскар Вент проводил собрание и говорил, что “нужно сдавать в пользу немецкой армии теплые вещи. Досрочно выполнить все обязательные поставки, как-то: хлеб, мясо, масло, яйца”. Говорили также, чтобы мы не ждали коммунистов, потому что им “гроб и крышка и теперь власть в наших руках!”. На этом собрании также сидели Освальд Отт и Альфред Вент. Потом они также неоднократно проводили собрания и постоянно говорили, что “немцам нужно помогать” и не надо ждать коммунистов».

Более того, есть прямое признание Вента в том, что «Омакайтсе» занималась исключительно коллаборационистской деятельностью на оккупированных территориях Псковской области (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133):

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:

«Вопрос: - Какие функции и обязанности выполнял отряд “Омакайтсе”?»

- В нашу задачу входило поддержание режима, установленного немцами на территории Середкинского района. При этом отряды “Омакайтсе” проводили обыски, аресты, конвоирование задержанных партизан в тюрьму поселка Мехикорма; выявление и задержание военнослужащих Советской Армии, бежавших из плена. А также участие в боях против партизан, в составе дружных подразделений “Омакайтсе».

Стоит отметить, что это скромное признание не отражает полноты действий «Самообороны» на территории Середкинской волости. Помимо вышесказанного, коллаборационисты (более того – в большинстве своем, эстонцы из числа населения, живущего на псковском берегу Псковского озера) промышляли натуральным рэккетом и обманом населения.

Из постановления о предъявлении обвинения Рямсону Акселю Рубиновичу:

«В составе указанной организации в 1941-1942 гг. с оружием в руках принимал активное участие в облавах, засадах и расстрелах партизан, коммунистов и советских активистов, а также разграблении их имущества на территории Середкинского района. В частности, в сентябре 1941 года Рямсон с группой членов “Омакайтсе” прибыл в деревню Чудская Рудница(...) произвел обыск в доме партизана Власова, забрав при этом 6 летних и зимних пальто, три мужских костюма, три отреза на костюмы, белье, обувь и другие носильные вещи(...)».

Вряд ли в приведенных выше деяниях можно найти какой-то подвиг. Более того, Рямсон сотрудничал с немецкой контрразведкой с целью сохранения велосипеда, который оккупационные власти хотели изъять (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. Д. 7-9, 20-21, 31-33, 52).

Из протокола допроса от 19 марта 1948 года:

«Вопрос: - Какие вы еще получали задания от Петерсона? И в частности, получали вы задания разведывательного характера?»

- Да... Примерно с весны 1943 года Петерсон давал мне задания по выявлению среди населения лиц, которые вели советскую пропаганду, прятали оружие и радиоприемники. Обо всем услышанном я должен был сообщать ему. В то время он был начальником волости.

Вопрос: - Следовательно, вы работали тайным агентом у Петерсона?»

- Да, я работал тайным агентом у начальника немецкой полиции.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были завербованы в качестве агента немецких контрразведывательных органов?»

- Примерно в августе 1943 года Петерсон вызвал меня к себе в волость в деревню Луг. Он передал мне записку о явке к нему и сдаче велосипеда. Я попросил меня оставить велосипед. Я ему сказал, что “мог бы работать у вас, но только не забирайте у меня велосипед”. На что Петерсон ответил: “Хорошо, будешь работать у меня тайным агентом, только тогда мы оставим тебе велосипед”. Я согласился с его предложением, сказав, что “буду его тайным агентом”. (...)».

К сожалению, таковым на территории Псковской области отличился не только Рямсон. Другой фигурант дела, Хюссон Рихард Петрович, активно участвовал в облавах, обысках, задержаниях и конвоировании советских граждан на территории севера Псковской области (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. Д. 94-95, 105).

Из обвинительного заключения Хюссона Рихарда Петровича:

«(...) В сентябре 1941 в составе отряда “Омакайтсе” Хюссон принимал участие в бою с партизанами в районе деревни Подборье. Тогда же, вместе с другими бойцами отряда, обвиняемыми Вент Оскаром, Отт Освальдом, Вент Альфредом, Яксон Робертом в деревне Теребище участвовали в облаве и захвате партийных активистов Мухина Николая, Мухина Ивана, Торикова Михаила и др. В тот же период Хюссон вместе с другим бойцом отряда Хантсманом Самуилом участвовал в аресте Бардина Александра. Осенью 1941 года Хюссон по указанию начальника штаба “Омакайтсе” принимал участие в конвоировании из деревни Луг в деревню Яновы Заходы арестованных советских граждан: Мурову Елену, Кононову Анастасию, Петрова Павла и Рябикова Ивана. В начале ноября 1941 года в деревне Красная Горка Теребищенского с/совета Хюссон вместе с другим членом отряда “Омакайтсе” Морозовым принимал участие в аресте и конвоировании в деревню Луг советских граждан: Михайлова, Андреева, Никитина и Грошева по подозрению в связи с партизанами. Впоследствии Михайлов, бывший председатель Теребищенского с/совета, был расстрелян в поселке Мерикорма (Изменка) Эстонской ССР(...).

Кроме того, Хюссон обманным путем получал от родственников арестованных советских граждан, содержащихся в тюрьме поселка Изменка, ценности и носильные вещи, якобы для передачи уже после того, как эти люди были расстреляны. На самом деле все эти ценности он присваивал себе. Таким образом, в феврале 1942 года были получены и присвоены от гражданки Малешинной Анны, жительницы деревни Курокша, 150 рублей, мужской костюм, две пары белья. В тот же день от семьи Гавриловых из деревни Кузовщина были получены и присвоены 300 рублей, двое мужских брюк, две пары белья(...).

Важно отметить также и то, костяком «Омакайтсе» на территории Псковской области были не местные жители из числа эстонцев, а жители Эстонской ССР – они принимали непосредственное участие в боях с партизанами, а также в карательных акциях против местного населения (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133).

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:

«(...) Примерно в августе 1941 года я в составе своего отряда под командованием командира батальона Петерсона и капитана уездного штаба “Омакайтсе” Лихтесалу участвовал в боях против партизан в районе деревни Подборье. Тогда было убито двое эстонцев и двое – членов “Омакайтсе” из Эстонской ССР – рано. Их фамилии я не помню. Партизаны тогда отступили в глубь леса, поэтому об их потерях нам ничего не было

известно. Из числа бойцов “Омакайтсе” нашего батальона кроме командира Петерсона в этом бою принимали участие Альфред и Александр Тепо, Альфред Вент, Фридрих Кюлаотс, Климаск Вольдемар, Рихард Хюссон, Освальд Отт, Морозов Михаил, Ряммер Аксель, Сольник Оскар, Сольня Альфред, Васильев Александр, Миксон Альфред. Кто еще – не помню, а эстонцев сводного отряда “Омакайтсе” Тартуского уезда я никого не знал. Всего в том бою принимало участие до 300 человек отряда самообороны».

Вент также прямо свидетельствует о карательных акциях, проводимых членами «Омакайтсе» (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133).

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:

«В конце августа (или начале сентября) я принимал участие в расстреле и сожжении коммунистки Михельсон Дарьи в деревне Самолва. Это было при следующих обстоятельствах: в деревню Луг, к командиру “Омакайтсе” Петерсону пришел другой командир взвода Редьков Андрей из деревни Самолва. Туда же были вызваны Альфред Тепо, Освальд Отт, Альфред Вент и Федор Пукс. В присутствии всех вышеперечисленных лиц Петерсон обратился к Протину Николаю из поселка Мехикорма и сказал, что нужно пойти в Самолву, задержать коммунистку Михельсон Дарью и на месте расстрелять. Одновременно сжечь дом скрывавшейся коммунистки Марии Олада. В тот же день наша группа приехала в Самолву. Потом туда приехал на велосипеде из деревни Луг Альфред Рямсон. Наша группа членов “Омакайтсе” подошла к дому Михельсон. Редьков Андрей, Протин Николай и его группа зашли в дом, а мы остались на улице. В доме Михельсон был проведен обыск, Дарья была арестована и отведена в дом Марии Олада, где Протин расстрелял Дарью из винтовки. Потом член “Омакайтсе” из его группы по имени Ян (фамилию его я не помню) зажег соломенную крышу дома, который сгорел вместе с трупом убитой Михельсон. После этого мы вернулись в деревню Луг».

Данная карательная акция является не единственной. Забегая вперед, стоит сказать, что только на территории Середкинского района членами «Омакайтсе» было сожжено 23 дома и убито 59 человек (11 – непосредственно лицами, проходящими обвиняемыми по уголовному делу).

В своих показаниях Вент свидетельствует и о натуральном бандитизме членов «Самообороны» (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 129-133).

Из протокола допроса Вента Оскара Рубиновича:

«В октябре 1941 года староста деревни Чудские Рудницы Муров донес Петерсону, что жители его деревни Власов, Виктор и Романов являются партизанами. Об этом мне стало известно от Петерсона. Последний приказал нам отобрать все имущество, находящееся в домах, а сами дома сжечь. В мое распоряжение Петерсон выделил из деревни Яновы Заходы Акселя Рямсона, Сольник Оскара, из деревни Луг Альфреда Тепо, Освальда Отта, Альфреда Вента, Фридриха Кюлаотса. Кроме того, среди нас было человек 10 из отряда “Омакайтсе” из Эстонской ССР – их фамилии я не помню. Старшим группы был я. Мы пришли в эти дома и потре-

бовали, чтобы нам выдали своих сыновей-партизан. Одновременно я предупредил, что мы сожжем их дома. Поскольку партизан в доме не было, а их семьи после наших угроз убежали, то мы забрали все имущество, а дома сожгли. Я помню, что в доме у партизана Викторова, мы взяли около 3-х пудов свинины и одну овцу. Кроме того, эстонцами из отряда «Омакайтсе», из Эстонии были забраны носильные вещи – какие, не знаю, но все было уложено в мешки.

Примерно в октябре Петерсон вызвал меня и сказал, что ему донесли, что в Курокшском сельском совете проживают двенадцать человек из партийного и советского актива, которые поддерживают связь с партизанами. Нужно их арестовать. При этом Петерсон передал мне список подозрительных. Кроме моих бойцов к нам на помощь приехали еще человек 10 из Эстонии, командиром у них был некий Луги. После этого в Курокшской волости из деревень Курокша, Осатно, Мтеж, Зазыбеные мы забрали по имеющемуся списку 12 человек (их фамилии я не помню) и на лодках доставили в поселок Путьково. Потом их перевезли в Мехикорма. Во время обыска у одного из задержанных – бывшего продавца – мы нашли и забрали 25 тысяч рублей, которые мы разделили между членами нашего отряда(...)

– В деревне Казаковец нами была арестована бывшая заведующая клубом Алидия Экс, которую вместе с восьмилетней дочерью расстреляли бойцы моего взвода Вольдемар Климаск и Освальд Отт (позже следствие установило, что третьим участником акции был и сам Оскар Вент – прим. авт.). В той же деревне в октябре 1941 года был расстрелян и комсомолец Михаил Архипов в возрасте 16 лет. Расстреляли его члены «Омакайтсе» из Эстонии. (...).

Факт разграбления бывшего продавца, а также сожжения его дома подтверждает Освальд Петрович Отт, фигурант уголовного дела (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 52, 69, 74, 78-79, 87-89, 95, 104).

Из протокола допроса Отт Освальда Петровича:

«Вопрос: - Осенью 1941 года вместе с Оскаром Вентом в деревне Зазыбеные Курокшского сельского совета вы принимали участие в аресте бывшего продавца магазина Жарова и его сына, а также разграблении их имущества и сожжении их дома?

- Да, осенью 1941 года, в каком месяце, я не помню, вместе с Оскаром Вентом, Вольдемаром Климаском, Тепо Альфредом, а также членами «Омакайтсе» из Эстонской ССР (их фамилии я не знаю), в деревне Зазыбеные я принимал участие в аресте бывшего продавца магазина, а также сожжении их дома. Я все время стоял с винтовкой около дома с целью охраны от возможного нападения и никого из населения не подпускал.

О бандитизме членов «Омакайтсе» свидетельствует и другой участник «Самообороны» (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 1 Л. 210, 217, 218, 233).

Из протокола допроса Вента Альфреда Самуиловича:

«Вопрос: - Принимали ли вы участие в разграблении дома начальника почты в деревне Теребище Григорьева за неделю до его ареста?

- В дом начальника почты мы заходили вместе с Петерсоном и Альфредом Тепо и Тепо Александром за неделю до ареста. В тот день его дома не было, так как он скрывался. Я помню, что его мать плакала и говорила, что у них все имущество сегодня же разграблено и увезено эстонцами с другого берега на моторной лодке. (...)

Вопрос: - Вы участвовали в аресте и расстреле жителей деревни Чудские Заходы – коммунистов Рысева Ивана, Кондратьева Михаила, Гришкина Ивана и Рысевой Федосьи?

- Нет, в аресте и расстреле указанных лиц из деревни Чудские Заходы я не принимал участие. Все они были расстреляны членами «Омакайтсе» из деревни Яновы Заходы. (...).

О разграблении домов прямо утверждают и жители Середкинского района, прямо называя имена коллаборационистов из «Омакайтсе» (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 3 Л. 581-589).

Из показаний свидетеля Власова Ивана Ивановича:

«Вопрос: - Что вам известно о практической деятельности Акселя Рямсона в составе группы самозащиты – «Омакайтсе»?

- Рямсон Аксель, находясь в составе карательного отряда, был вооружен винтовкой. Кроме этого у него был ручной пулемет системы Дегтярева, который я сам у него видел неоднократно. Если говорить о его практической деятельности, то он участвовал в расстреле моего брата – Власова Семена Ивановича, и произошло это при следующих обстоятельствах. Мой брат пришел в деревню вместе с партизаном Викторовым. Об этом донес житель нашей деревни Антонов Федор – за это его потом осудили на 15 лет лишения свободы. После этого к нам в деревню прибыл эстонский карательный отряд. Мой брат в это время прятался в сарае, а точнее – в хлеву у Батанова Федора. Каратели всю ночь производили в деревне обыски и только наутро обнаружили моего брата. И вот, когда по деревне пронесся слух – «нашли», все разом бросились к дому Батановых. Староста деревни Мурзин Степан Иванович (его осудили на 25 лет каторжных работ) кричал: «Выходи, ничего не будет!». Однако мой брат не вышел и сделал из хлева три выстрела из пистолета. Вот тогда-то Рямсон и начал стрелять длинной очередью по хлеву, израсходовав целый диск. Это я лично видел. Стреляли по хлеву из винтовок и другие каратели. Вскоре стрельба прекратилась и Юдин Сергей, член отряда «Омакайтсе», забрался в хлев и выбросил оттуда труп моего брата. После этого мне разрешили забрать тело брата и захоронить. У него была разможжена вся голова. Рямсон снял с него резиновые болотные сапоги и хвастался: «Это мне за отличную стрельбу!». После этого отряд карателей ушел из деревни, а на следующий день был задержан другой партизан – Николай Викторов.

Кроме этого, Рямсон участвовал в разграблении и нашего дома. Это было в первых числах сентября, когда он вместе с другими карателями пришел в наш дом.

Это были эстонцы из Эстонской ССР (всего человек 15). У Рямсона была винтовка. Они перерыли все и, обнаружив в огороде окоп, где было спрятано мое имущество и брата, забрали его. Там было 6 летних и зимних пальто, три мужских костюма, отрезки ткани, обувь, белье и другие вещи. В настоящее время Рямсон проживает в Эстонской ССР, Ряпинской волости, деревне Нарвы».

Важно также отметить инициативу коллаборационистов – как свидетельствуют показания, бойцы «Омакайтсе» проводили карательные акции и вступали в бой с партизанами с рвением и исключительным желанием. То есть, членов «Самообороны» зачастую никто не заставлял (Архив УФСБ по Псковской области Д. № АА-1946 Т. 3 Л. 606-607).

Из протокола допроса Аланцева Ивана Кузьмича, проживавшего в деревне Самолва:

«Вопрос: - Что вам известно об изменнической деятельности командиров отряда «Омакайтсе» деревни Самолва Андрея Редькова и Николая Морозова?

- О деятельности Морозова мне известно следующее. В конце июля 1941 года на наш берег перебрался отряд пограничников (человек 18), который отступал с частями Красной армии. Дальше им идти было некуда, поэтому они организовали свой партизанский отряд, в который вошло около 70 человек. Они начали по деревням заготавливать продовольствие, создавать базу. Морозов об этом узнал и втихомолку поехал в Середку с тем, чтобы попросить помощи и уничтожить этот отряд. Но ему отказали, тогда он поехал в Изменку, на эстонский берег, и привел оттуда большой отряд, который держал бой с партизанами. После этого они сразу же приступили к расправам над мирным населением: тогда было расстреляно человек 20. После этого Морозов организовал в Самолве отряд самозащиты и занимался тем, что на территории Середкинского и Полновского районов грабил население, красноармейские и партизанские семьи, семьи коммунистов. Морозов со своим отрядом и эстонскими карателями арестовали не одну сотню человек и отправили всех в Изменку, где они были расстреляны. В 1941 году он лично принимал участие в расстрелах двух мальчиков Петрова Владимира из деревни Кобылье Городище и Бодина Василия из деревни Рудница; Агапова Анатолия, Васильева Григория, его отца, ветфельдшера. Позднее Морозов руководство отрядом передал Редькову Андрею, сдал свое оружие, не подчинялся никому в волости и занимался только тем, что выполнял свои личные дела, кроме того, он был тайным немецким агентом: подслушивал и доносил. После отступления немцев он с семьей бежал в Эстонию, откуда его, якобы, забрали в Красную армию. Редьков Андрей, будучи начальником отрядом, выполнял свои обязанности не хуже, чем Морозов. Он участвовал в облавах, в частности, в Гридинском сельсовете. В составе отряда, куда входили и эстонские каратели, он принимал участие в боях с партизанами. Кроме того, Редьков вместе с Морозовым ездил в Полновский район, в деревни Дрогатина и Островицы, где арестовали 18 человек, хозяйства их разграбили, при этом почти все были расстреляны».

Таким образом, становится ясно, что «Омакайтсе» не имеет никакого отношения к самообороне, но зато прямо причастна к коллаборационизму, бандитизму и карательным акциям против местного населения Псковской области. Автор данной работы в лишний раз обращает внимание на то, почему данный прецедент и данное уголовное дело представляют важность: все вышеописанное произошло на небольшом клочке земли Псковской области, и уголовное дело раскрывает преступления конкретных лиц, а не организации в целом.

Если представить, что «Омакайтсе» действовала на территории всей Псковской области, то тогда речь может идти не о десятке сожженных домов, а сотнях. Трудно вообразить, какое количество мирного населения гипотетически осталось расстреляно или ограблено и оставлено без крова. Очевидно, что речи о восприимчивости «Самообороны» как относительно «безобидной» организации быть не может. Эстонское население прямо содействовало оккупации Псковской области, даже будучи гражданскими, не включенными в военную структуру, а парамилитарную организацию. Необходимо дальнейшее исследование и установление действий «Омакайтсе» на территории всего оккупированного Северо-запада России в целом.

Автор данной работы считает нужным без каких-либо комментариев привести отрывки из обвинительного заключения (полная его версия составляет 42 листа машинописью) по данному делу, чтобы читатель в лишний раз самостоятельно оценил масштаб ущерба, нанесенного лишь одному району Псковской области, причем ущерба не от оккупации, а лишь определенного круга полунформальных коллаборантов.

Обвинительное заключение

6 июля 1948 года

По следственному делу № 125-48 по обвинению

Рямсон Акселя Рубиновича,

Хюссон Рихарда Петровича,

Вент Оскара Рубиновича,

Вент Альфреда Самуиловича,

Отт Освальда Петровича,

Морозова Николая Ивановича,

Ярушкина Сергея Федоровича,

Мартсон Эдуарда Видовича,

Сольник Рихарда Фридриховича,

Пукса Эдуарда Андреевича,

Кюлаотса Фридриха Осиповича,

Юхансон Фридриха Карловича,

Яксон Роберта Притцовича,

Миксон Альфреда Даниловича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1, 58-2... УК РСФСР

В отдел контрразведки МВД погранвойск Ленинградского военного округа поступили данные о том, что ефрейтор маневренной группы 106 пограничного отряда Рямсон Аксель Рубинович, проживая на территории, временно оккупированной немецкими войсками, в деревне Яновы Заходы Середкинского района Псковской области, состоял активным членом контрреволюционной военно-фашистской террористической

организации «Омакайтсе», занимался предательской деятельностью в пользу немецких оккупантов. В период производства дознания о преступной деятельности Рямсон 27 декабря 1948 года дезертировал из части, но был задержан и с санкции Военного прокурора арестован.

Следствием по делу были установлены многочисленные факты изменнической деятельности обвиняемого Рямсона в период 1941–1943 годов, а также выявлены и установлены его пособники в злодеяниях над мирным населением Середкинского и Полновского районов Псковской области.

В процессе дальнейшего следствия и показаниям многочисленных свидетелей из числа наиболее активных участников контрреволюционной военно-фашистской террористической организации «Омакайтсе», проходящих по делу, были установлены и арестованы: 28 января – Хюссон Рихард Петрович, 26 февраля с/г – Вент Оскар Рубинович, 28 февраля с/г – Вент Альфред Самуилович и Отт Освальд Петрович, 24 марта с/г – Морозов Николай Иванович, 14 апреля с/г – Ярушкин Сергей Федорович, Мяртсон Эдуард Видович и Сольник Рихард Фридрихович, 30 апреля с/г – Пукс Эдуард Андреевич, Юхансон Фридрих Карлович и Кюлаотс Фридрих Осипович, 6 мая с/г – Яксон Фридрих Притцевич и Миксон Альфред Данилович.

Следствием установлено, что в период временной оккупации немецкими войсками Псковской области и Эстонской ССР в августе 1941 года немецкими оккупационными властями для проведения борьбы против партийно-советского актива и для подавления партизанского движения на территории Самолвовского сельского совета Середкинского района была создана контрреволюционная военно-фашистская террористическая организация «Омакайтсе» из разного контрреволюционного элемента – лиц, недовольных политикой Советской власти, и лиц, родственники которых в 1937–1938 гг. были репрессированы органами советской власти за контрреволюционную деятельность.

Осуществляя свою преступную деятельность и осуществляя чудовищные злодеяния, вышеуказанная террористическая организация на протяжении 1941–1943 гг. на территории Середкинского и Полновского районов Псковской области осуществляла свою преступную деятельность, систематически терроризировала мирное население, подпавшее временно под власть фашистских захватчиков.

Массовыми облавами против партизан, производством обысков, сожжением домов и разграблением имущества, арестами и расстрелами партийно-советского актива, сочувствующих советской власти и военнопленных, бежавших из немецкого плена, оказывавших помощь партизанам, они наводили страх и ужас на мирное гражданское население.

Вышеуказанная организация состояла из трех взводов (в деревне Луг, Яновы Заходы и Самолва) и одного отделения в деревне Казаковец, входивших в состав батальона «Омакайтсе» – в деревне Луг.

Из числа наиболее активных руководителей и организаторов организации по настоящему уголовному делу

привлечены обвиняемый Морозов Николай Иванович – организатор отряда «Омакайтсе» в деревне Самолва, обвиняемый Вент Оскар Рубинович, который с первых дней создания отряда самообороны и по апрель 1942 года являлся командиром взвода и помощником командира батальона в деревне Луг, а затем перешедший в немецкую полицию; обвиняемый Вент Альфред Самуилович, одним из первых вступивший в «Омакайтсе» и с апреля по сентябрь 1942 являвшийся командиром взвода отряда «Омакайтсе» в деревне Луг и по сентябрь 1943 года, т.е. до момента эвакуации его немецкими войсками в Эстонию, являвшийся командиром батальона.

Следствием установлено, что за этот период ими было арестовано 79 человек из числа партийно-советского актива, партизан и военнослужащих, бежавших из немецкого плена. При этом 59 было расстреляно, из которых 11 – при непосредственном участии обвиняемых и проходящих по делу лиц, остальные были отконвоированы в посёлок Изменка (Мехикорма) Эстонской ССР, где и расстреляны эстонскими карателями. Кроме того, с участием обвиняемых было сожжено 23 дома, принадлежавших семьям партизан и партийно-советского актива. Из них в деревне Самолва было сожжено 3 дома, в деревне Чудские Рудницы – 3 дома, в деревне Зазыбенье – 1 дом и 16 – в деревне Подборовье.

Так, в августе и сентябре 1941 года обвиняемые Морозов Н.И. и Вент О.Р., вооруженные винтовками вместе с другими членами «Омакайтсе», принимали участие в аресте коммунистов – жителей деревни Самолва Анатолия Агапова, старика Орлова, Васильева Григория, Микельсон Евгения. Причем А. Агапов был лично арестован Морозовым и отконвоирован в штаб «Омакайтсе» на расправу. В тот же день Агапов, Орлов и Васильев были расстреляны в Самолве в доме Корикова.

Через день этим же отрядом была арестована и расстреляна коммунистка Дарья Михельсон, а труп ее был сожжен в доме М. Олада. Одновременно были сожжены дома партизана Маслова и коммуниста Лучкина. При этом их имущество было разграблено, активное участие в этом принимал обвиняемый Рямсон. Во время этой операции обвиняемые А. Вент, О. Вент, Э. Пукса, Освальд Отт и Рямсон находились в оцеплении этих домов.

Позднее, в августе-сентябре 1941 года, в составе отряда «Омакайтсе» Оскар Вент, Альфред Вент, Освальд Отт, Пукса Эдуард (и другие обвиняемые) участвовали в облаве в деревне Верховье Теребищенского сельского совета, где ими были арестованы партизаны Булынин, Быченков и Васильева с сыном Федором, после чего отконвоированы в деревню Луг.

В деревне Луг арестованные Булынин, Быченков и Васильева охранялись Освальдом Оттом и Оскаром Вентом в доме Тэпо Луйзе, откуда в ту же ночь были вызваны на допрос в штаб «Омакайтсе». На следующий день они были расстреляны с участием обвиняемых Эдуарда Пуксы, Оскара Вента и Отта Освальда. Причем перед расстрелом вышеуказанных советских граждан Оскар Вент и Освальд Отт копали ямы, а потом Пукса Эдуард и Кюлаотс Фридрих участвовали в погребении трупов.

В то же время обвиняемые вместе с другими членами «Омакайтсе» принимали участие в сожжении и разграблении домов партизан Власова, Викторова и Романова. Причем во время этой операции обвиняемый Пукса лично поджег дом партизана Власова.

В тот же период в составе батальона «Омакайтсе» во главе с командиром взвода обвиняемым Оскаром Вентом, его подчиненные – обвиняемые Альфред Вент, Отт Освальд, Морозов Николай, вооруженные винтовками, принимали участие в боях против партизан в районе деревни Подборовье, а обвиняемый Хюссон участвовал в боях против партизан и в Ремдовском лесу.

В сентябре 1941 года О. Вент, А. Вент, Отт, Хюссон, Морозов, Юхансон, Мартсон и другие обвиняемые принимали участие в аресте и облаве за связь с партизанами жителей деревни Теребище Николая и Ивана Мухиных, Торикова Михаила, Григорьева Ивана, которые потом были отконвоированы в деревню Луг. Затем их переправили в поселок Изменка Эстонской ССР, где Ториков Михаил, Мухин Иван и Григорьев Иван были расстреляны эстонскими карателями.

В сентябре 1941 года Вент, Хюссон, Кюлаотс в составе сводного отряда «Омакайтсе», в том числе и из Эстонской ССР, принимали участие в облаве в деревне Ветеря-1 – Александрова Павла и его сына Геннадия, Сергеева Андрея и Ершова Александра, в деревне Ветеря-3 – Смилина Михаила, в деревне Ремда – Васильева Афанасия, Пахомова Алексея, в деревне Болдырево – Васильева Николая. Все эти 8 человек были отконвоированы в деревню Луг, где Сергеев потом был освобожден, а остальные 7 человек арестованных отправлены в поселок Изменка Эстонской ССР, а затем расстреляны эстонскими карателями.

Во время проведения этой операции обвиняемые Оскар Вент и Альфред Вент лично арестовали в деревне Болдырево военнослужащего Советской армии Николая Васильева, бежавшего из немецкого плена. При этом во время обыска у него была изъята винтовка и 60 патронов к ней. В деревнях Ветеря-1, Ветеря-3 и Ремда во время производства обысков обвиняемый Кюлаотс нес охрану домов у лиц, подвергавшихся аресту в целях предотвращения побегов, а обвиняемый Хюссон находился в оцеплении самих населенных пунктов.

В том же месяце – сентябре 1941 года в составе отряда «Омакайтсе» Вент Оскар и Альфред Вент, Отт Освальд, Миксон Альфред и Яксон Роберт в деревне Голодуши и Ремда принимали участие в обысках и аресте бывшего председателя Ремдовского сельского совета Демидова и советского активиста Ершова Павла. Во время обыска у Демидова были изъяты велосипед, охотничье ружье, чемодан с носильными вещами, чемодан с папиросами. Из числа названных вещей велосипед был присвоен Отт Освальдом, а папиросы были поделены между членами отряда. Арестованные этим же отрядом были доставлены в деревню Луг, а затем в поселок Изменка Эстонской ССР, где Демидов был расстрелян эстонскими карателями, а Ершов освобожден.

В том же месяце – октябре 1941 года по заданию командира батальона «Омакайтсе» Петерсона его помощ-

ник – обвиняемый Оскар Вент, имея на руках список из 12 человек партийно-хозяйственного актива, подлежащих аресту в Курокшском сельском совете, вместе с другими членами отряда выехал по месту их жительства. В результате этой операции были задержаны в деревне Мтеж – Солдатов Василий, Игнатов Иван и Михачев Александр, в деревне Курокша – Малешин Алексей и Кустов Гавриил, в деревне Осотно – Пустовалов Михаил и Кривов Степан, в деревне Кузововщино – Гаврилов Николай и Гаврилов Алексей, в деревне Зазыбень – Жаров Григорий и его сын Жаров Николай. При этом дом Жаровых разграблен и сожжен. Все арестованные были водворены в помещение бывшей часовни, где содержались в течение суток под стражей, после чего были отправлены в поселок Изменка и там же (за исключением Кривога и Кустова, освобожденных из-под стражи) расстреляны эстонскими карателями. Во время проведения этой операции Оскар Вент, Освальд Отт, Морозов Николай, Яксон Роберт и Альфред Вент непосредственно принимали участие в производстве арестов и обысков. При этом в деревне Зазыбень у арестованных Жаровых было изъято 25 тысяч рублей советскими денежными знаками, принадлежавших кооперации и двое карманных часов, которые были присвоены карателями, а все деньги были между ними поделены... В деревне Курокша обвиняемый Морозов принимал участие в аресте Кустова. После ареста он избил сестру арестованного – Татьяну, за то, что она пыталась воспрепятствовать изъятию золотого браслета. Тогда же в деревне Осотно при обыске в сарае были обнаружены и изъяты 10 винтовок и английский пулемет, которые были потом обвиняемым Освальдом Оттом доставлены в деревню Луг.

Выполняя задания контрреволюционной, военно-фашистской организации «Омакайтсе», проявляя активность в антисоветской деятельности, обвиняемые, кроме перечисленных выше преступлений, также выполняли и другие задания. Так, обвиняемый Рямсон в сентябре 1941 года вместе с двумя другими членами «Омакайтсе» из Эстонской ССР, принимал участие в аресте военнослужащего Советской Армии, бежавшего из немецкого плена, – Антонова Александра, а также советского активиста – Журавлева Алексея, жителя деревни Путьково. После этого они были отконвоированы в деревню Пнево, а далее переправлены в поселок Изменка, где Журавлев был расстрелян эстонскими карателями, а Антонов отправлен в немецкий концлагерь, откуда бежал в 1943 году.

Весной 1943 года обвиняемый Рямсон был завербован начальником волостной полиции Петерсоном в качестве агента немецких контрразведывательных органов, получил от него задание выявлять и доносить о лицах, настроенных против немецкой власти, имеющих огнестрельное оружие, радиоприемники и пользующихся ими. В сентябре 1943 года Рямсон, в числе других эстонцев, вместе с семьей был эвакуирован из Середкинского района в Эстонскую ССР, где он, скрыв свою изменническую деятельность, был призван в ряды Советской Армии. Находясь на службе в качестве повозочного, Рямсон 27 декабря 1947 года дезертировал из армии и был задержан 26 января 1948 года.

Обвиняемый Хюссон осенью 1941 года по заданию штаба «Омакайтсе» принимал участие в конвоировании из деревни Луг в Яновы Заходы арестованных советских граждан Муровой Елены, Кононовой Анастасии, Петрова Павла и Рябинова Ивана. Входя в доверие к родственникам арестованных, Хюссон получал ценности и носильные вещи под предлогом передачи арестованным, содержащимся в тюрьме поселка Изменка, а потом присваивал их. Таким образом были получены и присвоены 150 рублей от гражданки Малешинной – жительницы деревни Курокша, один мужской костюм и две пары белья. В тот же день от семейства арестованных Гавриловых было получено 300 рублей, две пары белья и двое брюк.

Обвиняемый Оскар Вент в сентябре 1941 года совместно с другими членами «Омакайтсе» Эстонской ССР в деревне Чудские Заходы принимал участие в аресте Ивана Рысева, после чего он был отконвоирован в деревню Луг. В тот же день он был отправлен в деревню Яновы Заходы, где и расстрелян. В том же месяце обвиняемый Оскар Вент совместно с обвиняемым Освальдом Оттом и другими членами «Омакайтсе» принимал участие в аресте Алидии Экс с малолетней дочерью, которые были потом расстреляны в деревне Казаковец.

Обвиняемый Альфред Вент в сентябре 1941 года вместе с другими двумя членами «Омакайтсе» из Эстонской ССР, проходящими по делу, принимал участие в аресте и расстреле Рысевой Федосьи, а после расстрела труп ее зарыл в песчаном карьере.

В сентябре 1941 года обвиняемый Морозов вместе с Андреем Редьковым и другими членами отряда «Омакайтсе» принимал участие в аресте за связь с партизанами жителя деревни Самолва – коммуниста Ивана Лучкина и жителей этой же деревни Костина Михаила Константиновича с сыном Иваном. В том же месяце обвиняемый Морозов Н. подверг аресту жительницу деревни Самолва – коммунистку Кононову Анастасию и отконвоировал ее в поселок Изменка, где изобличал ее в принадлежности к компартии и требовал ее расстрела. В августе 1941 года обвиняемый Морозов вместе со своим братом Алексеем и другим членом «Омакайтсе» Грибановым в деревне Чудские Рудницы арестовал за связь с партизанами Мохова Василия Ивановича и отконвоировал в деревню Козлово. Тогда же обвиняемым Морозовым лично был арестован 13-летний Петров Владимир из деревни Кобылье Городище, которого потом отконвоировали в деревню Козлово, где Мохов и Петров были с участием Морозова расстреляны, а вещи Мохова присвоены.

Обвиняемый Пукса Эдуард, в том числе, являясь дьяконом в деревне Луг, с января 1942 года по 1943-й во время богослужения систематически среди верующих проводил антисоветскую агитацию, направленную на восхваление оккупационного режима. При этом он предсказывал неизбежность гибели Советского строя и победу немецких войск над Советской армией.

Материалами следствия также было установлено, что ВСЕ обвиняемые, привлеченные к уголовной ответственности, добровольно вступили в созданную немецкими оккупационными властями контрреволюционную, военно-фашистскую организацию «Омакайт-

се», что нашло отражение в их открытой изменнической деятельности по отношению к Советскому государству.

Допрошенный в качестве обвиняемого А. Рямсон виновным себя признал только частично. Он отрицает свое участие в ограблении и сожжении домов в деревне Чудские Рудницы и (...) в расстреле коммунистки Д. Михельсон в деревне Самолва, в облове и расстреле партизана Котова и допросе гр-на Авдошева. Однако обвиняемый Рямсон А. полностью изобличается в показаниях обвиняемых: Вента Оскара, Хюссона Рихарда, других обвиняемых и свидетелей.

Также обвиняемый Хюссон Р. изобличается показаниями обвиняемых: Вента Оскара, Вента Альфреда, Яксона Роберта, а также показаниями свидетелей... Допрошенный в качестве обвиняемого Вент Оскар в содеянном признал себя полностью, за исключением ареста и конвоирования жительницы деревни Казаковец – Якобсон Хильды, но обвиняемый О. Вент полностью изобличается в совершенных им преступлениях показаниями других обвиняемых, а также свидетелей: Власова И.И., Борунова А.М., Викторова В.В. и т.д.

На основании вышеизложенного обвиняются:

Рямсон Аксель Рубинович, 1922 г.р., уроженец Псковской области, Середкинского района, место жительства – деревня Яновы Заходы, эстонец, гр-н СССР, из крестьян, б/п, образование 6 классов, холост, награжденный медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», в Советской армии с сентября 1944 года, ефрейтор маневренной группы 106 погранотряда... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», 58-2 и 197-7, п. «Г» УК РСФСР;

Хюссон Рихард Петрович, 1912 г.р., уроженец Псковской области, место жительства – Власова Грива, эстонец, гр-н СССР, из крестьян, б/п, образование 5 классов, женат, не судим, проживает в Эстонской ССР, уезд Вырумаа, деревня Кынну... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», 58-2 УК РСФСР;

Вент Оскар Рубинович, 1919 г.р., уроженец Псковской области, дер. Луг, эстонец, не судимый, образование 4 класса, из крестьян, женат, проживает в Эстонской ССР, Тартумасский уезд, волость Вынну, хутор Курксила... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «А», 58-10, ч. 2 «А», 58-2 УК РСФСР;

Вент Альфред Самуилович, 1922 г.р., уроженец Псковской области, Середкинского района, деревня Луг, эстонец, гр-н СССР, из крестьян, б/п, образование 4 класса, женат, не судим, награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», проживает в Эстонской ССР, уезд Вырумаа, волость Урвасте, деревня Диду... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», 58-10, ч. 2, 58-2 УК РСФСР;

Отт Освальд Петрович, 1922 г.р., уроженец Псковской области, Середкинского района, деревня Луг, эстонец, гр-н СССР, из крестьян, б/п, образование 3 класса, женат, не судим, проживает в Эстонской ССР, уезд Вырумаа, волость Урвасте, хутор Анто... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», 58-10, ч. 2, 58-2 УК РСФСР;

Морозов Николай Иванович, 1922 г.р., уроженец Псковской области, Середкинского района, деревня Самолва, русский, гр-н СССР, из крестьян-середняков, б/п, образование 1 класс, холост, не судим, награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», проживает в Эстонской ССР, уезд Тартумаа, волость Луунья, деревня Сяярсе... в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», ч. 2, 58-2 УК РСФСР;

Пукса Эдуард Андреевич, 1896 г.р., уроженец Псковской области, Середкинского района, деревня Луг, эстонец, гр-н СССР, из крестьян, б/п, образование 4 класса, женат, не судим, проживает в Эстонской ССР, уезд Вырумаа, волость Антсла, хутор Вертомяз... в преступлени-

ях, предусмотренных ст. ст. 58, ч. 1 «А», 58-10, ч. 2, 58-2 УК РСФСР...и др.

Старший следователь отдела контрразведки МВД Погранвойск Ленинградского военного округа, капитан Н(азаров)

«Согласен», начальник отдела контрразведки МВД Погранвойск Ленинградского военного округа, полковник А(ртюгин)

Обвинительное заключение составлено 6 июля 1948 г. в г. Ленинграде.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2021 - Алексеев Н.Ю. «Эстонский фактор» нацистской истребительной политики на Псковщине (1941-1944) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2. С. 272-300.

Kuusik 2006 - Kuusik A. Estonian Omakaitse in 1941-1944 // Estonia 1940-1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2006. S. 797-806.

REFERENCES

Alekseev 2021 - Alekseev N.YU. «Estonskij faktor» nacistskoj istrebitel'noj politiki na Pskovshchine (1941-1944) [Alekseev N.Y. "The Estonian factor" of the Nazi extermination policy in Pskov region (1941-1944)], in: Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij [Journal of Russian and East European Historical Studies], 2021, № 2, pp. 272-300 [in Russian].

Kuusik 2006 - Kuusik A. Estonian Omakaitse in 1941-1944, in: Estonia 1940-1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity, Tallinn, Tallinna Raamatutrükikoda, 2006, pp. 797-806 [in English].

Алексеев Никита Юрьевич

– Независимый исследователь (Москва, Россия).

Nikita Alekseev

– Independent researcher (Moscow, Russia).

nik_aleks_90@mail.ru

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ КИТАЯ

Б.М. Кондорский

Независимый исследователь (Донецк, Россия)

e-mail: bmkbox@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Неолитический (доархаический) период в Китае представлен протогосударством Шан-Инь. В этот период источниками политической воли считались боги (предки). Правитель выступал в качестве медиатора божественной силы. В постархаический период Силу от богов на основании договора получает сам народ. В Китае в период Западного Чжоу это принимает форму мандата Неба. Архаическая революция сформировала более, чем тысячелетний период последующего развития Китая. Феодализм как система появляется только в период Сун – земля превращается в полную собственность владельцев крупных поместий, которых можно назвать феодалами. В XX веке все революционные события в Китае, так же как в России и других основных странах третьего мира, составляют революционный период как целостную систему, имеющую свои законы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай в период древности, феодальный период в Китае, Китай в двадцатом веке, Культурная революция в Китае, современный Китай.

REVOLUTION IN CHINESE HISTORY

Boris Kondorsky

Independent researcher (Donetsk, Russia)

e-mail: bmkbox@mail.ru

ABSTRACT

The Neolithic (pre-archaic) period in China is represented by the Shang-Yin proto state. In that period, gods (ancestors) were considered to be the sources of political will. The ruler acted as a mediator of divine power. In the post-archaic period, the people themselves received this Power from the gods on the basis of a treaty. In Western Zhou China this took the form of the Mandate of Heaven. The Archaic Revolution shaped more than a millennium of China's subsequent development. Feudalism as a system arose only during the Song period when land became the exclusive property of large estate owners who may be called feudal lords. In the 20th century all revolutionary events in China, as in Russia and other major Third World countries, constitute a revolutionary period as an integrated system governed by its own laws.

KEYWORDS: China in the period of antiquity, the Feudal period in China, China in the twentieth century, the cultural revolution in China, modern China.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОЦЕССА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В процессе исторического развития можно выделить ряд основных этапов. Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном смысле, а в буквальном. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций (Кондорский 2023: 6-7).

Революции, как особое состояние общества, сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революции, в первую очередь, происходят в «голове». Один тип сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации, приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип определенного исторического сознания.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, кото-

рые могут получить развитие, а могут и нет, в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

В историческом развитии можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени (Кондорский 2020). Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Уникальность Китая заключается в том, что в отличие от других крупных регионов, здесь можно проследить все четыре вида революций в рамках единого исторического процесса. Если классическая неолитическая революция имела место на Ближнем Востоке, архаическая – в древней Греции, феодальная – в Западной Европе, буржуазная во Франции, то в Китае все эти виды революций имели свою специфику. Большую роль сыграла относительная изоляция страны.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Неолитическая революция началась на Ближнем Востоке еще в X тыс. до н.э. Появлявшиеся в этом регионе технологические новшества, затем распространялись по территории Евразии (включая Северную Африку). Для понимания данного процесса здесь полезной будет концепция Ойкумены как системы, имеющей свои внутренние законы и в чем-то сходной с биосферой. Ойкумену в узком смысле этого слова следует рассматривать как форму существования социумов в определенных природных условиях (Кондорский 2021: 120; 2024). Элементом ойкумены, как системы, являются потоки информации (технологий) в форме миграций типа «просачивания».

Можно постулировать, что в неолитический период (особенно в первой его половине) доминировал мобильный тип социумов. Здесь можно выдвинуть гипотезу, что именно в этом состоянии был возможен прогресс во всех основных социальных и технологических сферах. Любое стационарное состояние, в той или иной степени, консервирует процесс общечеловеческого развития. Появление того, что мы называем цивилизацией, уже таит в себе «эмбрионы» будущего отчуждения как в социальной сфере, так и особенно в отношениях с природой.

Проявлением миграционных процессов в рамках Евразийской ойкумены можно считать наличие языковых суперсемей, в частности сино-кавказской, прародиной которой был иранский Загрос (Старостин 2015: 313-382). География миграций ее носителей простирается от Атлантического (баскские языки) до Тихого океана (сино-тибетские языки) и, даже, до Северной Америки (языки на-дене). На основании вышеуказанной гипотезы можно постулировать, что эволюция языков и их групп (языковый прогресс) в рамках суперсемьи происходила в процессе миграций подобного рода.

Китай являлся органической частью Евразийской ойкумены. И потоки информации (технологий) из ее центра – Передней Азии должны были достигать территории Китая. Можно говорить о принципе регулярного распространения нововведений по ойкумене (Л. Васильев 1976: 29). Все основные технологические достижения появляются в одном месте (Л. Васильев 1995: 129) (обычно в центре ойкумены), а затем распространяются по ее территории за счет заимствований. В Китае все это появлялось уже в достаточно развитом виде.

Зерновой неолит имел три основных компонента: зерновое земледелие (пшеница, ячмень), домашнее скотоводство (коза, овца, свинья, корова) и расписную керамику.

В Китае диких предков ни пшеницы, ни козы и овцы не было. Что касается расписной керамики Яншао, то сходство с подобного рода керамикой в других регионах Евразии (включая трипольскую культуру) слишком очевидно (Л. Васильев 1976: 151).. Поэтому корни зернового неолита следует искать в Передней Азии. Другое дело, что китайские социумы того времени обладали высоким потенциалом восприятия новшеств и их дальнейшего развития.

То же самое относится и к черно-серой керамике периода Луншань, которая изготавливалась уже на гончарном круге. Впервые черная лощенная керамика, сменившая расписную, появляется на Ближнем Востоке (Л. Васильев 1995: 130). Предположить, что точно такая же керамика появляется в Китае независимо – очень трудно (а точнее невозможно). Технология изготовления бронзовых изделий в середине II тыс. до н.э. в Китае имеет уже развитой, совершенный вид. Это же касается и колесниц, которые появились около II тыс. до н.э. на Ближнем Востоке (Л. Васильев 1976: 23). Конструктивно-техническое сходство колесниц в Европе, Передней Азии и Китае слишком очевидно (Л. Васильев 1976: 276; Новгородова 1989: 140).

В конце II тыс. до н.э. наблюдаются структурные изменения в Евроазиатской ойкумене. Формируется Кочевая ойкумена на просторах Великой степи. В силу определенных причин происходит относительная изоляция Китая. Теперь он уже развивается как самостоятельная ойкумена. Подобного рода двойственность, по нашему мнению, как раз и определила «специфику» дальнейшего исторического развития Китая.

СОЦИУМЫ РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н.э. не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, Северной Индии и Среднем Китае, разделили два периода, два этапа исторического развития – раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы – СРД и СПД (Кондорский 2013: 17; 2021: 110). В Америке и Тропической Африке архаические революции отсутствовали вследствие действия фактора изоляции (Кондорский 2021: 126), что сказывалось на отсутствии здесь многих технологических достижений.

К СРД, в первую очередь, следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации и политические образования бронзового века (Кондорский 2023: 7). Отсутствие в СРД личности, как источника воли, способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являлись божества. В Египте конкретным источником считался фараон, выступавший здесь не столько в качестве божества, сколько в качестве медиатора, транслятора божественной силы (Кондорский 2013: 18; Немировский 2009: 49). Только наличие божественной воли позволяло принимать решения, осуществлять управление. Если же эта связь прерывалась, наступала анархия (Демидчик 2005: 85). Здесь царь действует Силой богов, является проводником этой силы (Немировский 2005: 119).

Правитель выступает в качестве посредника между земным и потусторонним миром во всех СРД, включая цивилизации Южной Америки и социумы Тропической Африки (Баглай 1995: 235; Беляев 2002: 137; Бондаренко 2009: 159). В Месопотамии Сила, получаемая правителями от богов, называлась «шимту» (Немировский 2005: 103; Оппенгейм 1980: 160).

В Китае к СРД можно отнести протогосударство Шан-Инь. Анализ показывает, что архетип данной социальной системы по своим основным параметрам со-

ответствовал другим СРД бронзового века. Шанский ван в своем руководстве полностью зависел от своих божественных предков (первопредка Шанди) как источников благодати и благого повеления (В. Крюков 1988: 110). Любые решения ван принимал только после консультаций с божественными силами (предками). Любой приказ отдавался от их имени (Л. Васильев 1983: 158-159).

В Египте все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как «тело» фараона (причем, в буквальном смысле этого слова) (Берлев 1972: 170). Нечто похожее имело место в Шан-Инь. Представители «администрации» вана обозначались иероглифом чэнь, представлявшим схематический рисунок глаза (К. Васильев 1998: 99). Так же как и в Египте, «личность» вана полностью отвечала за все то, что делается в государстве (Л. Васильев 1983: 127).

В древнем Китае государство воспринималось как большая семья – правитель заботится о народе как детях, народ любит правителя как отца (Л. Васильев 1983: 252) Точно такая же ситуация имела место в Египте (Берлев 1972: 100). Каждое хозяйство, каждый ном, так же как и весь Египет, воспринимались как Дом. У египтян не было понятия государства, было понятие Дом (Перепелкин 2000: 94-95).

В СПД, появившихся после архаической революции, революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником силы является уже сам народ. Народ заключает Договор с богами, на основании которого получает Силу уже в «постоянное пользование».

Римский народ заключает договор с Юпитером (Кофанов 2006: 183), израильский с Йахве (Шифман 1989: 58), Спарта с Аполлоном (Печатнова 2001: 34). На основании договора народ получает законы и ту Силу, которую можно будет использовать для поддержания Порядка. В Риме это империй, в Израиле – *miswa* (Вейнберг 1993: 199). И то и другое подразумевает право приказа. За богами остаются лишь контрольные функции. Появляется царь-магистрат, которому народ на основании договора предоставляет необходимые полномочия (Шифман 1989: 68-69). В Риме царей, а затем магистратов, следует рассматривать как носителей делегированного суверенитета, имеющих право приказа (Дементьева 2005: 46-47). Любые приказы магистратов воспринимались как приказы народа (Кофанов 2002: 102).

АРХАИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Обычно архаической революцией называют тот исторический переворот, все те изменения, которые имели место в древней Греции в VIII-VI вв. до н.э. и которые коснулись абсолютно всех сфер человеческой деятельности (Фролов 1988: 92-100). Это изменения в технологиях, связанные с принципиально новыми методами обработки железа, производстве керамических изделий, строительстве общественных зданий.

Это развитие торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период. Следует отметить классическое рабство с массовым использованием рабов в ремесленном производстве и на рудниках. Появляется частная собственность на землю (конечно, с учетом особенностей данного периода). В военной сфере, на смену общинному ополчению и аристократам на колесницах, приходит гоплитская фаланга. В постархаическом Китае в период Чжаньго мы имеем точно такие же явления и достижения.

В Китае договор между чжоуским народом (пришедшем на смену Шан-Инь) и богами получил форму мандата Неба (небесного повеления). На основании которого ваны, при помощи «благой силы» – дэ, могли поддерживать в государстве порядок (К. Васильев 1998: 126-127). Мандат Неба всегда был с ваном и не было уже необходимости советоваться с духами предков (Л. Васильев 1989: 234). В отличие от иньского Шанди, чжоуское Небо приобретает черты абстрактной безликой силы (Л. Васильев 1983: 160), что характерно для всех СПД, в отличие от СРД.

В Китае гражданская община, как носитель полного государственного суверенитета, так и не появился. Здесь не было того, что можно назвать демократической революцией, в отличие от Греции и Рима. Гожэнь – лично свободные люди, полноправные граждане государства, обязанные военной службой, уплатой налогов и несением ряда повинностей (К. Васильев 1998: 179; Рубин 1999: 208), так и не взяли власть в свои руки. Народное собрание приобретало власть только в периоды опасности и чрезвычайных обстоятельств (Рубин 1999: 228). Обращает на себя внимание тот факт, что правитель заключал договор со знатью в храме, а с гожэнь – за городом (Рубин 1999: 213). Это может свидетельствовать о пришлом происхождении гожэнь. С учетом того, что они стояли вне кланов, это сближает их с римскими плебеями, которые имели свой главный храм за пределами римского померия.

Архаическая революция в Китае носила неполный характер. Развитие социумов в период Чуньцю остановилось на стадии, соответствующей царскому периоду в Риме. Ваны этого периода, так же как и римские цари, имели не монархическую, а скорее магистратскую власть. Причиной подобного рода явления, по нашему мнению, стал высокий уровень преемственности между Шан-Инь и Западным Чжоу. В Древней Греции дорические племена пришли на Пелопоннес через столетие после гибели Микенского государства (исторически аналогичного Шан-Инь) и дальнейшее развитие шло уже с «чистого листа» (Андреев 2004: 13).

ОЙКУМЕНА ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ

Процесс формирования ойкумены в процессе архаической революции в Китае начался с того, что чжоусцы, переняв земледельческие навыки от шанцев, широко распространили их среди завоеванных ими племен по всей территории бассейна Хуанхэ. Происходит китаизация варваров на Среднекитайской равнине, не имевших в этом регионе своей ойкумены (жунов, ди,

и). Появляется представление о единстве происхождения в форме самоназвания хуася. Остальные народы воспринимаются как варвары (М. Крюков и др. 1978: 271-274; М. Крюков 1982: 150-151). Аналогичные процессы в это время происходят в Греции (М. Крюков и др. 1978: 271-272; М. Крюков 1982: 153). В V в. до н.э. в среднем течении Хуанхэ складывается территория, населенная хуася, которые оказывали культурное влияние на периферийные царства (М. Крюков и др. 1978: 279-281).

Процесс объединения царств в этот период имел форму надобщинного пространства как интегративного единства социумов в рамках формирующейся ойкумены (Кондорский 2014). Подобного рода процессы имели место в классические периоды постархаических систем в Греции (Афинский морской союз), Риме (Итальянская федерация), Индии (империя Маурьев). К концу Чжаньго в Китае все царства были объединены в рамках единой политической системы Цинь Ши-хуанди.

Но не смотря на то, что царства-соперники были уничтожены, а их территории вошли в состав «империи», общины в известной степени сохранили свое внутреннее самоуправление в лице старейшин фулао, которые не были царскими чиновниками (Переломов 1962: 74). Попытки разрушить общины, в конечном итоге, закончились неудачей (История Китая... Т. II. 2013: 162-163; Кульпин 1990: 82). Созданная Цинь Ши-хуанди надобщинная «конструкция» оказалась неустойчивой и рухнула после его смерти. В последующий период гражданских войн именно органы общинного самоуправления показали себя единственной реальной властью (История древнего... Кн. 2. 1982: 515).

Если империя Цинь оказалась недолговечной, то империя Хань просуществовала четыре столетия. Дело в том, что произошли качественные изменения, которые привели к появлению нового типа надобщинного пространства – «имперского» (Кондорский, 2014: 55), имеющего развитую инфраструктуру на всей территории Китая. Важнейшим элементом ойкумены нового типа была система дорог с почтовыми станциями (Малявин 1983: 18). Точно такую же картину мы наблюдаем в это время в пределах Римской империи.

В основе нового государства лежал общественный договор, который Лю Бан и его команда заключили с общинами. Лю Бан, разослав по всему царству своих гонцов, собрал в Сяньяне циньских фулао и заключил с ними договор (История Китая... Т. II. 2013: 163). Так же, как римские императоры воспринимались как олицетворение римской общины (ее власти), то же самое можно отнести к новоиспеченному императору. Имперская администрация в период Хань действовала в надобщинной сфере (Переломов 1966: 153), имея дело с личжень – главами совета старейшин, представлявшими интересы общины в сношениях с внешним миром (История Китая... Т. II. 2013: 155; Переломов 1962: 65).

В процессе развития обеих Империй постепенно происходят процессы деградации и на уровне общины (История крестьянства... Т. 1. 1985: 81; Малявин 1983: 30), и на уровне элиты. В Римской империи земледельцы уже не могут самостоятельно вести хозяйство и превращаются в зависимых колоннов. Аналогичные процессы

в это время происходят в Китае, где целые общины переходят под покровительство «сильных домов» (История древнего... Кн. 3. 1982: 142-144; Малявин 1983: 23).

Политика руководства Империи, направленная на ослабление крупной земельной знати путем физической расправы и переселения (Кудрин 1979: 78), не дала нужных результатов. К III в. н.э. у «сильных домов» появляется свое войско и они берут на себя организующую роль в обществе (М. Крюков и др. 1979: 39).

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗАЦИИ

Гибель империи Хань положила начало периоду феодализации. Подобного рода период в Западной Европе был характерен для династий Меровингов и Каролингов. Феодализм как система здесь появился только на рубеже I тыс. (Кондорский 2016: 26). Многочисленные исторические (эволюционные) ветви в Китае, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели отдельные признаки, характерные для феодализма. В Европе различия в феодальных «ветвях» носили, в основном, территориальный характер. Французский тип феодализма заметно отличался от немецкого, а тот от восточноевропейского. В Китае различия наблюдались во времени, вплоть до периода Тан.

Сам феодализм как система (в «китайском исполнении») появляется только в период империи Сун (Кондорский 2016: 34). В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с «чистого листа», в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свое правопреемство с Римской империей (Каждан 1966, с. 56), но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В Китае «двойственность» ойкумены (о которой говорилось выше) была основной причиной нестабильности, что предполагало острую потребность в ручном управлении в лице государства. В земледелии это нашло свое выражение в так называемой системе «равных полей». Применительно к собственно аграрному сектору система «равных полей» состояла в закреплении за каждым работником права на получение участков земли определенной площади и установлении фиксированных налогов. Для этого утверждался принцип государственной собственности на землю. Наделы выдавались только трудоспособному населению, прикрепляя при этом крестьян к земле (Конрад 1974: 114-157; Никифоров 2002: 177-181).

Рост частнособственнических сил, на время обузданных надельной системой, в VIII в. н.э. взорвал единство империи Тан (Никифоров 2002: 182-183). Земли превратились (особенно после мятежа Ань Лушаня) в фактическую собственность крупных землевладельцев (История Китая...Т. III. 2014: 306). Государство вынуждено было прекратить ежегодные переделы полей, снять ограничения с размеров землевладения. Реформа 780 г. Ян Яня означала признание краха надельной системы и победу крупного частного землевладения (Никифоров 2002: 185). Согласно ей земельный соб-

ственник облагался налогом в соответствии с размером его владения. Реформа узаконила свободную куплю-продажу и ускорила процесс перераспределения земельной собственности, которая, в конечном итоге, привела к обезземеливанию больших масс крестьян (История Китая... Т. III. 2014: 307).

ФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В период династии Сун наконец появляются землевладельцы, которых мы можем назвать феодалами, и права собственности которых не обусловлены службой и чином (Кычанов 1992: 122). Расширение частных собственников идет в основном за счет освоения целины (Лапина 1970: 76; Смолин 1974: 103). Освоенная земля всегда считалась бесспорной собственностью (М. Крюков и др. 1979: 43). Будущие феодалы выступают здесь как организаторы этого процесса в качестве частных лиц. Массовая внутренняя колонизация, в результате «великих расчисток» XI-XII вв., стала основой экономического базиса развития феодализма в Западной Европе (Блок 1957: 45-46; Глебов 2014: 22-23).

С началом новой династии перед властью стояли одни и те же проблемы в плане восстановления ойкумены после периода смуты. То же самое относится и к династии Мин, руководству которой необходимо было срочно восстанавливать инфраструктуру после освобождения от монгольского ига. Решать проблему бродячего люда, организовывать освоение пустующих земель (Боровкова 1974: 164). В связи с тем, что новая династия нуждалась в поддержке населения, предпринимались меры по снижению налогов, раздаче земли, борьбе со злоупотреблениями (Свистунова 1966: 26).

Первым императором новой династии Чжу Юаньчжаном была предпринята попытка усилить личную власть (Бокщанин, Непомнин 2002: 37) путем проведения реформ, аналогичных тем, которые пытался осуществить Иван Грозный. Репрессиями была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских ученых, землевладельцев, военачальников – речь идет о десятках тысяч людей (Боровкова 1974: 163). На их место приходили люди из формально непривилегированных слоев («служивые люди»), которые своим положением были обязаны новой династии. Были даже свои «опричники». Для вылавливания «ненадежных» был создан специальный военизированный отряд – «парчовая охрана», занимавшаяся сыском и пытками (Бокщанин, Непомнин 2002: 38).

Однако, новому императору не удалось добиться желательной дееспособности нового чиновничьего аппарата. Бюрократизм, взяточничество быстро стали характерными атрибутами функционирования последнего (Боровкова 1979: 120). К тому же, новый император больше «смотрел назад», чем вперед. Созданная им система уделов утверждала патриархальные принципы и, в известной мере, переносила семейную этику на общегосударственный уровень (Бокщанин 1986: 35). Несовершенный и противоречивый характер структуры ойкумены периода Мин, в конечном итоге, привел к ее деградации и гибели.

В феодальный период в Китае было более, чем достаточно различных рецидивов собственно периода древности в сознании китайского социума. В условиях Китая система управления складывалась по древним образцам. Государственный аппарат рассматривался как продолжение личности монарха (Лапина 2014: 54-55). Император и народ в сознании того времени находились в определенном органическом единстве. Император воспринимался как организующий центр, как устроитель мира. Его власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом (Мартынов 1972: 75).

Феодальная революция в Китае носила неполный характер. В результате сформировался лишь слабый потенциал развития – в отличие от Западной Европы. Основную роль сыграли факторы заметной преемственности и относительной изоляции Китая. Изоляция на уровне ойкумены всегда препятствовала технологическому и социальному прогрессу. Не смотря на то, что в Китае самостоятельно появился порох, бумага, компас – это не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, внешней колонизации. Все эти изобретения не имели таких фундаментальных социально-политических последствий как в Европе (Кондорский 2024: 86).

ИНЕРЦИОННЫЙ ПЕРИОД В КИТАЕ

В конечном итоге, инерционность развития, отсутствие каких-либо реформ привели к тому, что за четыре века мало, что изменилось в Китае. Не смотря на свой огромный материальный потенциал, Китай не использовал его для дальнейшего развития. Еще в чале XIX в. Китай производил треть мирового ВВП (Киссинджер 2013: 27). Парадокс заключался в том, что в этот период Китай имел тип сознания, не позволявший это сделать.

В этот же период в городе и деревне формируется корпоративная система (ойкумена), внешне похожая на западноевропейскую. Но в Европе член корпорации уже осознавал себя личностью, имеющую права. В Китае корпорации обычно обеспечивали своих членов средствами существования и были полностью зависимы от властей. Цеховая организация не служила средством защиты от произвола чиновников, а использовалась государством для фискального и полицейского контроля (Непомнин 1974: 55).

К концу XIX в. в Китае сохраняется система, для характеристики которой не совсем подходит термин «феодальная» (Делюсин, Костяева 1985: 95). Во Франции период, предшествующий Революции, в мировой исторической литературе обычно называют не слишком обязывающим понятием «Старый порядок». Поэтому для Китая больше бы подошел термин «Традиционный порядок».

В период, предшествующий революционным событиям в Китае, основу сельскохозяйственного производства составляли арендные отношения. Община имела традиционный, патриархальный архетип. Глава семьи не мог продать имущество без согласия остальных мужчин. Преимущество на покупку участка земли имели родственники (Тяпкина 1976: 274). Здесь можно гово-

речь о заметной ограниченности прав на землю (Дацышен 2003: 41).

Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаями. В деревне доминировали клановые отношения. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана (Делюсин, Костяева 1985: 103). Практика приобретения земли шэньши, торговцами и ростовщиками не приводила к каким-либо заметным изменениям. Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание (Социально-экономические... 1990: 103). Товарно-денежные отношения носили внешний, зависимый характер. Увлечение некоторыми техническими культурами, которые пользовались спросом на внешнем рынке, приносило неплохой доход. Но это служило обычно средством получения денег (Непомнин 1962: 44), а не капитала. Следует отметить несовместимость конфуцианской идеологии с предпринимательством. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные отношения (Панцов 1985: 20).

Деревня видела своим врагом государство и чиновников с их налоговым произволом. Даже в период массовых восстаний крестьянство не выдвигало требований перераспределения земли (Бокщанин и др. 2010: 366). Еще в древности, в рамках государства, традиционная самоуправляемая община выступала как «черный ящик», связанная с ним через налоги и выполнение определенных повинностей. Похожая картина наблюдалась и в предреволюционный период. Определенный внутренний порядок здесь поддерживался на основе клановых отношений. Кланов осуществляли контроль за нравами, поведением и соблюдением обычаев и наказывали провинившихся (Тяпкина 1976: 276).

В процессе революционных событий в Китае стали рушиться патриархальные отношения. После падения монархии началось наступление не только на краткосрочную и бессрочную аренду, но и на институт «вечной аренды» – самой привилегированной и наиболее выгодной для крестьян. Снятие препоны для некоторого развития в деревне рыночных отношений, прежде всего, стало «работать» на землевладельцев (Непомнин 2011: 162-163). Арендная плата по-прежнему достигала 60-70% (Юрьев 1968: 134).

Естественно, что это приводило к увеличению социальной напряженности в деревне. Здесь наблюдалось нечто похожее на столыпинскую реформу, которая не столько решила, сколько обострила проблемы в крестьянской среде. Нарушив существующее равновесие и расколов традиционную общину, реформаторы не предложили основной массе крестьян ничего взамен. Начался неуправляемый и неконтролируемый процесс разрушения общинного сознания, который добавил дополнительные «угли» в пожар будущей революции в России (Тютюкин, Шелохаев 1996: 135). Аналогичная ситуация имела место в Китае.

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Для понимания и анализа революционных событий в Китае полезной будет концепция революционного периода (РП). Революции (и последующие контррево-

люции) в одной стране составляют РП, как целостную систему в пространстве и во времени. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. Отдельные положения данной теории были изложены автором в ряде публикаций (Кондорский 2015; 2017; 2025). РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – гражданской войной. В большинстве европейских стран (в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В СТГ – России, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских и балканских государствах, РП ограничился рамками XX века. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов (Кондорский 2022).

РП имеет свои специфические законы. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. РП не совместим с демократией. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру.

В РП можно выделить два основных этапа (Кондорский, 2015: 139). Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы, старого сознания. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путем учреждения конституции. Если существующий режим, трансформируясь, создает условия для развития капитализма, первый этап может продолжаться несколько десятилетий (как в Германии, Австро-Венгрии, Японии – СВГ). В СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и самого государства в целом, что и имело место в Китае, Турции, России.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД В КИТАЕ

Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 году закончились полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» (Ходоров 1925: 11). Синьхайская революция произошла на основе старого сознания, так же как и революция 1905 года в России.

После того как во время революции 1925-27 годов было полностью разрушено старое государство, дальнейшее историческое развитие Китая сопровождалось

противоборством двух основных политических сил – Гоминьдана и КПК. Попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживающейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции «государственного социализма», закончился ничем (Чудодеев 2013).

В свое основе Гоминьдан был мелкобуржуазной партией. Пестрота состава партии, столкновение противоречивых интересов представленных в ней социальных слоев и групп, вели только к ее ослаблению (Глунин 1978). Не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком (Далин 1927: 210), не был реформатором с «большой буквы». Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований (Бурлацкий 2002: 367).

В свое время большое влияние на идеологию Гоминьдана оказало конфуцианство (Мартынов 2007: 168), как морально-этическое учение, которое носило антиреволюционный характер. Убежденным конфуцинцем был Чан Кайши (Буров 1998: 41-44). Формально КПК вела борьбу с традиционным сознанием, считая его конкурентом коммунистической идеологии, хотя Мао Цзэдун часто цитировал древних философов.

После мучительных поисков своего пути (включая союз с Гоминьданом) КПК к началу 30-х годов сделала окончательную ставку на вооруженную борьбу. Основу Красной армии составляли крестьяне. При самом активном участии Мао Цзэдуна в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий, было инактивировано патриархальное сознание крестьян, вырванных из традиционной общины. Это дало КПК идеальный «материал» для формирования боеспособной и дисциплинированной армии-партии. Была решена задача – превратить сборище плохо вооруженных крестьян в революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику (Шорт 2001: 180).

Более двадцати лет истории КНР прошли при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он уже не просто руководитель партии и государства, а органическая часть государственно-партийного «тела», его голова. Ни партия, ни государство сами по себе вне власти Мао Цзэдуна просто не существовали (Галенович 2005: 6). Нечто подобное наблюдалось и в других СТГ в лице Ленина, Сталина, Ататюрка, Хо Ши Мина.

Мао Цзэдун, прежде всего, был политиком макиавеллиевского типа. Таким, каким были Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Черчилль. Кстати, если бы последний очутился на месте Сталина или Мао, он действовал точно такими же методами, в соответствии с объективными законами данной политической системы. Мао Цзэдун обладал удивительным даром предвидения, твердыми убеждениями и уверенностью в собственных силах (Шорт 2001: 252). Мао чаще других был прав в дискуссиях о путях революции в Китае и его развития. Он лучше понимал душу и чаяния своего народа и меньше оглядывался на зарубежный опыт. При этом, не останавли-

вался ни перед какими средствами, ни перед какими жертвами для достижения победы (Бурлацкий 2002: 50).

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

У Сталина Мао Цзэдун научился раз в 7-8 лет «встряивать» руководство партии и государства, устраняя при этом потенциальных соперников (Бурлацкий 2002: 84). Начиная культурную революцию, Мао исходил из принципа «без разрушения нет созидания». Он пришел к решению, которое выражалось формулой: «Только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там порядок» (Маомао 2001: 19). Мао считал, что в партию, правительство, армию и интеллигенцию проникло большое число представителей буржуазии и «контрреволюционных ревизионистов». Только начав великую пролетарскую «Культурную революцию», можно было решить накопившиеся проблемы (Попов 2007: 123).

Основной удар был направлен по идеологическим органам партии, представителям творческой интеллигенции (Непомнин 2011: 554). Т. е. потенциальным носителям идей «ревизионизма». В дальнейшем, мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что оно не пошло по пути Хрущева, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве. В свое время Дэн Сяопин укорял советское руководство за осуждение культа Сталина (Делюсин 2001: 11).

Анализируя сущность событий, связанных с Культурной революцией, нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторических процессов часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию. Мао панически боялся появления после его смерти в Китае ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущева. Развал Советского Союза начался после его знаменитого доклада на XX съезде Партии. «Слабину», которую дали генеральные секретари КПК Ху Яобан в период студенческих волнений в 1986 году и Чжао Цзыян во время событий на площади Тяньаньмэнь, подтвердили опасения Мао Цзэдуна.

Если бы не было Культурной революции – не было бы современного Китая. Любая «перестройка» горбачевского типа привела бы к развалу государства (Кондрашева 2009: 170). Автор придерживается абсолютно такого же мнения (Кондорский 2015: 146). Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 году, с учетом событий на Украине, носили более чем разумный характер.

В Советском Союзе не было своей «культурной революции». У нас была так называемая «оттепель», деятели которой в известном «письме сорока двух», опубликованному в газете «Известия» 5 октября 1993 года, по существу потребовали внесудебной расправы над теми, кто оказал сопротивление антиконституционному перевороту, совершенному Ельциным и его окружением, запрета целого ряда газет и политических партий. В результате мы имеем, то что имеем. В отличие от Китая, которому принадлежит весь двадцать первый век. Празднование 80-летия победы над милитаристской Японией это лишний раз подтвердило.

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ

В современном Китае все, что не делается в экономике, культуре, не говоря уже о политической сфере, находится под контролем государства и его руководящей силы – КПК. Известный экономист Дж. Стадвелл считает это основным фактором успешного развития государства (Стадвелл 2017: 363). Можно сколько угодно критиковать Китай с либеральных позиций за отсутствие классического рынка и нарушение так называемых «прав человека», но факты говорят сами за себя. Среднегодовые темпы роста ВВП страны за последние 10 лет составляют 6-7%, а вклад в рост мировой экономики превышает 30%. ВВП на душу населения составляет более 8 тыс. долларов (Ли Хуэй 2018: 4). Для сравнения – этот показатель на Украине не превышает 2 тыс. долларов.

В свое время, взяв за основу базовое понятие (категорию) «товар», К. Маркс построил свою теорию развития капитализма. Нынешнее руководство Китая в своей внутренней и внешней политике опирается на понятие «нации» как единство китайского народа с государством и Партией. С учетом не только истории XX в. и перспектив на ближайшее будущее, но и тех культурных аспектов, которые лежат в основе китайской цивилизации, начиная с периода древности.

Обращает на себя внимание то, что руководство страны последовательно претворяет в жизнь поставленные задачи. К 2020 г. (столетию образования КПК) создано общество средней зажиточности. А к середине нынешнего столетия, к 100-летию юбилею основания КНР, поставлена задача построения социализма с китайской спецификой (Ли Хуэй 2018: 3-4). В отличие от руководства Советского Союза, Китай подходит крайне осторожно к оценке данного процесса (Титаренко 2013: 9).

Следует отметить, что еще в 2001 г. тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК Цзянь Цзэминь особо подчеркнул, что КПК выступает как партия передовых представителей китайской нации, как партия возрождения китайской нации. КПК, таким образом, приобрела статус политической партии, выражающей и претворяющей в жизнь интересы Китая (Титаренко 2012: 16).

Китай является страной, где цивилизационный аспект, исторический фактор играют более чем значительную роль. Си Цзиньпином предпринята попытка синтеза, соединяющего китайский марксизм, включая гносеологические подходы Мао Цзэдуна, и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонии. Идея гармонии «хэ» является генетическим принципом китайской цивилизации. По мнению Председателя КНР китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская культура поклоняется гармонии (Титаренко, Ломанов 2015: 24-25).

Китай предпочитает активный характер внешней политики, не следуя пассивной интеграции в мировую экономику, обернувшейся потерей экономической и политической самостоятельности для многих государств (Салицкий, Семенов 2016: 152). Представленная мировой общественности Председателем КНР Си Цзиньпи-

ном в Астане 7 сентября 2013 года стратегия под названием «Экономический пояс Шелкового пути» является программой радикальной активизации внешнеполитической деятельности КНР (Ларин, Матвеев 2014: 7).

Тщательный анализ, проведенный автором концепции ЭПШП (Кондорский 2019), оставляет двойственное чувство. Все планируемые мероприятия не совсем стыкуются с базовыми законами экономической и политической систем западного образца. Несомненно, здесь присутствует цивилизационная составляющая, уходящая своими корнями в глубь истории страны. В начальный период династии Мин имели место грандиозные морские экспедиции (вплоть до Аравийского полуострова). Данные экспедиции преследовали не экономические и политические цели, а носили престижный характер – «показать свой флаг» (Фицджеральд 2005: 308).

Фактор престижа всегда играл исключительно важную роль в истории Китая вплоть до нашего времени, что не всегда учитывается и воспринимается западными политологами и экономистами. Китай уже исчерпал все возможности своего развития в рамках западной геоэкономической системы. Более чем актуальным является создание странами третьей генерации своего политического, экономического и финансового пространств, что и делается в рамках ШОС и БРИКС (хотя, пока достаточно медленно).

Только государства, где закончился РП, могли стать полноправными субъектами геополитического пространства (Кондорский 2025: 146-147). Основной причиной напряженности в начале XXI века стало то, что целый ряд ведущих СТГ, в которых в 90-е годы закончился РП (в первую очередь, Китай, Россия, Турция, Иран), став субъектами геополитического пространства стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине и Ближнем Востоке следует рассматривать именно в этом разрезе.

Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния между старыми (западными странами) и новыми субъектами. Противоречия имеются и между новыми субъектами (например, между Россией и Турцией, Китаем и Индией). Однако, если со своими «коллегами» по СТГ можно договориться, найти общий язык (что и показал последний саммит ШОС в Тяньцзине), то с СПГ и СВГ (Западом) отношения носят антагонистический характер. Любые долгоиграющие договоренности между этими системами в настоящее время невозможны. И это не просто субъективное мнение, а следствие объективных законов теории революционного периода. Автор обратил внимание на это еще в 2017 году (Кондорский 2017: 683).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 2004 - Андреев Ю.В. Гомеровское общество. СПб.: Нестор-История, 2004. 492 с.
- Баглай 1995 - Баглай Е.В. Древнеацтекское государство: структура власти и управления // Ранние формы политической организации. М.: Восточная литература, 1995. С. 230-258.
- Беляев 2002 - Беляев Д.Д. Древние майя (III-IX вв. до н.э.) // Цивилизационные модели политогенеза. М.: ИА РАН, 2002. С. 130-155.
- Берлев 1972 - Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972. 368 с.
- Блок 1957 - Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: Иностранная литература, 1957. 353 с.
- Бокщанин 1986 - Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин 1368-1644). М.: Наука, 1986. 261 с.
- Бокщанин, Непомнин 2002 - Бокщанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Восточная литература, 2002. 430 с.
- Бокщанин, Непомнин, Степугина 2010 - Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая. М.: Восточная литература, 2010. 599 с.
- Бондаренко 2009 - Бондаренко Д.М. Социокультурная норма и ограничения единоличной власти в Бенине при династии Оба (XIII-XIX вв.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М.: ИА РАН, 2009. С. 152-171.
- Боровикова 1974 - Боровикова Л.А. О некоторых моментах аграрной политики Чжу Юань-чжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М.: Наука, 1974. С. 152-172.
- Боровикова 1979 - Боровикова Л.А. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 116-133.
- Бурлацкий 2002 - Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. Цзян Цин и советник Дэн. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 384 с.
- Буров 1998 - Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М.: ИФ РАН, 1998. 234 с.
- В. Крюков 1988 - Крюков В.М. Надписи на западножюуских бронзовых сосудах из Фуфена // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 96-112.
- Вейнберг 1993 - Вейнберг И.П. Рождение истории. М.: Наука, 1993. 350 с.
- Глебов 2014 - Глебов А.Г. Высокое средневековье: Западная Европа в XI-XIII вв. Воронеж: Истоки, 2014. 254 с.
- Глунин 1978 - Глунин В.И. Политика Коминтерна в Китае (1921-1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. М.: Наука, 1978. С. 207-244.
- Далин 1927 - Далин С. Очерки революции в Китае. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 282 с.
- Дацышен 2003 - Дацышен В.Г. Новая история Китая. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 2003. 191 с.
- Делюсин 2001 - Делюсин Л.П. Китай: полвека – две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001. 296 с.
- Делюсин, Костяева 1985 - Делюсин Л.П., Костяева А.С. Революция 1925-1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Дементьева 2005 - Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия imperium // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46-75.
- Демидчик 2005 - Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005. 272 с.
- История древнего мира 1982 - История древнего мира. Кн. 2 / редактор И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1982. 576 с.
- История древнего мира 1982 - История древнего мира. Кн. 3 / редактор И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1982. 304 с.
- История Китая 2013 - История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / редактор Л.С. Переломов. М.: Восточная литература, 2013. 688 с.
- История Китая 2014 - История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907) / редактор С.Л. Тихвинский. М.: Восточная литература, 2014. 991 с.
- История крестьянства 1985 - История крестьянства в Европе. Т. 1 / редактор З.В. Удальцова. М.: Наука, 1985. 605 с.
- К. Васильев 1998 - Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 319 с.
- Каждан 1966 - Каждан А.П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966. № 3. С. 53-64.
- Киссинджер 2013 - Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.
- Кондорский 2013 - Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16-28.
- Кондорский 2014 - Кондорский Б.М. «Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства // Традиционное общество: неизменное, прошлое. X Международная научно-практическая конференция. Челябинск: ЮУГПУ, 2014. С. 51-56.
- Кондорский 2015 - Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134-150.
- Кондорский 2016 - Кондорский Б.М. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 24-40.
- Кондорский 2017 - Кондорский Б.М. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как стран третьей генерации // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 668-687.
- Кондорский 2019 - Кондорский Б.М. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 21-28.

- Кондорский 2020 - Кондорский Б.М. Революционная концепция процесса исторического развития // VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020. Глобальные проблемы и будущее человечества». М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566-571.
- Кондорский 2021 - Кондорский Б.М. Сравнительные основы биологической, социальной и языковой эволюции // Эволюция: О трендах Универсальной революции. Волгоград: Учитель, 2021. С. 101-138.
- Кондорский 2022 - Кондорский Б.М. Революционный период в мусульманских странах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. Т. 13. Волгоград: Учитель, 2022. С. 403-478.
- Кондорский 2023 - Кондорский Б.М. Революционная концепция исторического развития (ранняя древность). Часть первая // Историческая психология и социология истории. 2023. № 2. С. 5-36.
- Кондорский 2024 - Кондорский Б.М. Концепция Ойкумены (на примере Китая) // Исторический формат. 2024. № 2. С. 82-92.
- Кондорский 2025 - Кондорский Б.М. Характер революционного периода в основных странах мира (XVII-XXI века) // Исторический формат. 2025. № 1. С. 144-163.
- Кондрашова 2009 - Кондрашова Л.И. Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2009. С. 159-177.
- Конрад 1974 - Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. 470 с.
- Кофанов 2002 - Кофанов Л.Л. Понятие и характер куриатных комиций в древнейшем Риме // Вестник древней истории. 2002. № 1. С. 97-107.
- Кофанов 2006 - Кофанов Л.Л. Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VIII-III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. 575 с.
- Кудрин 1979 - Кудрин В.И. Экономическая политика в период Западная Хань (государственное регулирование торговли, финансов и ремесленного производства) // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 66-89.
- Кульпин 1990 - Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990. 247 с.
- Кычанов 1992 - Кычанов Е.И. Право и личность в старом Китае // Личность в традиционном Китае. М.: Восточная литература, 1992. С. 117-140.
- Л. Васильев 1976 - Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Л. Васильев 1983 - Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 327 с.
- Л. Васильев 1989 - Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М.: Наука, 1989. 310 с.
- Л. Васильев 1995 - Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1. М.: Восточная литература, 1995. 389 с.
- Лапина 1970 - Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40-70-е годы XI в.). М.: Наука, 1970. 307 с.
- Лапина 2014 - Лапина З.Г. Доктрина государства в контексте востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая) // Общество и государство в Китае. Т. XIV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 51-56.
- Ларин, Матвеев 2014 - Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 5-15.
- Ли Хуэй 2018 - Ли Хуэй. Навстречу «Китайской мечте» // Азия и Африка сегодня. 2018. № 1. С. 2-8.
- М. Крюков 1982 - Крюков М.В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 55-82.
- М. Крюков, Малявин, Софонов 1979 - Крюков М.В., Малявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- М. Крюков, Софонов, Чебоксаров 1978 - Крюков М.В., Софонов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 344 с.
- Малявин 1983 - Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Наука, 1983. 226 с.
- Маомао 2001 - Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний. М.: Муравей-гайд, 2001. 493 с.
- Мартынов 1972 - Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5. С. 71-82.
- Мартынов 2007 - Мартынов Д.Е. Конфуцианские утопические элементы в официальной идеологии Китая в условиях модернизации страны (1927-1949) // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 1 (35). С. 169-172.
- Немировский 2005 - Немировский А.А. Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в Древней Месопотамии // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2005. С. 95-145.
- Немировский 2009 - Немировский А.А. «Если царь с законоустановлением страны не считается...». Правитель, подданные и норма в вавилонно-ассирийском мире // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М.: ИА РАН, 2009. С. 44-78.
- Непомнин 1962 - Непомнин О.Е. К вопросу о складывании экономических предпосылок революции 1911 г. в китайской деревне // Синьхайская революция в Китае. М.: Наука, 1962. С. 33-50.
- Непомнин 1974 - Непомнин О.Е. Экономическая история Китая (1864-1894 гг.). М.: Наука, 1974. 303 с.
- Непомнин 2011 - Непомнин О.Е. История Китая. М.: ИВ РАН, 2011. 736 с.
- Никифоров 2002 - Никифоров В.Н. Очерк истории Китая: II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия. М.: ИДВ РАН, 2002. 448 с.
- Новгородова 1989 - Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.
- Оппензгейм 1980 - Оппензгейм А. Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1980. 406 с.
- Панцов 1985 - Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20-40-х годов. М.: Наука, 1985. 116 с.

- Переломов 1962 - Переломов Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221-202 гг. до н.э.). М.: Наука, 1962. 243 с.
- Переломов 1966 - Переломов Л.С. Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н.э. – III в. н.э. // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М.: Наука, 1966. С. 150-159.
- Перепелкин 2000 - Перепелкин Ю.М. История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000. 560 с.
- Печатнова 2001 - Печатнова Л.Г. История Спарты периода архаики и классики. СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. 510 с.
- Попов 2007 - Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М.: Экзамен, 2007. 286 с.
- Рубин 1999 - Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. М.: Восточная литература, 1999. 384 с.
- Салицкий, Семенова 2016 - Салицкий А.Н., Семенова Н.К. Расширение стратегических горизонтов Китая // Восток. 2016. № 4. С. 151-160.
- Свистунова 1966 - Свистунова Н.П. Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в. М.: Наука, 1966. 166 с.
- Смолин 1974 - Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М.: Наука, 1974. 556 с.
- Социальная структура 1990 - Социальная структура Китая: XIX – первая половина XX в. / ред. О.Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. 436 с.
- Стадвелл 2017 - Стадвелл Д. Азиатская модель управления. Удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина паблишер, 2017. 534 с.
- Старостин 2015 - Старостин Г.С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании. М.: Дело, 2015. 581 с.
- Титаренко 2013 - Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 88 с.
- Титаренко 2013 - Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3-24.
- Титаренко, Ломанов 2015 - Титаренко М., Ломанов А. Становление Китая как великой державы. Политические и культурные аспекты стратегии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 17-28.
- Тютюкин, Шелохаев 1996 - Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксизм и русская революция. М.: РОССПЕН, 1996. 240 с.
- Тяпкина 1976 - Тяпкина Н.И. О традиционных социальных институтах китайской деревни первой половины XX в. // Общество и государство в Китае. Т. II. М.: ИВ РАН, 1976. С. 271-279.
- Фицджеральд 2005 - Фицджеральд С. История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. 460 с.
- Фролов 1988 - Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 232 с.
- Ходоров, Павлович 1925 - Ходоров А.Е., Павлович М.П. Китай в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов, 1925. 194 с.
- Чудодеев 2013 - Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М.: ИВ РАН, 2013. 392 с.
- Шифман 1989 - Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 53-85.
- Шорт 2001 - Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2001. 467 с.
- Юрьев 1968 - Юрьев М.Ф. Революция 1925-1927 гг. в Китае. М.: Наука, 1968. 518 с.

REFERENCES

- Andreev 2004 - Andreev YU.V. Gomerovskoe obshchestvo [The Homeric Society], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004. 492 p. [in Russian].
- Baglaj 1995 - Baglaj E.V. Drevneaztekское gosudarstvo: struktura vlasti i upravleniya [The Ancient Aztec State: the structure of power and governance], in: Rannie formy politicheskoy organizatsii [Early forms of political organization], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, pp. 230-258 [in Russian].
- Belyaev 2002 - Belyaev D.D. Drevnie majya (III-IX vv. do n.e.) [Ancient Maya (III-IX centuries BC)], in: Civilizacionnye modeli politogeneza [Civilizational models of politogenesis], Moscow, IA RAN Publ., 2002, pp. 130-155 [in Russian].
- Berlev 1972 - Berlev O.D. Trudovoe naselenie Egipta v epohu Srednego carstva [The working population of Egypt in the era of the Middle Kingdom], Moscow, Nauka Publ., 1972, 368 p. [in Russian].
- Blok 1957 - Blok M. Harakternye cherty francuzskoy agrarnoy istorii [Characteristic features of French agrarian history], Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1957, 353 p. [in Russian].
- Bokshchanin 1986 - Bokshchanin A.A. Udel'naya sistema v pozdnesrednevekovom Kitae (period dinastii Min 1368-1644) [The appanage system in Late Medieval China (the period of the Ming Dynasty 1368-1644)], Moscow, Nauka Publ., 1986, 261 p. [in Russian].
- Bokshchanin, Nepomnin 2002 - Bokshchanin A.A., Nepomnin O.E. Liki Sredinnogo carstva: Zanimatel'nye i poznavatel'nye syuzhety srednevekovoy istorii Kitaya [Faces of the Middle Kingdom: Entertaining and informative stories of medieval Chinese history], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 430 p. [in Russian].
- Bokshchanin, Nepomnin, Stepugina 2010 - Bokshchanin A.A., Nepomnin O.E., Stepugina T.V. Istoriya Kitaya [The History of China], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010, 599 p. [in Russian].
- Bondarenko 2009 - Bondarenko D.M. Sociokul'turnaya norma i ogranicheniya edinolichnoy vlasti v Benine pri dinastii Oba (XIII-XIX vv.) [Sociocultural norm and limitations of sole power in Benin under the Oba dynasty (XIII-XIX centuries)], in: Pravitel' i ego poddannyye: sociokul'turnaya norma i ogranicheniya edinolichnoy vlasti [The ruler and his subjects: the sociocultural norm and limitations of sole power], Moscow, IA RAN Publ., 2009, pp. 152-171 [in Russian].

- Borovikova 1974 - Borovikova L.A.** O nekotoryh momentah agrarnoj politiki CHzhu YUan'-chzhana [On some aspects of Zhu Yuan-zhang's agrarian policy], in: Agrarnye otnosheniya i krest'yanskoe dvizhenie v Kitae [Agrarian relations and the peasant movement in China], Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 152-172 [in Russian].
- Borovikova 1979 - Borovikova L.A.** Materialy o politike Min v konce XIV v. po voprosu o social'noj organizacii derevni [Materials on the politics of the Ming at the end of the 14th century on the issue of the social organization of the village], in: Social'naya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Kitaya [Social and socio-economic history of China], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 116-133 [in Russian].
- Burlackij 2002 - Burlackij F.M.** Mao Czedun. Czyan Cin i sovetnik Den [Mao Zedong. Jiang Qing and Advisor Deng], Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002, 384 p. [in Russian].
- Burov 1998 - Burov V.G.** Modernizaciya tajvan'skogo obshchestva [Modernization of Taiwanese society], Moscow, IF RAN Publ., 1998, 234 p. [in Russian].
- CHudodeev 2013 - CHudodeev YU.V.** Krahn monarhii v Kitae [The collapse of the Monarchy in China], Moscow, IV RAN Publ., 2013, 392 p. [in Russian].
- Dacyshen 2003 - Dacyshen V.G.** Novaya istoriya Kitaya [A New History of China], Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2003, 191 p. [in Russian].
- Dalin 1927 - Dalin S.** Ocherki revolyucii v Kitae [Essays on the Revolution in China], Moscow; Leningrad, Moskovskij rabochij Publ., 1927, 282 p. [in Russian].
- Delyusin 2001 - Delyusin L.P.** Kitaj: polveka – dve epohi [China: half a century – two epochs], Moscow, IV RAN Publ., 2001, 296 p. [in Russian].
- Delyusin, Kostyaeva 1985 - Delyusin L.P., Kostyaeva A.S.** Revolyuciya 1925-1927 gg. v Kitae: Problemy i ocenki [The Revolution of 1925-1927 in China: Problems and estimates], Moscow, Nauka Publ., 1985, 283 p. [in Russian].
- Dement'eva 2005 - Dement'eva V.V.** Magistratskaya vlast' Rimskoj respubliki: sodержanie ponyatiya imperium [The magistracy of the Roman Republic: the content of the concept of imperium], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 2005, № 4, pp. 46-75 [in Russian].
- Demidchik 2005 - Demidchik A.E.** Bezymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoj monarhii [The nameless pyramid. The State doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2005, 272 p. [in Russian].
- Ficdzheral'd 2005 - Ficdzheral'd S.** Istoriya Kitaya [The History of China], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2005, 460 p. [in Russian].
- Frolov 1988 - Frolov E.D.** Rozhdenie grecheskogo polisa [The birth of the Greek Policy], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 232 p. [in Russian].
- Glebov 2014 - Glebov A.G.** Vysokoe srednevekov'e: Zapadnaya Evropa v XI-XIII vv. [The High Middle Ages: Western Europe in the XI-XIII centuries], Voronezh, Istoki Publ., 2014, 254 p. [in Russian].
- Glunin 1978 - Glunin V.I.** Politika Komintern v Kitae (1921-1927) [Comintern policy in China (1921-1927)], in: Komintern i Vostok. Kritika kritiki [The Comintern and the East. Criticism of criticism], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 207-244 [in Russian].
- Hodorov, Pavlovich 1925 - Hodorov A.E., Pavlovich M.P.** Kitaj v bor'be za nezavisimost' [China in the struggle for independence], Moscow, Nauchnaya asociaciya vostokovedov Publ., 1925, 194 p. [in Russian].
- Istoriya drevnego mira 1982 - Istoriya drevnego mira. Kn. 2 / redaktor I.M. D'yakonov** [The history of the ancient world. Book 2 / edited by I.M. Dyakonov], Moscow, Nauka Publ., 1982, 576 p. [in Russian].
- Istoriya drevnego mira 1982 - Istoriya drevnego mira. Kn. 3 / redaktor I.M. D'yakonov** [The history of the ancient world. Book 3 / edited by I.M. Dyakonov], Moscow, Nauka Publ., 1982, 304 p. [in Russian].
- Istoriya Kitaya 2013 - Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. II. Epoha CHzhan'go, Cin' i Han' (V v. do n.e. – III v. n.e.) / redaktor L.S. Perelomov** [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century: in 10 volumes. Vol. II. The Epoch of Zhanguo, Qin and Han (5th century BC – 3rd century AD) / editor L.S. Perelomov], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2013, 688 p. [in Russian].
- Istoriya Kitaya 2014 - Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. III. Troecarstvie, Czin', Yuzhnye i Severnye dinastii, Suj, Tan (220-907) / redaktor S.L. Tihvinskij** [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century: in 10 volumes. Vol. III. The Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220-907) / edited by S.L. Tikhvinsky], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2014, 991 p. [in Russian].
- Istoriya krest'yanstva 1985 - Istoriya krest'yanstva v Evrope. T. 1 / Redaktor Z.V. Udal'cova** [The History of the peasantry in Europe. Vol. 1 / editor Z.V. Udaltsova], Moscow, Nauka Publ., 1985, 605 p. [in Russian].
- K. Vasil'ev 1998 - Vasil'ev K.V.** Istoki kitajskoj civilizacii [The Origins of Chinese civilization], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998, 319 p. [in Russian].
- Kazhdan 1966 - Kazhdan A.P.** O social'noj prirode vizantijskogo samodержaviya [On the social nature of the Byzantine autocracy], in: Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa], 1966, № 3, pp. 53-64 [in Russian].
- Kissindzher 2013 - Kissindzher G.** O Kitae [About China], Moscow, Astrel' Publ., 2013, 635 p. [in Russian].
- Kofanov 2002 - Kofanov L.L.** Ponyatie i harakter kuriatnyh komicij v drevnejšem Rime [The concept and nature of the Curiate Comitia in ancient Rome], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 2002, № 1, pp. 97-107 [in Russian].
- Kofanov 2006 - Kofanov L.L.** Lex i jus: voznikovenie i razvitie rimskogo prava v VIII-III vv. do n.e. [Lex and jus: the emergence and development of Roman law in the VIII-III centuries BC], Moscow, Statut Publ., 2006, 575 p. [in Russian].
- Kondorskij 2013 - Kondorskij B.M.** Arhaicheskaya revolyuciya v drevnem Kitae (popytka sravnitel'no-istoricheskogo analiza) [The Archaic Revolution in Ancient China (an attempt at comparative historical analysis)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLIII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 2013, pp. 16-28 [in Russian].
- Kondorskij 2014 - Kondorskij B.M.** «Celina obyazatel'no budet podnyata». Elementy teorii nadobshchinnogo prostranstva [“The virgin land will definitely be raised.” Elements of the theory of supracommunal space], in: Tradicionnoe obshchestvo: neizmennoe, proshloe. X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya [Traditional society: unchanged, the past. X International Scientific and Practical Conference], Chelyabinsk, YUUGGPU Publ., 2014, pp. 51-56 [in Russian].

- Kondorskij 2015 - Kondorskij B.M.** Revolyucionnyj period v Kitae [The Revolutionary period in China], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLV, Part 1, Moscow, IV RAN Publ., 2015, pp. 134-150 [in Russian].
- Kondorskij 2016 - Kondorskij B.M.** Feodal'naya revolyuciya v Kitae (k postanovke voprosa) [The Feudal Revolution in China (to raise the question)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLVI, Part 1, Moscow, IV RAN Publ., 2016, pp. 24-40 [in Russian].
- Kondorskij 2017 - Kondorskij B.M.** Osnovnye predposylki i uroki revolyucionnyh sobytij v Rossii i Kitae kak stran tret'ej generacii [The main prerequisites and lessons of the revolutionary events in Russia and China as third generation countries], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLVII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 2017, pp. 668-687 [in Russian].
- Kondorskij 2019 - Kondorskij B.M.** Istoriko-ekonomicheskie i politiko-ideologicheskie predposylki kitajskogo proekta: «Ekonomicheskij pojas SHelkovogo puti» [Historical, economic, political and ideological prerequisites of the Chinese project: The Silk Road Economic Belt], in: Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2019, № 2, pp. 21-28 [in Russian].
- Kondorskij 2020 - Kondorskij B.M.** Revolyucionnaya koncepciya processa istoricheskogo razvitiya [A revolutionary concept of the historical development process], in: VI Mezhdunarodnyj nauchnyj kongress «Globalistika 2020. Global'nye problemy i budushchee chelovechestva» [VI International Scientific Congress "Globalistics 2020. Global problems and the future of humanity"], Moscow, MGU FGP Publ., 2020, pp. 566-571 [in Russian].
- Kondorskij 2021 - Kondorskij B.M.** Sravnitel'nye osnovy biologicheskoy, social'noj i yazykovoj evolyucii [Comparative foundations of biological, social, and linguistic evolution], in: Evolyuciya: O trendah Universal'noj revolyucii [Evolution: About the trends of the Universal Revolution], Volgograd, Uchitel' Publ., 2021, pp. 101-138 [in Russian].
- Kondorskij 2022 - Kondorskij B.M.** Revolyucionnyj period v musul'manskih stranah [The revolutionary period in Muslim countries], in: Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov. Ezhegodnik [Systematic monitoring of global and regional risks. The Yearbook], Vol. 13, Volgograd, Uchitel' Publ., 2022, pp. 403-478 [in Russian].
- Kondorskij 2023 - Kondorskij B.M.** Revolyucionnaya koncepciya istoricheskogo razvitiya (rannaya drevnost'). CHast' pervaya [A revolutionary concept of historical development (early antiquity). Part One], in: Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii [Historical Psychology and Sociology of History], 2023, № 2, pp. 5-36 [in Russian].
- Kondorskij 2024 - Kondorskij B.M.** Koncepciya Ojkumeny (na primere Kitaya) [The concept of Ecumene (on the example of China)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2024, № 2, pp. 82-92 [in Russian].
- Kondorskij 2025 - Kondorskij B.M.** Harakter revolyucionnogo perioda v osnovnyh stranah mira (XVII-XXI veka) [Character of revolutionary periods in the main countries of the world (17th - 21st centuries)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2025, № 1, pp. 144-163 [in Russian].
- Kondrashova 2009 - Kondrashova L.I.** Kitaj na puti k nacional'noj modeli demokratii [China on the way to a national model of democracy], in: Kitaj: poisk garmonii. K 75-letiyu akademika M.L. Titarenko [China: the search for harmony. On the 75th anniversary of Academician M.L. Titarenko], Moscow, Forum Publ., 2009, pp. 159-177 [in Russian].
- Konrad 1974 - Konrad N.I.** Izbrannye trudy. Istoriya [Selected works. History], Moscow, Nauka Publ., 1974, 470 p. [in Russian].
- Kudrin 1979 - Kudrin V.I.** Ekonomicheskaya politika v period Zapadnaya Han' (gosudarstvennoe regulirovanie torgovli, finansov i remeslennogo proizvodstva) [Economic policy during the Western Han period (government regulation of trade, finance and handicraft production)], in: Social'naya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Kitaya [Social and socio-economic history of China], Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 66-89 [in Russian].
- Kul'pin 1990 - Kul'pin E.S.** Chelovek i priroda v Kitae [Man and Nature in China], Moscow, Nauka Publ., 1990, 247 p. [in Russian].
- Kychanov 1992 - Kychanov E.I.** Pravo i lichnost' v starom Kitae [Law and personality in Old China], in: Lichnost' v tradicionnom Kitae [Personality in Traditional China], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1992, pp. 117-140 [in Russian].
- L. Vasil'ev 1976 - Vasil'ev L.S.** Problemy genezisa kitajskoj civilizacii [Problems of the genesis of Chinese civilization], Moscow, Nauka Publ., 1976, 368 p. [in Russian].
- L. Vasil'ev 1983 - Vasil'ev L.S.** Problemy genezisa kitajskogo gosudarstva [Problems of the genesis of the Chinese State], Moscow, Nauka Publ., 1983, 327 p. [in Russian].
- L. Vasil'ev 1989 - Vasil'ev L.S.** Problemy genezisa kitajskoj mysli [Problems of the genesis of Chinese thought], Moscow, Nauka Publ., 1989, 310 p. [in Russian].
- L. Vasil'ev 1995 - Vasil'ev L.S.** Drevnij Kitaj [Ancient China], Vol. 1, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 389 p. [in Russian].
- Lapina 1970 - Lapina Z.G.** Politicheskaya bor'ba v srednevekovom Kitae (40-70-e gody XI v.) [Political struggle in medieval China (the 40s and 70s of the 11th century)], Moscow, Nauka Publ., 1970, 307 p. [in Russian].
- Lapina 2014 - Lapina Z.G.** Doktrina gosudarstva v kontekste vostokovedeniya kak sistema sredstv garmonizacii sociuma (na primere tradicionnogo Kitaya) [The Doctrine of the State in the context of Oriental Studies as a system of means of harmonizing Society (using the example of traditional China)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XIV, Part 1, Moscow, IV RAN Publ., 2014, pp. 51-56 [in Russian].
- Larin, Matveev 2014 - Larin A., Matveev V.** Kitajskaya strategiya «prodvizheniya na Zapad» i «novyj SHelkovyj put'» [China's strategy of "moving West" and the "New Silk Road"], in: Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2014, № 5, pp. 5-15 [in Russian].
- Li Huej 2018 - Li Huej.** Navstrechu «Kitajskoj mechte» [Towards the "Chinese Dream"], in: Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today], 2018, № 1, pp. 2-8 [in Russian].
- M. Kryukov 1982 - Kryukov M.V.** Etnicheskie i politicheskie obshchnosti: dialektika vzaimodejstviya [Ethnic and political communities: the dialectic of interaction], in: Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve [Ethnicity in pre-class and early-class society], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 55-82 [in Russian].
- M. Kryukov, Malyavin, Sofonov 1979 - Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofonov M.V.** Kitajskij etnos na poroge srednih vekov [The Chinese ethnic group on the threshold of the Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1979, 328 p. [in Russian].
- M. Kryukov, Sofonov, Cheboksarov 1978 - Kryukov M.V., Sofonov M.V., Cheboksarov N.N.** Drevnie kitajcy: problemy etnogeneza [Ancient Chinese: problems of ethnogenesis], Moscow, Nauka Publ., 1978, 344 p. [in Russian].

- Malyavin 1983** - Malyavin V.V. Gibel' drevnej imperii [The Death of the ancient Empire], Moscow, Nauka Publ., 1983, 226 p. [in Russian].
- Maomao 2001** - Maomao. Moj otec Den Syaopin. «Kul'turnaya revolyuciya»: gody ispytaniy [My father is Deng Xiaoping. The Cultural Revolution: years of trials], Moscow, Muravej-gajd Publ., 2001, 493 p. [in Russian].
- Martynov 1972** - Martynov A.S. Predstavlenie o prirode i miroustroitel'nyh funkciyah vlasti kitajskih imperatorov v oficial'noj tradicii [The idea of the nature and world-building functions of the power of the Chinese emperors in the official tradition], in: Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa], 1972, № 5, pp. 71-82 [in Russian].
- Martynov 2007** - Martynov D.E. Konfucianskie utopicheskie elementy v oficial'noj ideologii Kitaya v usloviyah modernizacii strany (1927-1949) [Confucian Utopian elements in China's Official Ideology in the Context of the country's Modernization (1927-1949)], in: Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo centra [News of the Chelyabinsk Scientific Center], 2007, Vol. 1 (35), pp. 169-172 [in Russian].
- Nemirovskij 2005** - Nemirovskij A.A. Tol'ko chelovek, no ne prosto chelovek: sakralizaciya carya v Drevnej Mesopotamii [Only a man, but not just a man: the Sacralization of the King in Ancient Mesopotamia], in: Sakralizaciya vlasti v istorii civilizacij [The sacralization of power in the history of civilizations], Vol. 1, Moscow, IA RAN Publ., 2005, pp. 95-145 [in Russian].
- Nemirovskij 2009** - Nemirovskij A.A. «Esli car' s zakonoustanovleniem strany ne schitaetsya...». Pravitel', poddannye i norma v vavilono-assirijskom mire ["If the king does not consider the law of the country...". Ruler, subjects, and norm in the Babylonian-Assyrian world], in: Pravitel' i ego poddannye: sociokul'turnaya norma i ogranicheniya edinolichnoj vlasti [The ruler and his subjects: the sociocultural norm and limitations of sole power], Moscow, IA RAN Publ., 2009, pp. 44-78 [in Russian].
- Nepomnin 1962** - Nepomnin O.E. K voprosu o skladyvanii ekonomicheskikh predposylok revolyucii 1911 g. v kitajskoj derevne [On the formation of the economic prerequisites for the Revolution of 1911 in the Chinese countryside], in: Sin'hajskaya revolyuciya v Kitae [The Xinhai Revolution in China], Moscow, Nauka Publ., 1962, pp. 33-50 [in Russian].
- Nepomnin 1974** - Nepomnin O.E. Ekonomicheskaya istoriya Kitaya (1864-1894 gg.) [The Economic History of China (1864-1894)], Moscow, Nauka Publ., 1974, 303 p. [in Russian].
- Nepomnin 2011** - Nepomnin O.E. Istoriya Kitaya [The History of China], Moscow, IV RAN Publ., 2011, 736 p. [in Russian].
- Nikiforov 2002** - Nikiforov V.N. Oчерк istorii Kitaya: II tysyacheletie do n.e. – nachalo XX stoletiya [An outline of the history of China: II millennium BC – the beginning of the XX century], Moscow, IDV RAN Publ., 2002, 448 p. [in Russian].
- Novgorodova 1989** - Novgorodova E.A. Drevnyaya Mongoliya [Ancient Mongolia], Moscow, Nauka Publ., 1989, 384 p. [in Russian].
- Oppenzkhejm 1980** - Oppenheim A. Drevnyaya Mesopotamiya [Ancient Mesopotamia], Moscow, Nauka Publ., 1980, 406 p. [in Russian].
- Pancov 1985** - Pancov A.V. Iz istorii idejnoj bor'by v kitajskom revolyucionnom dvizhenii 20-40-h godov [From the history of the ideological struggle in the Chinese Revolutionary movement of the 20s and 40s], Moscow, Nauka Publ., 1985, 116 p. [in Russian].
- Pechatnova 2001** - Pechatnova L.G. Istoriya Sparty perioda arhaiki i klassiki [The history of Sparta during the Archaic and Classical periods], Saint-Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2001, 510 p. [in Russian].
- Perelomov 1962** - Perelomov L.S. Imperiya Cin' – pervoe centralizovannoe gosudarstvo v Kitae (221-202 gg. do n.e.) [The Qin Empire was the first centralized state in China (221-202 BC)], Moscow, Nauka Publ., 1962, 243 p. [in Russian].
- Perelomov 1966** - Perelomov L.S. Evolyuciya obshchiny i rost chastnoj zemel'noj sobstvennosti v Kitae v IV v. do n.e. – III v. n.e. [The evolution of the community and the growth of private land ownership in China in the IV century BC – III century AD], in: Obshcheye i osobennoe v istoricheskom razvitanii stran Vostoka [Common and special features in the historical development of the countries of the East], Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 150-159 [in Russian].
- Perepelkin 2000** - Perepelkin YU.M. Istoriya Drevnego Egipta [The History of Ancient Egypt], Saint-Petersburg, Letnij sad Publ., 2000, 560 p. [in Russian].
- Popov 2007** - Popov A.P. Politicheskie sistemy i politicheskie rezhimy v Kitae XX veka [Political systems and political regimes in 20th century China], Moscow, Ekzamen Publ., 2007, 286 p. [in Russian].
- Rubin 1999** - Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae [Personality and Power in Ancient China], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, 384 p. [in Russian].
- Salickij, Semenova 2016** - Salickij A.N., Semenova N.K. Rasshirenije strategicheskikh gorizontov Kitaya [Expanding China's strategic horizons], in: Vostok [East], 2016, № 4, pp. 151-160 [in Russian].
- SHifman 1989** - SHifman I.SH. Gosudarstvo v sisteme social'nyh institutov v drevnej Palestine (vtoraya polovina III – pervaya polovina I tys. do n.e.) [The state in the system of social institutions in ancient Palestine (the second half of the III – the first half of the I millennium BC)], in: Gosudarstvo i social'nye struktury na drevnem Vostoke [The State and social structures in the Ancient East], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 53-85 [in Russian].
- SHort 2001** - SHort F. Mao Czedun [Mao Zedong], Moscow, AST Publ., 2001, 467 p. [in Russian].
- Smolin 1974** - Smolin G.YA. Antifeodal'nye vosstaniya v Kitae vtoroj poloviny X – pervoj chetverti XII v. [Anti-feudal uprisings in China in the second half of the tenth and first quarter of the twelfth centuries], Moscow, Nauka Publ., 1974, 556 p. [in Russian].
- Social'naya struktura 1990** - Social'naya struktura Kitaya: XIX – pervaya polovina XX v. / red. O.E. Nepomnin [China's Social Structure: XIX – the first half of the XX century / ed. by O.E. Nepomnin], Moscow, Nauka Publ., 1990, 436 p. [in Russian].
- Stadvell 2017** - Stadvell D. Aziatskaya model' upravleniya. Udachi i provaly samogo dinamicnogo regiona v mire [The Asian management model. Good luck and failures of the most dynamic region in the world], Moscow, Al'pina publisher Publ., 2017, 534 p. [in Russian].
- Starostin 2015** - Starostin G.S. K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii [Towards the origins of linguistic diversity. Ten conversations about comparative historical linguistics], Moscow, Delo Publ., 2015, 581 p. [in Russian].
- Svistunova 1966** - Svistunova N.P. Agrarnaya politika Minskogo pravitel'stva vo vtoroj polovine XIV v. [Agrarian policy of the Minsk government in the second half of the 14th century], Moscow, Nauka Publ., 1966, 166 p. [in Russian].

Titarenko 2013 - Titarenko M.L. Kitaj i Rossiya v sovremennom mire [China and Russia in the modern world], Saint-Petersburg, SPbGUP Publ., 2013, 88 p. [in Russian].

Titarenko 2013 - Titarenko M.L. O fenomene kitajskogo socializma [About the phenomenon of Chinese socialism], in: Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2013, № 2, pp. 3-24 [in Russian].

Titarenko, Lomanov 2015 - Titarenko M., Lomanov A. Stanovlenie Kitaya kak velikoj derzhavy. Politicheskie i kul'turnye aspekty strategii [The emergence of China as a great power. Political and cultural aspects of the strategy], in: Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East], 2015, № 3, pp. 17-28 [in Russian].

Tyapkina 1976 - Tyapkina N.I. O tradicionnyh social'nyh institutah kitajskoj derevni pervoj poloviny XX v. [About the traditional social institutions of the Chinese countryside in the first half of the 20th century], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. II, Moscow, IV RAN Publ., 1976, pp. 271-279 [in Russian].

Tyutyukin, SHelohaev 1996 - Tyutyukin S.V., SHelohaev V.V. Marksizm i russkaya revolyuciya [Marxism and the Russian Revolution], Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 240 p. [in Russian].

V. Kryukov 1988 - Kryukov V.M. Nadpisi na zapadnochzhouskih bronzovyh sosudah iz Fufena [Inscriptions on West Zhou bronze vessels made of Fufen], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1988, № 1, pp. 96-112 [in Russian].

Vejnberg 1993 - Vejnberg I.P. Rozhdenie istorii [The Birth of History], Moscow, Nauka Publ., 1993, 350 p. [in Russian].

YUr'ev 1968 - YUr'ev M.F. Revolyuciya 1925-1927 gg. v Kitae [The Revolution of 1925-1927 in China], Moscow, Nauka Publ., 1968, 518 p. [in Russian].

Кондорский Борис Михайлович

– Независимый исследователь (Донецк, Россия).

Boris Kondorsky

– Independent researcher (Donetsk, Russia).

bmkbox@mail.ru

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Б.А. РЫБАКОВА

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
e-mail: mail@histformat.com
Researcher ID: C-5151-2018
<https://orcid.org/0000-0001-9063-6544>
SPIN-код: 1390-8096

АННОТАЦИЯ

Тема, разработанная Б.А. Рыбаковым в начале 1960-х годов, находилась в пренебрежении у специалистов после идеологического погрома, которому подверглась историческая школа нашей фольклористики в 1936 году. Помимо модификации ряда почти забытых достижений дореволюционных учёных, Б.А. Рыбаков постарался внести немало нового в соотнесение былины с историческими событиями Киевской Руси. Он выделил две основных группы былин: цикл Владимира Святославича и цикл Владимира Мономаха, показав, что южнорусские былины X-XII веков сохранялись в репертуаре сказителей Новгородской земли вследствие тесных связей её тогдашнего населения с князьями Киева. Труды академика Б.А. Рыбакова возродили и активизировали исторический подход к изучению народного эпоса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б.А. Рыбаков, Киевская Русь, народный эпос, былины.

THE EPIC HERITAGE OF KIEVAN RUS' IN THE WORKS OF ACADEMICIAN B.A. RYBAKOV

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

A field of study developed by B.A. Rybakov in the early 1960s had fallen into neglect among specialists following the ideological crackdown launched against the historical school of Russian folkloristics in 1936. In addition to modifying several nearly forgotten achievements of pre-revolutionary scholars, Rybakov sought to introduce many new insights into the correlation of byliny with the historical events of Kievan Rus'. He identified two primary groups of epics: the Vladimir Svyatoslavich cycle and the Vladimir Monomakh cycle, demonstrating that the southern Russian byliny of the 10th-12th centuries were preserved in the repertoire of narrators in the Novgorod land due to the close ties between its population at that time and the princes of Kiev. The works of Academician B.A. Rybakov revived and revitalized the historical approach to the study of the national folk epic.

KEYWORDS: B.A. Rybakov, Kievan Rus', national folk epic, byliny.

Статья была подготовлена С.Н. Азбелевым в качестве доклада для VII Международного конгресса украинистов (Киев, 2008 г.). Публикация статьи подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева.

Народный эпос привлек пристальное внимание академика Б.А. Рыбакова в 60-х годах прошлого столетия. Усилия ученого были направлены на то, чтобы связать возможно большее число былин с фактами истории Киевской Руси и с именами ее деятелей, известными из летописей, продолжив с новых марксистских позиций работу дореволюционных фольклористов исторической школы. На основе расширения исторических привязок

Б.А. Рыбаков предложил новые разъяснения содержания некоторых памятников народного эпоса. Былины фигурировали в его трудах как народные интерпретации ряда известных событий. Во многом обновленные и расширенные соотнесения былинного эпоса и истории Киевской Руси вызвали тогда резко негативную реакцию некоторых известных фольклористов. В.Я. Пропп и Б.Н. Путилов укоряли историка Б.А. Рыбакова в непро-

фессиональном подходе к фольклорному материалу, в недостаточном учете специфики устного народного творчества (Пропп 1962: 87-91; 1968: 5-25; Путилов 1962: 98-111; 1966: 103-126).

Согласно концепции Б.А. Рыбакова, Киевский цикл былин с князем Владимиром Красным Солнышком, с Добрыней (братом матери Владимира) и Ильей Муромцем складывался в тот период, когда Киевское государство от далеких походов в чужие страны (проводившихся, возможно с участием наемных отрядов варягов – мореходов) переходит к планомерной обороне Руси от печенегов и изгнанию варяжских наемников.

Наиболее раннюю былинку этого цикла «Вольга Святославович и Микула Селянинович» исследователь связывал с событиями 975-977 годов, когда князь Олег Святославович Древлянский начал борьбу с варягом Свенельдом и для пополнения своей дружины нуждался в привлечении крестьянских ополчений. Центральное место в этой былинке занял богатырь-пахарь Микула, крестьянское происхождение которого подчеркивает символическое его отчество «Селянинович». Согласно Б.А. Рыбакову, он олицетворяет собой не только свободолюбивых древлян, выступивших в 945 году против несправедливых княжеских поборов, но и вообще русский народ, который в это время строил свое государство в борьбе с варягами и кочевниками.

Исследователь считал былинку о князе Вольге и о крестьянине Микуле, вступающем в его дружину, своего рода эпиграфом ко всему былинному эпосу, в котором отражены события общенародного значения. При этом народ выступает в эпосе в качестве главной богатырской силы – то под именем древлянского пахаря Микулы, то как ремесленник Никита Кожемяка (или Усмошвец), то как крестьянский сын Ильи Муромца. А два других важнейших героя первого Киевского цикла – князь Владимир и Добрыня – тоже в известной мере связаны с народом: Владимир был побочным сыном Святослава от рабыни-ключницы. Согласно летописи, княжна Рогнеда отвергла его сватовство, говоря, что не хочет идти за «робичича», а в былинах сохранилось воспоминание об этом эпизоде. Когда Добрыня сватает княжну за своего племянника Владимира, то получает ответ:

Еще ваш-от князь есть холопище.

Как подчеркивал Б.А. Рыбаков, демократического происхождения был и Добрыня – брат ключницы. Былины сохранили память о его низком социальном статусе:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,

Да три года жил Добрынюшка придверничком,

Да три года жил Добрынюшка да ключником...

Сам же Владимир, став киевским князем, привлекал в свою дружину выходцев из народа, а его политика была политикой общенародных интересов. Это оборона Киева от печенегов, изгнание наемников-варягов, борьба против разбойников. Все это, как писал Б.А. Рыбаков, отразилось и в княжеской летописи того времени, в первом цикле Владимировых былин 70-90-х годов X-го века, прославлявшем «робичича» Владимира и его богатырей – выходцев из народа.

Исследователь наметил даже датировку былин этого цикла:

975-977 годы – «Вольга Святославоич и Микула Селянинович»;

980-е годы – «Добрыня-сват» («Женитьба князя Владимира»), «Добрыня дань собирает» («Василий Казимиров»), «Добрыня и Дунай»;

980-е годы (условно) – «Добрыня и Змей», «Добрыня чудь покорил», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Поленица», «Добрыня на свадьбе своей жены»;

990-е годы – «Илья Муромец» (исцеление и отъезд), «Первая поездка Ильи Муромца» («Илья и Соловей Разбойник», «Илья и станичники»), «Илья Муромец и Сокол-корабль», «Илья Муромец и Сокольник» (бой с сыном).

Однако Б.А. Рыбаков оговаривался, что столь детальная периодизация не может быть во всех своих звеньях неопровержимо доказана. Причина в том, что ряд былин имеет признаки позднейших переделок и дополнений, а кроме того, в этих былинах могло отразиться наследие более древних сюжетов. Таковы встреча богатыря воительницей-амазонкой («Добрыня и Поленица») и бой отца с сыном («Илья и Сокольник»).

Б.А. Рыбаков не сомневался, что Владимиров цикл былин 70-х – 90-х годов X века имел предшественников. Таковыми ученый считал племенные эпические сказания, забывшиеся после падения племенного строя, и прославления отдельных князей, ненадолго переживавшие своих героев. Саму же долговечность именно Владимиров цикла былин последней четверти X века Б.А. Рыбаков объяснял двумя основными причинами.

Первая состоит в том, что при Владимире Святославиче были созданы южные оборонительные линии, послужившие прототипом богатырских застав. Из летописи известно, что Владимир «нача ставити городы» по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. На Десне расположен Чернигов – место действия ряда былин. На Трубеже произошел поединок Кожемяки с печенежином. На Остре среди лесов находился Моровийск или Моровск, из которого, возможно, и происходил богатырь Илья «Моровленин» или «Моровлин», как называли Илью Муромца еще в XVI веке. По справедливому мнению Б.А. Рыбакова, связь этого богатыря с Муромом, вероятно, позднейшая.

Вторую причину исследователь видел в том, что, согласно летописи, Владимир стал заселять вновь построенные укрепленные города для обороны от печенегов «лучшими мужами» не только южнорусских земель, но и «от Словен и от Кривич и от Чюди и от Вятч». Таким образом, в состав киевского богатырства включались, очевидно, жители Новгородчины, Смоленщины, Псковщины. Городов с многочисленными гарнизонами было создано в пограничье немало. Возникшие в этих прежде небывалых обстоятельствах эпические произведения о героических делах богатырей-пограничников, оборонявших Киевскую Русь от печенежского натиска, и об их главе – князе Владимире – должны были быть известны не только в самой зоне оборонительных действий. О них узнавали и на родине воинов, прибывших к Владимиру издалека.

Б.А. Рыбаков поддержал выводы С.И. Дмитриевой (Дмитриева 1975), досконально изучившей географию

ческое распространение сохранившихся былин. Оказалось, что они обильно записаны на Севере только в местах новгородской но не московской колонизации. Поэтому, делает вывод Б.А. Рыбаков, мы знакомы лишь с теми частями былинного творчества, которые были восприняты в свое время Новгородом. А в Новгород попадали только те южнорусские циклы былин и отдельные былины, которые были сложены во время наиболее прочных связей Киева с Новгородом. Немногочисленные же записи былин в Поволжье, Сибири и некоторых других местах сосредоточены там где жили переселенцы с территорий, некогда подчинявшихся Новгороду.

Предположительно Б.А. Рыбаков связал ряд былин с событиями 1068 года. Это нашествие половецкого хана Шарукана, отзвук которого ученый усматривал в упоминании былиной татарского царя Кудревана с его зятем Атраком и сыном Коньшиком, поскольку у Шарукана был сын Атрак и внук Кончак. Второе событие того же года – киевское восстание, завершившееся изгнанием князя Изяслава и избранием на киевский стол князя Всеслава, при котором половцам был дан отпор. Отзвуками этого Б.А. Рыбаков считал былину «Волх Всеславьевич» и даже былину о Василии Пьянице, который в ней освобожден для защиты Киева. С событиями 1068 года Б.А. Рыбаков связал предположительно и былину «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром».

Второй Владимиров цикл былин конца XI – начала XII века Б.А. Рыбаков связал деятельностью Владимира Мономаха. В былинах отобразились победоносные войны, которые он вел с половецкими ханами Шаруканом, Боняком, Атраком, Сугрой, Тугорканом, Итларем. В былинах Тугоркан превратился в Тугарина Змеевича, Сугра – в Скурлу, а Итларь – в Идолище поганое. С событиями этого времени Б.А. Рыбаков связал появление в эпосе нового богатыря, прототипом которого первоначально мог стать реально убиравший Итларя дружинник Ольбег Ратиборич. Позднее его имя по близкому созвучию покрывлось именем ростовского храбра Алеши Поповича, который в дошедшей до нас былине убивает Идолище.

Мономахов цикл сохранился, согласно объяснению Б.А. Рыбакова, потому, что в Новгороде на протяжении 40 лет княжили сын и внук Владимира Мономаха. Его сын Мстислав Владимирович, хотя и был князем Новгорода, принимал участие в важнейших сражениях на киевском юге: в битве под Лубнами в 1107 году и в знаменитом походе 1111 года. Новгородские дружины снова могли принимать участие в героических делах Южной Руси, завершившихся разгромом половцев.

Б.А. Рыбаков писал, что благодаря длительной связи Новгорода с княжеским домом Владимира Мономаха, новгородцы надолго сохранили к нему симпатии. Отражением этого и стала сохранность в репертуаре новгородских сказителей целого ряда возникших тогда на юге былин.

Помимо уже упомянутых, это героические былины о Козарине, о юном Михаиле Даниловиче, а также несколько былин новеллистических: о Ставре, об Иване Гостинном сыне, о Чуриле Пленковиче и о Дюке Степановиче.

Ученый рассматривал их как отображение южнорусских событий именно этого времени.

Более поздние былины о Сауре и Сухане Б.А. Рыбаков датировал по ряду исторических и географических примет соответственно 1168-1184 и 1184-1192 годами и считал их попавшими в Новгород случайно – в связи с тем, что южнорусский князь Ярослав Владимирович не раз княжил там в период с 1182 по 1199 год. Но эти отдельные былины не дают возможности проследить действительную историю киевского эпоса в послемономахову эпоху. Таким образом, южнорусский эпос второй половины XII века дошедшими былинами почти не представлен.

Но в них сохранились фрагменты эпоса, предшествовавшего эпохе Владимира Святославича. Таковыми Б.А. Рыбаков считал былины об Иване Годиновиче, о Михаиле Потоке и предположительно былину о Дунае. В Киевской Руси, несомненно, был распространен и древний эпос родоплеменной эпохи. Следы его ученый усматривал в украинских легендах о происхождении «Змиевых валов» и сохранный «Повестью временных лет» сюжет о князе Полянкой земле Кие – основателе Киева.

Появление в 1961 году двух статей Б.А. Рыбакова под общим заглавием «Исторический взгляд на русские былины» (Рыбаков 1961: 141-166; 1961а: 80-96), а через два года – его книги «Древняя Русь» (Рыбаков 1963), одна из трех частей которой была посвящена былинам сыграло, несомненно, уже тогда весьма положительную роль. Через два десятилетия главные результаты изучения былин Б.А. Рыбаковым были представлены в его книге «Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв.», изданной к 1500-летию Киева (Рыбаков 1982). Впоследствии эта книга была переиздана.

Б.А. Рыбаков смело и результативно обращался к теме, долго бывшей в пренебрежении у специалистов вследствие идеологического погрома, которому подверглась историческая школа нашей фольклористики в 1936 году. Очень многое в построениях Б.А. Рыбакова оказалось модификацией почти забытых достижений ряда дореволюционных ученых. Далеко не все новое, что он попытался внести конкретно в эту достаточно специальную область исследований, устояло перед критикой со стороны современных ему фольклористов, воспитанных на поношении исторической школы. Но труды академика Б.А. Рыбакова оправданно возродили и активизировали сам исторический подход к изучению народного эпоса. Они показали его важность как фактора общественного сознания Древней Руси и открыли путь современному использованию былин в качестве исторического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриева 1975 - Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин. По материалам конца XIX – начала XX в. М., 1975.

Липец 1969 - Липец Р.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.

Пропп 1962 - Пропп В.Я. Об историзме русского эпоса (Ответ академику Б.А. Рыбакову) // Русская литература. 1962. № 2. С. 87-91.

Пропп 1968 - Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки Ленинградского университета. 1968. № 339. Филологический факультет. Вып. 72. С. 5-25.

Путилов 1962 - Путилов Б.Н. Концепция, с которой нельзя согласиться // Вопросы литературы. 1962. № 11. С. 98-111.

Путилов 1966 - Путилов Б.Н. Об историзме русских былин // Русский фольклор. Т. 10. М; Л., 1966. С. 103-126.

Рыбаков 1961 - Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины. Часть первая // История СССР. 1961. № 5. С. 141-166.

Рыбаков 1961а - Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины. Часть вторая // История СССР. 1961. № 6. С. 80-96.

Рыбаков 1963 - Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.

REFERENCES

Dmitrieva 1975 - Dmitrieva S.I. Geograficheskoe rasprostranenie russkih bylin. Po materialam konca XIX – nachala XX v. [Geographical distribution of Russian epics. Based on the materials of the late XIX – early XX century], Moscow, 1975 [in Russian].

Lipec 1969 - Lipec R.S. Epos i Drevnyaya Rus' [Epic and Ancient Russia], Moscow, 1969 [in Russian].

Propp 1962 - Propp V.YA. Ob istorizme russkogo eposa (Otv et akademiku B.A. Rybakovu) [On the historicism of the Russian epic (Reply to Academician B.A. Rybakov)], in: Russkaya literatura [Russian literature], 1962, № 2, pp. 87-91 [in Russian].

Propp 1968 - Propp V.YA. Ob istorizme russkogo fol'klora i metodah ego izucheniya [About the historicism of Russian folklore and methods of its study], in: Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta [Scientific notes of Leningrad University], 1968, № 339, Vol. 72, pp. 5-25 [in Russian].

Putilov 1962 - Putilov B.N. Konceptiya, s kotoroj nel'z ya soglasit'sya [A concept that cannot be agreed with], in: Voprosy literatury [Literature questions], 1962, № 11, pp. 98-111 [in Russian].

Putilov 1966 - Putilov B.N. Ob istorizme russkih bylin [About the historicism of Russian epics], in: Russkij fol'klor [Russian folklore], Vol. 10, Moscow; Leningrad, 1966, pp. 103-126 [in Russian].

Rybakov 1961 - Rybakov B.A. Istoricheskij vzglyad na russkie byliny. CHast' pervaya [A historical look at Russian epics. Part One], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1961, № 5, pp. 141-166 [in Russian].

Rybakov 1961a - Rybakov B.A. Istoricheskij vzglyad na russkie byliny. CHast' vtoraya [A historical look at Russian epics. Part two], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1961, № 6, pp. 80-96 [in Russian].

Rybakov 1963 - Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. The legends. Epics. The Annals], Moscow, 1963 [in Russian].

Rybakov 1982 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич

– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Sergey Azbelev

– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

mail@histformat.com

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

М.И. Жих

Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена этическим вопросам изучения древнерусской истории и таким характерным для некоторых авторов приемам ведения полемики, как переход на личность оппонента и намеренные попытки его дискредитации, оскорбления, политиканство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «погромные» статьи, научные методы, полемика, Древняя Русь, цензура, научная этика.

ETHICAL ISSUES IN THE STUDY OF ANCIENT RUSSIAN HISTORY

Maksim Zhikh

International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to ethical issues in the study of ancient Russian history and to certain polemical techniques characteristic of some authors, such as resorting to personal attacks on opponents and deliberate attempts to discredit them, insults, and political grandstanding.

KEYWORDS: scathing reviews, scientific methods, polemics, Ancient Rus', censorship, scientific ethics.

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной – все то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..
М.Ю. Лермонтов

В 2022 г. я, в соавторстве с С.Н. Беззаконовым, опубликовал работу «Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики» (Беззаконов, Жих 2021: 78-124). Вскоре после этого петербургский историк М.А. Несин также обнаружил интерес к данной теме и выпустил статью, в которой пришел к противоположным, чем у меня, выводам (Несин 2024: 45-55), высказав гипотезу, что поход русов на Константинополь в 860 г. представлял собой не масштабную военно-политическую акцию, имевшую далеко идущие политико-дипломатические последствия, а был

просто кратковременным (в пределах суток) грабительским рейдом (Несин 2024: 45-55).

Знакомство со статьей М.А. Несина привело меня к выводу, что ее положения не соответствуют показателям источников, поскольку основаны на их весьма произвольных трактовках, и я написал критическую рецензию на его статью (Жих 2023: 104-113)¹.

В августе 2024 г. на сайте журнала «Историческая экспертиза» появился ответ М.А. Несина на мою критику, написанный им в соавторстве с историком-любителем Л.Н. Аряевым², затем тот же текст вышел непосредственно в журнале (Несин, Аряев 2024: 227-252).

Само по себе продолжение дискуссии, как шага на пути к установлению научной истины, можно было

- 1 Номер журнала «Исторический формат», в котором она вышла, формально относится к 2023 г., но реально вышел в 2024 г.
- 2 Электронный ресурс: <https://www.istorex.org/post/12-08-2024-mikhail-nesin-leonid-aryaev> (Дата обращения - 20.20.2024).

бы только приветствовать, но, к сожалению, обида взяла верх, и ответ М.А. Несина получился весьма своеобразным по стилю. Думаю, что любой объективный читатель, сравнив мою рецензию и ответ на нее М.А. Несина, заметит разительную разницу между ними: у меня, несмотря на критический характер моей рецензии, не было ни одного личного выпада против М.А. Несина, не было ни одной попытки лично его задеть или оскорбить, не было ни одной попытки приписать ему некие скрытые психологические мотивы и т.д. – у меня был только разбор конкретных тезисов его статьи; в то время как ответ М.А. Несина наполнен и первым, и вторым и третьим – регулярными переходами на мою личность, стремлением меня оскорбить или дискредитировать, приписать мне некие скрытые мотивы и т.д. Текст М.А. Несина и Л.Н. Аряева густо разбавлен хлесткими фразами типа: «сторонник маргинальной теории», «имитация научной работы», «возвращается не только к отжившим теориям, но и к архаичным методам исследования» и т.д. Ничего подобного и близко не было в моей рецензии на статью М.А. Несина. Разница в стиле видна уже из названий работ, наглядно показывающих, для кого на первом месте наука, а у кого, в первую очередь, что-то личное: моя рецензия имеет нейтральное название «О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь в 860 г.», в то время как ответ М.А. Несина и Л.Н. Аряева витиевато назван «О сомнительных методах работы с источниками и литературой ради иллюстрации угодной концепции (Размышления по поводу свежей работы М.И. Жиха)», что показывает предвзятость и стремление заранее навязать свое мнение читателю. Налицо была попытка перевести полемику с научных рельс на эмоциональные и навязать спор в стиле «кто громче крикнет», кто сумеет более язвительно задеть оппонента.

Главный редактор «Исторической экспертизы», С.Е. Эрлих*, не только не попросил М.А. Несина и Л.Н. Аряева держаться в академических рамках, но еще и увязал наш с ними спор со своей борьбой с «патриётами Путина», целенаправленно примешав к делу политику: текст М.А. Несина и Л.Н. Аряева в официальном телеграм-канале «Исторической экспертизы» был аттестован ни больше ни меньше как борьба с «норманофобией патриётов (так! – М.Ж.) Путина»³. Стиль редакции журнала, претендующего на академичность, вызвал у меня настоящий шок – как такое вообще возможно? Ни к «патриётам» (кто это вообще такие-?), ни к Путину, я не имею никакого отношения, политикой я никогда не занимался и ни в одной моей опубликованной работе нет никаких апелляций ни к политике, ни к политическим деятелям.

От академичности в журнале «Историческая экспертиза» не осталось и следа, ибо он оказался превращен главным редактором в политический боевой листок, где печатаются статьи с названиями типа «Историче-

³ Электронный ресурс: https://t.me/istorex_ru/3182 (Дата обращения - 20.20.2024). М.А. Несин и Л.Н. Аряев «оправдываются» тем, что они де «не знали заранее, как главный редактор журнала “Историческая экспертиза” С.Е. Эрлих* охарактеризует» их текст в социальной сети (Несин, Аряев 2025: 3). Ничто не мешало им попросить убрать данную аттестацию, но этого ими сделано не было, и она благополучно существует до сих пор.

ские параллели, или РФ в тени Третьего рейха» (2024. № 3), а целый раздел может носить название «Начинающий историк Путин» (2024. № 2). Уровень академизма и научной беспристрастности там, должно быть, зашкаливает. Осознавая сомнительность такого издания, М.А. Несин и Л.Н. Аряев лукаво пытаются преуменьшить ее отговоркой, что в журнале де просто имеется «несколько статей о современной политике» (Несин, Аряев 2025: 19). На самом деле в «Исторической экспертизе» публикуются отнюдь не просто «статьи о современной политике», а политическая публицистика со строго определенным идеологическим зарядом и позицией. Если журнал, позиционирующий себя как «исторический» занимает жесткую партийную позицию, то он перестает быть историческим, и превращается в политиканский, а его претензии на то, чтобы представлять «научное общество», становятся фарсом. Очевидно, что в «научном сообществе» (как и в обществе в целом) присутствуют самые разные политические позиции и если журнал жестко ориентируется на одну из них, то он становится «партийным». Собственно, легко заметить, что после радикальной политизации «Исторической экспертизы», журнал покинули многие авторы, а в редколлегии теперь нет ни одного человека, работающего в России.

Я написал М.А. Несину и Л.Н. Аряеву ответ⁴, но С.Е. Эрлих* отказался его опубликовать, зато текст М.А. Несина и Л.Н. Аряева был помещен им в раздел «Полемика». Интересная в понимании С.Е. Эрлиха* получается «полемика» – с заранее предрешенным результатом, где одной стороне просто не предоставляется слово. Было бы честнее назвать этот раздел «Травля» – это точно соответствовало бы сути дела.

Свой ответ я опубликовал в «Историческом формате» (Жих 2024: 157-180)⁵, подробно разобрав как аргументацию М.А. Несина и Л.Н. Аряева, так и их специфические полемические приемы, связанные с переходом на личность оппонента и стремлением его целенаправленно оскорбить, выразив по этому поводу им свое искреннее сочувствие. На этом я планировал завершить полемику, поскольку она потеряла всякий научный смысл, и завершил свой ответ предположением, что «не трудно предсказать, что если появится новый ответ М.А. Несина (написанный им одним или с привлеченным соавтором), то по части “сведения счетов” он превзойдет первый» (Жих 2024: 172).

К сожалению, мой прогноз полностью оправдался: М.А. Несин и Л.Н. Аряев написали мне новый ответ (Несин, Аряев 2025)⁶, но он оказался настолько специфиче-

⁴ На момент его написания и публикации мне был известен только текст на сайте журнала, однако, он не содержал никаких отличий от вышедшего затем печатного варианта.

⁵ М.А. Несин и Л.Н. Аряев почему-то убеждены, что ни одно другое издание его не приняло (Несин, Аряев 2025: 4). Должен их разочаровать: после того как С.Е. Эрлих* отказал мне в публикации в «Исторической экспертизе», я нигде не пытался свой ответ, как они выражаются, «пристраивать», поскольку в этом не было смысла: моя рецензия на статью М.А. Несина и Л.Н. Аряева вышла именно в «Историческом формате», там же было логично и продолжать дискуссию, чтобы не запутывать читателей. Также неверно утверждение М.А. Несина и Л.Н. Аряева, что я что-то редактировал в своем блоге.

⁶ В тексте их статьи, выложенной на сайтах elibrary и Киберленка отсутствует нумерация страниц, поэтому мы их указываем в простой последовательности.

ским, что вопреки желанию завершить разговор с данными авторами, несколько слов мне все же необходимо сказать и объяснить читателям, почему нормальная научная полемика с этими людьми невозможна.

I. ЗИЯЮЩИЕ ЭТИЧЕСКИЕ ВЫСОТЫ

Если в публикации в «Исторической экспертизе» М.А. Несин и Л.Н. Аряев еще удерживали себя в каких-то рамках, то теперь полностью пошли вразнос и не постыжались на щедрые эпитеты в мой адрес: они именуют меня «эрзац-ученым», «псевдоученым», «ребенком, пытающимся подражать взрослым», «адептом паранаучной секты», «начетчиком и грамотеем допетровской эпохи, который не в состоянии стать настоящим ученым»⁷, «борцом с исторической наукой», и даже «циничным скоморохом», считают, что я «дискредитировал себя как историка», «сам загнал себя в исторический аппендикс в стороне от пути развития науки», рассуждают о «глобальных проблемах» в моем образовании, о том, что я «усвоил» и чего «не усвоил», о том, как они в чем-то меня «улучили», сравнивают меня с приверженцами «новой хронологии», «Велесовой книги», «фольк-истории и теории заговора», считают, что мои интерпретации «напоминают глупую шутку» и т.д. и т.п.⁸

Это уже не переход на личность, не сведение счетов и даже не травля, – это просто какая-то истерика. И полное фиаско, как научное, так и этическое. Показательно, что этот поток сознания был опубликован в коммерческом журнале, взимающем с авторов плату за публикации и печатающем все подряд: текст М.А. Несина и Л.Н. Аряева соседствует там со статьями по химии, менеджменту, медицине и т.д. Ни одно нормальное историческое издание такой текст не приняло бы, и даже С.Е. Эрлих*, видимо, все же осознавая некрасивость возникшей ситуации, не стал снова связываться с М.А. Несиным и Л.Н. Аряевым и вторично предоставлять им трибуну⁹.

Возникает вопрос: неужели М.А. Несин и Л.Н. Аряев всерьез считают, что обрушив на оппонента поток развязных оскорблений, они сделают свою позицию более убедительной для кого-либо кроме самих себя? Обычно происходит как раз обратное. Более того: вылитый на оппонента ушат помоев – это признак научной слабости, а отнюдь не силы. Тому, кто имеет сильную научную позицию, прибегать к такого рода «аргументам» нет

⁷ Здесь хочется искренне порадоваться за «настоящих ученых» М.А. Несина и Л.Н. Аряева.

⁸ И после всего этого М.А. Несин и Л.Н. Аряев ничтоже сумняшеся заявляют, что они «открыты для научной полемики с любым исследователем, при условии, что она будет вестись по делу, а не с переходом на личные склоки». К «личным склокам» и обсуждению не имеющих отношения к науке вопросов перешли именно М.А. Несин и Л.Н. Аряев, начав навязывать соответствующий стиль. В моей рецензии на статью М.А. Несина (Жих 2023: 104-113) ничего подобного не было.

⁹ В связи с этим навязчивые рассуждения М.А. Несина и Л.Н. Аряева о том, что я, дескать, нигде кроме «Исторического формата» не смог опубликовать свой ответ им, выглядят весьма странными, ибо сами они ведут полемику со мной то в издании, отошедшем от науки и всю публикуя радикальную политическую публицистику, то в платном коммерческом журнале, печатающем за деньги все, что угодно. Неужели они всерьез гордятся такими публикациями? Или думают, что я не мог бы поступить также? Мог бы, но смысла в этом не было никакого.

смысла, они идут в ход, когда, наоборот, авторы ощущают слабость и шаткость своей научной аргументации.

Это все тем более удивительно, что дискуссия идет по вопросам, очень скудно и отрывочно освещенным в источниках, допускающим различные интерпретации, где любое решение будет гипотетическим. Соответственно, излишнюю горячность заведомо лучше отставить в сторону.

М.А. Несину определенно не нравится, что среди коллег у него сложилась репутация человека, часто ведущего полемику в грубой, переходящей в хамство, форме, и он отговаривается тем, что дескать, оппонентам просто удобно вставать в позицию «обиженных» (Несин, Аряев 2025: 2). Грозный критик то ли искренне не понимает, то ли делает вид, что полемика, чтобы в ней был какой-то смысл, должна вестись если не в уважительной, то хотя бы в корректной форме. Если же М.А. Несин оставляет за собой право как угодно оскорблять оппонентов, а от них ждет, что они будут делать вид, что все в порядке и дискутировать с ним как ни в чем не бывало, то это очень странная позиция. Также должен разочаровать М.А. Несина с Л.Н. Аряевым: у меня нет на них никакой «обиды» (Несин, Аряев 2025: 1), я испытываю к ним только жалость и сочувствие по поводу избранных ими методов ведения полемики.

Второе «оправдание» М.А. Несина состоит в указании на то, другие авторы, включая меня, также пишут критические рецензии. Да, пишу, но ни в одной из них и близко нет таких характерных для М.А. Несина и Л.Н. Аряева высот стиля, какие я процитировал выше. Я никогда не перехожу на личности оппонентов, не пытаюсь их задеть, оскорбить и т.д., а только разбираю их научные аргументы. Ни о М.А. Несине, ни о ком-либо другом из своих оппонентов, я никогда не писал ничего подобного тому, что он, со своим соавтором Л.Н. Аряевым, написал обо мне. Думаю, что любому непредвзятому читателю, ознакомившемуся с нашей дискуссией, глубокая разница в стиле будет ясна.

Мое замечание о том, что М.А. Несин регулярно устраивает за мной «дубли» (Жих 2024: 168-170), он пытается парировать тем, что на любую тему ранее уже кто-то писал (Несин, Аряев 2025: 2). Однако, одно дело просто писать что-то тему, по которой уже писали ранее, и, совсем другое, когда один автор с минимальной разницей во времени систематически пишет на те же темы, что и другой. А именно это и делает на протяжении ряда лет М.А. Несин: стоит мне о чем-то написать, как вскоре выходит его статья на ту же тему с посылком «М.И. Жих не прав, а я сейчас буду прав». Если М.А. Несин не понимает, как он при этом выглядит со стороны, очень жаль.

М.А. Несин сильно обиделся на А.В. Журавеля за то, что тот в свое время задался вопросом «что у Несина с головой?» (Журавель 2019; Несин, Аряев 2025: 2). Хотя вопрос представляется уместным и я к нему присоединяюсь: что в голове у человека, готового обрушить на оппонента потоки ядовитой желчи из-за того, что мы с ним просто расходимся в оценках ряда аспектов похода русов на Константинополь в 860 г.?

В сухом остатке имеем то, что М.А. Несину и Л.Н. Аряеву не удалось по существу опровергнуть мою аргументацию о значительных масштабах похода и серьезности стоявшей за ним политики (разногласия источников о точном числе кораблей русов и результатах похода при их согласии в отношении порядка цифр (несколько сотен кораблей), что говорит об их независимом происхождении; ясное и, опять же, несколько противоречивое (что усиливает, а не ослабляет достоверность, ибо говорит о независимости) свидетельство источников об отправке на Русь епископа или архиепископа и т.д.), в то время как аргументы М.А. Несина в пользу обратного остаются весьма дискуссионными (буквалистское понимание слов Фотия о некоей «ночи» как якобы указания на то, что русы провели под стенами города только одну ночь; предположение о том, что в «Житии Игнатия» описан другой поход русов и т.д.) и никакие риторические упражнения М.А. Несина и Л.Н. Аряева по подбору красочных эпитетов в мой адрес тут ничего не меняют и не делают их позицию более сильной в научном плане. Равно как не делает ее таковой и бесконечное повторение ими одного и того же.

М.А. Несину и Л.Н. Аряеву я бы посоветовал задуматься о необходимости соблюдения научной этики в дискуссии, и понять, что для них же лучше избегать переходов на личности и брани в адрес своих оппонентов, даже если научная позиция последних существенно сильнее.

II. ПОЛИТИКАНСТВО НА МАРШЕ

М.А. Несин и Л.Н. Аряев решительно возражают против обвинения их в политиканстве и чтобы у читателя совсем уж не осталось сомнений, что всякое политиканство им совершенно чуждо, вставляют в свой текст следующий пассаж: «Именно у А.В. Журавеля М.И. Жих перенял словечко “погромная” по отношению к рецензиям, которые ему не нравятся. Вот и наша статья, по мнению Жиха, написана в “погромном” стиле», после чего заявляют, что последователям такого ученого, как А.Г. Кузьмин, следовало бы «поаккуратнее оперировать с “погромными” понятиями» ввиду якобы его «неполиткорректных» взглядов, ссылаясь на написанное историком предисловие к книге советского востоковеда, публициста Е.С. Евсеева «Сионизм в системе антикоммунизма»¹⁰ (Несин, Аряев 2025: 2-3).

Как говорится, хоть стой, хоть падай. Какое отношение к тому, что М.А. Несин ведет полемику в погромном стиле или к вопросу о масштабах и длительности похода русов на Константинополь в 860 г. имеют взгляды А.Г. Кузьмина (какими бы они ни были) на проблемы взаимоотношений идеологий его эпохи? Очевидно, что никакого, и перед нами просто топорная попытка поддеть оппонента на примитивную политиканскую уловку.

М.А. Несин и Л.Н. Аряев руководствуются логикой «рак живет в реке, крокодил живет в реке, значит, крокодил – это рак» и приписывают оппоненту «пакетное мышление», полагая, что если я согласен с А.Г. Кузьми-

¹⁰ Надо учитывать исторический контекст, в котором была написана книга, когда Израиль как стратегический союзник США на Ближнем Востоке противостоял арабским странам, союзникам СССР.

ным в каком-то одном вопросе, то должен быть согласен с ним и во всем остальном, а это, мягко говоря, совсем не обязательно. Если я согласен с каким-то автором по одному научному вопросу, это совсем не означает, что я согласен с ним по другому научному вопросу, а тем более – с его политической позицией. Скажу больше – я, в отличие от М.А. Несина и Л.Н. Аряева, отделяю политику от науки и мне, в общем, совершенно безразлична политическая позиция того или иного историка. Мне важны только его научные работы и содержащиеся в них аргументы по интересующим меня историческим вопросам.

К сожалению, М.А. Несин и Л.Н. Аряев невнимательно читали мой предыдущий ответ, где я уже объяснил им, что «историки, как и все прочие граждане, могут иметь очень разные политические взгляды, меняющиеся со временем или же остающиеся неизменными, но смешивать эти взгляды с их научной позицией заведомо недобросовестный прием» (Жих 2024: 172). Неуместно с позиций научной этики подменять анализ научных взглядов А.Г. Кузьмина, бывшего человеком своего времени и так или иначе реагировавшего на тогдашние информационные поводы и идеологические вызовы, как и все его современники, попыткой рассмотрения его политических взглядов, действительных и предполагаемых, ища в них то, что предосудительно для современной «культуры отмены».

Да, М.А. Несин, и примкнувший к нему Л.Н. Аряев, ведут дискуссию в погромной форме и ни идеологии, ни исторические и политические деятели прошлого и современности не имеют к этому отношения и не меняют данный факт.

При этом, М.А. Несин и Л.Н. Аряев, то ли в силу незнания историографии, то ли намеренно, искажают историографический процесс, сводя гипотезу об аланском происхождении Руси и ее связи с салтово-маяцкой культурой к А.Г. Кузьмину. Далее в своем тексте они еще раз с нажимом повторяют: «Вообще вся концепция множественных “русий” в Европе, локализация фантомного “русского каганата” в салтово-маяцкой культуре, проживание “росов” в Тавриде – все это идеи Кузьмина» (Несин, Аряев 2025: 14).

На самом деле, А.Г. Кузьмин, при всем к нему уважении, лишь популяризовал две последние гипотезы, но собственного оригинального вклада в их разработку как раз почти не сделал¹¹. Теории о локализации русов в ареале салтово-маяцкой культуры и в Тавриде сформулировали в своих работах Д.Т. Березовец (Березовец 1970: 59-74; 1972: 288-292; 1999: 320-350), Д.Л. Талис¹² (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99) и О.Н. Трубочев (Трубочев 1977: 26-28; 1999: 56-58, 122-124; 2005: 131-188).

А в связи с тем, что как концепция «северного», так и концепция «южного» происхождения Руси имеют под собой существенную аргументацию и дискуссию

¹¹ Оригинальный вклад в ее развитие внесла ученица А.Г. Кузьмина, Е.С. Галкина, но ее политические взгляды совершенно иные, чем у А.Г. Кузьмина. М.А. Несину и Л.Н. Аряеву стоило бы понять, что у сторонников одного научного направления могут быть совершенно разные политические взгляды.

¹² Специально для М.А. Несина и Л.Н. Аряева стоит подчеркнуть, что автора работ о росах в Крыму Давида Львовича Талиса будет сложно записать в «видные борцы с космополитами».

между их сторонниками заходила в тупик, В.А. Брим за несколько десятилетий до А.Г. Кузьмина сделал интересный вывод о возможности существования соответствующих омонимичных имен как на юго-востоке Европы, так и в балтийском регионе, которые впоследствии контаминировались (Брим 1923). Данная гипотеза, с теми или иными вариациями, встретила в разное время поддержку ряда ученых (из работ последних десятилетий см.: Новосельцев 1990: 208; 2000: 59-60; Свердлов 2003: 92-95; 2011: 578-584; Кузьмин 2003: 242-313; Горский 2004: 43-46).

Кстати, все ссылки из предыдущего абзаца имелись в моем предшествующем ответе М.А. Несину и Л.Н. Аряеву, так что мои оппоненты могли бы и утрудить себя ознакомлением с соответствующими работами, чтобы вести дискуссию по существу, но именно разговор по существу им, видимо, просто не нужен, ведь гораздо удобнее пытаться поддеть оппонента политиканскими закидонами...

Думаю, что М.А. Несину и Л.Н. Аряеву стоило бы меньше интересоваться околонучными дрызгами и политическими взглядами историков, а больше – их научными аргументами, а заодно и понять, что для них же лучше избегать политиканства и политиканских подколов в адрес своих оппонентов, даже если научная позиция последних существенно сильнее.

III. ЖИЗНЬ В МИРЕ -ИЗМОВ И ПРИВЕТ ИЗ 1930-Х ГОДОВ

М.А. Несин и Л.Н. Аряев систематически пытаются «повесить» на меня ответственность за слова или действия каких-то других людей, растворить нашу с ними дискуссию в потоке разговоров про «норманизм» и «антинорманизм». К сожалению, они невнимательно читали мой предыдущий ответ, где я уже высказался по поводу их инсинуаций: «Каждый конкретный автор может отвечать только за свои слова, а не за слова неких других людей. Пытаться “повесить” на одного человека ответственность за слова или действия других людей – это классический пример демагогии и научной недобросовестности»; «М.А. Несин и Л.Н. Аряев на протяжении своего текста еще не раз навязчиво подчеркивают мой “антинорманизм”, явно демагогически используя это слово в качестве ярлыка, и, очевидно, также пытаюсь таким образом дискредитировать меня в глазах определенной части аудитории. Для сравнения: в моей рецензии, на которую отвечают М.А. Несин и Л.Н. Аряев, такие слова как “норманизм” / “норманист” или “антинорманизм” / “антинорманист” вообще не употреблялись, а в целом в своих работах я стараюсь их использовать с осторожностью и только как технические историографические термины. Очевидно, что, учитывая сложную историю их бытования и неоднозначные коннотации, стоящие за ними, использовать эти понятия следует осторожно. Их применение в качестве идеологизированных ярлыков в стиле М.А. Несина и Л.Н. Аряева является в серьезной научной дискуссии недопустимым» (Жих 2024: 159).

М.А. Несин и Л.Н. Аряев не только не услышали меня, но, напротив, в своем новом ответе резко усилили со-

ответствующую риторику, назначив себя в самозванные цензоры исторической науки. На протяжении нескольких страниц они зачем-то долго и нудно рассуждают про «-измы». Некоторые их пассажи настолько шедеврально в своем роде, что их стоит процитировать: «Слишком много сил и времени отняло это бесплодное направление у российской исторической науки, слишком много человеческих ресурсов было затрачено на опровержение “теорий”, вздорность которых была яснее ясного уже три столетия назад» (Несин, Аряев 2025: 20); относительно взглядов уклонистов и отщепенцев «ни у кого из крупных специалистов по раннесредневековой Руси (кто эти анонимные крупные специалисты? – М.Ж.) нет иллюзий» (Несин, Аряев 2025: 20). На меня М.А. Несин и Л.Н. Аряев поставили «заслуженное клеймо (?! – М.Ж.) антинорманиста», я, как они считают, должен «решиться» на какое-то «признание» (Несин, Аряев 2025: 20). Остается только написать о необходимости покаяния и разоружения перед партией.

Весь этот привет из 1930-х годов полностью выдержан в стилистике третирования всевозможных «уклонистов» и поисков «классового врага на историческом фронте». Увы, здесь я ничего не могу посоветовать М.А. Несину и Л.Н. Аряеву, поскольку мы с ними просто говорим на разных языках и живем в разных мирах. Меня интересует анализ источников и изучение историографии, а им интересно копаться в разных «-измах», вести борьбу с одними «-измами» и утверждать другие, вести проработку оппонентов, требовать их разоружения перед партией и ставить на них «клейма». Хотят играть в реконструкцию худших черт сталинского времени – пусть играют.

IV. ПЕРЕВЕРНУТАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Выше уже было сказано, что М.А. Несин и Л.Н. Аряев приписывают и сводят к А.Г. Кузьмину теории, которые в реальности были высказаны и обоснованы другими учеными. Это не случайность, а сознательный и постоянно применяемый прием с их стороны: стараться максимально маргинализировать позицию оппонента, замолчать, что аналогичных взглядов придерживались многие известные ученые, свести все к паре «удобных» для критики фамилий.

И это не преувеличение, а констатация. Я привел следующий перечень сторонников гипотезы иранского происхождения Руси: Д.И. Иловайский (Иловайский 2015: 46-103, 227-250), Л.В. Падалка (Падалка 1914: 357-382), Г.В. Вернадский (Вернадский 1996: 270-293), С.П. Толстов (Толстов 1947: 39-59), М.И. Артамонов (Артамонов 1962: 290-293; 1990: 287), А.П. Новосельцев (Новосельцев 1965: 363-364; 1985: 94; 1990: 208; 2000: 59-60), Д.Т. Березовец (Березовец 1970: 59-74; 1972: 288-292; 1999: 320-350), Д.Л. Талис (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), П.Н. Третьяков (Третьяков 1968: 179-187; 1970: 104-110), А.С. Стрижак (Стрижак 1991; 1992: 27-34; 1998: 18-56), А.Г. Николаенко (Николаенко 1991), В.В. Седов (Седов 1982: 111-113; 1999: 50-82; 2002: 255-295), А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 243-267), Е.С. Галкина (Галкина 2002; 2012), М.Б. Свердлов (Свердлов 2003: 94-95; 2011: 578-584), В.В. Фомин (Фомин 2015: 9-25; 2025. Т. 2: 350-373),

а также отметил, что О.Н. Трубачев несколько десятилетий разрабатывал очень близкую к иранской индоарийскую концепцию происхождения Руси (Трубачев 1999: 56-58, 122-124; 2005: 131-188) (Жих 2024: 162).

Вот как этот перечень прокомментировали М.А. Несин и Л.Н. Аряев: «Стремясь показать “солидность” той исторической традиции, к которой он примыкает, Жих старательно выписывает всех, начиная с М.В. Ломоносова, кто каким-то образом высказывался в пользу роксоланской теории, не забывая таких “авторитетов”, как В.В. Фомин и Е.С. Галкина» (Несин, Аряев 2025: 5).

Опять-таки, хоть стой, хоть падай. Весь перечень пропускаем, выхватываем два имени и даем глубокомысленную оценку. Во-первых, в вопросе происхождения Руси Е.С. Галкина и В.В. Фомин, безусловно, являются авторитетами без всяких кавычек, поскольку защитили по теме специализированные докторские диссертации и опубликовали монографии, известные любому интересующемуся данным вопросом, в то время как мои широко известные в узких кругах оппоненты, при самом комплиментарном к ним отношении, этого не сделали. Во-вторых, если даже мы предположим, что работы Е.С. Галкиной и В.В. Фомина неудачны, то как такое допущение само по себе может повлиять на оценку работ, допустим, Г.В. Вернадского, или О.Н. Трубачева, или В.В. Седова или М.Б. Свердлова и т.д.? Ответ очевиден: никак, но М.А. Несин и Л.Н. Аряев таким вопросом, разумеется, не задаются. Вместо этого они в ответ на мой тезис, что «по числу сторонников и по общему научному “весу” иранская концепция начала Руси всегда была второй после скандинавской» (Жих 2024: 162) выдают еще более шедевральный пассаж: «Это все равно что сказать: гомеопатическая медицина по своему научному весу всегда была второй после “школьной” или теория “плоскоземельщиков” является второй после классических представлений о шарообразности нашей планеты <...> Понятно, что такого рода идеи то и дело появляются вновь, однако же у широкой научной общественности они – вполне заслуженно – поддержки не получают, и магистральный путь развития отечественной исторической науки проходит мимо них» (Несин, Аряев 2025: 5).

Итак, великие историки М.А. Несин и Л.Н. Аряев сравнивают таких малозначимых авторов как Г.В. Вернадский, Д.Т. Березовец, Д.Л. Талис, В.В. Седов, О.Н. Трубачев, М.Б. Свердлов и т.д. с плоскоземельщиками. Замечательно. Решился ли от этого хоть один научный вопрос? Опровергнута ли чья-то аргументация? Доказано ли что-либо? Нет. Мы имеем дело с самым худшим, что только может быть в науке: с профанацией. Серьезные и сложнейшие вопросы, над которыми бились поколения выдающихся исследователей, М.А. Несин и Л.Н. Аряев просто походя профанируют.

Столь же легковесно, «касясь до всего слегка с ученым видом знатока», наши авторы объявляют «работы Б.Д. Грекова, В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова и др.» «безнадёжно устаревшими» (Несин, Аряев 2025: 5). Позвоительно спросить: кто, где и когда решил, что они «устарели», да еще и «безнадёжно»? Может быть, такое решение единогласно принял конгресс историков Древней Руси? Или хотя бы был проведен опрос среди историков

на этот счет? На сколько нам известно, нет. Более того: невозможно представить ни одну серьезную работу по древнерусской истории, в которой не учитывались бы труды Б.Д. Грекова, В.В. Мавродина, Б.А. Рыбакова. Их выводы развивают, с ними спорят, ученые такого масштаба влияют на развитие науки и через многие десятилетия после смерти. Или, может быть, есть правило, что по истечении какого-то периода времени работа автоматически считается «устаревшей»? Не слышал о таком правиле. Но почему тогда сами М.А. Несин и Л.Н. Аряев охотно ссылаются на работы М.В. Левченко, вышедшие в 1950-е годы, там, где их выводы совпадают с выводами М.В. Левченко (Несин 2024: 49; Несин, Аряев 2024: 230, 237)?

Не будем долго интриговать читателя. На все вышеприведенные вопросы ответ предельно прост: М.А. Несин и Л.Н. Аряев банально считают «устаревшими» те работы, выводы которых их не устраивают. Прием широко распространенный, но к подлинной науке не имеющий никакого отношения.

М.А. Несин и Л.Н. Аряев постоянно подчеркивают, что в вопросе происхождения Руси близкая им «скандинавская» позиция принимается большинством историков, а близкая мне «иранская» – меньшинством историков. К сожалению, в очередной раз приходится констатировать, что они невнимательно читали мой предыдущий ответ, где я объяснил им, что «наука – это не народное собрание. Научные вопросы, в принципе, не решаются поднятием рук и большинством голосов, поэтому навязчивые попытки М.А. Несина и Л.Н. Аряева подчеркнуть тот факт, что я отстаиваю гипотезу, разделяемую меньшинством историков, сами по себе являются некорректными и в нормальной научной дискуссии неуместны» (Жих 2024: 162). М.А. Несину и Л.Н. Аряеву стоило бы понять этот момент. Более того – сама по себе апелляция к научной моде той или иной позиции – это, опять-таки, признак научной слабости, а отнюдь не силы. В науке «количественные» аргументы не работают.

Обращаю внимание и на такую разницу между моим подходом и подходом моих оппонентов: я ссылаюсь на конкретные научные работы конкретных авторов и содержащуюся в них предметную научную аргументацию, в то время как М.А. Несин и Л.Н. Аряев апеллируют к некоей абстрактной безликой «научной общественности»¹³. В решении научных проблем нет и не может быть никакой «общественности». Есть позиции конкретных авторов по конкретным научным вопросам. Именно они и должны быть предметом обсуждения.

Позиция человека, специально занимающегося вопросом и походя высказанное представителем «общественности» «особо ценное мнение» имеют совершенно разный научный вес. Даже сотни «особо ценных мнений» не перевешивают одной специализированной работы. Да и научный «вес» разных ученых далеко не одинаков. Если мы, скажем, на одну чашу весов положим ученого уровня О.Н. Трубачева, а на другую – всю

¹³ Вспоминается фраза из фильма Леонида Гайдая: «От лица общественности я прошу вас повременить с разводом до конца квартала, а потом разводиться, сколько вашей душе угодно».

«научную общественность» в лице рядовых научных сотрудников, пишущих для отчета пару статей в год, то перевесит ученый уровень О.Н. Трубочева. Поэтому нуждался ли в принципе О.Н. Трубочев в одобрении со стороны «широкой научной общественности» – вопрос открытый.

Более того: с чего, собственно говоря, М.А. Несин и Л.Н. Аръяев взяли, что они представляют большинство «научной общественности»? Они провели среди нее какой-то опрос? Или выполнили фронтальный анализ всех работ, посвященных происхождению Руси, позволивший им получить на этот счет верифицируемые выводы? Нет. Соответственно, все их апелляции к «общественности» являются чистой воды спекуляциями, выдачей желаемого за действительное.

Разберем сказанное на конкретном примере. М.А. Несин и Л.Н. Аръяев считают «несомненным на сегодняшний день норманнский характер русов похода 860 г.» (Несин, Аръяев 2025: 5). «Несомненным» для кого? Для самих себя? К сожалению, М.А. Несин и Л.Н. Аръяев не понимают, что если что-то является «несомненным» для них, то это совершенно не означает, что оно является столь же «несомненным» для исторической науки. Проведем подсчет. Чтобы избежать излишних споров о том, что «устарело», а что «не устарело», будем учитывать лишь работы, вышедшие с 2000 года и специально рассматривающие поход 860 г. в общем контексте становления Руси (а не просто бегло его упоминающие¹⁴). Картина будет следующей. Походу 860 г. посвящены:

1) Два монографических исследования: книга П.В. Кузенкова (Кузенков 2003: 3-172. Также П.В. Кузенков посвятил этому походу часть статьи о начальном этапе византийско-русских отношений: Кузенков 2012: 71-83) и книга С.В. Цветкова (Цветков 2010);

2) Специальные статьи К.К. Акентьева (Акентьев 2010: 121-191), А.Н. Сахарова (Сахаров 2011: 7-17; 2019: 13-19), Е.Н. Сырцовой (Сырцова 2013: 59-90), С.Н. Беззаконова и М.И. Жиха (Беззаконов, Жих 2021: 78-124), М.А. Несина (Несин 2024: 45-55);

3) Значительные по объему части работ Г.Г. Литаврина (Литаврин 2000: 47-60), В.В. Седова (Седов 2002: 283-286), М.Б. Свердлова (Свердлов 2003: 99-105), М.В. Бибикова (Бибиков 2004: 44-46, 52-56, 57-60); С. Франклина и Д. Шепарда (Франклин, Шепард 2009: 88-101).

Итого, двенадцать работ. Из них «несомненное» отождествление русов со скандинавами мы встречаем только в трех: у М.В. Бибикова, у С. Франклина и Д. Шепарда, а также у М.А. Несина. К.К. Акентьев осторожно склоняется к тому, что за нападением стояли даны, но в целом его взгляды на происхождение Руси намного более сложные, чем прямолинейный «норманизм» и он разделяет гипотезу о существовании соответствующего этнонима на юге Восточной Европы задолго до появления здесь скандинавов. Г.Г. Литаврин, М.Б. Свердлов, А.Н. Сахаров, П.В. Кузенков связывают этот поход со становлением Древнерусского государства на Среднем Днепре, где скандинавы были лишь одним из элементов. П.В. Кузенков, в частности, подчеркива-

ет, что «вовсе нет необходимости делать вывод о том, что росы отождествлялись со скандинавами» в византийских источниках (Кузенков 2012: 63). Разумеется, М.А. Несин и Л.Н. Аръяев или сделают вид, что они этого не знают, или зачислят П.В. Кузенкова в «плоскоземельщики». Е.Н. Сырцова считает, что участниками похода 860 года на самом деле были балтийские руги и/или далматинские неретвяне. В.В. Седов, С.В. Цветков, С.Н. Беззаконов и М.И. Жих считают, что за походом стоял Русский каганат Днепровского Левобережья (по-разному определяя его конкретную локализацию).

Итого из двенадцати работ «несомненное» отождествление русов со скандинавами мы встречаем только в трех, еще в одной – в компромиссном виде. Это 20-30%. Цифра существенная, но отнюдь не доминирующая, это только один из представленных в науке взглядов. В остальных работах встречаем другие взгляды. Некоторые авторы допускают участие скандинавов в этом походе как одного из элементов, но это отнюдь не «несомненное» отождествление. Как видим, М.А. Несин и Л.Н. Аръяев искусственно представляют свою позицию в качестве отражающей мнение большинства «научной общественности». Прием широко распространенный, но к подлинной науке не имеющий никакого отношения.

Советую М.А. Несину и Л.Н. Аръяеву научиться различать собственные взгляды (сколько бы убедительными они им ни казались) и объективную ситуацию в науке.

М.А. Несин и Л.Н. Аръяев приписывают мне ни много ни мало какую-то «родовую (?!- М.Ж.) ненависть» к А.Л. Шлецеру (Несин, Аръяев 2025: 14). Основанием для этого им служит тот факт, что я отметил, что у него был шовинистический взгляд на историю славян и привел соответствующие цитаты. По этому поводу наши авторы выдали очередной шедевр: «Жих <...> привел тот самый, хорошо всем известный со времен борьбы с безродными космополитами отрывок, которым еще В.В. Мавродин в своей одиозной лекции “Борьба с норманизмом в русской исторической науке”, прочитанной в ходе проведения печально известной политической кампании по борьбе с космополитизмом, “доказывал” пренебрежительное отношение А.Л. Шлецера к славянам» (Несин, Аръяев 2025: 13).

Сообщаю М.А. Несину и Л.Н. Аръяеву: труд А.Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке» (Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache) был издан на немецком языке в 1802-1809 гг., а в русском переводе в 1809-1816 гг. Ровно с этого времени все, что в нем написано, известно. Причем тут В.В. Мавродин и космополитизм?

Высокомерный взгляд А.Л. Шлецера на Россию и славянство – секрет Полишинеля, давно и многократно отмечавшийся самыми разными авторами, задолго и вне всякой связи с «борьбой с космополитизмом» (походя сведя все к ней, М.А. Несин и Л.Н. Аръяев в очередной раз применили свой излюбленный прием профанации историографического материала).

Так, например, такой видный «борец с космополитизмом» как К.Н. Бестужев-Рюмин, характеризуя А.Л. Шлецера как «замечательнейшего из немецких ученых,

¹⁴ Число работ, в которых этот поход бегло упоминается огромно, но их рассмотрение бессмысленно.

приписавшихся к русской истории» (Бестужев-Рюмин 1882: 178), тем не менее, отмечал, что тот был увлечен «гордостью своего немецкого патриотизма» (Бестужев-Рюмин 1882: 236) и «внес большую смуту в умы: по его представлению, славяне до прихода варягов – по Шлецеру скандинавов, т.е. немцев – были похожи на американских дикарей; варяги принесли к ним веру, законы, гражданственность <...> В нем, в этом взгляде главная причина того, почему так подозрительно многие смотрят на Шлецера. Но пора понять, что взгляд этот отжил и противоречит не только показаниям правильно понятым источникам, но и непрерываемым свидетельствам археологии» (Бестужев-Рюмин 1882: 202. См. также: Бестужев-Рюмин 1885: 112). Ровно ту же самую мысль выразил и я: «К А.Л. Шлецеру как к ученому я отношусь сугубо уважительно (хотя у него, действительно, имеются шовинистические высказывания о славянах, но под ними не подпишется ни один серьезный современный исследователь, независимо от своей позиции по “варяжскому вопросу”» (Жих 2024: 159). Чтобы увидеть в этих словах «родовую ненависть», надо иметь богатое и специфическое воображение.

По характеристике другого известного «борца с космополитизмом», П.Н. Милюкова, А.Л. Шлецер «работал, во-первых, для своей славы, во-вторых, для Германии» (Милюков 1898: 92). Еще один верный сталинец, В.А. Мошин, охарактеризовал А.Л. Шлецера как «родоначальника так называемого “ультранорманизма”» (Мошин 1931: 128). По словам Л.С. Клейна, «Август-Людвиг Шлецер придал “норманнской теории” звучание, в котором можно было найти обертоны, оскорбительные для русского народа <...> Шлецер с упоением воспевал историческую роль германцев-норманнов» (Клейн 2009: 20); «Неблаговидное дело возведения этого тезиса (о неспособности славян к самостоятельному историческому развитию – М.Ж.) в абсолют, развития его в общую идею о природном превосходстве германцев над славянами норманисты-ученые, вне зависимости от того, придерживались они сами этой идеи или нет, обычно предоставляли политикам и журналистам. Впрочем, иной раз она проскальзывала и в ученых трудах профессоров – например, в уже приводившихся высказываниях Шлецера» (Клейн 2009: 42). Н.М. Рогожин констатирует, что «Шлецер недооценивал глубину и творческие возможности русской культуры. Он подчеркивал превосходство иностранцев и особенно немцев, которые, по его мнению, облагородили Россию и распространили в ней просвещение» (Рогожин 2003: 128).

М.А. Несин и Л.Н. Аряев демонстрируют здесь отсутствие понимания историзма. Они считают, что если я, вслед за многими другими историками, констатирую факт высокомерного шовинистического отношения А.Л. Шлецера к славянам, то непременно должен его «ненавидеть». Нет, ничуть. Мир не черно-белый и задача историка не в том, чтобы кого-то «любить» или «ненавидеть». Задача историка в том, чтобы учиться понимать своих героев в контексте их эпохи и свойственных ей взглядов и системы ценностей. В конце XVIII – начале XIX в. в немецкой историософии (И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель и т.д.) получает распространение теория об «историче-

ских» (то есть способных к самостоятельному историческому творчеству) и «неисторических» (то есть не способных к самостоятельному историческому творчеству) народов. Германцев, естественно, отнесли к первой категории, а славян – ко второй. А.Л. Шлецер не мог не испытать влияния соответствующих взглядов и его отношение к славянам не могло быть принципиально иным, чем в немецкой общественной мысли его времени. Но это совершенно не является основанием его «ненавидеть». Такой была эпоха, в которую жил А.Л. Шлецер, таким было его мирозерцание; в соответствии с ними развивались его взгляды. Мы считаем абсурдным «судить» людей прошлого с точки зрения мировоззрения современности, как это предлагают сторонники «новой этики» и «культуры отмены».

В.А. Мошин так писал об этом: «Воспитанный в Геттингене, где в то время существовала научная школа, предшественница историко-юридической школы, требовавшая полной объективности и строго-критических приемов при исторических исследованиях, Шлецер перенес в Россию методологические требования этого направления и свои научные воззрения образовал под влиянием геттингенской исторической школы. Одним из таких воззрений было представление об особой роли германцев, в частности, норманнов, в развитии правовой и политической культуры в Европе. Представление о такой, особой роли германцев, впервые высказанное Тацитом, противопоставлявшим здоровые и твердые начала германского быта римской испорченности, при посредстве гуманистов перешло в литературу нового века и получило особую популярность в XVIII-м веке <...> Особую популярность приобрело это воззрение с тех пор, как Монтескье провозгласил германское народное вече эпохи Тацита зародышем, из которого развилось сословное представительство. При этом Монтескье особенно восхваляет скандинавов за то, что они своими походами разнесли благодетельные начала демократии вне границ прежней Германии. Они “могут быть поставлены над всеми народами мира... они были источник европейской свободы, то есть почти всей той свободы, которая теперь существует у людей”. Особенно популярным учение Монтескье было в Геттингене, где его и воспринял Шлецер <...> Процесс образования русского государства представляется ему аналогичным тому, который происходил в Западной Европе – как следствие завоевания восточных славян германским племенем. До этого события – до половины IX века – Восточно-Европейская равнина была в культурном отношении “tabula rasa”. В лесах “зверинским образом” жили дикие люди – славяне, финны и литовцы – не имевшие ни развитой религии, ни богослужения, ни правовых установлений, ни гражданского устройства, ни ремесел, ни торговли. Первые начатки цивилизации явились в этой культурной пустыне с норманнами-завоевателями, принесшими из Скандинавии свою веру, мифологию, право, семейные обычаи и т.д. <...> Легенда о призвании варягов – вымысел. В России, как и во всей остальной Европе, произошло завоевание, разделившее население ее на победителей и побежденных. Германцы принесли свой порядок,

феодалное устройство, смесь языка, новое законодательство» (Мошин 1931: 128-130).

Исключительно точно высказался ныне С.В. Томсинский: «Давняя и твердая убежденность немецких ученых в приоритете “сумрачного германского гения” над прочими народами. Обвинять в этом немцев действительно нелепо, ибо и все прочие народы Европы, включая и русских, от них не отставали, подчеркивая свое превосходство над соседями – это проявление основного условия нормального функционирования любой культуры, антитезы “мы-они”. Но называть вещи своими именами все же желательно» (Томсинский 2025: 101).

Поэтому снова вынужден повторить то, что уже писал ранее: «М.А. Несин и Л.Н. Аряев должны либо привести конкретные доказательства моей “ненависти” к А.Л. Шлецеру, либо принести мне публичные извинения за ложь. Впрочем, уверен, что они не сделают ни того, ни другого» (Жих 2024: 159).

Также М.А. Несин и Л.Н. Аряев считают, что между взглядами А.Л. Шлецера (ученый поставил вопрос, что за военной акцией 860 г. стояла какая-то «другая» Русь, не имевшая отношения к варягам) и моими на поход 860 г. будто бы чисто внешнее случайное совпадение (Несин, Аряев 2025: 12-13). Мои глубокоуважаемые оппоненты совершенно здесь не правы и либо невнимательно читали, либо не поняли мои работы: логика моих рассуждений, согласно которым за этим походом стоит «Русь» юго-востока Европы и Причерноморья, а не варяги, ровно та же, которая была у А.Л. Шлецера, только с поправкой на современный материал.

А.Л. Шлецер обратил внимание на хронологическую нестыковку: у варягов просто не было времени на то, чтобы закрепиться на юге и совершить этот поход, поэтому, согласно выводу историка, его совершил какой-то другой народ, живший на юге Восточной Европы. Но ровно о том же, с поправкой на современные данные, пишу и я: по современным данным по состоянию на 860 г. признаки проживания варягов надежно зафиксированы только в Ладоге (при этом в контексте данного вопроса не имеет значения датировка их появления там), они отсутствуют на юге Восточной Европы. Вероятность того, что поход был совершен в темпе марша из Ладоги без баз на юге Восточной Европы выглядит крайне низкой. Следовательно, согласно моему выводу, за походом стояли не варяги, а русы, жившие на юге Восточной Европы. Как видим, ход моих рассуждений повторяет ход рассуждений А.Л. Шлецера, а совпадение наших выводов – отнюдь не случайность, а результат того, что мы задались одним и тем же кругом вопросов, которые не хотят замечать М.А. Несин и Л.Н. Аряев, по-

скольку они ломают стройную гипотезу скандинавского происхождения Руси¹⁵.

Можно привести и другой пример отсутствия у М.А. Несина и Л.Н. Аряева чувства историзма. Недавно я опубликовал статью в защиту Б.А. Рыбакова от бездоказательных и часто весьма грубых нападок Л.С. Клейна (Жих 2024а: 59-81). Вот как о ней высказались М.А. Несин и Л.Н. Аряев: «Жих нападает на Л.С. Клейна, находя у него какие-то мифические “обиды” на академика Б.А. Рыбакова – мол, поскольку некоторые историки ХХI в. не поддержали выводы Клейна, то, дескать, и в минувшем столетии уже все должно было быть ясно и Л.С. Клейн мог писать исключительно назло» (Несин, Аряев 2025: 20).

Дело само по себе не в том, кого поддерживают «некоторые историки ХХI в.», это просто показатель того, что вопросы являются дискуссионными. Проблема в том, что Л.С. Клейн отрицал их дискуссионность. Если бы он осторожно писал, что возможна такая интерпретация, а возможна другая, вопросов бы не было. Но он писал совершенно не так. Вся его полемика с Б.А. Рыбаковым строилась по принципу: «Есть две точки зрения: одна моя, а другая – неправильная»; ее лейтмотивом было высокомерие: во всех спорных вопросах Л.С. Клейн а priori считал себя правым, а Б.А. Рыбакова не правым. Именно эта специфика полемических методов Л.С. Клейна и стала предметом моего анализа, показавшего, что во многих вопросах именно Б.А. Рыбаков был ближе к современным выводам науки, чем Л.С. Клейн, следовательно разоблачительный пафос Л.С. Клейна, которым тот зачастую подменял научную дискуссию, был неуместен.

Относительно возможного заключения соглашения между русами и византийцами я привел аргументацию А.Н. Сахарова, состоящую из двух пунктов: 1) Источники отмечают обогащение русов в результате похода; 2) После похода в Константинополь прибыло посольство русов с просьбой крестить их и организовать у них церковную епархию, что предполагает наличие неких предшествующих договоренностей (в отсутствие которых едва ли возможно отправление посольства) (Сахаров 1980: 57-58; Жих 2024: 161). В ответ М.А. Несин и Л.Н. Аряев начали ерничать относительно первого аргумента (Несин, Аряев 2025: 8-9), но совершенно ничего не ответили по поводу второго (и ключевого!) аргумента, так, словно его нет.

М.А. Несин и Л.Н. Аряев считают, что я недобросовестно сослался на выводы А.А. Тортики о военном потенциале салтово-маяцкой культуры, поскольку А.А.

15 Чтобы выйти из затруднения, М.А. Несин готов допустить, что в 860 г. на Константинополь напали норманны со стороны Средиземного моря (https://vk.com/wall302885_7696?ysclid=ml59g838ix478746249). Однако, если бы это было так, с чего бы нападавших называли «русами»? Согласно разделяемой М.А. Несиным скандинавской гипотезе происхождения данного этнонима, он связан с передвижением на гребных судах по рекам Восточной Европы (и этим объясняется полное отсутствие примеров, когда бы в Европе скандинавов именовали «русами», поскольку там они двигались не на гребных, а на парусных судах), но если бы к Константинополю приплыли скандинавы в обход Европы, то они явно двигались бы на парусных судах, соответственно, никакими «русами» («гребцами») их никто бы не называл.

Славянский перевод Продолжателя Георгия Амартола	Новгородская первая летопись (первая цитата из описания похода Игоря в статье 6428 г.; вторая – из описания похода Олега в статье 6430 г.)	Повесть временных лет (цитата из описания похода Олега в статье 6415 г.)
<u>Много же и велие зло створиша русь, преже даже греческимъ воемъ не пришедшимъ. Тогда бо Суд весь пожгоша, а их же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, и ины же къ земли прѣсѣкаху, другыя же яко стража поставляюща, стрѣлами растрѣлаху, елико же ратичьскому чину, заламляху опаки руцѣ связавше, гвозди желѣзны посредѣ главы вбиваху имъ. Многы же святыхъ церкви огневи предаша</u>	<u>Многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще, стрѣлами стрѣлаху; елико же ратнии творят, изьломающе опаки руцѣ и связавше, гвозды желѣзны посрѣде главъ вбивающе; и многы церкви огневи предаша</u> <u>Повоева около града, и много убийство створиша Грекомъ, и разбиша многы полаты и церкви</u>	<u>Много убийство створи грѣком, и полаты многы разбиша, а церкви пожгоша. А ихъже имяху полоняники, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣлаху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху русъ грѣком, елико же ратнии творять</u>

Таблица 1. Эволюция рассказа о жестокостях русов в походе на Константинополь. Совпадающие части рассказов Хроники Продолжателя Амартола и Новгородской первой летописи младшего извода (Начального свода) подчеркнуты. Совпадающие части рассказов Новгородской первой летописи младшего извода (Начального свода) и Повести временных лет выделены жирным шрифтом

Тортика считает, что эта культура принадлежала Хазарскому каганату, а я считаю, что она принадлежала Русскому каганату (Тортика 2007: 267-273; Несин, Арчев 2025: 10). Это какая-то путаница теплого с мягким. Вопрос о военном потенциале салтово-маяцкой культуры и вопрос о том, с какой политией она связана – совершенно разные. Принимая выводы А.А. Тортики по первому вопросу, я совершенно не обязан принимать его выводы по второму вопросу, поскольку не вижу никаких доказательств связи салтово-маяцкой культуры с Хазарией. А.А. Тортика его голословно постулировал. М.А. Несин и Л.Н. Арчев также не привели в его пользу никаких аргументов, а мою просьбу сделать это, проигнорировали.

Свое откровенно плохое знание историографии, нежелание и неумение всерьез с ней работать, М.А. Несин и Л.Н. Арчев прикрывают нападками, выдавая нужду за добродетель. По их мнению, в моем «образовании явно виден перекося в сторону историографии» (Несин, Арчев 2025: 14). Да, я привык тщательно прорабатывать историографию любого интересующего меня вопроса, поскольку это одна из основ нормальной научной работы. Сожалею, что М.А. Несин и Л.Н. Арчев этого не понимают. Но столь же тщательно я анализирую источники. Одно дополняет другое. А как обстоит дело с образованием М.А. Несина и Л.Н. Арчева? Историографию они не знают и знать не хотят, с источниками работают поверхностно. Приведем два конкретных и очень показательных примера последнего.

1) Рассказ о жестокостях русов в походе Олега

По мнению М.А. Несина, описание действий русов в «Житии Игнатия» «напоминает летописный поход Олега на Константинополь, тоже состоявшийся по ПВЛ в начале X в.: тогда греки “замкоша Суд”, в результате чего Олег не смог подойти к городу, разорял округу и “пожгоша церкви» (Несин 2024: 52). В своем предыдущем ответе я отметил, что мимо М.А. Несина прошел давно известный в историографии факт: слова ПВЛ, согласно которым воины Олега «много убийство створи грѣком, и полаты многы разбиша, а церкви пожгоша. А ихъже имяху полоняники, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣлаху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху русъ грѣком, елико же ратнии творять» (ПСРЛ. I: 30; ПСРЛ. II: 21) являются заимствованием из греческого источника – Хроники Симеона Логофета, «точнее, одной из ее многочисленных редакций, дополнявшей окончившуюся на середине IX в. хронику Георгия Монаха (Амартола)» (Кузенков 2011: 29). В самой же Хронике Симеона Логофета это красочное описание относится к походу русов в 941 г. Автор ПВЛ перенес его на поход Олега 907 г. Таким образом, вопреки М.А. Несину, нет никаких оснований соотносить описание похода Олега в ПВЛ и описание похода русов в Житии Игнатия.

М.А. Несин и Л.Н. Арчев возразили на это: «Прежде чем утверждать, что весь летописный рассказ о жестокостях воинов Олега воспроизводит описание СЛ похода Игоря, Жиху следовало бы сравнить тексты рассказов <...> Поэтому утверждать, что весь летописный

рассказ ПВЛ о злодеяниях воинов Олега полностью заимствован из описания СЛ похода Игоря по меньшей мере преждевременно. Так что сделанное М.А. Несиним сопоставление некоторых деталей описанного в ЖИ начала X в. набега русов и летописного похода Олега начала того же столетия пока что остается в силе» (Несин, Аряев 2025: 10).

Если М.А. Несин и Л.Н. Аряев не могут самостоятельно выполнить простейшее текстологическое сопоставление¹⁶, поможем им в этом (Таблица 1).

Из сопоставления в таблице видим следующее. Рассказ Начального свода (Новгородской первой летописи младшего извода) о зверствах воинов Игоря в походе на Византию заимствован из переводного византийского хронографа (мы привели цитату из Продолжателя Амартола, очевидно, аналогичный текст читался и в Хронографе по великому изложению, которым пользовался автор Начального свода). В Повести временных лет соответствующий рассказ (с сокращением и некоторыми изменениями, тем не менее, не мешающими распознать его источник-основу) перенесен на поход Олега и дополнен фразой, которая в Начальном своде изначально относилась к походу Олега.

2) Титул правителя русов в Бертинских анналах

Знаменитый рассказ франкских Бертинских анналов IX в. о посольстве русов, представляющий собой первое бесспорное упоминание Руси в источниках, сообщает о правителе русов: *quos rex illorum chakanus vocabulo* – «их король называется хакан». Большинство исследователей интерпретирует слово *chakanus* как передачу титула «каган» (что порождает множество загадок и разнообразных интерпретаций, в рассмотрение которых мы сейчас не вдаемся), но некоторые авторы полагают, что здесь перед нами передача скандинавского имени *Гакон/Хакон (Hákon)*, отрицая связь известия Бертинских анналов с комплексом известий о титуловании правителя русов «каганом» (Карамзин 1989: 57-58; Garipzanov 2006: 7-11).

Именно последнюю точку зрения поднимают на счет М.А. Несин и Л.Н. Аряев, поскольку «в западноевропейских источниках титул кагана всегда передавался через “g” и никогда через “k”; странно было бы, если Пруденций Труасский проигнорировал эту традицию <...> Итак, вопрос об имени предводителя народа рос 839 г. можно и нужно решать отдельно от вопроса о “русских каганах” более позднего времени. Вопрос этот, в первую очередь, филологический. И пока что на филологические аргументы И. Гарипзанова никто не ответил по существу. А значит, имя первого известного правителя Руси может быть не Рюрик, а Хакон» (Несин, Аряев 2025: 12).

Эти рассуждения являются следствием недостаточной источниковедческой грамотности и языковой подготовки М.А. Несина и Л.Н. Аряева. Форма *chakanus*

¹⁶ Что удивительно, учитывая, что они строят из себя больших знатоков источниковедения и исторической методологии и пеняют мне, что я де «не понимаю важности этих дисциплин» (Несин, Аряев 2025: 14). Мои оппоненты не правы: я высказался вовсе не против «этих дисциплин», а против связанных с ними бездоказательных манипуляций в текстах М.А. Несина и Л.Н. Аряева. На деле же М.А. Несин и Л.Н. Аряев не способны провести простейшее сопоставление трех коротких текстов.

в Бертинских анналах калькировала византийское *χαγάνος*, которое, очевидно, читалось в византийских сопроводительных документах (точно также как в форме *Rhos* было калькировано византийское *Ῥῶς*). Передача греческой буквы *γ* через латинскую *c* не является проблемой: греческая *γ* могла передаваться в латинском языке как через *g*, так и через *c*. Примеры передачи *γ* через *c*: *amurca*, *ae f* (осадок) из греческого *ἡ ἀμόρρη*; *conger*, *gri m* (угорь) из греческого *ὁ γόγγρος*. В греческих рукописях Феофана Исповедника встречается имя *Zilyβiv* (варианты: *Zilyδην*, *Zilyβis*, *Zilyβης* и др.), в переводе Анастасия Библиотекаря (870-е гг.) оно передано в форме *Zelicben* (пример хронологически близкий к известию Бертинских анналов). Соответственно, греческое *χαγάνος* могло передаваться в латинских текстах как в форме *chaganus* (как в письме Людовика II императору Василию Македонянину), так и в форме *chakanus* (как в Бертинских анналах).

Второй аргумент в пользу гипотезы об имени, согласен которому использование в одной фразе слов *rex* (король) и *chakanus* не логично если перед нами титул + титул, но логично если перед нами титул + имя (Губарев 2020: 19), просто неверен. Пояснение непонятного иностранного титула через привычный собственный – норма для средневековых источников, в том числе и конкретно для франкских по титулу каган. В Хронике Фредегара о правителе аваров говорится ровно тоже самое, что в Бертинских анналах о правителе русов: *regem eorum gagano* – «король их (называющийся) хаган» (Fred. IV. 48). В Повести временных лет в рассказе о походе Святослава против хазар говорится, что хазары вышли против него на битву во главе «съ княземъ своим каганомъ» (ПСРЛ. I: 65; ПСРЛ. II: 53).

На этом я хочу закончить и воздержаться от дальнейшей полемики, ибо дискутировать с недобросовестными авторами, цель которых – дискредитация оппонента любой ценой, не имеем никакого смысла, что я и хотел объяснить читателям. По существу все было мной сказано в рецензии на статью М.А. Несина.

Хочу подчеркнуть один момент: если М.А. Несин и Л.Н. Аряев регулярно пытаются «повесить» на меня ответственность за слова или действия других людей и максимально утопить нашу дискуссию в рассуждениях о каких-то «-измах», то я, напротив, считаю, что выбранный ими полемический стиль навешивания ярлыков, намеренных оскорблений оппонента, политиканства и постановки «клейм» – это их сугубо личный выбор и ни «норманизм» как научное направление, ни А.Л. Шлецер, ни Л.С. Клейн, ни кто бы то ни было еще не несут за это ответственности. Свой выбор каждый делает сам.

В завершение хочу поднять вопрос общего состояния дискуссий вокруг темы начала Руси. Усилиями авторов, склонных к погромным методам ведения полемики и политиканству, у него сложилась не очень хорошая репутация, как чего-то окутанного флером хамства, политиканства, некорректных выпадов и тому подобных

вещей. Это очень грустно, но так было не всегда. Во времена С.А. Гедеонова, М.П. Погодина, А.А. Куника, М.А. Максимовича и т.д. дискуссии по вопросам происхождения Руси велись в спокойной форме и взаимоуважительной атмосфере. Именно на этот пример я и призываю равняться всех авторов, пишущих на данную тему, независимо от того, какая позиция им близка. Призываю всех придерживаться следующих ориентировочных правил:

- 1) Исключить любые апелляции к факторам современной политики и политиканские подковы оппонентов;
- 2) Отказаться от того, чтобы видеть в оппонентах врагов, спокойно относиться к наличию разных гипотез;
- 3) Не пытаться выставлять оппонентов ничего не понимающими дураками, маргиналами, врагами народа и т.д.;

4) Не пытаться искусственно исказить историографию, чтобы выставить свою позицию более презентабельной, а позицию оппонента маргинальной. Воспринимать историографический процесс во всей его реальной сложности и глубине;

5) Не пытаться искусственно путем манипуляций с историографией выдавать дискуссионные вопросы за решенные.

Не знаю, буду ли я услышан коллегами, но сам я стараюсь придерживаться данных правил и уверен, что если бы их придерживались все, дискуссия о начале Руси вернулась бы к нормальному конструктивному состоянию.

* Внесён в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации

ЛИТЕРАТУРА

- Акентьев 2010 - Акентьев К.К. Древнейшие свидетельства появления Русь на византийской исторической сцене // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2010. Вып. II. С. 121-191.
- Артамонов 1962 - Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Артамонов 1990 - Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // *Советская археология*. 1990. № 3. С. 271-290.
- Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // *Исторический формат*. 2021. № 4. С. 78-124.
- Березовец 1970 - Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // *Археологія*. Т. XXIV. Київ, 1970. С. 59-74.
- Березовец 1972 - Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури (Хто такі «руси» східних авторів) // *Матеріали XIII конференції інституту археології АН УРСР, присвяченої 50-річчю Академії наук Української РСР* (Київ, 1968 р.). Київ, 1972. С. 288-292.
- Березовец 1999 - Березовец Д.Т. Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции Института археологии АН УССР) // *Полтавський археологічний збірник*. 1999. Полтава, 1999. С. 320-350.
- Бестужев-Рюмин 1882 - Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг). СПб., 1882. 376 с.
- Бестужев-Рюмин 1885 - Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям М.О. Кояловича // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 237. СПб., 1885. С. 95-139.
- Бибиков 2004 - Бибиков М.В. *BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси*. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. 736 с.
- Брим 1923 - Брим В.А. Происхождение термина «Русь» // *Россия и Запад*. Т. 1. Петроград, 1923.
- Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.
- Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.
- Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
- Губарев 2020 - Губарев О.Л. Каган без каганата (как родился очередной исторический фантом) // *Novogardia*. 2020. № 3. С. 17-38.
- Жих 2023 - Жих М.И. О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь в 860 г. // *Исторический формат*. 2023. № 3-4. С. 104-113.
- Жих 2024 - Жих М.И. О критике, критиканстве и политиканстве. О методах полемики М.А. Несина и Л.Н. Аряева и политической цензуре в журнале «Историческая экспертиза» // *Исторический формат*. 2024. № 3-4. С. 157-180.
- Жих 2024a - Жих М.И. Б.А. Рыбаков в работах Л.С. Клейна: история одной ненависти // *Исторический формат*. 2024. № 2. С. 59-81.
- Журавель 2019 - Журавель А.В. Как пишутся антирецензии, Или «Здравствуй, племя младое, незнакомое...». 2019 / Электронный ресурс: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/11206> (Дата обращения - 20.20.2024).
- Иловайский 2015 - Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Академический проект, 2015. 522 с.
- Карамзин 1989 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Клейн 2009 - Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

- Кузенков 2003 - Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3-172.
- Кузенков 2011 - Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века. 2011. Вып. 8. С. 7-35.
- Кузенков 2012 - Кузенков П.В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. 2012. Т. 1 (148). С. 52-97.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
- Литаврин 2000 - Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.
- Милюков 1898 - Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. М., 1898.
- Мошин 1931 - Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Slavia. R. X. V. Praise, 1931. С. 109-136, 343-379, 501-537.
- Несин 2024 - Несин М.А. Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов) // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 1 (7). С. 45-55.
- Несин, Аряев 2024 - Несин М.А., Аряев Л.Н. О сомнительных методах работы с источниками и литературой ради иллюстрации удобной концепции (размышления по поводу работы М. И. Жиха «О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь 860 г»). // Историческая экспертиза. 2024. № 4. С. 227-252.
- Несин, Аряев 2025 - Несин М.А., Аряев Л.Н. Еще раз о масштабах набега русов на Константинополь 860 г. // Наука и образование сегодня. 2025. № 3. С. 16-46.
- Николаенко 1991 - Николаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991. 132 с.
- Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
- Новосельцев 1985 - Новосельцев А.П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. 1985. № 6. С. 85-103.
- Новосельцев 1990 - Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: АСТ, 2000. С. 39-85.
- Падалка 1914 - Падалка Л.В. Происхождение и значение имени «Русь» // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. Т. I. М., 1914. С. 357-382.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- Рогожин 2003 - Рогожин Н.М. Историография второй четверти и середины XVIII в. Деятельность Академии наук. Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, М.В. Ломоносов // Историография истории России до 1917 г. в двух томах. Т. I / под редакцией М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. С. 117-142.
- Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.
- Сахаров 2011 - Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 7-17.
- Сахаров 2019 - Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Исторический формат. 2019. № 1. С. 13-19.
- Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
- Свердлов 2011 - Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.
- Стрижак 1991 - Стрижак О.С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії у пошуках Русі. Київ: Наукова думка, 1991. 224 с.
- Стрижак 1992 - Стрижак О.С. Роксолани і Русь // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. Київ: Наукова думка, 1992. С. 27-34.
- Стрижак 1998 - Стрижак О.С. Із Птолемеєвого етнопонімікону Східної Європи (resp. Славії) // Ономастика України та етногенез східних слов'ян. Київ: Наукова думка, 1998. С. 18-56.
- Сырцова 2013 - Сырцова Е.Н. Текстология древнейших свидетельств о росах: Фотий и οἱ Ροῦν Константинопольского Типикона IX века // Byzantinoslavica: Revue internationale des Etudes Byzantines. 2013. Vol. LXXI. Issue 1-2. S. 59-90.
- Талис 1973 - Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос» // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229-234.
- Талис 1974 - Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 87-99.
- Толстов 1947 - Толстов С.П. Из предистории Руси (Палеоэтнографические этюды) // Советская этнография. Т. VI-VII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 39-59.
- Томсинский 2025 - Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм. Часть первая. Паруса поставлены // Исторический формат. 2025. № 2. С. 78-113.
- Тортика 2007 - Тортика А.А. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья-Придонецья в Хазарское время (конец VIII – начало X вв.) // Восточная Европа в древности

и средневековье. Политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 267-273.

Третьяков 1968 - Третьяков П.Н. О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 179-187.

Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / Материалы и исследования по археологии СССР. № 179. Л.: Наука, 1970. 156 с.

Трубачев 1977 - Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13-29.

Трубачев 1999 - Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фомин 2015 - Фомин В.В. Варяги и Русь // Варяги и Русь. Сборник статей и монографий / Составитель и редактор В.В. Фомин. М.: Русская панорама, 2015. С. 7-112.

Фомин 2025 - Фомин В.В. Антиномизм: Наука против лжи. Т. 1-2. М.: Концептуал, 2025.

Франклин, Шепард 2009 - Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200 / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланин, Н.Л. Лужецкая. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.

Цветков 2010 - Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб.: БЛИЦ, 2010. 248 с.

Garipzanov 2006 - Garipzanov I. The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. 2006. № 5. S. 7-11.

REFERENCES

Akent'ev 2010 - Akent'ev K.K. Drevnejšie svidetel'stva pojavleniya Pouç na vizantijskoj istoricheskoj scene [The oldest evidence of the appearance of pouç on the Byzantine historical scene], in: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea]. 2010. Vyp. II. pp. 121-191 [in Russian].

Artamonov 1962 - Artamonov M.I. Istorija hazar [The history of the Khazars], Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962, 524 p. [in Russian].

Artamonov 1990 - Artamonov M.I. Pervye stranicy russkoj istorii v arheologičeskom osveshčenii [The first pages of Russian history in archaeological coverage], in: Sovetskaya arheologija [Soviet Archeology], 1990, № 3, pp. 271-290 [in Russian].

Berezovec 1970 - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiiv saltivs'koï kul'turi [About the name of the Saltovo culture bearers], in: Arheologija [Archaeology], Vol. XXIV, Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].

Berezovec 1972 - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiiv saltivs'koï kul'turi (Hto taki «rusi» skhidnih avtoriv) [About the name of the Saltovo culture bearers (who are the "Russ" of the Eastern authors)], in: Materiali XIII konferencii institutu arheologii AN URSR, prisvyachenoï 50-richčyju Akademii nauk Ukraïns'koï SSR (Kiev, 1968 r.) [Proceedings of the XIII Conference of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, dedicated to the 50th anniversary of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (Kiev, 1968)], Kiev, 1972, pp. 288-292 [in Ukrainian].

Berezovec 1999 - Berezovec D.T. Rusy v Podneprov'e (doklad na XIV konferencii Institutu arheologii AN USSR) [Russ in the Dnieper region (report at the XIV Conference of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)], in: Poltavs'kij arheologičnij zbirnik [Poltava Archaeological Collection], 1999, Poltava, 1999, pp. 320-350 [in Ukrainian].

Bestuzhev-Ryumin 1882 - Bestuzhev-Ryumin K.N. Biografii i harakteristiki (Tatishchev, SHlecer, Karamzin, Pogodin, Solov'ev, Eshevskij, Gil'ferding) [Biographies and characteristics (Tatishchev, Shletzer, Karamzin, Pogodin, Solovyov, Yeshevsky, Hilferding)]. Saint-Petersburg, 1882. 376 p. [in Russian].

Bestuzhev-Ryumin 1885 - Bestuzhev-Ryumin K.N. Istorija russkogo samosoznaniya po istoričeskim pamyatnikam i nauchnym sočineniyam M.O. Koyalovicha [The history of Russian identity based on historical monuments and scientific works by M.O. Koyalovich], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshčeniya [Journal of the Ministry of Public Education]. CH. 237. Saint-Petersburg, 1885. pp. 95-139 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 g.: problemy istoricheskoj geografii i logistiki [Military expedition of the Rus' to Constantinople in 860: problems of historical geography and logistics], in: Istoričeskij format [Historical format], 2021, № 4, pp. 78-124 [in Russian].

Bibikov 2004 - Bibikov M.V. BYZANTINOROSSICA: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi [BYZANTINOROSSICA: A set of Byzantine testimonies about Russia], Vol. I, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 736 p. [in Russian].

Brim 1923 - Brim V.A. Proiskhozhdenie termina «Rus'» [The origin of the term "Rus"], in: Rossiya i Zapad [Russia and the West], Vol. 1, Petrograd, 1923 [in Russian].

Cvetkov 2010 - Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 godu i nachalo Rusi [The Rus campaign against Constantinople in 860 and the beginning of Russia], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2010, 248 p. [in Russian].

Fomin 2015 - Fomin V.V. Varyagi i Rus' [Varangians and Russia], in: Varyagi i Rus'. Sbornik statej i monografij / Sostavitel' i redaktor V.V. Fomin [The Varangians and Russia. Collection of articles and monographs / Compiled and edited by V.V. Fomin], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2015, pp. 7-112 [in Russian].

Fomin 2025 - Fomin V.V. Antinormanizm: Nauka protiv lzhi. [Anti-Normalism: Science against lies], Vol. 1-2, Moscow: Konceptual Publ., 2025 [in Russian].

Franklin, SHepard 2009 - Franklin S., SHepard D. Nachalo Rusi. 750-1200 / Avtorizovannyj perevod s anglijskogo D.M. Bulanin, N.L. Luzheckaya [The beginning of Russia. 750-1200 / Authorized translation from English by D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2009, 672 p. [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

- Galkina 2012 - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [The Russian Kaganate. Without the Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].
- Garipzanov 2006 - Garipzanov I. The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos, in: Ruthenica, 2006, № 5, pp. 7-11 [in English].
- Gorskij 2004 - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus: From the Slavic settlement to the Muscovite Kingdom], Moscow, YAzyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].
- Gubarev 2020 - Gubarev O.L. Kagan bez kaganata (kak rodilsya ocherednoj istoricheskij fantom) [Kagan without Kaganate (how another historical phantom was born)], in: Novogardia, 2020, № 3, pp. 17-38 [in Russian].
- Karamzin 1989 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian State]. T. I. Moscow: Nauka Publ., 1989. 640 p. [in Russian].
- Klejn 2009 - Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties]. Saint-Petersburg: Evraziya Publ., 2009. 400 p. [in Russian].
- Kuzenkov 2003 - Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [The 860 campaign against Constantinople and the first Baptism of Russia in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The oldest states of Eastern Europe. 2000. Problems of source studies], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 3-172 [in Russian].
- Kuzenkov 2011 - Kuzenkov P.V. Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. [Oleg's Rus at Constantinople in 904], in: Prichernomor'e v srednie veka [The Black Sea Region in the Middle Ages], 2011, Vol. 8, pp. 7-35 [in Russian].
- Kuzenkov 2012 - Kuzenkov P.V. Iz istorii nachal'nogo etapa vizantijsko-russkikh otnoshenij [From the history of the initial stage of Byzantine-Russian relations], in: Istoriicheskij vestnik [Historical bulletin], 2012, Vol. 1 (148), pp. 52-97 [in Russian].
- Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].
- Litavrin 2000 - Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – early XII century)], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 398 p. [in Russian].
- Milyukov 1898 - Milyukov P.N. Glavnye techeniya russkoj istoricheskoy mysli [The main trends of Russian historical thought]. T. I. Moscow, 1898 [in Russian].
- Moshin 1931 - Moshin V.A. Varyago-russkij vopros [Varyago-Russian question], in: Slavia, Vol. X, Praxe, 1931, pp. 109-136, 343-379, 501-537 [in Russian].
- Nesin 2024 - Nesin M.A. Nabeg rusov na Konstantinopol' letom 860 goda (hod sobytij, prodolzhitel'nost', komandovanie, chislennost' sudov) [The Rus raid on Constantinople in the summer of 860 (course of events, duration, command, number of ships)], in: Sociogumanitarnye kommunikacii [Socio-humanitarian communications], 2024, № 1 (7), pp. 45-55 [in Russian].
- Nesin, Aryaev 2024 - Nesin M.A., Aryaev L.N. O somnitel'nyh metodah raboty s istochnikami i literaturaj radi illyustracii ugodnoj koncepcii (razmysleniya po povodu raboty M. I. Zhiha «O nekotoryh diskussionnyh voprosah pohoda rusov na Konstantinopol' 860 g.») [On questionable methods of working with sources and literature in order to illustrate a pleasing concept (Reflections on the recent work of M.I. Zhikh "On some controversial issues of the Rus campaign against Constantinople in 860")], in: Istoriicheskaya ekspertiza [Historical expertise]. 2024. № 4. pp. 227-252 [in Russian].
- Nesin, Aryaev 2025 - Nesin M.A., Aryaev L.N. Eshche raz o masshtabah nabega rusov na Konstantinopol' 860 g. [Once again, about the scale of the Rus raid on Constantinople in 860], in: Nauka i obrazovanie segodnya [Science and education today]. 2025. № 3. pp. 16-46 [in Russian].
- Nikolaenko 1991 - Nikolaenko A.G. Severo-Zapadnaya Hazariya ili Donskaya Rus'? Drevnosti Prioskol'skoj lesostepi v zametkah kraevedy [Northwestern Khazaria or Don Rus? Antiquities of the Prioskolskaya forest-steppe in the notes of a local historian], Volokonovka, 1991, 132 p. [in Russian].
- Novosel'cev 1965 - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Ancient Russian State and its international significance], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].
- Novosel'cev 1985 - Novosel'cev A.P. Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Nekotorye itogi i zadachi izucheniya [The oldest states on the territory of the USSR. Some results and objectives of the study], in: Istoriya SSSR [History of the USSR], 1985, № 6, pp. 85-103 [in Russian].
- Novosel'cev 1990 - Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [The Khazar State and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].
- Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P. Vostochnye slavyane i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [The Eastern Slavs and the formation of the Ancient Russian State], in: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII v. [The history of Russia from ancient times to the end of the 17th century], Moscow, AST Publ., 2000, pp. 39-85 [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoy kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume II. Hypatian Chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoy kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- Saharov 1980 - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [The Diplomacy of Ancient Russia. IX – the first half of the tenth century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].
- Saharov 2011 - Saharov A.N. 860 god: nachalo Rusi [860: the beginning of Russia], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "The Beginnings of the Russian World"]. Saint-Petersburg: BLIC Publ., 2011. pp. 7-17 [in Russian].
- Saharov 2019 - Saharov A.N. 860 god: nachalo Rusi [860 year: the start-date of Russia], in: Istoriicheskij format [Historical format], 2019, № 1, pp. 13-19 [in Russian].
- Sedov 1982 - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [The Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].
- Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriiko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 320 p. [in Russian].

- Sedov 2002** - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [The Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Strizhak 1991** - Strizhak O.S. Etonimiya Ptolemeevoi Sarmatii u poshukah Rusi [Ethnonymy of Ptolemaic Sarmatia in Search of Russia], Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 224 p. [in Ukrainian].
- Strizhak 1992** - Strizhak O.S. Roksolani i Rus' [Roksolany and Rus], in: Onomastika Ukraïni pershogo tisyacholittya nashoi eri [Onomastics of Ukraine of the first millennium AD], Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, pp. 27-34 [in Ukrainian].
- Strizhak 1998** - Strizhak O.S. Iz Ptolemeevogo etnotoponimikonu Skhidnoi Evropi (resp. Slavii) [From the Ptolemaic Ethnotoponymicon of Eastern Europe (resp. Slavia)], in: Onomastika Ukraïni ta etnogenez skhidnih slov'yan [Onomastics of Ukraine and ethnogenesis of the Eastern Slavs], Kiev, Naukova dumka Publ., 1998, pp. 18-56 [in Ukrainian].
- Sverdlov 2003** - Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia of the VI – first third of the XIII century], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].
- Sverdlov 2011** - Sverdlov M.B. M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii [M.V. Lomonosov and the formation of historical science in Russia], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011, 916 p. [in Russian].
- Syrcova 2013** - Syrcova E.N. Tekstologiya drevnejshih svidel'stv o rosah: Fotij i oi Pouv Konstantinopol'skogo Tipikona IX veka [The Textual History of the Oldest Evidence of Dew: Photius and the ninth-Century Constantinople Typicon], in: Byzantinoslavica: Revue internationale des Etudes Byzantines. 2013. Vol. LXXI. Issue 1-2. pp. 59-90 [in Russian].
- Talis 1973** - Talis D.L. Toponimy Kryma s kornem «ros» [Toponyms of Crimea with the root "ros"], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages], Vol. 10, Sverdlovsk, 1973, pp. 229-234 [in Russian].
- Talis 1974** - Talis D.L. Rosy v Krymu [Rosy in the Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1974, № 3, pp. 87-99 [in Russian].
- Tolstov 1947** - Tolstov S.P. Iz predistorii Rusi (Paleoetnograficheskie etyudy) [From the prehistory of Russia (Paleoethnographic studies)], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1947. T. VI-VII. pp. 39-59 [in Russian].
- Tomsinskij 2025** - Tomsinskij S.V. Leningradskij neonormanizm. CHast' pervaya. Parusa postavleny [Leningrad neo-normanism. Part one. The sails are set], in: Istoricheskij format [Historical format]. 2025. № 2. pp. 78-113 [in Russian].
- Tortika 2007** - Tortika A.A. Voенно-politicheskaya i social'naya struktura alano-bolgarskogo naseleniya lesostepnogo Podon'ya-Pridonech'ya v Hazarskoe vremya (konec VIII – nachalo X vv.) [The military, political and social structure of the Alan-Bulgarian population of the forest-steppe Don region in the Khazar period (late 8th – early 10th centuries)], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskie instituty i verhovnaya vlast': XIX CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Political Institutions and Supreme Power: XIX Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto]. Moscow, 2007. pp. 267-273 [in Russian].
- Tret'yakov 1968** - Tret'yakov P.N. O drevnejshih rusah i ih zemle [About the ancient Rus and their land], in: Slavyane i Rus'. K 60-letiyu B.A. Rybakova [Slavs and Rus. On the 60th anniversary of B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 179-187 [in Russian].
- Tret'yakov 1970** - Tret'yakov P.N. U istokov drevnerusskoj narodnosti [At the origins of the Ancient Russian nationality], Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].
- Trubachev 1977** - Trubachev O.N. Lingvisticheskaya periferiya drevnejshogo slavyanstva. Indoarijcy v Severnom Prichernomor'e [The linguistic periphery of ancient Slavs. Indo-Aryans in the Northern Black Sea Region], in: Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]. 1977. № 6. pp. 13-29 [in Russian].
- Trubachev 1999** - Trubachev O.N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktov yazyka. Etimologicheskij slovar' [Indoarica in the Northern Black Sea region. Reconstruction of language relics. Etymological dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. [in Russian].
- Trubachev 2005** - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a Philologist's view on the problem of the Origins of Russia], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].
- Vernadskij 1996** - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].
- ZHih 2023** - ZHih M.I. O nekotoryh diskussionnyh voprosah pohoda rusov na Konstantinopol' v 860 g. [Some debatable issues of the Rus' campaign to Constantinople in 860], in: Istoricheskij format [Historical format], 2023, № 3-4, pp. 104-113 [in Russian].
- ZHih 2024** - ZHih M.I. O kritike, kritikanstve i politikanstve. O metodah polemiki M.A. Nesina i L.N. Aryaeva i politicheskoi cenzure v zhurnale «Istoricheskaya ekspertiza» [Critique, nit-picking and politicking. Methods of polemics of M.A. Nesin and L.N. Aryaev and political censorship in the journal «Historical expertise»], in: Istoricheskij format [Historical format]. 2024. № 3-4. pp. 157-180 [in Russian].
- ZHih 2024a** - ZHih M.I. B.A. Rybakov v rabotah L.S. Klejna: istoriya odnoj nenavisti [B.A. Rybakov in the works of L.S. Klein: a story of one hatred], in: Istoricheskij format [Historical format]. 2024. № 2. pp. 59-81 [in Russian].
- ZHuravel' 2019** - ZHuravel' A.V. Kak pishutsya antirecenzii, ili «Zdravstvuj, plemya mladoe, neznakomoe...» [How to spell anti-censorship, Or "Hello, young tribe, unfamiliar..."], 2019, Electronic resource: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/11206> (Date of access - 20.20.2024) [in Russian].

Жих Максим Иванович

– Международный научный журнал «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc, .docx, .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслите-

рирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

6. При упоминании в тексте физических лиц и организаций автор статьи обязан соблюдать требования Минюста России и Росфинмониторинга и самостоятельно проверять соответствие текста этим требованиям.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2025, № 3

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 20.02.2026

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

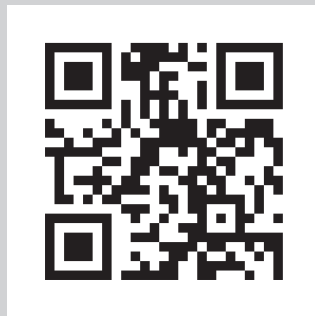
* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2025-2026
ISSN 2411-9415

[вернуться к оглавлению](#) ▲

<http://histformat.com/>